

С.Ш. ГАДЖИЕВА

КУТЪКИ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ПРОШЛОЕ
КУЛЬТУРА
БЫТ

*Памяти моего многострадального отца,
узника Соловецкого концлагеря
Шихахмада-хаджи Михрабовича Мирзабекова
п о с в я щ а ю*

Автор

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

С.Ш. ГАДЖИЕВА

КУШЫКЪ

**ИСТОРИЧЕСКОЕ ПРОШЛОЕ
КУЛЬТУРА
БЫТ**

Книга первая

ГУП
"Дагестанское
книжное издательство"
Махачкала 2000

ББК 63.5 (2-Кум.)

ПРЕДИСЛОВИЕ

Более трети века назад увидела свет наша книга «Кумыки. Историко-этнографическое исследование» (М., 1961). За это время историческая наука обогатилась значительным числом новых специальных и обобщающих исследований по материальной и духовной культуре народов Дагестана. В частности, и историография кумыков пополнилась рядом ценных работ, позволяющих по-новому подойти к пониманию отдельных аспектов проблемы. Выявлены новые документальные, литературные данные, собран ранее неизвестный в науке полевой этнографический материал. Значительные успехи отечественной исторической и этнографической науки способствовали теоретическому осмыслению и переоценке многих, казалось бы, незыблемых положений, что позволило в данном случае дать новую, более обоснованную интерпретацию материала. Нельзя не отметить в этой связи и огромную роль, которую сыграла демократизация общественной жизни страны, открывшая широкий доступ к архивным источникам, ранее закрытым для исследователей.

Все это сделало возможным и целесообразным подготовку новой монографии о кумыках, тем более, что прежняя уже давно стала библиографической редкостью.

Предлагаемую монографию «Кумыки: историческое прошлое, культура и быт» можно рассматривать как второе, переработанное и расширенное издание названной выше книги. В то же время, учитывая, что в ней привлечен большой новый архивный, литературный и особенно полевой материал, расширено и пересмотрено теоретическое обоснование ряда ключевых проблем и т. д., не будет преувеличением видеть в ней новое, самостоятельное исследование.

Гаджиева С.Ш.

Г-13 Кумыки: историческое прошлое, культура, быт. Книга первая. – Махачкала: ГУП «Дагестанское книжное издательство», 2000 – 368 с.

Монография, состоящая из двух книг, представляет собой научное исследование по истории и этнографии кумыков.

Работа содержит ценный историко-архивный, литературный, полевой и др. материал, касающийся всех пластов жизни кумыкского народа с древнейших времен.

ББК 63.5 (2-Кум.)

0504000000 - 2
Г ————— 2 – 2000
M123 – 2000

ISBN 5-297-01011-X

© Гаджиева С., 2000

Автор искренне благодарна проф. А.М. Аджиеву, зав. отделом фольклора Института ЯЛИ ДНЦ РАН, Л.Б. Гмыре, старшему научному сотруднику отдела археологии Института ИАЭ ДНЦ РАН, за консультации по отдельным специальным вопросам, затронутым в исследовании, а также проф. А.М. Аджиеву, президенту ассоциации «Возрождение», за добрую поддержку при подготовке книги к изданию.

Особенную признательность автор выражает ответственному редактору книги, зав. отделом востоковедения Института ИАЭ проф. А.Р. Шихсаидову за его большой и сложный труд.

Большую помощь в работе оказали многочисленные информаторы, благодаря которым книга пополнилась ценными сведениями по истории и культуре кумыкского народа.

Настоящая монография была подготовлена автором в Институте истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН.

instituteofhistory.ru

ВВЕДЕНИЕ

Кумыки (самоназвание – къумукълар) – одна из многочисленных и сравнительно крупных коренных народностей Дагестана. По данным статистики 1989 года, общая численность кумыков в бывшем СССР составляла 281933 чел. Из них на территории Дагестана проживало 231805 чел., т.е. большинство кумыкского населения¹. В пределах Республики Дагестан кумыки издавна населяют компактно равнинные и предгорные районы Дагестана – Бабаюртовский, Хасавюртовский, Кизилюртовский, Буйнакский, Кумторкалинский, Карабудахкентский, Каякентский, частично и Кайтагский (с. Янгикент, Туменлер, Маджалис), а также живут в городах – Махачкала, Хасавюрт, Буйнакск, Кизилюрт, Каспийск, Избербаш, Кизляр, Дербент; в поселках – Дагестанские Огни, Мамедкала. Кумыки граничат на севере с русскими, ногайцами, чеченцами; на западе – с аварцами, даргинцами; на юге и юго-востоке – с даргинцами и азербайджанцами.

Небольшая часть кумыков проживает и в других республиках бывшего Союза. Так, по данным того же года, кумыки компактной группой проживают в Северной Осетии – 9478 чел., в основном, в районе Моздока (в с. Кизляр, известном в прошлом как Гучук-юрт, он же Бекиш-юрт, он же Янги-юрт), в Предгорном (ранее называвшемся Бора-сув), а также смешанно с представителями других народностей в Ингушетии (в районе Малгобека), в Чечне (в с. Борагъан-юрт, Баммат-юрт и Борагъан-иссисув) – 9853 чел. Представителей кумыкского народа в настоящее время можно встретить во многих государствах ближнего и дальнего зарубежья (Узбекистане, Казахстане, Киргизстане, Туркменистане, Грузии, Азербайджане, Украине и др.) и в крупных городах России (Москве, Санкт-Петербурге, Ульяновске, Казани и др.).

¹ Сведения взяты в Дагестанском Комитете по статистике в 1991 году.

Со времени 1989 г., естественно, численный состав кумыков изменился в сторону увеличения. Однако мы не располагаем последними данными.

В советское время на этнической карте Дагестана произошли значительные изменения в связи с перемещением части жителей высокогорья на равнинные земли, и прежде всего на территории исконного расселения кумыков: Бабаюртовский, Хасавюртовский, Кизилюртовский, Каякентский районы.

Как отмечают исследователи, только за «период с 1952 по 1970 годы из горных районов в равнинные районы республики переселено 31609 хозяйств с населением 150 тыс. человек»¹. Переселенцы за это время создали на новых местах 62 колхоза и 36 совхозов.

Особенно большое количество горцев было переселено в Кизилюртовский и Хасавюртовский районы, в результате чего за сравнительно небольшой отрезок времени эти районы в этническом отношении превратились в «многонациональные». Р.А. Алимханов в 1963 г., указывая на этническую пестроту Хасавюртовского района первого этапа переселения части горцев на равнину, пишет следующее: «Население района – 63232 чел. Это представители 20 различных национальностей ... нашей республики и страны: кумыки (22290), аварцы (16621), чеченцы (12101), лезгины (5520), даргинцы (2551), русские и украинцы (2432), а также азербайджанцы, армяне, осетины, балкарцы, евреи, лакцы, татары, ногайцы и др.

Большинство – исконные жители этих мест, но много здесь и переселенцев, недавно переселившихся из бедных земель горных районов»². За эти первые 5 лет в Хасавюртовском районе переселенцы создали 21 населенный пункт, организовали 12 новых колхозов и 5 совхозов³. Одним из крупных населенных пунктов в Хасавюртовском районе стал Куруш, созданный переселенцами из Докузпаринского района.

Однако сейчас уже очевидна ошибочность такой широкомащтабной переселенческой политики, которая не оправдала себя ни в каком отношении. Эта политика создала новые трудности, новые проблемы, негативно отразившиеся на многих сторонах жизни как местного населения, так и переселенцев.

¹ Баглиев З.Д. Руководство партийной организации Дагестана переселением горцев на равнину. Махачкала, 1975. С. 97.

² Алимханов Р. Район 20 национальностей. Махачкала, 1963. С. 3.

³ Там же. С. 8.

Кстати, переселенческая политика проводилась и в прошлом, в 40-50 годы XIX в., и имела отрицательные последствия для экономического и культурного развития Дагестана. В результате миграции отдельных групп народов Северного Кавказа, в том числе Дагестана, в страны Ближнего Востока, имевшей место после Кавказской войны и известного восстания 1877 г., немало кумыкских семей переселилось за рубеж и обосновалось в Турции, Сирии, Египте, других странах, в основном, мусульманского Востока. Так, в Турции кумыки обосновались в нескольких регионах: в вилайетах Бурса, Сивас, Токат, Чанаккала, в 21 населенном пункте – Анкаре, Измире, Стамбуле, Ялаве, Конье, Кайсаре, Трабзоне и др.

В Сирии кумыки основали селения, которым дали названия своих родных сел: Дженгутай, Карабудахкент, Костек, Утамыш, Бабаюрт, Доргели. В них, кроме кумыков, живут и другие народности Кавказа. Представителей кумыкского народа можно встретить в Саудовской Аравии, Америке, Канаде, Польше и в других странах.

Кумыки живут на пересечении путей, связывающих центральные районы нашей страны как с внутренним горным Дагестаном, так и с Закавказьем. Такое расположение способствует развитию экономических и культурных связей кумыкского народа с соседями.

Для экономического и культурного развития кумыков большое значение имеют железная дорога Баку–Москва, которая проходит через всю Приморскую равнину, а также морские ворота Дагестана – Махачкалинский торговый порт, ставший в последнее время международным.

Климат Кумыкской равнины умеренно теплый, континентальный: лето здесь жаркое, особенно в низменной части, зима сравнительно холодная, атмосферных осадков выпадает мало (250-400 мм в год). В предгорьях и вдоль Каспия осадков несколько больше, однако полеводческое хозяйство ведется главным образом с применением орошения. По характеру рельефа район расселения кумыков может быть разделен на две части: предгорную, покрытую отдельными куполообразными возвышенностями или невысокими скалистыми гребнями (Кукур-тау, Эльдам, Тарки-тау и т.д.), и низменную. Почвенный покров низменности представлен преимущественно луговыми разновидностями почв, в различной степени засоленными легкорастворимыми солями. Луговые почвы покрыты в естественных условиях луговой растительностью – пыреем, солод-

кой, нередко тростником. В предгорьях распространены главным образом разновидности почв каштанового типа. Они покрыты злаково-полевой растительностью.

По территории кумыков протекают реки Терек, Сулак, Аксай, Акташ, Шура-озень, Манас-озень, Гамри-озень, Уллу-чай и др. Терек и Сулак доносят воды до Каспийского моря, другие реки летом пересыхают или их воды целиком разбираются на орошение. В отдельных местах низменности встречаются соленые озера, имеющие промышленное значение.

Относительно небольшую территорию (около 3%) занимают леса и кустарники. Леса по видовому составу довольно разнообразны. Это дуб, граб, бук, тополь, ольха, карагач, ясень, грецкий орех, алыча, кизил. Из кустарников преобладают: мушмула, шиповник, боярышник, терн, лещина (лесной орех), ежевика, виноград и др.

Животный мир Кумыкии также разнообразен. Здесь обитают дикие кабаны, волки, шакалы, барсуки, лисицы, зайцы, ежи, ласки и др.

Птичий мир представлен полевыми воробьями, голубями, орлами, сороками, ласточками, синицами, утками, гусями и т.д. Речные водоемы и Каспийское море богаты различными видами рыб, и здесь издавна имела большое промысловое значение ловля рыбы. В настоящее время в прибрежной зоне функционирует ряд рыбных промыслов, продукцию которых обрабатывает крупнейший на Северном Кавказе рыбоконсервный комбинат.

К сожалению, последние годы охотничье-промысловая фауна находится в состоянии деградации в связи с хищническим ее истреблением и отсутствием надлежащей охраны. Для рационального использования и воспроизводства фауны созданы Присулакский, Хамавюртовский, Каякентский, Аграханский заказники.

Большого внимания требуют уникальные природные памятники, связанные с формированием культурного наследия народа. К ним относятся: песчаная гора Сары-кум, гора Тарки-тау, Талгинские, Каякентские источники, Аграханский залив и др.

Из полезных ископаемых в кумыкских районах известны нефть, соль, природный газ. Богата земля и минеральными источниками: Талгинские, Каякентские сероводородные источники и грязелечебницы, Тарнаирская минеральная вода и др.

Из строительных материалов регион богат известняком, песком, строительным лесом.

В земледелии кумыков основное направление занимают зерновое и овощное хозяйства, в животноводстве большую роль играет мясо-молочное производство.

Промышленный облик района характеризуется как многоотраслевой. В районе расселения кумыков расположены Махачкала, Хасавюрт, Буйнакск, Избербаш, Кизилюрт, Каспийск, являющиеся крупными промышленными, культурными и административными центрами Дагестана.

Таким образом, регион расселения кумыков является благодатным краем, где имеются большие и в полной мере еще неиспользованные возможности для развития многоотраслевого сельского хозяйства и промышленности¹.

КРАТКИЙ ОБЗОР ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Нет возможности в данном разделе дать подробный анализ всех работ и источников, касающихся истории и культуры кумыкского народа, и поэтому мы остановимся на наиболее важных из них.

Среди местных источников одним из наиболее важных и насыщенных фактическим материалом является дагестанская историческая хроника «Дербенд-наме»². Составителем этого ценного труда является житель с. Эндирей Мухаммед Аваби Акташи, который по поручению местного князя Чобан-бека в конце XVI – начале XVII вв. собрал воедино имеющиеся источники и документы и создал общий свод сведений по средневековой истории Дагестана. В частности, он подробно описал события V–X вв. на Прикаспийской равнине, где шло формирование кумыкской народности. В хронике важное место занимает показ военно-политической обстановки,

¹ См.: Акимцев В.В. Об итогах и перспективах изучения почвы Дагестана. – Труд. ДСХИ. Вып. I, 1939; Залибеков З.Г. Почвенные ресурсы Дагестана и принципы прогноза качественной их структуры. – Сб. Биологические ресурсы Дагестана. Вып. I. Махачкала, 1975; Салманов А.Б. Краткая агротехническая характеристика лугово-степных почв междуречья Акташ–Сулак. – Труды отдела почвоведения Даг. ФАН СССР. Махачкала, 1956. Т. III; Солдатов А.С. Почвенные исследования в Дагестане. – Труды отдела почвоведения Даг. ФАН СССР. Т. III; Льевов П.Л. Леса Дагестана. Махачкала, 1964.

² Derbend-Nameh, of the History of Derbend... By Mirza A. Kazem-Beg. SPb., 1851; Тарихи Дербенд-наме. Под ред. М. Алиханова-Аварского. Тифлис, 1898; Шихсаидов А.Р., Айтберов Т.М., Оразаев Г.М.-Р. Дербенд-наме (Румянцевский список). Дагестанские исторические сочинения. М., 1993.

борьбы местного населения против Ирана и Арабского халифата, процесса распространения ислама, арабо-хазарского противостояния в Дагестане и т.д.

Ценные историко-этнографические сведения о земле кумыков, кумыкском народе содержатся в записках первых русских путешественников. Знаменитый русский путешественник XV века тверской купец Афанасий Никитин прошел по Дагестану путь от Тарков до Дербента и оставил сведения о жителях этой территории и об их феодальных владетелях¹. Ценные этнографические сведения о кумыках содержатся в описании путешествия в Персию московского купца Федота Афанасьевича Котова². Среди прочих народов Кавказа он выделяет «кумычан» (кумыков). Пройдя по северо-восточному Дагестану до Дербента, он собрал сведения о торговых путях и пошлинах, об опасностях, угрожавших на этой дороге купцам. Ф. Котов описал также занятия населения, внешний вид селений, систему орошения полей, садов и т.д.

Этнографические и исторические данные о кумыках имеются в книге известного немецкого путешественника XVII века Адама Олеария. В своем «Описании путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно»³ он рассказывает о занятиях, общественном строе, одежде, пище и вооружении кумыков. Олеарий оставил также зарисовки, в частности, с. Тарки. Описания вооружения и некоторых сторон быта и обычаев кумыков имеются в записках голландского путешественника того же времени Я.Я. Стрейса⁴. Но, по сравнению с данными А. Олеария, высказывания Я. Стрейса несколько неточны и не лишены тенденциозности.

Важные и самые разнообразные сведения о кумыках мы находим у знаменитого турецкого путешественника второй половины XVII в. Эвлия Челеби⁵. Почти 50 лет он провел в путешествиях, прошел много стран, в том числе и весь Северный Кавказ (дважды, в 1641-1642 и 1666-1667 гг.). Всюду путешественник обстоятельно

¹ Никитин Афанасий. Хождение за три моря. М., 1958. С. 12.

² Хождение купца Федота Котова в Персию. М., 1958.

³ Олеарий А. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. СПб., 1906.

⁴ Стрейс Я.Я. Три путешествия. М., 1935.

⁵ Челеби Э. Книга путешествия. М., 1961. Вып.1. (Предисловие Желтякова А.Д., Тверитиновой А.С., Мавродина В.В.); 1979. Вып.2. (Предисловие Григорьева А.П.)

знакомился с историей, бытом, культурой народов. В частности, он дает многочисленные сведения о кумыках – о городах Тарки и Эндирее, их структуре, населении, учебных заведениях (медресе), о политическом устройстве Тарковского шамхальства, о власти шамхалов, о его войске. Особо отмечает сильную власть тарковского шамхала (он его называет падишахом Дагестана) и его влияние на отдельные подвластные ему земли, а также роль владетеля Эндирея. «Хан этого города Эндери, – пишет он, – является могущественным правителем с титулом уллу-бей. Одним из семи ханов, подчиненных падишаху Дагестана, является этот хан Эндери: он распоряжается десятками тысячами воинов. Когда падишах отсутствует, правит хан»¹. Вместе с тем Эвлия Челеби приводит немало неточных, необоснованных сведений, к которым необходим критический подход.

Интерес к истории и этнографии Дагестана значительно усиливается с начала XVIII века, со времени похода Петра I в Дагестан. Русское правительство начинает субсидировать экспедиции на Кавказ, организуемые Академией наук. Появляются труды А. Лопухина, Ф. Соймонова, А. Волынского, И. Гербера, Д. Белля и др.

Среди источников, содержащих важный этнографический материал о народах Дагестана, в том числе о кумыках, особо заслуживает внимания сочинение участника похода Петра I капитана артиллерии Ивана Гербера, составленное им в 1728 году по личным наблюдениям, сделанным им во время длительного пребывания в Дагестане². И. Гербер пишет о занятиях кумыков, в частности о состоянии земледелия и орошения полей, описывает отдельные крупные населенные пункты – Тарки, Утамыш и др., касается правления шамхалов, вооружения войска. Говорит он и о торговых связях кумыков, отмечает, что «жители города Тарху отправляют купечество в Персию и Россию». И. Гербер отмечает, что «дагестанцы ... имеют изрядные виноградные сады, огороды, пашни и скотоводство, также собирают много хлопчатой бумаги»³.

¹ Там же. Вып.2. С. 114.

² Гербер И. Известие о находящихся с западной стороны Каспийского моря между Астраханью и рекою Курой народах и землях, и об их состоянии в 1728 г. – Сочинения и переводы, к пользе и увеселению служащие. СПб., 1760. июль; Гаджиев В.Г. Сочинение Гербера И. «Описание стран и народов между Астраханью и рекою Курой находящихся». М., 1979.

³ Гербер И. Указ.соч. С. 33.

Одновременно с И. Гербером в Дагестане побывал Джон Белль – врач, находившийся в свите Петра I. В его сочинении, изданном в русском переводе под заглавием «Белевы путешествия через Россию в разные азиатские земли...», имеются подробные сведения о пребывании Петра I в районе Тарков, о приеме, устроенном Петру I во дворце тарковского шамхала Адильгирея, и детальное описание шамхальского дворца. Автор отметил, что «императору очень понравилось полевое положение сего города». Белль восторженно отзывался о гостеприимстве дагестанцев, о красоте женщин и т.д.¹ Даются также подробные сведения о городе Тарки, в котором «находится комендант и с тысячу человек гарнизона, состоящих из обученных войск и казаков, и снабжен множеством военных и съестных припасов».

Вместе с тем представляют большой интерес сведения о сопротивлении, оказанном горцами войску Петра I, о сражении в районе Эндирея, причем отмечается, что выступление горцев было заранее продумано, в частности были заблаговременно выселены многие семьи в безопасные места. Он также отмечает случаи сопротивления (утамышского султана, кайтагского уцмия) войскам Петра I при продвижении их от Тарков в сторону Дербента².

Ф.И. Соймонов в своем известном «Описании Каспийского моря» также отмечает подробности похода, в частности встречу Петра I, организованную шамхалом и аксаевским правителем, и в то же время – сопротивление, оказанное императору владельцами Эндирея и Утамыша³.

Позднее А.В. Комаров в своей работе «Персидская война 1722-1725 гг.» также подробно описывает путь продвижения войск Петра I через кумыкские земли на юг. Он отмечает дружественную встречу императора на Сулаке с аксаевским правителем Султан-Махмудом, подарившем «шесть изрядных персидских лошадей и сто быков на содержание войска», и шамхалом Адильгиреем, который в свою очередь «подарил государю 600 быков, в телеги запряженных для провозу провианта, 150 быков на пищу войска и трех изрядных персидских коней, из коих на одном было богатое сереб-

ром обложенное седло и золотом украшенная узда»¹. Он также касается выступления утамышского султана Махмуда и подвластных ему селений, которые «в наказание» за это были уничтожены, в «пепел обращены»². Отметим, что эти сведения им взяты, в основном, у Ф.И. Соймонова.

Тема похода Петра I привлекала внимание и многих других исследователей XIX и XX вв. Особое место среди них занимает В.П. Лысцов, автор обстоятельного исследования «Персидский поход Петра I»³, написанного, в основном, на базе богатого литературного материала.

Изучение фактического материала привело автора к выводу о том, что «Персидский поход был обусловлен определенными военно-политическими интересами России в Прикаспии»⁴.

Весьма ценные и разносторонние сведения сообщает нам Н.Н. Муравьев-Карский, побывавший в Тарках в 1822-1823 гг. по поручению А.П. Ермолова по делам, связанным с завершением строительства крепости Бурная, или, как называет автор, «Тарковской крепости»⁵. Автор дает географическое описание и обзор климатических условий Тарковского владения, приводит интересные данные о Тарках и шамхальском дворце, о границах шамхальства, о власти владетеля (в данном случае Мехти-шамхала), о практике выделения уделов для членов правящего дома, аталычестве, институте чанка и т.д. Н.Н. Муравьев-Карский, как впоследствии и другие авторы, подчеркивал большое влияние А.П. Ермолова на шамхала и его окружение.

Автор не оставил без внимания и события внутренней жизни владения, отмечал факты неповиновений населения местным властям и русскому командованию. Так, он пишет, что «мехтулинцы убили пристава своего Батырова, шамхальцы не стали повиноваться владетелю своему, и Алексей Петрович принужден был итти туда с отрядом». Указывает на причины недовольства населения в связи со строительством крепости: «Жители приходили в изнурение, лишались скота своего и не переставали из страха к наказаниям повиноваться, но справедливая злоба не прекращалась против

¹ Белевы путешествия через Россию в разные азиатские земли, а именно: в Исфаган, в Пекин, Дербент и Константинополь. (Пер. с франц. М.Попова) Ч.III. СПб., 1776. С. 170-171.

² Там же.

³ Соймонов Ф.И. Описание Каспийского моря. СПб., 1763. С. 86-91.

¹ Комаров А.В. Персидская война 1722-1725 гг. М., 1867. С. 24.

² Там же. С. 25.

³ Лысцов В.П. Персидский поход Петра I. 1722-1723. М., 1951.

⁴ Там же. С. 234.

⁵ Записки Николая Николаевича Муравьева-Карского. – Русский архив. Вып.5-6. Книга II. М., 1888. С. 314-333.

нас»¹. О крепости Бурной он писал: «Вся крепость Тарковская была бы отпечатком глупости, если бы не знали, что она предложена начальником штаба, коего ум и познания известны». Она была построена «на высокой скале, куда забраться весьма трудно, где нет ни капли воды, на сей высоте командуют ею на ружейный выстрел окрестные возвышения. Она выстроена по правилам фортификации и ничего не защищает»².

Этим, возможно, и объясняется, что вскоре русское командование решило оставить Бурную и построить новую крепость в низине, под Тарками – Низовое укрепление.

Обстоятельные сведения по истории народов Дагестана, в том числе кумыков, содержатся в трехтомном труде академика П.Г. Буткова «Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 гг.», написанном на основе обширных архивных источников, главным образом военно-исторического и дипломатического содержания. Автор описывает политические и военные события, в частности русско-дагестанские отношения, поход Петра I, присоединение равнинного Дагестана к России, поход Надир-шаха в Дагестан и т.д. В труде П.Г. Буткова содержится и весьма интересный материал по этнографии края³. Он подробно описывает Тарки: «Дома построены из дикого камня по-азиатски столь крепко и столь высоко, что нерегулярному неприятелю, не имеющему пушек, противиться могут долго. Вода, какая можно прекрасная, протекая многочисленными из гор ручьями, наполняет почти ... всякий дом; на сих ручьях построено много мельниц»⁴.

Важные сведения о занятиях кумыков, об их языке, о взаимоотношениях феодальных владетелей, о власти тарковского шамхала мы находим и у другого академика И.А. Гильденштедта, совершившего путешествие по юго-востоку европейской России. Указывая на феодальную раздробленность Кумыкии и частые раздоры владетелей Дагестана, И.А. Гильденштедт отмечает, что этих владетелей «связывает между собой, отчасти, всеми признанная верховная власть и защита России, коей они присягают в верности...»⁵.

¹ Записки Николая Николаевича Муравьева-Карского... С. 324.

² Там же. С. 325.

³ Бутков П.Г. Записки персидского похода 1796 г., или все, что я видел, слышал, узнал. – Материалы для новой истории Кавказа... Ч. II. СПб., 1869. С. 569.

⁴ Там же.

⁵ Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа. Из путеше-

Начало XIX века и завершение присоединения края к России характеризуется значительным увеличением числа историко-этнографических исследований, посвященных народам Дагестана.

Первое разностороннее исследование по истории и этнографии Дагестана связано с именем С.М. Броневского¹, который участвовал в Персидском походе 1796 года и после этого некоторое время служил на Кавказе. С.М. Броневский больше, чем другие авторы, обратил внимание на общественные отношения в Дагестане, в частности у кумыков. Он отмечает существование на Кавказе трех форм правления: монархической, аристократической и демократической. Первые две формы, по мнению С.М. Броневского, правильнее назвать феодальными, а третью – народной. Все эти формы правления он находит и у кумыков. К монархической форме он относит правление тарковского шамхала и кайтагского уцмий², к аристократической (автор называет ее также «правлением многих») – правление засулакских владетелей (аксаевского, эндиреевского и костековского)³.

С.М. Броневский делает попытку охарактеризовать и сословный строй. Он упоминает о следующем «чиносостоянии: владетельные особы, духовенство, дворянство, крестьяне, пленники или рабы»⁴. Тарковского шамхала и кайтагского уцмий он называет «владетельными особами», а аксаевских владетелей – «князьями»⁵.

С.М. Броневский сообщает ценные сведения о численности населения и хозяйственной деятельности жителей Кумыкской равнины, касается вопросов происхождения кумыков и родословной шамхалов и т.д.⁶

Некоторые сведения общего характера и догадки о происхождении кумыков мы находим у немецкого ученого Ю. Клапрота⁷.

К концу первой четверти XIX века относится путешествие по Дагестану и Закавказью известного естествоиспытателя Э.И. Эйх-

ствия г-на академика И.А. Гильденштедта через Россию и по Кавказским горам в 1770, 71, 72, 73 годах. СПб., 1809. С. 104-105.

¹ Броневский С. М. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. Ч. I-2. М., 1823.

² Броневский С.М. Указ. соч. Ч. I. С. 38.

³ Там же. С. 39.

⁴ Там же. С. 42.

⁵ Там же. С. 43.

⁶ Там же. С. 58-59. Ч. II, С. 187-202, 204-308.

⁷ Klapproth J. Geographisch-historische Beschreibung des Ostlichen Kaukasus. Weimar. 1814. S. 24-25.

вальда. В его исследовании¹ содержится значительный материал по кумыкам. Он также оставил подробные сведения о Тарках, обратил внимание на типы жилищ (в частности шамхальского дворца), на целебные воды, расположенные, как отмечает автор, в 6 км южнее Тарков (очевидно, современный курорт Талги), на флору и фауну. Он пишет о каменных изваяниях на территории «между Тарками и Казанищем». Большое место в его описании занимают методы управления шамхала и применяемые им наказания. Э.И. Эйхвальд дает изложение русско-кумыкских отношений, начиная с XVI века.

Среди трудов, содержащих ценный фактический материал о кумыках, следует назвать и два обширных исследования:

1) Платон Зубов. «Картина Кавказского края, принадлежащего России, и сопредельных оному земель в историческом, статистическом, финансовом и торговом отношениях» (части 1-4, СПб., 1834-1835). В третьей части своего сочинения автор приводит ценные сведения о хозяйственной деятельности кумыков, о путях сообщения, об управлении, о численности населения отдельных частей, дает краткое описание с. Башлы.

2) Коллективный труд «Обозрение Российских владений за Кавказом в статистическом, этнографическом, топографическом и финансовом отношениях» (части 1-4, СПб., 1836). В четвертой части этого труда содержатся важные, хотя и краткие, сведения экономического и этнографического характера, в частности о состоянии торговли.

Интересным описанием Дагестана является работа подполковника А.А. Неверовского «Краткий взгляд на Северный и Средний Дагестан в топографическом и статистическом отношениях» (СПб., 1847). В нем автор сообщает об основных занятиях жителей, их торговых связях, нравах, обычаях и т.д.

Известный тюрколог И.Н. Березин в своем «Путешествии по Дагестану и Закавказью» (Казань, 1849) приводит сведения о с. Тарки и о занятиях его жителей, об одежде, состоянии народного просвещения. И.Н. Березин затрагивает вопросы языка кумыков, происхождения шамхалов, русско-кумыкских отношений и т.д. В противоположность всем другим авторам, писавшим о Дагестане, И.Н. Березин, сообщая о своих наблюдениях, допускает иногда презрительно-ироничный тон, не отмечая ни одной положительной

¹ Eichwald E. Reise auf dem Caspischen Meere und in dem Caucasus. Unternommen in dem Jahren 1825-1826. Bd. I. Stuttgart-Tübingen, 1834.

черты жизни и быта местных жителей. Тем не менее, приведенный автором фактический материал заслуживает внимания.

Серьезный вклад в изучение истории и этнографии кумыков был сделан в 40-х годах XIX века русским офицером М.Б. Лобановым-Ростовским, служившим на Кавказе, в том числе и в Дагестане. Его работа «Кумыки, их нравы, обычаи и законы»¹ является первым специальным исследованием по этнографии и истории кумыкского народа. Автор дает географическую характеристику района расселения кумыков, касается проблем их происхождения, подробно рассматривает общественный строй, сословное деление, говорит о податях и повинностях зависимого населения. В работе разбираются также отдельные вопросы обычного права. Исследуя вопрос о происхождении князей засулакских кумыков, М.Б. Лобанов-Ростовский впервые приводит интересные предания о Султан-Муте – родоначальнике князей этой части Кумыкии. Автор делает попытку определить роль местных племен в формировании кумыкского народа, указывая одновременно на участие в этом процессе и пришлых тюркских этнических элементов.

К сожалению, это первое серьезное исследование, посвященное кумыкскому народу, касается главным образом засулакских кумыков, хотя автор отчетливо представлял себе, что кумыки живут и «по ту сторону Сулака, до самого Дербента», и возражал против существовавшего тогда мнения, что якобы кумыки живут только «между Тереком и Сулаком». К сожалению, М.Б. Лобанов-Ростовский преувеличивает в некоторой степени общественную роль крепостных в кумыкском обществе в прошлом.

В 1843 году М.Б. Лобанов-Ростовский заканчивает «Описание гражданского быта кумыков», которое позже было опубликовано Ф.И. Леонтовичем².

Конец первой половины XIX века знаменателен тем, что в этот период наряду с русскими исследователями народов Кавказа появляются и местные историки и этнографы, писавшие на русском языке. Первым по времени этнографом и историком из кумыков

¹ «Кавказ», 1846, №№37-38. О нем см.: Косвен М.О. Материалы по истории и этнографии Кавказа в русской науке – Кавказский этнографический сборник (далее – КЭС). Вып. I. М., 1955. С. 335-336.

² См.: Леонтович Ф.И. Адагы кавказских горцев. Материалы по общественному праву Северного и Восточного Кавказа. Вып. I. Одесса, 1882. С. 56; Вып. II, 1883. С. 185-201; Косвен М.О. Материалы по истории и этнографии Кавказа в русской науке. – КЭС, Вып. I. М., 1955. С. 335-336. 344.

был Довлет-Мурза Махмудович Шихалиев, автор обширного очерка по истории и этнографии кумыков «Рассказ кумыка о кумыках»¹, подписанного псевдонимом «Кумык». Появление этого очерка было весьма тепло встречено русской научной общественностью. Газета «Кавказ», публикуя этот очерк, писала: «Редакция газеты «Кавказ» искренне благодарит просвещенного кумыка за присылку этой прекрасной статьи, знакомящей нас с его родиной и фактами для истории, географии и этнографии края»².

В первой части своего исследования Д.-М. Шихалиев излагает свою точку зрения на происхождение кумыков, причем пользуется ранними источниками по истории хазар, кыпчаков и др., а также богатым полевым материалом. Кумыки сформировались как народность с участием хазарского элемента, предполагает автор, объединяя под именем хазар тюркские племена, главным образом кыпчакские. «Я полагаю кыпчак, – говорит Д.-М. Шихалиев, – ядром для хазар, из которого составилась их империя»³.

Большое место в его труде занимают вопросы истории кумыков с древнейшего периода, вопросы дробления Тарковского шамхальства и появление удела Султан-Мута – родоначальника засулакских владений, а также история русско-кумыкских отношений.

Автор детально рассматривает общественный строй и сословия кумыкского общества, которые он называет «разрядами». Он насчитывает шесть «разрядов», различаемых по происхождению и имущественному положению. В работе подробно описывается хозяйственная деятельность кумыков, феодальные повинности, семейные отношения, обычное право и т.д. Так же как и труд М.Б. Лобанова-Ростовского, исследование Д.-М. Шихалиева посвящено засулакским кумыкам, кумыкам так называемой Кумыкской равнины.

¹ «Кавказ», 1848, №№39-44. См. также новое издание: Шихалиев Д.-М. Рассказ кумыка о кумыках. Махачкала, 1993. Составление, предисловие и комментарии Гаджиевой С.Ш. Автор очерка Д.-М. Шихалиев (1811 – ок. 1880 гг.) – уроженец с. Эндирей, сын оружейника, образование получил в русской школе, с 1827 года находился на военной службе. С 1841 года работал письменным переводчиком при штабе войск Кавказской линии, с 1853 года был главным приставом магометанских народов Ставропольской губернии. Ушел в отставку примерно в 60-х годах в чине подполковника. Последние годы жизни провел во Владикавказе и Кизляре. См. о нем: Косвен М.О. Указ.соч. Вып.1. С. 336; Вып.11. С. 214.

² «Кавказ», 1848, №39.

³ Там же.

Большой вклад в изучение истории Дагестана внес выдающийся азербайджанский историк первой половины XIX века Аббас-Кули-Ага Бакиханов, автор труда «Гюлистан-Ирам»¹. Эта работа посвящена истории Ширвана и Дагестана с древнейших времен по XVIII век включительно и содержит обширный материал по самым различным вопросам общественно-политической жизни народов Дагестана (в том числе кумыков) и Ширвана, происхождения отдельных народов и поселений.

В 50-60-х годах XIX века в газете «Кавказ», в «Кавказском календаре» и других изданиях появляется ряд статей, затрагивающих самые разнообразные вопросы истории, материальной и духовной культуры, семейного и общественного быта кумыков. Из числа этих статей можно выделить «Несколько слов о кумыках» («Кавказ», 1852, №29)²; «Заметки о домашнем быте дагестанских горцев» И. Абельдяева («Кавказ», 1857, №50, 51); «Прикаспийский край» Ад. Берже («Кавказский календарь», 1857); «О гуннах Дагестана» Я.Д. Лазарева («Кавказ», 1859, №34, 36, 38); «Кумыкский округ» Т. Макарова («Кавказ», 1860, №77, 78); «Чирка, или аул Чиркей» И. Бахматова («Кавказ», 1863, №29); две статьи Хамзаева, подписанные псевдонимом «Князь Х-ъ» – «Кое-что о кумыках» («Кавказ», 1865, №68-70) и «Барамта» («Кавказ», 1867, №2).

В газете «Кавказ» мы находим интересные материалы И.В. Костемеровского. Он окончил Московскую медико-хирургическую академию, работал впоследствии врачом Дагестанского конно-иррегулярного полка, открыл первую русскую школу в Нижнем Дженгутае, серьезно занимался историей городов Дагестана, опубликовал ценные статьи о первых городах на Кумыкской равнине – Темир-Хан-Шуре («Кавказ», 1858, №4-5) и Петровске («Кавказ», 1861, №9) с подробным описанием их населения, национального состава, архитектурного облика, торговли этих жизненно важных административных, торговых и культурных центров.

Заслуживают внимания этнографические исследования, с которыми в 60-х годах выступает П.Г. Пржецлавский. Долгое время он находился в Дагестане на военной службе и был помощником мехтулинского хана (с 1852 г.), а затем и тарковского шамхала (в 1858 г.). Из его работ прямое отношение к кумыкам имеет статья

¹ Бакиханов Аббас-Кули-Ага. Гюлистан-Ирам. Баку, 1926; 1991.

² Статья подписана инициалами И.А., под которыми, по мнению М.О. Косвена, скрывается имя И. Августовича. Косвен М.О. Указ.соч. Вып.1. С. 336.

«Нравы и обычаи в Дагестане» («Военный сборник», 1860, №4). Как справедливо отмечает М.О. Косвен, это исследование представляет собой разносторонний и весьма содержательный очерк о кумыках Тарковского шамхальства и Мехтулинского ханства. Автор с большой наблюдательностью описывает отдельные стороны хозяйственной деятельности и материальной культуры народа (жилище, одежда, обувь и т.д.). П.Г. Пржецлавский впервые дает описание и традиционного обычая коллективных работ по обмозке дома, уборке и молотье кукурузы – «булкъя». Интересно сообщение автора о сохранившейся в середине XIX века меновой торговле у кумыков, что свидетельствует о слабом развитии в то время денежных отношений.

В конце 1859 г. Дагестан посетил известный французский писатель Александр Дюма. Он, в частности, побывал в Кизляре, Хасавюрте, Андрей-ауле, Чир-юрте, Темир-Хан-Шуре, Тарках, Карабудахкенте и др. местах. Свои впечатления об этом регионе, его истории, географических особенностях, различных сторонах быта населения А. Дюма правдиво описал в книге, вышедшей в переводе с французского на русский язык под названием «Кавказ» в Тифлисе в 1861 г. Мы в своей работе пользовались частью этого труда, переизданного известным дагестанским ученым А.М. Аджиевым под названием «А. Дюма в Дагестане» (Махачкала, 1995).

Значительный вклад в изучение Дагестана внесли труды вышеупомянутого А.В. Комарова – начальника штаба Дагестанской области: «Адаты и судопроизводство по ним» (ССКГ. Вып. I, 1868), «Народонаселение Дагестанской области» (ЗКОИРГО. Кн. 8, 1873) и др. В работе «Адаты и судопроизводство по ним» автор дал подробную характеристику судопроизводства по адатам и по шариату до и после присоединения Дагестана к России. В связи с судопроизводством автор охарактеризовал и другие стороны общественного быта народов Дагестана, сделав, в частности, попытку определить, что представлял собой в то время дагестанский тухум. Недостатком работ А.В. Комарова является то, что, приводя большой фактический материал, он не всегда относит его к определенным народностям. Одновременно трудно согласиться с его миграционной теорией в вопросе о происхождении кумыков. Вместе с тем в работе «Народонаселение Дагестанской области» содержится ценное перечисление всех обществ и феодальных образований Дагестана. В противоположность многим другим авторам А.В. Комаров дал правильные сведения о расселении кумыков от Терека на се-

ре до Башлы-чая на юге. Кстати, он первый обратил внимание на диалектные различия в языке северных и южных кумыков.

Среди материалов, важных для изучения истории и этнографии кумыков, особо следует выделить исторические записки «Шамхалы Тарковские» и «Мехтулинские ханы», составленные Сословно-поземельной комиссией по заданию русской администрации и опубликованные в 1868-1869 гг. в «Сборнике сведений о кавказских горцах» (Вып. I и II). Обе эти записки содержат ценные материалы по истории кумыков в XVIII – первой половине XIX вв., в частности, о развитии феодальных отношений, а также связей между кумыкскими владетелями и царской администрацией до и после присоединения Дагестана к России. К запискам приложены родословные тарковского и мехтулинского правителей.

Серьезным исследованием по этнографии кумыков следует считать «Очерк Кайтаго-Табасаранского округа», написанный в 1867 г. П.С. Петуховым («Кавказ», 1867, №7, 8, 12, 13, 15, 16). Это первый обстоятельный очерк о южных кумыках, их занятиях, общественных отношениях, материальной культуре и т.д.

Среди исследований, посвященных земельному устройству народов северо-восточного Кавказа, следует прежде всего назвать работу П.А. Гаврилова «Устройство поземельного быта горских племен Северного Кавказа» (ССКГ, Вып. II, 1869), в которой значительное место отводится землеустройству Кумыкской равнины. Автор приводит сведения о проведении крестьянской реформы в Кумыкском округе в 1865 году, о принципах раздела земли между крестьянами и владельцами. Выражая официальную точку зрения царской администрации, он, однако, преувеличивает положительное значение реформы, умалчивает о ее грабительском характере, полагая, что получение половинной доли земли «совершенно обеспечивало благосостояние простого класса населения»¹.

Имелись также работы, посвященные сугубо экономическим вопросам. Среди них важен труд о системе орошения в Терско-Сулакской низменности, принадлежащий С.А. Фон-Вейсенгофу². Автор подробно описывает новые оросительные каналы, с указанием населенных пунктов, по которым они проходили.

Большим вкладом в изучение истории и этнографии Кавказа, в

¹ Сборник сведений о кавказских горцах (далее – ССКГ). Вып. II. С. 41.

² Фон-Вейсенгоф С.А. Очерк орошения в Терской области. – Записки Кавказского отдела Русского технического общества. Т. VIII. 1876.

частности Дагестана, является труд академика Н.Ф. Дубровина «История войны и владычества русских на Кавказе»¹. В первом томе этого труда большое место занимают разделы «Дагестанские горцы»² и «Кумыки»³. Автор касается истории, общественно-политического устройства кумыков до и после присоединения Дагестана к России, их хозяйственной деятельности, землевладения, происхождения засулакских князей, семейного быта, положения женщин и т.д. Н.Ф. Дубровин, целиком разделяя позиции дворянско-буржуазных историков, освещает социально-экономическую жизнь кумыков с точки зрения официального кавказоведения.

Огромную ценность для изучения общественного строя народов Дагестана представляет двухтомный сборник записей обычного права горцев, изданный Ф.И. Леонтовичем – «Адаты кавказских горцев». Здесь помещены: адаты кумыков, собранные М.Б. Лобановым-Ростовским в 1843 г. под названием «Описание гражданского быта кумыков»; «Сведения по программе об адате, или суде у кумыков» (дополнение к «Описанию...»)⁴; «Сведения о величине калымов и штрафах, налагаемых согласно определению адата у кумыкских народов, 1849 год»⁵; «Сборник адатов жителей Кумыкского округа 1865 года». Как видно из приведенных Ф.И. Леонтовичем архивных данных, к сбору кумыкских адатов привлекались и местные люди, в частности уже названный нами Довлет-Мурза Шихалиев, а также капитан Касим Курумов, кадий, поручик Юсуп Клычев и др.⁶ Кумыкские адаты вошли также в сборник «Адаты Дагестанской области и Закатальского округа»⁷. В нем имеется обстоятельный раздел об адатах селения Башлы⁸.

Некоторым вопросам истории кумыков, в частности вопросу об их происхождении, уделил внимание известный венгерский тюрколог Г. Вамбери⁹. По мнению Г. Вамбери, кумыки составляли оседлое ядро населения Прикаспийской равнины еще до прихода хазар.

¹ Дубровин Н.Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. Т.1. Кн.1. СПб., 1871.

² Там же. С. 497-618.

³ Там же. С. 619-640.

⁴ Леонтович Ф.И. Адаты кавказских горцев. Вып. II. С. 185-201.

⁵ Там же. С. 204-206.

⁶ Там же. С. 207-230.

⁷ Адаты Дагестанской области и Закатальского округа. Тифлис, 1899.

⁸ Там же. С. 594-603.

⁹ Vambery H. Das Türkenvolk. Leipzig, 1885.

Сведения об истории возникновения некоторых населенных пунктов и экономическом состоянии Кумыкской равнины приводятся в «Путеводителе по Кавказу» У. Вейденбаума (Тифлис, 1888) и «Военно-статистическом описании Терской области» Г.Н. Казбека (Ч.1, Тифлис, 1888).

Серьезный вклад в изучение обычного права горцев Кавказа и их общественного строя внес известный ученый М.М. Ковалевский. Его труды «Закон и обычай на Кавказе» (Т. II, М., 1890) и «Родовой быт в настоящем, недавнем и отдаленном прошлом» (СПб., 1905) имеют прямое отношение к Дагестану. М.М. Ковалевскому принадлежит первое глубокое и разностороннее исследование дагестанского тухума, хотя автор преувеличивал его роль, представляя тухум XIX в. не как пережиточное явление, а как форму, полностью сохранившую характер родовой организации. Между тем и сам Ковалевский в целом ряде случаев указывал на господство феодального способа производства в Дагестане.

К 90-м годам относится появление ряда работ по антропологии кумыков. Среди них наибольшего внимания заслуживают исследования И.И. Пантюхова¹, П.Ф. Свидерского² и Р. Эркерта³. Все эти авторы, особенно Р. Эркерт и И.И. Пантюхов, отмечают у кумыков определенную монголоидную примесь, хотя их выводы при этом не всегда убедительны. Работа П.Ф. Свидерского, помимо антропологического материала, содержит весьма интересные этнографические данные о южных кумыках, особенно об их материальной культуре и хозяйстве.

Большим вкладом в этнографию Дагестана, в частности кумыков, явилось исследование Н.С. Семенова «Туземцы Северо-Восточного Кавказа» (СПб., 1895), где раздел «Кумыки» занимает значительное место. Исследование Н.С. Семенова, посвященное кумыкам, проживающим на Кумыкской равнине, касается вопросов происхождения кумыков, состояния их хозяйства, материальной и духовной культуры, обычного права и т.д. Особое внимание уделено здесь устно-поэтическому творчеству народа. В отличном переводе на русский язык автор дает отдельные образцы героических песен кумыков. Можно без преувеличения сказать, что разносто-

¹ Пантюхов И.И. О кумыках. Антропологический очерк. Тифлис, 1895.

² Свидерский П.Ф. Материалы по антропологии Кавказа. Кумыки. СПб., 1898. №8.

³ Erkert R. Der Kaukasus und seine Völker. Leipzig, 1887.

ронный, интересный труд Н.С. Семенова является самым значительным и самым содержательным из всех дореволюционных исследований по этнографии северных кумыков. Он был результатом многолетних личных наблюдений автора над жизнью народа. Несмотря на то, что Н.С. Семенов был представителем военной администрации (старший помощник начальника Владикавказского округа) и придерживался взглядов официального кавказоведения, его исследование проникнуто симпатией к описываемому народу и уважением к его обычаям и нравам.

Немалый вклад в изучение истории и этнографии народов Дагестана, в том числе кумыков, внес Е.И. Козубский. В его «Памятных книжках Дагестанской области» (Темир-Хан-Шура, 1895, 1901) и в двух выпусках «Дагестанского сборника» (Темир-Хан-Шура, 1902, 1904) рассматривается большой круг вопросов истории и этнографии Дагестана, содержится ценный материал по экономике, культуре и административному устройству горцев Дагестана в XIX – начале XX вв.

К числу интересных и содержательных работ по истории Дагестана следует отнести работу П.В. Гидулянова «Сословно-земельный вопрос и раятская зависимость в Дагестане»¹. Касаясь введения в Дагестане «Положения о сельских обывателях» (1868 г.), предусматривавшего самоуправление сельских обществ, а следовательно, и освобождение беков от обязанностей по управлению ими, П.В. Гидулянов справедливо отмечает, что «Положение» несколько не улучшило жизнь зависимых крестьян. «Здесь судьба сыграла злую шутку, – говорит автор, – благодаря которой беки оказались обладателями одних прав без всяких обязанностей, а на долю крестьянства – раята выпали одни обязанности, без всяких прав»². П.В. Гидулянов более объективно, чем многие другие дореволюционные авторы, подходит к оценке положения феодально-зависимого населения.

Среди исследований, представляющих интерес для решения вопросов, связанных с изменениями в административно-политическом устройстве и общественных отношениях в Дагестане после присоединения к России, следует назвать обширный труд С. Эсадзе «Историческая записка об управлении Кавказом» (Тифлис, 1907, Т.I). Наряду с материалом по Кавказу в целом, автор

приводит новые данные по Тарковскому шамхальству и Мехтулинскому ханству.

Земельным отношениям кумыков в дореволюционный период и реформе 1865 года на Терско-Сулакской низменности посвящен исторический очерк Н.П. Тульчинского «Поземельная собственность и общественное землепользование на Кумыкской плоскости»¹, написанный, как указывает автор, на основании официальных источников. Н.П. Тульчинский, излагая историю феодального землевладения на Кумыкской равнине, отмечает активизацию процесса захвата князьями общественных земель после присоединения данной территории к России, благодаря покровительству царской администрации, преследовавшей цель: «закрепление территории Кумыкской плоскости за высшим сословием»². Автор приводит много интересных фактов, характеризующих земельно-правовые отношения кумыков, и описывает проведенные в 1865 г. реформы. Однако согласиться со взглядами Н.П. Тульчинского на историю феодализма у засулакских кумыков трудно. Мнение автора, что только со времени Султан-Мута, получившего в XVI веке от отца в удел Терско-Сулакскую низменность, здесь «возникает высшее сословие в лице биев-князей и узденей-дворян»³ – неверно, так как XVI в. для Кумыкии является периодом феодального дробления.

Из предреволюционных работ, содержащих материал по интересующей нас теме, следует назвать исторический очерк делопроизводителя канцелярии наместника на Кавказе В. Линдена «Высшие классы коренного населения Кавказского края и правительственные мероприятия по определению их сословных прав» (Тифлис, 1917). Очерк написан в духе восхваления колониальной политики царизма. По мнению автора, «вопрос о поземельном устройстве коренного населения Кавказа являлся предметом постоянных забот правительства со времени присоединения этой части края к империи». Автор умалчивает о том факте, что только в 1913 году в Дагестане было ликвидировано крепостничество и что земельное положение горцев до самой революции не было определено.

Особого внимания заслуживают труды поэта и этнографа из с. Аксай Хасавюртовского округа Маная Алибекова (1859-1920). Его исследования «Адаты кумыков» (Махачкала, 1927) и «Кумык-

¹ Этнографическое обозрение, 1901, №1-3.

² Там же. №3. С. 82.

¹ Терский сборник. Вып.6. Владикавказ, 1903.

² Там же. С. 77.

³ Там же. С. 57.

ская свадьба»¹ содержат исключительно ценный и достоверный этнографический материал.

Следует особо отметить работы, посвященные фольклору кумыков. Ко второй половине XIX века относится начало изучения и публикации отдельных произведений народного творчества кумыков, что связано с исследовательской работой русских ученых, деятелей народного образования и др. Весьма интересный этнографический и фольклорный материал о кумыках содержится в статье П.И. Головинского «Кумыки. Их игры, песни и обычаи»². Автор с большой точностью и подробностью описывает танцы и увеселения кумыков на свадьбе, особенно танец с пением «Сюдюм-таяк». В прекрасном переводе на русский язык (очевидно, его собственном) автор записал образцы четверостиший поэтического состязания между юношей и девушкой при исполнении танца. Он обратил также внимание на героические песни кумыков – «Къазакъ йырлар».

В 1893 году в «Сборнике материалов для описания местностей и племен Кавказа» (вып.17, 1893) был опубликован с комментариями Л. Лопатинского целый ряд кумыкских песен («Кумыкские тексты»), записанных заведующим Костековским начальным училищем М. Афанасьевым и учителем Аксаевской начальной школы Цаллаговым³. Тексты снабжены подстрочным переводом. В «Сборнике...» были опубликованы также русско-кумыкский и кумыкско-русский словари, составленные тем же М. Афанасьевым и И. Мохиром, включающие примерно 5000 слов⁴.

Собиранием и публикацией кумыкского фольклора (песен, пословиц, сказок) занимались и отдельные представители кумыкской интеллигенции. Из кумыков первым собирателем и издателем произведений устнопоэтического творчества своего народа был Магомед-Эфенди Османов из с. Аксай Хасавюртовского округа, состоявший с 1867 по 1881 гг. преподавателем тюркских языков в Петербургском университете. В 1883 году он опубликовал в Петербурге «Сборники ногайских и кумыкских текстов» – первую кумыкскую книгу. Фольклором своего народа интересовался Адиль Шемшединов – учитель гимназии с университетским образовани-

ем. В журнале «Этнографическое обозрение» им были опубликованы «Легенды и сказания кумыков»¹. Активную роль в собирании и публикации фольклорных произведений сыграл и кумык из с. Нижнее Казанище Темир-Хан-Шуриновского округа Абусуфьян. Он издал в 1912-1914 годах «Сборники кумыкских песен», куда входили отдельные произведения народного творчества и известных кумыкских поэтов. Кроме того, он составил словарь иноязычных заимствований в кумыкском языке.

И все же в деле собирания, изучения и публикации фольклора кумыков было сделано тогда недостаточно. Названные выше публикации, безусловно, не могли дать ясного представления даже о песенных и сказочных жанрах устного творчества кумыков.

Как видно из вышеизложенного, дореволюционные русские исследователи сделали немало для этнографического и исторического изучения кумыков. Многие из этих исследователей с большой любовью и довольно полно описали те или другие стороны жизни и быта кумыков и оставили оригинальные и ценные материалы.

Правда, это в основном небольшие очерки, статьи или отдельные сведения, приводимые в общих трудах по Кавказу или Дагестану. Кроме того, этнографические очерки и наблюдения многих дореволюционных авторов из числа правительственных чиновников и офицеров, в большинстве своем стоявших на позициях официального кавказоведения, страдали серьезными методологическими недостатками. Изучение проводилось неравномерно, преобладал интерес к вопросам общественного строя кумыков, в то время как материальная и духовная культура мало привлекали внимание исследователей.

Следует учесть также, что ряд дореволюционных работ написан с позиций архаизации общественно-экономического строя народов Дагестана, с явным стремлением подчеркнуть архаичные и экзотические элементы их быта.

За последние десятилетия историки-дагестановеды на основе богатого фактического материала создали ряд ценных исследований.

В числе этих работ следует, прежде всего, назвать коллективные труды научных сотрудников Института истории, языка и литературы (ныне Институт истории, археологии и этнографии) Дагестанского научного центра, ученых Северного Кавказа и центральных научных учреждений – «Очерки истории Дагестана» (Т.1-II.

¹ Этнографическое обозрение. 1905, №2-3; Там же, 1910. №1-2.

¹ См.: Собрание сочинений Маная Алибекова (на кумыкском языке). Буйнакск, 1925.

² См.: Сборник сведений о Терской области (ССТО). Вып.1. Владикавказ, 1879. С. 290-297.

³ Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа – (далее СМОМПК). Вып.17. 1893. Раздел III. С. 1-95.

⁴ Там же.

Махачкала, 1957), «История Дагестана» в четырех томах (М., 1967, 1968, 1969), «История народов Северного Кавказа» в двух томах (М., 1988).

Крупный вклад в изучение истории Дагестана внесли работы С.В. Юшкова – «К вопросу об особенностях феодализма в Дагестане» («Ученые записки Свердловского педагогического института». Т.1, 1938), Р.М. Магомедова – «Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII – начале XIX века» (Махачкала, 1957) и Х.-М.О. Хашаева – «Общественный строй Дагестана в XIX веке» (М., 1961). Эти работы посвящены изучению социально-экономического развития Дагестана в целом. Но в них имеются специальные разделы о земельно-правовых отношениях, классовой структуре и системе административно-политического управления в феодальных владениях равнинного Дагестана – Тарковском шамхальстве, Мехтулинском ханстве и др.

Большой вклад в исследование древней и раннесредневековой истории населения равнинного и предгорного Дагестана внесли А.П. Круглов¹, Е.И. Крупнов², К.Ф. Смирнов³, В.Г. Котович⁴, В.И. Марковин⁵, Р.М. Мунчаев⁶, М.Г. Гаджиев, М.М. Маммаев,

¹ Круглов А.П. Северо-Восточный Кавказ во II-I тыс. до н.э. – Материалы и исследования по археологии СССР (МИА). Вып.68, М.-Л., 1958; Он же. Археологические работы на Северном Кавказе – КСИИМК. Вып. V. М.-Л., 1940.

² Крупнов Е.И. Каякентский могильник – памятник древней Албании. Тр. ГИМ, XI, 1940; Он же. Северокавказская экспедиция. – КСИИМК. XXI. М.-Л., 1947; Он же. Новый памятник древних культур Дагестана. – МИА СССР. Вып.23. М.-Л., 1951; Он же. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960; Он же. К историко-археологическому изучению степного Дагестана и северо-западного Прикаспия. МАД. Т.II. Махачкала, 1961.

³ Смирнов К.Ф. Агачкалинский могильник – памятник хазарской культуры Дагестана. КСИИМК. XXXVIII, 1951; Он же. Археологические исследования в районе дагестанского сел. Тарки в 1948-1949 годах. – МИА СССР. Вып.23. М.-Л., 1951; Он же. Грунтовые могильники албанско-сарматского времени у сел. Карабудахкент. – МАД. Т.II. Махачкала, 1961.

⁴ Котович В.Г. Новые археологические памятники южного Дагестана. – МАД Т.1; Он же. Каменный век Дагестана: Автореферат диссертации на соискание ученой степени канд.ист.наук. Л., 1962.

⁵ Марковин В.И. Археологические памятники в районе сел. Капчугай Дагестанской АССР. СА.ХХ. М., 1954; Он же. Археологические находки на территории Тарнаира (Дагестан). – КСИИМК, 67, 1957; Он же. Древние изображения на скалах в районе г. Буйнакса. – МАД. Т.II. Махачкала, 1961.

⁶ Мунчаев Р.М. Каякентское поселение и проблема Кавказского неолита. – СА. ХХII, 1955; Он же. Древнейшая культура Северо-Восточного Кавказа. – МИА. Вып.100. М.-Л., 1961; Он же и Смирнов К.Ф. Памятники эпохи бронзы в Дагестане. – СА. ХХVI. 1956; Он же. Археологические памятники близ с. Карабудахкент (Дагестанск. АССР). – МИА, Вып.68. 1958.

О.М. Давудов, Л.Б. Гмыря, М.С. Гаджиев, Р.Г. Магомедов и др.¹ По вопросу происхождения кумыков много ценных сведений в работах Я.А. Федорова и Г.С. Федорова-Гусейнова².

Русско-кумыкские отношения рассматриваются в содержательных работах Е.Н. Кушевой³, Н.А. Смирнова⁴, А.В. Фадеева⁵, В.Г. Гаджиева⁶.

Глубокий анализ вопросов, касающихся экономического развития Дагестана, в том числе и его равнинной части, в конце XIX и начале XX века, сделан в работах И.Р. Нахшунова⁷, Г.Г. Османова⁸, Х.Х. Рамазанова⁹ и др.

Период социалистического строительства в Дагестане освещен в монографиях Г.Ш. Каймаразова¹⁰, А.А. Абилова¹¹, Г.-А. Даниялова¹², А.И. Османова¹³, А.С. Гаджиева¹⁴ и др. При написании разделов по истории и культуре кумыков до начала XX в. мы широко

¹ Подробно – см.: глава I настоящей работы.

² Федоров Я.А. К вопросу об этногенезе кумыков. – Научные доклады высшей школы. Исторические науки. Вып.1. М., 1959; Федоров-Гусейнов Г.С. История происхождения кумыков. Махачкала, 1996.

³ Кушева Е.Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией. М., 1963.

⁴ Смирнов Н.А. Политика России на Кавказе в XVI-XIX вв. М., 1958; Он же. Россия и Турция в XVI-XVII вв. Т.1-2, М., 1946.

⁵ Фадеев А.В. Очерки экономического развития степного Предкавказья в дореволюционный период. М., 1957.

⁶ Гаджиев В.Г. Роль России в истории Дагестана. М., 1965; Он же. Сочинение И. Гербера «Описание стран и народов между Астраханью и рской Курой находящихся». М., 1979.

⁷ Нахшунов И.Р. Экономические последствия присоединения Дагестана к России. Махачкала, 1956.

⁸ Османов Г.Г. Аграрные отношения в дагестанском ауле накануне Великой Октябрьской социалистической революции. – Тр.Института истории партии при Дагобкоме КПСС. Махачкала, 1957; Он же. О социальном строе Дагестана в конце XVIII – нач. XIX вв. – Уч.зап.ИИЯЛ, Т.VII, Махачкала, 1960; Он же. Социально-экономическое развитие дагестанского доколхозного аула. М., 1965.

⁹ Рамазанов Х.Х. Крестьянская реформа в Дагестане. – УЗ ИИЯЛ. Т.II, Махачкала, 1957.

¹⁰ Каймаразов Г.Ш. Культурное строительство в Дагестане. Махачкала, 1960; Он же. Очерки истории культуры народов Дагестана. М., 1971.

¹¹ Абилов А.А. Очерки советской культуры народов Дагестана. Махачкала, 1959.

¹² Даниялов Г.-А.Д. Социалистические преобразования в Дагестане 1921-1941 гг. Махачкала, 1960.

¹³ Османов А.И. Коллективизация сельского хозяйства в Дагестане. Махачкала, 1961.

¹⁴ Гаджиев А.С. Помощь русского народа в установлении Советской власти в Дагестане. Махачкала, 1963.

пользовались ценными трудами Р.М. Магомедова, Х.О. Хашаева, Е.Н. Кушевой, Л.И. Лаврова, Г.Г. Османова, А.В. Гадло, В.Г. Гаджиева, Х.Х. Рамазанова, А.Р. Шихсаидова, Р.Г. Маршаева, Г.Ш. Каймаразова, М.-С.К. Умаханова, Б.Г. Алиева, Ф.В. Феодаевой, Н.А. Сотавова и др.

Проводилась большая работа по сбору и систематизации произведений устного творчества народов Дагестана. Она особенно усилилась после первого съезда советских писателей, с трибуны которого А.М. Горький призывал собирать и изучать фольклор. «Подлинную историю народа, – говорил М. Горький, – нельзя знать, не зная устного народного творчества»¹. В работе по изучению фольклора Дагестана большую инициативу проявили Научно-исследовательский институт национальных культур при ЦИК ДАССР, писательская организация Дагестана, учительские коллективы и ряд других организаций. Активными собирателями кумыкского фольклора были, в частности, известный драматург А.-П. Салаватов, поэты А. Аджаматов, А.-В. Сулейманов, поэт и сказитель Аяв Акавов и др. В результате в рукописном фонде Института истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР сосредоточился обширный материал, представляющий все жанры устного творчества кумыков. Часть этого материала вошла в изданную в 1939 году популярную книгу «Чечеклер» («Цветы» – альманах кумыкской литературы), другая – в изданную в 1959 году «Сокровищницу песен кумыков», составленную А. Аджаматовым и Ш. Альбериевым. Одновременно проводилась работа по изучению и систематизации собранных материалов. А.-П. Салаватов написал несколько статей под названием «Анализ частушек и песен», «Объяснительная записка к сказкам» и др.², где дается научный анализ фольклора.

Кумыкские сказки были изданы отдельными книжками известным народным сказителем, кумыком из с. Эндирей Хасавюртовского района Аявом Акавовым³. В альманахе «Дослукъ» («Дружба») также были помещены отдельные разделы по фольклору кумыков (сказки, рассказы, пословицы, песни), собранные и со-

ставленные А. Аткаем (А. Аджаматовым)¹, З.Н. Даибовым² и М. Хангишиевым³. В 1958 году вышел сборник «Кумыкские народные сказки», составленный С.Ш. Гаджиевой и Г.Б. Мусахановой (Махачкала, 1959).

Отдельные образцы произведений устного творчества кумыков были изданы в художественном переводе на русский язык. Фольклорные материалы самых различных жанров печатались в сборниках «Дагестанская антология» (М., 1934), «От всего сердца» (Махачкала, 1940), «Песни страны гор» (Махачкала, 1947), «Поэзия народов Дагестана» (Махачкала, 1954), «Из дагестанской народной лирики» (пер. Н. Гребнева, Махачкала, 1956), «Дагестанские народные сказки» (сост. Н. Капиева. М., 1958), «Поэзия народов Дагестана» (Ч.І. М., 1960) и др.

Однако работа по изданию фольклорных произведений, тем более по их изучению и анализу, до сих пор еще не стоит на уровне научных возможностей и запросов времени. При всем богатстве собранного материала, при наличии отдельных крупных работ (см. следующую главу), все же мы имеем в этой области существенные недоработки.

Коренные изменения произошли в этнографическом изучении народов Дагестана, в том числе кумыков, за годы советской власти. Большая роль в деле этнографического изучения Дагестана принадлежит Институту этнографии АН СССР, который, начиная с 1950 года, проводит этнографические экспедиции в Дагестан и за это время подготовил из представителей местных народностей ряд специалистов-этнографов.

В этнографическое изучение народов Дагестана большой вклад внесли профессор М.О. Косвен, руководивший в качестве заведующего сектором Кавказа все эти годы работой дагестанской этнографической экспедиции Института этнографии АН СССР и подготовкой из числа дагестанцев специалистов-этнографов и давший ряд ценных теоретических работ, освещающих проблемы эт-

¹ А т к а й . Из кумыкского фольклора. «Дослукъ», 1954. №3. С. 109-125; О н же. Из сокровищницы устного творчества кумыков. – «Дослукъ», 1957. №1. С. 63-70.

² Д а и б о в З.Н. Пословицы и поговорки кумыков. – «Дослукъ», 1957, №2. С. 63-70.

³ Х а н г и ш и е в М. Несколько слов об устном творчестве кумыков. – «Дослукъ», 1958. №3.

нографии¹, Г.Ф. Дебец, Е.М. Шиллинг, Л.И. Лавров, З.А. Никольская, Б.А. Гарданов, Б.А. Калоев, Л.Б. Панек, Г.А. Сергеева и др. За последнее время, особенно после создания сектора этнографии Института ИАЭ ДНЦ и комплектования его соответствующими научными кадрами, этнографическая наука Дагестана обогатилась рядом ценных исследований (см. труды С.Ш. Гаджиевой, М.М. Ихилова, А.И. Алиева, С.С. Агашириновой, М.-З.О. Османова, М.А. Агларова, А.И. Исламмагомедова, А.Г. Булатовой, Б.М. Алимовой, Г.А. Гаджиева, С.А. Лугуева, Р.А. Ибрагимова, З.Б. Рамазановой и др.).

Большую роль в этой области играют труды по историческому языкознанию. Здесь в первую очередь следует отметить основополагающие работы известных отечественных ученых Н.К. Дмитриева (Грамматика кумыкского языка. М.-Л., 1940) и Н.А. Баскакова (Тюркские языки. М., 1960; Очерки истории функционального развития тюркских языков и их классификация. Ашхабад, 1988).

Значительным подспорьем в изучении истории кумыков служат труды дагестанских языковедов и фольклористов. Среди языковедческих исследований следует выделить труды Абусуфьяна Акаева, создателя первых на Северном Кавказе многоязычных словарей и астрономических таблиц; Магомеда Хангишиева, Абдулгамиды Батырмурзаева, Мурзы Темирханова, Зияудина Бамматова, Ибрагима Керимова, Т.Г. Таймасхановой, Б.Г. Бамматова, Дж.М. Хангишиева, Г.М.-Р. Оразаева, К. Кадыраджиева, Н.Х. Ольмесова и др.

Становление кумыкской фольклористики и литературоведения связано с именами таких видных деятелей в области культуры, как М.-Э. Османова, П. Головинский, Д.-М. Шихалиев, А. Шемшединов, Абусуфьян Акаев, Н. и З. Батырмурзаевы, традиции которых были продолжены и развиты А.-П. Салаватовым, Т.-Б. Бийболатовым, Б. Чобан-заде, Б. Астемировым, М. Хангишиевым, А. Акавовым, А. Назаревичем и др. Большой вклад в дальнейшее развитие кумыкской филологии внесло следующее поколение писателей, поэтов, ученых: А.Аджаматов, А.-В. Сулейманов, К. Султанов, И. Керимов, Г. Мусаханова, И. Асеков и др. Новый, современный этап развития кумыкского литературоведения и фольклористики

связан с именами К. Абукова, А. Аджиева, А.-К. Абдуллатипова, З. Акавова, С. Алиева, Г. и К. Ханмурзаевых, Казбека Султанова и др.¹

Мы пользовались в настоящей работе также изданными архивными материалами. Большое значение для изучения нашей темы имеют труды С.А. Белокурова «Сношения России с Кавказом» (М., 1889); «Акты, собранные Кавказской Археологической Комиссией» (тт. I-XII); «Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными» (Т. II. СПб., 1852); И. Веселовского «Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией» (Т. I. СПб., 1890); Сборники архивных документов «Русско-дагестанские отношения XVII – первой четверти XVIII вв. Документы и материалы» (Махачкала, 1958, сост. Р.Г. Маршаев); «Кабардино-русские отношения в XVI-XVIII вв.» (Т. I. М., 1957, сост. Е.Н. Кушева, Н.Ф. Демидова и А.М. Персов); «История, география и этнография Дагестана XVIII-XIX вв.» (М., 1958, под ред. М.О. Косвена и Х.-М. Хашаева).

Нами использованы материалы центральных и местных архивов: ЦГВИА Российской Федерации (ф. ВУА); ЦГИАЛ (ф. 1268); ЦГИА Грузии (фонды 416, 4, 2, 545, 12, 5, 231, 9, 13, 545); ЦГА Северной Осетии (фонды 11, 242, 262, 254, 523); ЦГА Республики Дагестан (фонды 2, 3, 4, 21, 105, 258, 250, 249, 248, 247, 236; 20, 147, 121, 126, 187, 226, 6, 71, 80, 566-р, 35-р, 24-р и др.) и некоторые материалы, хранящиеся в рукописном фонде Института истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН (дела 1198, 973, 1353, 1325, 1330, 1300, 1413, 1361 и др.), а также коллекции Дагестанского объединенного исторического и археологического музея и Государственного этнографического музея в Санкт-Петербурге.

Большое значение для изучения истории и культуры кумыков имеют хранящиеся в ЦГАДА и в Дагестанском государственном архиве материалы на тюркском языке («Тюрки»), на котором писали письма кумыкские владетели и послы на имя русских царей, астраханских губернаторов, кизлярских комендантов².

За последние годы опубликован ряд ценных архивных материалов, среди которых следует особо выделить сборники: «Памят-

¹ См.: Косвен М.О. Этнография и история Кавказа. Исследования и материалы. М., 1961; Он же. Материалы по истории и этнографии Кавказа в русской истории. – КЭС. Вып. 1-3. М., 1955, 1958, 1962.

¹ Об их трудах см. в главе, посвященной фольклору и литературе.

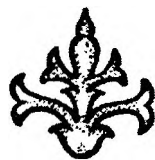
² Оразаев Г.М.-Р. Северокавказские «тюрки» в системе тюркских региональных письменных языков. XVI-XIX вв. – Советская тюркология. Баку, 1987. №3.

ники обычного права Дагестана XVII-XIX вв.» (составление, предисловие и примечания Х.-М. Хашаева. М., 1965); «Из истории права народов Дагестана» (составитель А.-С. Омаров. Махачкала, 1968); «Феодальные отношения в Дагестане. XIX – начало XX вв.» (составление и примечания Х.-М. Хашаева, 1969); «Русско-дагестанские отношения в XVIII – начале XIX вв.» (составители Д.-М.С. Габиев, Н.А. Магомедов, Ф.З. Феодаева, Р.С. Шихсаидова. М., 1988).

Использованы, кроме того, данные официальных отчетов, в частности: «Обзоры Дагестанской области», которые издавались ежегодно с 1892 по 1915 годы, «Всепогоднейшие отчеты начальника Терской области», а также «Сборники сведений о кавказских горах», «Сборники материалов для описания местностей и племен Кавказа», «Кавказский календарь», выходявший ежегодно с 1846 по 1917 год, «Терский календарь», газеты «Кавказ», «Терские ведомости», «Красный Дагестан», «Елдаш», «Дагестанская правда», «Ленин ёлу» и другие периодические издания.

Вместе с тем основным источником исследования некоторых разделов явились для нас полевые этнографические материалы, непосредственно собранные в процессе экспедиционных работ в течение многих лет (особенно в 1960-1990 гг.) во всех районах расселения кумыков.

Таким образом, можно отметить, что сделано немало для изучения истории и культуры кумыкского народа на многих этапах его развития как в дореволюционное время, так и на современном этапе. Однако не все проблемы кумыкской истории и этнографии изучены одинаково равномерно. Эти задачи мы постарались, по мере сил, учесть и решить при написании настоящей книги.

Глава I

ПРОБЛЕМЫ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ПРИКАСПИЙСКОГО ДАГЕСТАНА С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН ДО XV В.

Характеристику основных вопросов нашего исследования предваряет очерк этнополитического развития народов Прикаспийского Дагестана, а конкретнее тех районов, где зафиксировано компактное проживание кумыков. Для обозначения этих территорий мы используем два условных названия – Прикаспийский Дагестан и Кумыкская равнина, хотя содержание первого несколько шире ареала проживания кумыков, а второго напротив – уже¹.

Вводный очерк базируется в основном на исторических исследованиях, изданных в последние 30 лет, хотя широко используются и более ранние работы, не потерявшие своей актуальности.

Дагестан впервые был заселен человеком в древнекаменном веке (150–80 тыс. лет назад), однако периодические оледенения, сопровождавшиеся трансгрессиями Каспийского моря, препятствовали стабильному существованию в этом регионе первобытных охотников и собирателей². Благоприятные условия для обитания людей сложились на Северо-Восточном Кавказе с началом среднекаменного века (мезолита), относимого к VIII–VII тыс. до н.э. (10–9 тыс. лет назад). В этот период произошло окончательное заселение людьми территории Дагестана, положившее начало стабильному и поступательному развитию культуры населения региона³. К

¹ В прошлом территория Терско-Сулакского междуречья, заселенная кумыками, именовалась и Кумыкской плоскостью.

² Котлов В.Г. Каменный век Дагестана. Махачкала, 1964. С. 36-39, 46-65 и др.; История Дагестана. М., 1967. Т. I. С. 11-21; Амирханов Х.А. Манас-озеньские мустьерские местонахождения в Прикаспии – Новое в археологии Северного Кавказа. М., 1986. С. 5-26; Гаджиев М.Г., Давудов О.М., Шихсаидов А.Р. История Дагестана. Махачкала, 1996. С. 6-17.

³ Амирханов Х.А. Чохское поселение. Человек и его культура в мезолите и неолите горного Дагестана. М., 1987; Гаджиев М.Г. О демографических и этногенетических процессах в Дагестане в первобытную эпоху – Алародии (этно-

этому же времени исследователи относят протекание процессов «формирования прапахско-дагестанской этнической, языковой общности, начало сложения своеобразных особенностей местной культуры, отличающих ее от культур других регионов Кавказа и сопредельных областей»¹. Существовавшее на протяжении тысячелетий культурное единство региона² на рубеже эпохи ранней и средней бронзы (конец III – нач. II тыс. до н.э.) начало свой распад³. Северо-Восточный Кавказ превратился «в весьма пестрый в этнокультурном отношении регион»⁴. Одной из причин глобальных изменений в культурно-историческом развитии наряду с экологической (иссушение климата) стало проникновение в приморские и предгорные районы Дагестана степного населения юга России, оказавшего активное влияние на характер материальной культуры и идеологии местного населения⁵. Именно с бронзовым веком исследователи связывают начало процесса формирования современных народов Дагестана⁶, этнические наименования которых впервые появились в трудах античных авторов I тыс. до н.э.

Экономическое и этнокультурное развитие Дагестана в последующую эпоху раннего железного века протекало на фоне последовательных вторжений степных ираноязычных племен (IX в. до н.э. – IV в. до н.э.), оказавших определенное влияние на характер материальной культуры, развитие военного дела и особенность идеологии местных племен⁷.

генетические исследования). Махачкала, 1995. С. 15-17; Гаджиев М.Г. и др. Указ.соч. С. 17-22; 42-46.

¹ Гаджиев М.Г. Указ.соч. С. 14; Гаджиев М.Г. и др. Указ.соч. С. 42.

² Мунчаев Р.М. Кавказ на заре бронзового века. М., 1975. С. 149-196; Гаджиев М.Г. Раннеземледельческая культура Северо-Восточного Кавказа. М., 1991. С. 127-244; Гаджиев М.Г. О демографических и этногенетических процессах... С. 17-19.

³ Марковин В.И. Дагестан и горная Чечня в древности – МИА. 1969. №122. С. 86-88; Гаджиев М.Г. Дагестан и юго-восточная Чечня в эпоху средней бронзы – Древности Дагестана. Махачкала, 1974. С. 12-16; Гаджиев М.Г. О демографических и этногенетических процессах... С. 20-24; Гаджиев М.Г. и др. Указ.соч. С. 92-93.

⁴ Гаджиев М.Г. О демографических и этногенетических процессах... С. 20; Гаджиев М.Г. и др. Указ.соч. С. 93.

⁵ Гаджиев М.Г. Указ.соч. С. 21; Гаджиев М.Г. и др. Указ.соч. С. 93.

⁶ Гаджиев М.Г. Указ.соч. С. 24; Гаджиев М.Г. и др. Указ.соч. С. 94.

⁷ Давудов О.М. Этнокультурные процессы в Дагестане эпохи раннего железа. – Алародии. Махачкала, 1995. С. 28-37.

1. ПЕРВЫЕ ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ОБРАЗОВАНИЯ В ПРИКАСПИЙСКОМ ДАГЕСТАНЕ

Кавказская Албания

Время, ограниченное рамками III в. до н.э. – III в. н.э., обозначают в истории Дагестана албанской эпохой¹. Появление на исторической арене государства Кавказская Албания относят к I в. до н.э.² В определенный период некоторые области Дагестана, в их числе и Прикаспийский регион, входили в состав государства Кавказская Албания, являясь ее северными провинциями (его северные области соприкасались с владениями сармат, обитавших к северу от низовий р. Сулак).

Кавказская Албания объединяла в своем составе 26 восточно-кавказских племен. Античные авторы чаще всего пишут о каспиях, албанах, гелах, легах, утиях и некоторых других³.

Исследователи полагают, что под этнонимом «леки» подразумевались горные племена Дагестана, однако не ясно, «означал ли этноним «леки» определенную народность Дагестана – лезгин или лаков или же этим термином традиционно обозначались вообще дагестанцы»⁴. Относительно же гелов (гелы, hali) нет определенных суждений. Из сообщений древних авторов ясно, что эти племена жили рядом с леками, по всей вероятности, севернее их, т.е. населяли равнинный и предгорный Дагестан, где в настоящее время проживают кумыки и даргинцы. Предполагая наличие между легами и гелами определенной связи, мы ставим вопрос: не оставили ли гелы – большое древнее племя Дагестана, след в топонимике – в названиях ряда селений (например, кумыкские села Гели и Доргели Карабудахкентского района).

В равнинном Дагестане, на побережье Каспийского моря, по видимому, жили и удины (утины, уды)⁵ – племена, известные еще

¹ Котович В.Г. Проблемы культурно-исторического и хозяйственного развития населения древнего Дагестана. М., 1982. С. 117.

² Тревер К.В. Очерки по истории и культуре Кавказской Албании. IV в. до н.э. – VII в. н.э. М.-Л., 1959. С. 7 и сл.; Халилов Дж.А. Материальная культура Кавказской Албании: IV в. до н.э. – III в. н.э. Баку, 1985. С. 195; Давудов О.М. Дагестан в III в. до н.э. – IV в. н.э. Опыт этнокультурной и социально-экономической характеристики. Автореф. докт.дисс. Тбилиси, 1990. С. 7-33.

³ История Дагестана. Т.1. С. 105-106; Страбон. География. М., 1964. С. 472, 476, 481.

⁴ История Дагестана. Т.1. С. 107.

⁵ Библиографию о локализации удин см.: Давудов О.М. Об этнокультур-

Страбону под именем «витиев», Плинию – «удинов», а по Птолемию – «судов»¹.

По данным античных авторов, на значительной части прибрежной полосы Дагестана, до самой Албании, на юге во II в. н.э. жили каспии, а севернее их – гунны (унны, хунны)². Позже историки, в частности Моисей Хоренский в «Истории Армении» и Моисей Каганкатвацци в «Истории агван» отмечают наличие в равнинном Дагестане племени басилов³.

Городища и поселения албанского времени на территории Дагестана расположены в основном в приморских районах. На территории компактного проживания кумыков к настоящему времени исследовано 7 поселений и 6 могильников, бытовавших в разные периоды албанского времени⁴. Наиболее известными среди них являются Андрейаульское городище близ с. Эндирей, Таркинский и Карабудахкентский могильники, городища Урцеки (близ с. Уллубий-аул) и Таргу (близ с. Мамма-аул). Большинство поселений албанского времени продолжали существовать и в раннем средневековье.

Городища Прикаспийского Дагестана албанского времени сопоставляются с некоторыми городами Кавказской Албании, которых, по данным античных авторов, было около 30⁵. Археологические исследования поселений и городищ во многом подтверждают свидетельства древних авторов о процветании городской и сельской жизни в Кавказской Албании, в том числе и в Прикаспийском Дагестане. Материалы, добытые при раскопках Андрейаульского и Урцекинского городищ, свидетельствуют, что в албанское время это были крупные экономические центры с развитыми ремеслами.

ной характеристике памятников Прикаспийского Дагестана. – Этнокультурные процессы в древнем Дагестане. Махачкала, 1987. С. 38-39.

¹ Страбон. Указ. соч. С. 481; Плиний Старший. Естественная история, VI, 38. – ВДИ, 1949, №2. С. 302; Птолемию. Географическое руководство. – ВДИ, 1948, №2. С. 249.

² Дионисий. Описание населенной земли. – ВДИ, 1948, №1. С. 240-241.

³ История Армении Моисея Хоренского. Рус. пер. Эмина Н.О.М., 1893. С. 113, 131 (далее: История Армении); История агван Моисея Каганкатвацци, писателя X века. Пер. с арм. Патканьяна К.П. СПб., 1861. С. 21 (далее: История агван).

⁴ Абакаров А.И., Давудов О.М. Археологическая карта Дагестана. М., 1993. С. 69-74; Гмыря Л.Б. Прикаспийский Дагестан в эпоху Великого переселения народов. Махачкала, 1993. С.136-147.

⁵ История Дагестана. Т.1. С. 111; История Северного Кавказа. Т.1. С. 89.

Наибольшего расцвета достигло керамическое производство, развиты были также строительное дело, бронзолитейное производство, железоделательное ремесло, камнеобработка, ткачество и др.¹

Каждый крупный населенный пункт имел свою сельскохозяйственную округу. Основными занятиями населения оставались земледелие и скотоводство. В культурном слое поселений албанского времени часто встречаются зернотерки, жернова, терочники, чаши-ступы, применявшиеся для переработки зерна. В жилищах и рядом с ними сооружались ямы-хранилища зерна, зерно также хранилось в специальной таре – крупных керамических сосудах-хумах.

Археологические находки свидетельствуют о достаточно активной меновой торговле, имевшей место в городах Прикаспийского Дагестана. В Дагестан попадали вещи, вывезенные из Сирии, Палестины, Египта, Индии, с берегов Балтийского моря².

Конец албанского периода в истории Дагестана (II–III вв. н.э.) исследователи обозначают обычно албано-сарматским временем, учитывая определенную роль сармат в развитии некоторых сторон жизни населения Прикаспийского Дагестана. Считается, что сарматские племена проникли на каспийское побережье Дагестана в конце I тыс. до н.э. из районов Северного Прикаспия. Ираноязычные сарматские племена называются античными писателями аорсами и сираками. Аорская конференция племен во II в. до н.э. – I в. н.э., по данным письменных источников, контролировала торговый путь вдоль дагестанского побережья Каспийского моря³.

Следы влияния сарматской культуры на культуру местных племен прослежены на материалах некоторых поселений и могильников Прикаспийского Дагестана – Андрейаульское городище, Большой Буйнакский курган, Сулакские курганы, Таркинский и Карабудахкентский могильники и др.

¹ Маммаев М.М. Декоративно-прикладное искусство Дагестана. Махачкала, 1989. С. 61-63 и др., рис.101, 102 и др.; Гмыря Л.Б. Столовая керамика Андрейаульского городища (типология и стратиграфия). – Средневековые древности Евразийских степей. М., 1980. С. 105-134.

² История Дагестана. Т.1. С. 112; История народов Северного Кавказа. Т.1. С. 90.

³ Смирнов К.Ф. Археологические исследования в районе дагестанского сел. Тарки. – МИА, №23, 1951. С. 271-272; Он же. Грунтовые могильники албано-сарматского времени у сел. Карабудахкент. – МАД. Т.2, 1961. С. 209.

Страна гуннов

Для этнической истории кумыков большое значение имели события, начавшиеся в 70-х гг. IV в. н.э. Мы имеем в виду глобальные передвижения степных племен из Азии на просторы южно-русских и северокавказских степей, и прежде всего гуннов, сыгравших определенную роль в историческом процессе Прикаспийского Дагестана в период с IV по VIII в. н.э. Отдельные группы гуннов, как свидетельствуют источники, появились в Прикаспии в середине II в. н.э., а к 395 г. относится первый крупный поход каспийских гуннов в страны Закавказья и Передней Азии¹. Начиная с V в., источники четко фиксируют места расселения гуннских племен в Прикаспии, обозначая их терминами «область гуннов», «страна гуннов», «земля гуннов», а пограничный рубеж между Кавказской Албанией и владениями гуннов в Прикаспии – Дербентские укрепления – какой-то период определяли как «ворота гуннов». Исследователи приходят к выводу, что уже в VI в. гунны владели не только равнинными районами Прикаспия, но и ближайшими предгорьями².

К концу VII в. «страна гуннов» представляла собой политический союз племен, стоявший на пути к формированию государственности, основу экономики его составляли земледелие (производство зерновых, виноградарство) и скотоводство (разведение крупного и мелкого рогатого скота, лошадей, верблюдов). Развиты также были ремесла и торговля³.

Прикаспийский Дагестан в раннем средневековье населяли не только гуннские племена. Древние авторы, рассказывая о различных событиях, происходивших в регионе, упоминают также маскутов, басил, хайландурков, савир, народ банджар и баланджар, хазар, болгар, тюрков и др. Следует заметить, что имя «гунн» было не только этническим наименованием близкородственных, как считается, тюркоязычных в основной массе племен, обосновавшихся в Прикаспии с конца IV в. В письменных источниках им обычно на-

зывали все население региона, находившееся под политическим управлением гуннов, в том числе и местное. Это было обычным явлением в письменной культуре раннего средневековья. Мы уже говорили о Кавказской Албании, являвшейся конфедеративным государством, но известной из источников как «страна алван (албан)». Гунны, возглавившие союз племен Прикаспийского Дагестана, дали ему и свое этническое имя, оно закрепилось за Прикаспийским Дагестаном вплоть до разгромов, учиненных Арабским халифатом в Прикаспии в 30-е годы VIII в.

Даже города, возникшие в Прикаспии в албано-сарматский период, в письменных источниках VII–VIII вв. обозначаются не иначе, как гуннские города – Варачан, Мсндр (Семендер), Чунгарс, Таргу и др.¹

Во главе гуннского союза в Прикаспии стоял в конце VII в. князь Алп-Илитвер. Это был представитель аристократического рода, его власть распространялась на все стороны существования «страны гуннов», касающиеся войны и мирной жизни².

Для нашей темы определенный интерес представляют верования гуннов и других племен гуннского союза Прикаспия. В этом отношении весьма важны сведения, сообщаемые историком Моисеем Каганкатвацци, относящиеся к 80-м годам VII в.

Верховным божеством гуннов, по его данным, являлся Тенгри (Тенгри-хан), которого гунны представляли в образе героя-исполина. Он считался божеством неба, ему «они приносили в жертву жареных лошадей». Почитали гунны и бога-громовика – Куара, обожевляли солнце, луну, огонь, воду, поклонялись и некоторым «богам путей» и др. С религиозными верованиями, очевидно, был связан и обычай «нанесения ран и увечий в знак скорби по умершему»³.

В Прикаспийском Дагестане изучено к настоящему времени 16 поселений со слоями гуннского времени (IV–VII вв.) и 21 могильник⁴. Слои гуннского времени выявлены на таких крупных горо-

¹ Подробнее об этом см.: Артамонов М.И. История хазар. М.-Л., 1961. С. 53; Гадло А.В. Этническая история Северного Кавказа. IV–X вв., С. 17-18; Гмыря Л.Б. Страна гуннов у Каспийских ворот. Махачкала, 1995. С. 46-49.

² Гмыря Л.Б. Указ.соч. С. 54-64.

³ Там же. С. 115-126, 134-163; Она же. Об общественных отношениях у гуннов Северо-Восточного Кавказа VI–VII вв. – Развитие феодальных отношений у народов Северного Кавказа. Махачкала, 1988. С. 116.

¹ Подробнее об этом см.: Гмыря Л.Б. Страна гуннов... С. 134-163.

² Там же. С. 166-170.

³ История агван. С. 193-194; Артамонов М.И. Указ.соч. С. 187; Гмыря Л.Б. Языческие культы у гуннов Северо-Восточного Кавказа. – Обряды и культы древнего и средневекового населения Дагестана. Махачкала, 1986. С. 90-108; Она же. Страна гуннов... С. 219-243.

⁴ Гмыря Л.Б. Прикаспийский Дагестан... С. 4.

дищах, как Новая Надежда, Адрейаульское, Бавтугаевское, Сигитминское, Махачкалинское, Урцекинское, Таргунское.

Другой племенной союз, также входивший в свое время в гуннскую конфедерацию, а затем существовавший самостоятельно, составляли б о л г а р ы . Последние, очевидно, проникли в Европу, в частности в северокавказские степи (в области Западного Прикаспия), еще в догуннский период. В греческом хронографе 354 г., в котором дается список народов, населявших район Северного Кавказа, наряду с другими племенами названы и болгары¹. Сирийские источники часть их локализуют в Северном Дагестане, в качестве ближайших соседей болгар названы аланы²: Хотя в сирийских источниках земля за Каспийскими воротами часто называется «гуннскими пределами», все же в них различаются племена булгаров и гуннов³.

Мощный натиск и оседание кочевников (гуннов и других, входивших в разные конфедерации тюркских племен – савиров, болгаров, утигуров, кутригуров и др.), несомненно, не могли не положить начало изменению этнического облика населения равнинного Дагестана и распространению тюркского языка в этом регионе. Этот процесс, надо полагать, дальнейшее свое развитие получает на следующих этапах этнополитических событий, происходивших в регионе в VII–VIII вв.

Хазария

Как известно, в первой половине VII в. в степях Северо-Восточного Кавказа возникает Хазарское государство, просуществовавшее более 300 лет и сыгравшее значительную роль в политической, экономической и этнической истории многих народов этого региона, в том числе и кумыков⁴.

¹ См.: Мерперт Н.Я. К вопросу о древнейших болгарских племенах. Казань, 1957. С. 7.

² Пигулевская Н.В. Сирийские источники по истории народов СССР, М.-Л., 1941. С. 165.

³ Там же. С. 166.

⁴ Подробно см.: Артамонов М.И. Указ.соч.; История Дагестана. Т.1. С. 127-130; Федоров Я.А., Федоров Г.С. Ранние тюрки на Северном Кавказе. М., 1978. С. 179-215; Гадло А.В. Указ.соч. С. 126-187; Магомедов М.Г. Образование Хазарского каганата; История народов Северного Кавказа... С. 116-122; Плетнева С.А. Хазары. М., 1986; Новосельцев А.П. Хазарское госу-

дарство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М., 1990; Гумилев Л.Н. Тысячелетие вокруг Каспия. Баку, 1991.

Хазарский каганат представлял собой в этническом и политическом отношении сложную федерацию племен. Хазары находились в тесной этнической связи, например, с болгарами¹. Этнические и родственные отношения связывали хазар и с барсилами. Как правило, «жена хазарского кагана, хатун, бралась из этого племени»². У арабских авторов страна Барсилия (ал-Баршалия) упоминается, например, в связи с ирано-тюркскими войнами, которые имели тяжелые последствия для населения Прикаспийского Дагестана. Известно, что ожесточенные сражения между войсками двух враждовавших государств, Сасанидского Ирана и Тюркского каганата, происходили не только в районе Каспийского прохода, но и близ селений Хамри (Каякент), Таргу и других прибрежных селений, также, надо полагать, имевших отношение к Барсилии. В стране ал-Баршалия (Барсилия), по данным тех же арабских авторов, иранский царь Хосров I Ануширван (531-579 гг.) имел встречу с каганом тюрков в связи с намерением возводить известные Дербентские укрепления, и там же они дали друг другу торжественное обещание во взаимной поддержке и «вечной» дружбе³. На это обстоятельство впервые обратил внимание известный французский ученый Доссон⁴. Хазары неоднократно завоевывали Дербент «и держали здесь военные гарнизоны»⁵. Более того, из Дербента они совершали свои походы в страны Закавказья.

Следует отметить, что по вопросу о территории расселения барсилов у ученых имеются различные мнения. Большинство исследователей, ссылаясь на сведения ранних авторов, склонны признать регионом их расселения Северный Дагестан, т.е. земли к северу от Дербента⁶.

¹ Артамонов М.И. Указ.соч. С. 171.

² Там же. С. 184.

³ См.: Баладзори. Книга завоевания стран. Перев. с араб. Жузе П.К. Баку, 1927. С. 6-7; Кудаман. Китаб ал-Харадж. Цит. по: Караулов Н.А. Сведения арабских писателей о Кавказе, Армении и Азербейджане. Пер. и прим. Караулова Н.А. – СМОМПК. Вып. 32. Тифлис, 1903. С. 31.

⁴ D'Ohsson. Les peuples du Caucase. Paris, 1828, p.10, прим.3.

⁵ Магомедов М.Г. Указ.соч. С. 53; См. также: Бунятов З.М. О длительности пребывания хазар в Албании в VII–VIII вв. Изв. АН Аз. ССР. 1961, №1; Он же. Азербайджан в VII–IX вв. Баку, 1985. С. 180.

⁶ См.: Артамонов М.И. Указ.соч. С. 130-132; Гадло А.В. Указ.соч. С. 62-68; Магомедов М.Г. Образование Хазарского каганата. М., 1983. С. 178; Гаджиева С.Ш. Кумыки. М., 1961. С. 36-37.

По описаниям древних авторов, и барсилы, и савиры жили в южной части Хазарии в пределах равнинного Дагестана. Думается, Барсилия имела отношение к крупнейшему в равнинном Дагестане с. Башлы и прилегающим землям. Доссон указывал на возможную связь этих топонимов¹. Барсилию современные исследователи определенно локализируют в Дагестане. «Страна Барсилия, – пишет выдающийся хазаровед М.И. Артамонов, – соответствует современному Северному Дагестану»², т.е. территории к северу от Дербента.

В Дагестане вся прикаспийская полоса вплоть до Дербента и даже некоторые предгорные земли, как отмечалось выше, еще в V–VII вв. были заняты не только коренным населением, но и пришлыми, оседавшими здесь племенами гуннского круга, с которыми также были этнически близки хазары³.

На Северном Кавказе к началу VIII в. в состав Хазарии входили «страна гуннов», Алания, Барсилия и др. племенные объединения⁴. К этому времени под политической властью хазар находились чуть ли не все равнинные и предгорные земли Приморской равнины Дагестана, с их древним и пришлым населением.

Таким образом, Хазарский каганат состоял из ряда различных этнических общностей, по мнению исследователя С.А. Плетневой, «отличавшихся друг от друга по языку и даже антропологически». Прежде всего это были болгарские племена, как жившие в Дагестане, так и оставшиеся «в Приазовье после развала Великой Болгарии»⁵.

«Хазарская держава, – отмечает М.И. Артамонов, характеризует внутреннее устройство каганата, – складывалась в виде обширной федерации племен, сохранявших в неприкосновенности свою внутреннюю организацию и даже значительную часть внешнеполитической самостоятельности в пределах подчинения верховной власти Хазарского каганата»⁶. Верховная власть в каганате принадле-

жала кагану, избираемому из одного и того же правящего рода, она передавалась по наследству от отца к сыну. Каган являлся, однако, номинальным главой государства, так как реальная власть находилась в руках царя, который по существу правил государством¹.

Примечательно, что хазарские каганы брали себе в жены дочерей вассальных владетелей, преследуя, разумеется, прежде всего свои политические цели, интересы лучшего поддержания системы вассалитета, подчинения верховной власти в державе. По сведениям арабского путешественника X века Ахмеда ибн-Фадлана, в гареме хазарского кагана было 25 таких жен, соответственно числу подвластных хазарам народов².

Существует единодушное мнение, что в Приморском Дагестане – в «стране гуннов» и Хазарии находились самые древние города, связываемые с гуннами Прикаспия и хазарами – Варачан, Таргу, Беленджер, Семендер и др. Отечественные и зарубежные историки-хазароведы не пришли к единому мнению относительно локализации этих городов³.

Анализируя данные различных источников, мы считаем, что на современном уровне наших знаний решить вопрос о точной локализации названных выше древних городов пока затруднительно. Несколько подробнее попытаемся охарактеризовать «гуннский город» Таргу, у стен которого разворачивались крупные сражения 30-х годов VIII в. в период арабской экспансии в Прикаспийском Дагестане. Он, по мнению некоторых авторов, находился вблизи селения Башлы⁴. Нам представляются обоснованными доводы В.Г. Котовича о локализации этого города на месте древнего городища под тем же названием, расположенного в 4-5 км к северо-западу от старого аула Башлы. Название этого города по сей день сохранилось в исторической памяти, а также в исторических преданиях жителей окрестных кумыкских селений, и важно отметить, что башлындыцы дорогу, ведущую из с. Башлы в соседнее селение Гаши и Алходжакент и проходящую мимо городища Таргу, до сих пор называют «Таргъу ёл» или «Таргъу сокъмакъ» (тропинка в Таргу). Интересно, что современное Таргъу (Тарки) было известно

¹ D'Ohsson. Указ.соч., р.10, прим. 3.

² Артамонов М.И. Указ.соч. С. 130.

³ Гумилев Л.Н. Древние тюрки. М., 1967. С. 148-164; Федоров Я.А., Федоров Г.С. Указ.соч. С. 14-15; Гмыря Л.Б. Некоторые сведения о гуннах в Дагестане. – Древние и средневековые археологические памятники Дагестана. Махачкала, 1990. С. 155-158; Она же. Прикаспийский Дагестан... С. 278-305; Она же. Страна гуннов... С. 46-114.

⁴ Артамонов М.И. Указ.соч. С. 130, 174; История Дагестана, М., 1967. Т.1. С. 129; История народов Северного Кавказа. Т.1. С. 121.

⁵ Плетнева С.А. Кочевники средневековья. М., 1982. С. 105.

⁶ Артамонов М.И. Указ.соч. С. 189.

¹ Там же. С. 408; История Дагестана. Т.1. С. 130; Плетнева С.А. Указ.соч. С. 40-41.

² См.: Артамонов М.И. Указ.соч. С. 408.

³ Подробно об этом см.: Гмыря Л.Б. Страна гуннов... С. 134-163.

⁴ Котович В.Г. О местоположении раннесредневековых городов Варачана, Беленджера, Таргу. – Древности Дагестана. Махачкала. 1974. С. 220-228.

лакцам, живущим в глубине гор, под названием Азайни. Ссылаясь на предания местных жителей, В.Г. Котович пытается показать возможность того, что часть жителей древнего Таргу, после взятия города арабами, бежала «на север, где основала одноименное селение (нынешнее Тарки)»¹. Эта точка зрения заслуживает серьезного внимания. Известный краевед М.И. Исаков еще ранее высказывал мнение, основанное также на преданиях жителей, что Таргу было разрушено монголами, а оставшиеся в живых жители его «бежали» на север и основали новое село под тем же названием².

Некоторые же исследователи, в частности Л.И. Лавров, склонны находить древний Таргу на месте современного кумыкского селения Тарки – бывшей резиденции шамхалов Тарковских, – расположенного вблизи города Махачкалы. Л.И. Лавров, однако, полагает, что прежде известный средневековый город Семендер был на месте Тарков³. Тарки отождествлял с древним Семендером еще в прошлом веке Э.И. Эйхвальд. Он писал: «Город Тарки, древний Семендер, принадлежавший хазарам, при которых один из «золотых беков» имел здесь пребывание и вел непрерывные войны с дербентскими аравитянами, лежит очень живописно на скале горы...»⁴.

В раннесредневековый период были известны и другие города и крупные поселения, расположенные на Кумыкской равнине: Анжи (Унжа, Инжи), Эндирей (Балх), Гюльбах (Чирюрт), Хусайн (Алходжакент) и др. Судя по «Дербенд-наме», Балх или Булхар – это «прежнее название Эндирея, лежавшего на 3 мили южнее нынешнего», он «был городом провинции Эндирей»⁵. Однако не во всех версиях «Дербенд-наме» Балх – это Эндирей. По одним спискам, он (Балх) представлял собой крепость в районе Ихрана, а по другим – находился в пределах Кюльбаха или Эндирея⁶.

«Итак, – отмечается там же в примечании к первой главе «Дербенд-наме», – Ихран и Кюльбах, позже называвшиеся Эндиреем, были двумя различными городами, но все эти названия тождественны в смысле страны или провинции, т.е. один и тот же район, между Койсу и Дербентом, одновременно носил названия то Ихрана, то Кюльбаха, то, наконец, Эндирея»¹. Комментируя все сказанное, М. Алиханов-Аварский заключает: «Есть полное основание думать, что существовали два Эндирея – нынешний, называемый Кюльбахом, и другой – древний, лежавший, по преданию, верст на 15-20 южнее первого и тогда называемый Балхом»². Есть еще версия, согласно которой город этот новое название Эндирей получил еще в период арабо-хазарских войн по имени правителя Балха, т.е. хазарского военачальника Эндери. «Эндери был правителем Балха, – свидетельствует «Дербенд-наме» (по извлечению Ю. Клапрота). – Вот причина, почему этот город получил его имя: раньше он назывался Балхом»³. Есть, наконец, предположение, которое связано с народной этимологией: сами современные эндиреевцы название своего селения связывают с током «индир», где производили молотью хлебов, или месяцем молотьюбы – «индир ай» (индир – место молотьюбы, ай – месяц). Кстати, соседние салатавские аварцы до сих пор Эндирей называют Индир. Так или иначе Эндирей – одно из древних поселений Северного Дагестана, о чем свидетельствуют археологические исследования ученых Дагестана, проведенные, в частности, на Андрейаульском городище близ с. Эндирей⁴. Об этом городище, видимо, упоминает в своем сочинении Д.-М.М. Шихалиев⁵. Он пишет, что в 3-х верстах ниже сохранился «огромный, неправильно обогнутый вал и множество разбросанных около него курганов», а это, по его мнению, «дает повод к справедливым догадкам, что на том месте когда-либо было значительное поселение:

¹ Котович В.Г. Указ.соч. С. 226.

² Исаков М.И. Археологические памятники Дагестана. – МАД. Т.1. Махачкала, 1959. С. 218.

³ См.: Лавров Л.И. Тарки до XVIII в. – Уч.зап. ИИЯЛ Дагфана СССР. Т.IV, 1958. С. 12.

⁴ Путешествие профессора Эйхвальда к Каспийскому морю и Кавказскому краю. – Библиотека для чтения, 1838. Т.26, №2. С. 145.

⁵ Тарихи Дербенд-наме. Под ред. М. Алиханова-Аварского. Тифлис, 1898. См.: Примечания к главе I «Дербенд-наме». С. 44. См. также: С. 94, 110, 153-154.

⁶ Там же. С. 49.

¹ Там же.

² Там же.

³ Дербенд-наме. С. 107.

⁴ См.: Атаев Д.М., Магомедов М.Г. Андрейаульское городище. – Древности Дагестана. Махачкала, 1974. С. 135; Абрамова М.П., Магомедов М.Г. О происхождении культуры Андрейаульского городища. – Северный Кавказ в древности и в средние века. М., 1980. С. 134; Гмыря Л.Б. Столовая керамика Андрейаульского городища. – Средневековые древности евразийских степей. М., 1980. С.131.

⁵ Гмыря Л.Б. Оборонительные сооружения Андрейаульского городища. – Проблемы истории, филологии, культуры. М. – Магнитогорск, 1998. С. 132.

вал этот поныне туземцами называется Кызыл-Яр или Кермен («крепость»)»¹.

Определенный интерес вызывают и топонимы Туркали и Турали. Первое – название крупного кумыкского селения, расположенного севернее Махачкалы. Турали – название большого соляного озера, расположенного южнее Махачкалы. Возникает вопрос: не связано ли название Туркали с именем Туркали-бея – главы туркменского объединения Ак-Коюнлу (XIV в.), а Турали – с именем также представителя туркменского государства Турали Кара-Юлука.

В связи с арабо-хазарскими войнами часто упоминается и город или крепость Анжи (Инжи, Унжи), Анжи-кала. По данным «Дербенд-наме» (по извлечению Ю. Клапрота), это был город «очень большой и очень сильный: с одной стороны, он омывался морем, с другой – примыкал к горе. Так хорошо укрепленный природой, он был еще окружен стенами, не терпел недостатка в продовольствии и постоянно храбро отстаивался»². В другом списке той же исторической хроники – «Дербенд-наме» (по версии султана Элисуйского, перевод с азербайджанского) – эта «крепость Анжи разрушена; она лежала в трех агачах³ от Тарку, на берегу моря»⁴; или: «Анжи-кала была крепость очень сильная и хорошо построенная»⁵.

Анализируя все сказанное об Анжи и Таргу, мы допускаем, что крепость Анжи или Анжи-кала могла быть предместьем Таргу (Тарки) на новом месте и что недостаточно осведомленные авторы, писавшие о Таргу и Анжи-кале, могли иметь в виду одно и то же поселение.

Сообщения арабских авторов IX–X вв. проливают свет на некоторые стороны материальной и духовной культуры древнего населения Прикаспийского Дагестана. Имеются, к примеру, сведения о том, что в Семендере жители обитали в плетеных жилищах с остроконечными крышами. Так, например, ал-Истахрий пишет, что жилища у «семендерцев деревянные, плетеные; кровли на домах выпуклые»⁶. О том же самом свидетельствует ал-Мукадда-

си¹. Примечательно, что некоторые тюркские народы, обитатели Приморской равнины, еще в начале XX в. строили круглые в плане плетеные постройки с остроконечной крышей, правда, хозяйственного назначения².

Известно, что население Хазарии исповедовало христианство, мусульманство и иудейство. «Самый малочисленный класс – иудеи, а самый большой – мусульмане и христиане, но все-таки царь и приближенные его – иудеи», – писал ал-Истахрий³. Влияние иудейства, по-видимому, было незначительно и в дагестанском городе Семендере. По мнению акад. В.В. Бартольда, иудейство здесь являлось господствующей религией постольку, поскольку «его исповедовали хакан, наместник, родственник последнего – владетель Семендера в Дагестане, а также должностные лица; число приверженцев иудейства уступало числу мусульман и христиан». Здесь же В.В. Бартольд отмечает, что «в Итиле было более 10000 мусульман, соборная мечеть с высоким минаретом и 30 других мечетей»⁴. «В Семендере множество мусульман, и у них в этом городе мечети», – свидетельствует ал-Истахрий⁵.

Общепризнанным государственным языком в каганате был тюркский язык, хотя «в отдельных областях разные этнические общности, отдаленные от центральных районов, говорили на своих языках»⁶.

Тюркские языки сложились в глубокой древности. «... Алтайская эпоха, – писал известный тюрколог Н.А. Баскаков, – в развитии языков характеризуется, с одной стороны, наличием единого общего для дифференцировавшихся позже тюрков, монголов и тунгусо-маньчжуров, а с другой – раздвоением этого единого языка на две общности: 1) тюрко-монгольскую и 2) тунгусо-маньчжурскую...»⁷.

¹ Караулов Н.А. Сведения арабских географов IX и X веков по Р.Х. о Кавказе, Армении и Азербейджане. Ал-Мукаддаси. – СМОМПК. Вып. 38. Тифлис, 1908. С. 5.

² См.: Гаджиева С.Ш. Кумыки. М., 1961. С. 205, рис.38; Она же. Дагестанские терекменцы. XIX – начало XX вв. М., 1990. Рис.24.

³ Караулов Н.А. Сведения арабских писателей о Кавказе, Армении и Азербейджане. Ал-Истахрий. – СМОМПК. Вып. 29. Тифлис, 1901. С. 43.

⁴ Бартольд В.В. Сочинения. Т.V. М., 1968. С. 600.

⁵ Ал-Истахрий. Указ.соч. С. 47.

⁶ Плетнева С.А. Кочевники средневековья. С. 104; О тюркских надписях на сосудах и других предметах периода хазар см.: Кляшторный С.Г. Хазарская надпись на амфоре с городища Маяки. – СА, 1979, №1. С. 104.

⁷ Баскаков Н.А. Тюркские языки. М., 1960. С. 30.

¹ Шихалиев Д.-М.М. Рассказ кумыка о кумыках. Махачкала, 1993. С.22.

² Дербенд-наме. С. 108.

³ 3 агача равнялись примерно 0,5 версты.

⁴ Дербенд-наме. С. 32.

⁵ Там же. С. 77.

⁶ Караулов Н.А. Сведения арабских писателей о Кавказе, Армении и Азербейджане. Ал-Истахрий. – СМОМПК. Вып. 29. Тифлис, 1901. С. 47.

Что касается прародин тюрков, то можно согласиться с тюркологом Н.Н. Аристовым, указывающим именно на Алтай¹.

Древние тюрки имели интересную систему летосчисления. «Еще в VIII в., – как отмечает Л.Н. Гумилев, – у тюрков уже был принят «звериный цикл», т.е. каждый год носил имя зверя и через 12 лет повторялся. Такое исчисление времени существует и теперь у всех народов Средней и Восточной Азии»². Сюда в том и другом случае можно включить и тюрков Северного Кавказа – кумыков, ногайцев, карачаевцев и балкарцев, которые и сегодня пользуются, хотя и редко, этим, как жители называют, «старинным» летосчислением³.

Огромные бедствия народам Дагестана, в том числе предкам кумыков, принесли арабские завоевания VII–VIII вв. Многочисленные «походы в район Приморья, а также в горные районы, повлекли за собой разрушение производительных сил в массовом масштабе»⁴. На своем пути завоеватели разрушали аулы, уводили в плен людей, угоняли скот, облагали население тяжелыми повинностями. Арабский полководец Джаррах, к примеру, совершив опустошительный набег на Кайтаг и Табасаран, возвратился оттуда «с добычей в 12 тысяч голов рогатого скота и овец, в две тысячи туманов серебра и золота и с 700 пленными каракайтагцами»⁵. Из Табасарана Джаррах угнал «до двух тысяч пленных, до 40 тысяч голов лошадей, рогатого скота и овец, с массой оружия и разного имущества»⁶. Разгромив Кайтаг и Табасаран, Джаррах направился в Каякент и оттуда, уничтожая все на своем пути, в Таргу, жители которого «встретили его с просьбой о помиловании и приняли мусульманство»⁷. По сообщению Ибн ал-Асира, арабский полководец осаждал город «в течение шести дней, поддерживая все это время сильный бой с ними, что заставило их просить амана, который он им дал, занял их замок и выселил их из него»⁸. Прямые грабежи и

¹ Аристов Н.Н. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей. – Живая старина. Вып. III и IV, 1896. С. 3.

² Гумилев Л.Н. Древние тюрки. С. 342.

³ Биджиев Х.Х. Тюрки Северного Кавказа. Черкесск, 1993. С. 264-265.

⁴ История Дагестана. Т. I. С. 155; История народов Северного Кавказа... С. 126-127.

⁵ Дербенд-наме. С. 75.

⁶ Там же. С. 75-76.

⁷ Там же. С. 76.

⁸ Ибн ал-Асир. Тарих ал-Камиль. Баку, 1940. С. 24.

разорения населения дополнялись ежегодными всевозможными податями, в том числе людьми¹.

Как известно, равнинный Дагестан, особенно его северная часть, занятая предками кумыков, продолжала оставаться под влиянием Хазарского каганата и после его разгрома арабами. Можно сказать, что влияние хазар завершается в основном в середине X века, когда отряды русов захватывают города Итиль, Семендер и другие, положив тем самым конец трехсотлетнему существованию хазарской державы. Как отмечает М.И. Артамонов, «захлестнутые половецкой волной, хазары потеряли не только политическую самостоятельность, но и этническое своеобразие. Они растворились в половецком море»². Та же участь постигла и дагестанских хазар, известных под названием «дербентские хазары»³, которые были подвластны дербентскому правителю и которые также смешались с новой волной кочевников, т.е. с половцами, и «покрывались общим с ними наименованием»⁴.

2. КУМЫКСКАЯ РАВНИНА В XI–XV ВВ.

Как известно, в середине XI в. на северокавказские и южно-русские земли нахлынули половецко-кыпчакские племена (кимаки, кыпчаки, половцы), а также частично слившиеся с ними тюрки-печенеги (бичине) и родственные им тюрки-берендеи (баяндур). Жившие на этих землях хазары, по крайней мере их часть, вероятнее всего, смешались с половцами и потеряли свое этническое лицо.

Известный исследователь А.В. Гадло считает, что на Северном Кавказе новые группы тюркоязычных кочевников (кыпчаков) появились раньше, чем в степях Восточной Европы, в отличие от установившегося в науке мнения о появлении их в северокавказском регионе во второй половине – конце XI вв.⁵ В частности, А.В. Гадло утверждает, что участие кыпчаков в политических событиях

¹ История Дагестана. Т. I. С. 156.

² Артамонов М.И. Указ. соч. С. 445.

³ См.: Пахомов Е.А. О Дербентском княжестве XII–XIII вв. – Известия Азерб. госуд. научно-исслед. института. Т. I. Вып. 2. Баку, 1930. С. 8-9.

⁴ Артамонов М.И. Указ. соч. С. 445.

⁵ Гадло А.В. Этническая история Северного Кавказа. X–XIII вв. СПб., 1994. С. 138.

восточной части Кавказа – конфликте Дербента и Сарира в июле 1064 г. – уже имело место¹.

Можно, пожалуй, согласиться с мнением А.В. Гадло о том, что новое тюркоязычное население, появившееся на Северном Кавказе и в Закавказье в 40-50 гг. XI в., являлось кыпчаками, известными по письменным источникам².

И в послехазарский период на территорию Северного Кавказа и Дагестана, особенно равнинную часть, продолжали периодически проникать различные племенные группы кочевников. Хотя кыпчаки обитали в Центральном Прикавказье, но определенная часть их, несомненно, пребывала и в Приморском Дагестане³. Надо сказать, что материальными памятниками кыпчаков в Приморском и Предгорном Дагестане являются каменные изваяния (бабы), обнаруженные в разное время вблизи Буйнакса (быв. Темир-Хан-Шура), у с. Каякент и в других районах. Еще в первой четверти XIX в. совершивший путешествие по Дагестану и Закавказью известный русский ученый Э. Эйхвальд отмечал, что, как он слышал, «между Тарками и Казанищем имеются каменные бабы (изваяния)»⁴.

Кыпчаков, обитавших к северу от Дербента, т.е. в Приморском Дагестане, персидские и грузинские источники называют «дербентскими кыпчаками»⁵, подвластными правителю Дербента. Аланы, кыпчаки и другие восточные племена, во власти которых находилась территория к юго-западу от устья Волги, через равнинный Дагестан совершали завоевательные походы и в мусульманские области, т.е. на юг. Севернее Дербента непосредственно начинались земли кыпчаков (восточная часть северокавказских степей), называемые в источниках Дешт-и-Хазар, а вся степная область Северного Кавказа именовалась Дешт-и-Кыпчак⁶. Об этом свидетельствуют многие источники XIII–XIV вв. Основные силы кыпчаков,

¹ Там же. С. 96.

² Там же. С. 139.

³ Федоров Я.А., Федоров Г.С. Указ.соч. С. 216-256; Анчабадзе З.В. Кыпчаки Северного Кавказа по данным грузинских летописей XI–XIV вв. – Материалы научной сессии по проблемам происхождения балкарцев и карачаевцев. Нальчик, 1960. С. 113-126.

⁴ Eichwald E. Reise auf dem Caspischen Meere und in dem Caucasus. Unternehmen in dem Jahren 1825-1826. Stuttgart-Tübingen, 1834-1837. S.88.

⁵ Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды (далее – СМИЗО). Т. II. М.-Л., 1941. С. 31; Анчабадзе З.В. Указ.соч. С. 118.

⁶ Гадло А.В. Указ.соч. С. 143.

их зимовья находились за Терекон¹. Как отмечал В.В. Бартольд, в «XII в. мусульмане на некоторое время лишились Дербента и даже некоторых областей к югу от него»². Именно в Дербенте в 1122 году находят себе кыпчаки убежище «после поражения, нанесенного им татаро-монголами на Северном Кавказе»³ или, как отмечает В.В. Бартольд, «отряд кыпчаков, разбитый монголами, подошел к Дербенту и вступил в сношение с владетелями Дербента, прося помощи, а когда тот отказал, кыпчаки захватили Дербент силой, но удержаться не могли»⁴. Отметим, что и после того, как кыпчаки были завоеваны монголами и вошли в состав Золотой Орды, Кыпчакия продолжала так и называться Кыпчакией, т.е. оставалась одним из крупных политических образований.

Антропологический состав кыпчаков, вероятно, не был однородным, в нем могли быть и европеоидные и монголоидные компоненты. Крупнейший специалист по древним и средневековым тюркам Л.Н. Гумилев, например, пишет: «Китайцы описывали кыпчаков, как народ светловолосый и голубоглазый... Русское прозвище – половцы – происходит от слова «полова» – рубленая солома, что отражает цвет их волос – соломенно-желтый...»⁵. «Итак, – продолжает Л.Н. Гумилев, – кыпчаки – типичные европеоиды, отличающиеся от своих южных соседей туркменов лишь светлым цветом волос и глаз, что и было замечено русскими, когда они столкнулись в 1065 г. и заключили первый раз договор»⁶. З.В. Анчабадзе, ссылаясь на «косвенные показания грузинских исторических источников», также приходит к подобному заключению относительно северокавказских кыпчаков⁷, рассматривает их как типичных европеоидов.

К сожалению, сохранилось очень мало сведений об укладе жизни кыпчаков дагестанской равнины, равно как и об их контактах с коренным населением региона в этот сложный период. Видимо, в последующий период, во время нашествия татаро-монголов,

¹ Там же. С. 144.

² Бартольд В.В. Кавказ, Туркистан, Волга. – Соч. Т. II. Ч. I. М., 1963. С. 794.

³ История народов Северного Кавказа с древнейших времен. С. 193.

⁴ Бартольд В.В. Место прикаспийских областей в истории мусульманского мира. – Соч. Т. II. Ч. I. М., 1963. С. 707.

⁵ Гумилев Л.Н. Тысячелетие вокруг Каспия. Баку, 1991. С. 205.

⁶ Там же.

⁷ Анчабадзе З.В. Указ.соч. С. 120-121.

было утрачено много культурных ценностей, в том числе источников по истории Дагестана. Тем не менее, по всей видимости, именно в период длительного пребывания кыпчаков в Дагестане и завершается в основном процесс освоения населением равнинного и предгорного Дагестана тюркского языка и восприятие им многих элементов культуры кочевников.

А.В. Гадло также считает, что кыпчаки интегрировались в среду местных народов Кавказа, в том числе и кумыков¹.

В начале XIII в. в Дагестан, как и во многие другие области Кавказа, вторглись монгольские полчища. Нашествие монголов явилось одним из самых тяжелых событий в истории народов Дагестана. Оно принесло им неисчислимые бедствия и невыносимые страдания². Судя по письменным источникам, в состав Золотой Орды входил почти весь равнинный и предгорный Дагестан³.

Часть монгольских войск состояла из захваченных ими кыпчакских и других тюркских племен, зависимых от своих монгольских военачальников. Они принимали в ряде случаев даже их этнические наименования.

Монгольские орды в XIII–XIV вв. наступали на Дагестан как с севера, так и с юга – через Азербайджан и Дербентский проход. От их нашествия более всего пострадало население равнинных и предгорных районов. Как свидетельствуют многочисленные предания и легенды, сохранившиеся в памяти народа, население равнины и предгорья вынуждено было переселяться в горные, труднодоступные места. Итальянский путешественник, монах Плато Карпини, проезжавший через Дешт-и-Кыпчак в Монголию в 1246 г., перечисляя земли и народы, подчиненные монголам, называет среди других «комуков», «тарков», под которыми, очевидно, подразумевались народы равнинного Дагестана (кумыки и др. тюрки)⁴, входившие в Дешт-и-Кыпчак. Горный Дагестан, очевидно, не был покорен монголами. Французский посол в Золотую Орду (1250 г.) Вильгельм Рубрук, в частности, отмечал, что «лезги не подчинены

татарам»¹. Забегая вперед, отметим, что, по нашему мнению, феодальные владетели Кумыкии в тревожную эпоху монгольского нашествия могли перенести свою резиденцию в более защищенный от врага горный Дагестан, в Казикумух. Такое положение, возможно, сохранялось и в первое время после падения Золотой Орды, и только в XVI в. они, очевидно, переселились в свою старую резиденцию на равнине, в торговый и политический центр на севере Дагестана – Тарки. Не случайно, что грузинские послы в Москве в 1589 г. уже называют Тарки главным городом, резиденцией шамхалов: «...взять бы государевой рати город Шевкальской начальной Тарки»², – сообщают они русским сановникам. После перенесения столицы на равнину шамхалы постепенно теряют свою власть над горным населением и прежде всего над лаками. Горный Дагестан для равнинных жителей в тревожные времена, при нападении извне служил как бы местом укрытия людей и местом сохранения скота, зерна и др. Туда же равнинные жители, в частности кумыки, перевозили свои материальные ценности (золото, серебро). Наиболее надежным убежищем были селения Кубачи и Казикумух – крупнейшие ремесленные центры, хорошо защищенные в те времена.

Огромный ущерб населению равнинного Дагестана приносили кровопролитные междоусобные войны самих монголов, в частности войны Хулагу-хана (Ильхана) и золотоордынского Берке-хана. «Хулагу двигался с юга, через Дербентский проход, по равнине Дагестана, на встречу с войсками Берке (Берка), разоряя удел Беркея»³ (очевидно, земли, расположенные в Северном Дагестане и далее). Как отмечает армянский источник, «война с обеих сторон продолжалась пять лет», и Хулагу после каждого похода возвращался через тот же Дербентский проход и, поставив «сильную стражу для охраны прохода», сам отправлялся «на зимовку в степи Муганские»⁴. В источнике отмечается, что битва между двумя ханами происходила в долине реки Этиль (Волга) «в течение зимних

¹ Там же. С. 111; название «лезги» относилось, надо полагать, к этнически разным группам населения Дагестана.

² Белокуров С.А. Сношения России с Кавказом. Вып. I. М., 1889. С. 58; См. также: Переписка на иностранных языках грузинских царей с российскими государями с 1659 по 1777 гг. СПб., 1861. С. 13.

³ См.: История монголов по армянским источникам. Перев. и объяснения Патканова К.П. СПб., 1874. С. 104.

⁴ См.: История монголов по армянским источникам... С. 104.

¹ Гадло А.В. Указ.соч. С. 147.

² См. подробно: История Дагестана. Т. I. С. 202-209; История народов Северного Кавказа... С. 188-217.

³ Тизенгаузен В.Г. Указ.соч. Т. II. С. 121, 151-153, 277, 307; Греков Б.Д., Якубовский А.Ю. Золотая Орда и ее падение. М.-Л., 1960. С. 58-60.

⁴ Путешествия в восточные страны Плато Карпини и Рубрука. М., 1957. С. 57.

месяцев», потому что летом жара, разлив реки «удерживали их на месте»¹.

Не менее опустошительными, пагубными для народов Дагестана были и походы Тимура (Темир-хан, Тимур-ленг – «Хромой Тимур»), совершаемые в конце XIV в.² Пройдя с юга через Дербентский проход, Тимур сперва вступает на землю кайтагов, в том числе и башлынцеv. Кайтаг занимал в это время более широкую, чем обычно, территорию³. По словам персидского историка первой половины XV в. Шереф-ад-Дина Йезди, в Дагестане «Тимур направил силу и могущество на истребление их (жителей непокорных аулов – С.Г.) и отдал приказание уничтожить их... Одолели всех неверных ... ограбили все их добро и имущество, малое и большое, простое и драгоценное... Укрепления Мика, Балу, Деркалу⁴ они также взяли силой, сравняли с землей и предали грабежу все, что там было»⁵.

Описывая деяния Тимура в области Кайтага, куда входил и Башлы, Низам-ад-Дин Шами отмечал: «Обратив внимание на уничтожение и искоренение их (т.е. кайтагцев – С.Г.), он так напал на их стороны в крае, что из множества не спаслись (даже) немногие, из тысячи – один; все те области они разграбили»⁶. По всей вероятности, в Кайтаге войска Тимура стояли укрепленным лагерем у аула Башлы, на высоком холме, который местное население по сей день называет Темир-Хан-тёбе (холм Темир-Хана). Отсюда он мог совершать походы в окрестные и глубинные районы, в том числе в аул Тарки. Согласно сохранившейся у башлынцеv легенде, любимая кобыла, молоко которой специально предназначалось для самого Тимура, на этом холме трижды приносила приплод, т.е. полководец пробыл там три года. Воины начали роптать, выразить

недовольство своим долгим пребыванием в горах и высказывали свое пожелание скорее вернуться домой. Вслед за Кайтагом столь же опустошительные походы Тимур совершал как в равнинном, так и в горном Дагестане – в районах расселения даргинцев, лакцев, лезгин, табасаранцев, аварцев и др.¹

Особенно сильно пострадали от походов татаро-монголов и Тимура жители равнинных и предгорных аулов Дагестана. Именно эта территория, как мы уже отмечали выше, служила ареной боеv между золотоордынскими ханами и хулагуидами². Известно, что после разорения Кайтага войска Тимура стали передвигаться на север по Приморской равнине и расположились лагерем у аула Тарки. По имеющимся письменным данным, в районе р. Койсу происходили бои между Тимуром и предводителем войска золотоордынского хана «эмиром Казанчи». По сведениям Низам-ад-Дина Шами, Тимур, «... пройдя ночью, утром настиг Казанчи, нагнал его с войсками, которые были при нем, и омочил степь и равнину кровью»³. Аналогичные сведения о движении войск враждующих полководцев, об их злодеяниях на захваченной ими земле сообщает и Шереф-ад-Дин Йезди⁴.

Одно из самых крупных сражений между войсками двух враждующих сторон (т.е. Тохтамыш и Тимура), судя по источникам, происходило в 1395 г. близ Кумыкской плоскости, у реки Терек, где Тохтамыш также потерпел сильное поражение⁵. Думается, что на встречу со своим врагом Тохтамышем Тимур шел через земли Эндиреевского владения. И не случайно, как нам кажется, одна из тропинок, проходящих рядом с с. Эндирей, поныне называется «Темир-сокъмакъ» или «Темир оьтген ёл» (тропинка или дорога Тимура).

Как свидетельствуют источники, покоренные народы облага-

¹ Там же.

² Греков Б.Д., Якубовский А.Ю. Указ.соч. С. 364-365; История Дагестана. Т.1. С. 207-209; История народов Северного Кавказа. Т.1. С. 214-217.

³ Гадло А.В. Указ.соч. С. 183.

⁴ Вероятно, здесь имеется в виду один из двух кумыкских аулов – Дургели (совр. Карабудакентский район) или местность, которая известна под названием Деру-къала (совр. Каякентский район). Деру-къала в настоящее время – пахотное поле жителей с. Алходжакент, где сохранялись остатки развалин древнего поселения; согласно преданию, здесь когда-то находился большой аул, который был разрушен какими-то иноземными полчищами.

⁵ Из «Книги побед» Шереф-ад-Дина Йезди. – СМИЗО. Т.II. С. 186-187.

⁶ Из «Книги побед» Низам-ад-Дина Шами... С. 123-124; См. также: Из «Книги побед» Шереф-ад-Дина Йезди. С. 185-187.

¹ См.: История Дагестана. Т.1. С. 207-209; История народов Северного Кавказа. Т.1. С. 217.

² Хулагу (1217-1265 гг.) – внук Чингиз-хана, основатель династии хулагуидов, правителей в Иране, Месопотамии и Восточной Анатолии, части Закавказья (включая и Южный Дагестан) в XIII–XIV вв. Столицей хулагуидов был Тебриз. Тимур происходил из древнего тюркского племени и кровного родства с хулагуидами не имел, назывался эмиром, а не ханом.

³ Из «Книги побед» Низам-ад-Дина Шами... С. 119.

⁴ Из «Книги побед» Шереф-ад-Дина Йезди... С. 174-176.

⁵ Там же. С. 175-178; Греков Б.Д., Якубовский А.Ю. Указ.соч. С. 364, 368, 376-377.

лись тяжелыми податями – «харадж» и повинностями – «бигер». Налоговым обложением занимались работники специально созданной канцелярии («диван»), в частности «баскаки» и «даруга». Налоговая система, согласно преданиям, включала и доставку девушек-красавиц для гаремов. Одно из таких преданий, записанное еще в конце XIX в. известным автором Н. Семеновым, рассказывает о возникновении на северной границе Кумыкии города Кизляра¹: «Монголы в пору процветания на Волге Золотой Орды подчинили своей власти также и кавказских горцев... Так как самым ценным богатством горцев и вместе с тем самой соблазнительной данью для монгольских ханов и мурз были девушки кавказской расы, монголы обязали подвластных им горцев выплачивать им ежегодную дань девушками»². По сведениям Шереф-ад-Дина Йезди, например, в лагере Тимура было «столько подобных хуриям девушек и красивых отроков, что от тех, которые были выбраны лично для Тимура, было более 5000 человек»³.

Немало сведений, легенд о монголах и Тимуре сохранила нам и топонимика кумыков. С именем Тимура, например, местное население связывает названия некоторых курганов, холмов, дорог, укреплений, колодцев, озер и т.д. Мы уже упоминали выше о названии Темир-хан-тёбе (курган, холм Тимура) близ с. Башлы. В районе Чирюрта (Кизилюртовский р-он) с именем Тимура связывают название колодца – Темир-кою (колодец Тимура). Темир-сокъмакъ (тропинка Тимура) и Тимур-олтургъан (стоянка Тимура) расположены недалеко от известного кумыкского с. Эндирей и г. Темир-Хан-Шура (букв. место совещания или совета Тимура). «Из известнейших памятников, оставленных эмиром Теймуром на Кавказе, – пишет крупнейший азербайджанский исследователь, ученый востоковед первой половины XIX в. А.-К. Бакиханов, – есть земляной вал, и ныне называемый Аксак-Теймурун-ори (Теймура хромого вал), который, начиная от Дербента, курганами идет через магал Терекеме на Утемьшское поле, оттуда валом, пониже Буйнака и Тарков (Тарху), на Теймур-Куи (колодец Теймура) и через реку Сулак, ниже Андреевой, среди Мичикич к Насрану и Карачаю, оттуда другой Теймур-Куи на Кубань...»⁴.

¹ Кизляр – в переводе с тюркского означает «девушки».

² Семенов Н. Легенда о Кизляре. – Терские ведомости, 1891, №3.

³ Из «Книги побед» Шереф-ад-Дина Йезди. С. 172.

⁴ Бакиханов А.-К. Гюлистан-Ирам. Баку. 1926. С. 65.

Известно, что еще Чингиз-хан разделил подвластную монголам территорию «между своими четырьмя сыновьями: Туши (Джучи), Чагатаем, Угетаем и Тулуем – и назначил им становища и юрты в четырех странах света»¹. Судя по всему, Джучи – старшему сыну достались западные земли до Дербента включительно. «Что позади Дербента, называемого Демир-капу (Железные ворота), то всегда было местом зимовки и сборным пунктом разбросанных частей войска его (Туши)...», – писал персидский автор XIV в. Вассаф².

Нам представляется, что с именами монгольских ханов, военачальников, мурз, с уделами и ставками (улус, юрт, орду) представителей их кочевой знати связаны топонимы ряда других мест, названия некоторых поселений в Дагестане, как в равнинном, так и предгорном: Казанище – с именем известного монгольского военачальника при Тохтамыш-хане; Казанчи – название его удела и зимней ставки; Берекей – с именем Беркея (Берке или Берка-хан), сына Джучи, зимней ставки, удела; Отемиш – очевидно, одного из монгольских мурз; Джаба-тёбе (холм Джаба) в 1-2 км западнее с. Верхнее Казанище – с именем другого монгольского полководца Джаба; Манас – по имени известного эпического героя Манаса; Дженгутай – с именем Джагатая, Чагатая, второго сына Чингиз-хана и др. Еще в середине XIX в. А.К. Бакиханов отмечал, что «название деревни Дженгутай в Дагестане есть чисто монгольское»³. Нам представляется, определенное основание, чтобы связывать название селения Казанищ с именем монгольского полководца Казанчи, дает и сообщение Низам-ад-Дина Шами, который говорит, что Тохтамыш, «назначив Казанчи в авангард, послал его вперед с большим войском» против Тимура, идущего через Дербент и Кайтаг и остановился лагерем у Тарху (Тарки). Тимур же сам лично, как мы уже цитировали, «с отборными войсками, пройдя ночью, утром настиг Казанчи, погнав его войсками ... омочил степь и равнину кровью их»⁴. Орда Берке-хана (Беркея), по данным В.В. Бартольда, находилась тогда между Дербентом и Волгой⁵. Автор XIII в. Вильгельм Рубрук, например, отметил, что «его пастбища находятся в направлении к железным воротам, где лежит путь всех сара-

¹ Из «Истории Вассафа». – СМИЗО, Т. II. С. 80.

² Там же.

³ Бакиханов А.-К. Ука. соч. С. 11.

⁴ Из «Книги побед» Низам-ад-Дина Шами. – СМИЗО, Т. II. С. 119.

⁵ Бартольд В.В. Соч. Т. 5. М., 1968. С. 141.

цинов (мусульман – С.Г.), едущих из Персии и из Турции: «Они, направляясь к Баку и проезжая через владения Берке, привозят ему дары»¹. Граница Золотой Орды и государства хулагуидов проходила в районе Дербента. Берке, который воевал, в частности на территории Дагестана, совершал свои походы против хулагуидов в Закавказье, мог иметь многолетнюю и хорошо укрепленную ставку (орду) на территории севернее Дербента, т.е. в районе современного Берикея. Рубрук недвусмысленно указывает именно на эту территорию, как на кочевье (удел, юрт).

Заметим, что для своих ставок, особенно зимних, монгольские феодалы, военачальники в завоеванных ими областях выбирали лучшие места. В этом отношении интересны высказывания о покоренной монголами Кыпчакии старшего сына Чингиз-хана Туши (Джучи, умер в 1227 г.), получившего в удел Хорезм, Кавказ и др. области. Автор XIII в. ал-Джуджани в своем сочинении «Насировы разряды» отмечает, что Джучи говорил: во «всем мире не может быть земли приятнее этой, воздуха лучше этого, воды слаще этой, лугов и пастбищ обширнее этих»². Достоинно внимания и сообщение Рашид-ад-Дина (XIII в.), в котором он, правда, в хвалебной форме, отмечает, что в кыпчакской степи «ставки всех эмиров, вельмож и воинов Беркая блестели, как звезды, степь кыпчакская вся была полна палатками и шатрами их, и край этот был полон лошадьми, мулами, верблюдами, быками и баранами»³.

Подчинив себе ряд районов Дагестана, Тимур, разумеется, в своей политике опирался на покорных ему феодальных владетелей, превратив их в своих вассалов, закрепляя за ними земельные владения, снабжая их ярлыками (грамотами) на правах потомственного владения (лен, сюргал, пешкеш). Так, согласно преданию, записанному А.-К. Бакихановым, во времена разорительных походов в районе Карабудахкента к Тимуру пришел слепой на один глаз кумыкский эмир (бий) по имени Губден и сказал ему: «Я – слепой пришел спросить тебя, хромого, за кого нас считаешь? Такой могущественный государь, как ты, для чего ведешь с нами войну и что у нас есть такого, чтобы ты мог взять?». Простота речи его понравилась Тимуру, и он передал ему «всю землю, занимаемую ны-

не древним Губденом, куда этот эмир переселился со своим именем; с тех пор деревня получила от его имени название»¹. Так он поступал и с другими феодалами, которые приходили к нему с повинной.

Монгольское завоевание было для народов Дагестана, в том числе и кумыков, живших на равнине и предгорье, тяжелым и пагубным². Оно в значительной мере затормозило развитие социально-экономических отношений здешних народов. Ибн-ал-Асир, например, рассматривал монгольское завоевание как «несчастье, искры от которого разлетались во все стороны и вред его сделался всеобщим. Оно распространилось по странам подобно тучам, подгоняемым ветром»³.

3. ВОПРОСЫ ЭТНОГЕНЕЗА КУМЫКСКОГО НАРОДА

Итак, как мы показали выше, история Прикаспийского Дагестана насыщена политическими событиями, в которых участвовали многие этнические образования. Прикаспий в силу своего географического положения постоянно, с древнейших времен, испытывал на себе влияние многих народов. Для некоторых из них эта территория была местом временного пребывания, для других становилась вновь обретенной родиной, где продолжали развиваться их этнические особенные черты, тесно переплетавшиеся с характерными особенностями как местных жителей, так и соседних этносов.

Очевидно, что места современного компактного проживания кумыков в Прикаспийском Дагестане, заселенные в глубокой древности, имеют богатую, но очень сложную этническую историю. Следует признать, что на сегодняшний день нет обобщающего и полноценного исследования по этнической истории Прикаспийского Дагестана, хотя история различных племен, обитавших в Прикаспии в определенные исторические периоды, в основном в средневековье, неплохо освещена во многих современных исторических сочинениях.

Проблемой происхождения кумыков занимались многие исследователи. Некоторые из них (Ю. Клапрот, С.М. Броневский,

¹ Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М., 1957. С. 117.

² СМИЗО, т. II. С. 14.

³ Там же. С. 74.

¹ Бакиханов А.-К. Указ. соч. С. 65.

² См.: История Дагестана. Т. II. С. 203-208.

³ Ибн ал-Асир. Тарих ал-Камиль. Баку. 1940. С. 135.

А.В. Комаров, А. Вамбери и другие) придерживались миграционной теории¹, расходясь, однако, в вопросе о времени заселения кумыками занимаемой ныне территории. Ю. Клапрот, например, считал кумыков остатками хазар. А. Вамбери, как и Ю. Клапрот, считая их потомками хазар или народом, проникшим сюда в период расцвета Хазарского государства – в VIII в., вместе с тем полагал, что это пришлые племена: хазары, объясняет он, при проникновении в Дагестан слились с более древним населением Приморского Дагестана, т.е. допускает наличие в кумыках дохазарского ядра. Некоторые авторы связывают происхождение кумыков с Дешт-и-Кыпчаком, относят их приход на нынешнюю территорию к XII–XIII вв.² «Основываясь на языке кумыков, – утверждает Б. Чобанзаде, – никак нельзя согласиться с предположением, что эти тюрки занимают Дагестанское плоскогорье и побережье Каспийского моря со времен хазар (т.е. приблизительно с VIII в. н.э.). Наоборот, на основании тех же данных (речь идет о лексике – С.Г.) можно утверждать, что кумыки не что иное, как оторвавшаяся часть балкаро-карачаевских и северо-крымских тюрков»³. Этой же миграционной теории придерживались и антропологи И.И. Пантюхов, П.Ф. Сви́дерский и Р. Эркерт, отмечавшие у кумыков наличие монголоидной примеси⁴.

Большинство же авторов, затрагивавших в той или иной мере вопрос о происхождении кумыков, рассматривают кумыков как автохтонное население Дагестана⁵.

¹ Klapproth J. Geographisch-historische Beschreibung des östlichen Kaukasus. Weimar, 1814. S. 24-25; Броневский С.М. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. М., 1823. Ч.II. С. 190-191; Комаров А.В. Народонаселение Дагестанской области. – Зап. Русского геогр. об-ва по Кавказскому отделению. М., 1873. Кн.VIII. С. 22; Wambery H. Das Türkenvolk in seinen ethnologischen und ethnographischen Bezeichnungen. Leipzig, 1885. S. 146, 557-560.

² Броневский С.М. Указ.соч. С. 191; Комаров А.В. Указ.соч. С. 22; Чобанзаде Б. Предварительные сообщения о кумыкском наречии. – Изв. об-ва обследования Азербайджана. Баку, 1925. №1. С. 39.

³ Чобанзаде Б. Указ.соч. С. 39.

⁴ Пантюхов И.И. О кумыках. Антропологический очерк. Тифлис, 1895; Сви́дерский П.Ф. Материалы для антропологии Кавказа. Кумыки. СПб., 1898, №8; Erckert R. Der Kaukasus und seine Völker. Leipzig, 1887.

⁵ Лобанов-Ростовский М.Б. Кумыки, их нравы, обычаи и законы. – Кавказ, 1846, №37-38; Шихалиев Д.-М. Рассказ кумыка о кумыках. Махачкала, 1995. С. 16-25; Дубровин Н. История войны и владычества русских на Кавказе. СПб., 1871. С. 621; Семенов Н. Туземцы Северо-Восточного Кавказа. СПб., 1895. С. 236-241; Токарев С.А. Этнография народов СССР. М., 1958.

В результате анализа имеющихся данных по истории, археологии, этнографии, антропологии, лингвистике мы также высказывали ранее мнение, что кумыки в своей основе являются аборигенами Дагестана, признавая в то же время и важную роль тюркоязычных (а может, и ираноязычных) племен в их формировании¹.

Начнем с того, что равнинный Дагестан, где происходил процесс формирования кумыкской народности, был заселен еще с древнейших времен. Памятники материальной культуры относятся к самым различным историко-культурным эпохам. Начиная с неолитической эпохи, прослеживается непрерывность исторического развития общества на этой территории. Процесс освоения тюркоязычного языка и некоторых элементов культуры тюркоязычных народов автохтонным населением Прикаспийского Дагестана не был единовременным актом, а происходил в течение столетий, в зависимости от периодических переселений, и потому был весьма сложным и многосторонним. Направленность этого процесса зависела от таких факторов, как политическая ситуация, численное соотношение местных и пришлых народов, повторные миграции, доля тюркоязычного населения и т.п. Надо иметь в виду, что, как отмечает известный тюрколог С.Г. Кляшторный, еще в VII–X вв. на территории Тюркского каганата существовал единый древнетюркский язык. «Возможно предположить, – пишет ученый, – в основе этого языка лежал племенной диалект ашина (түрк), превратившийся в государственный язык и сохранивший значение своего рода литературного койне в течение известного времени падения государства орхонских тюрков»². В прикаспийской степи и в предгорьях Дагестана новые волны тюрков, очевидно, легко сливались как с более ранними тюрками, так и особенно с местным населением региона, имеющим многовековые земледельческие традиции. Мы

С. 228-229; Магомедов Р.М. О происхождении кумыков. Газ. «Ленин ёлу», 1959, №43; Тамай А.И. Кумук-туз (Кумыкская степь). – Рук.фонд ИИЯЛ. Д.2331. С. 51-59; Федоров Я.А. К вопросу об этногенезе кумыков. – Научные доклады высшей школы. Исторические науки. М., 1959. Вып.I. С. 104, 116; Дебец Г.Ф. Антропологические исследования в Дагестане. – Антропологический сборник. М., 1956. Вып.I. С. 204-207; Миклашевская Н.Н. Некоторые материалы по антропологии народов Дагестана. – КСИЭ. Вып.XIX, 1953. С. 68-73; Федоров-Гусейнов Г.С. История происхождения кумыков. С. 131-132.

¹ Гаджиева С.Ш. Кумыки. Историко-этнографическое исследование. С. 33-45.

² Кляшторный С.Г. Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. М., 1964. С. 51.

считаем, что проникновение тюркского языка в среду населения дагестанской равнины началось в раннее средневековье под влиянием гуннов, барсил, болгар, савир, хазар и др. тюркоязычных племен. Этот процесс в основном завершился в половецко-кыпчакский период, когда, расселившись на огромной территории, в степях Северного Кавказа и равнинного Дагестана (XI–XIII вв.), кыпчаки начинают играть в этом регионе активную политическую роль. Именно в этот период в результате длительного этнического, культурного и языкового взаимодействия кыпчакских племен с потомками более ранних тюрков (часть которых продолжала обитать здесь со времен «великого переселения народов»), составивших тюркоязычное ядро, а также, что очень важно отметить, в результате ассимиляции автохтонных дагестанских племен Приморский Дагестан превращается «в тюркоязычную зону»¹. Именно в этой зоне, на современной территории кумыкского народа, кумыки как этнос принимают свое этническое наименование. Таким образом, процесс формирования кумыков как народности складывался при тесном политическом, экономическом и культурном взаимодействии местного автохтонного населения и оседавших здесь, в равнинном Дагестане, в разное время тюркоязычных племен. Об этом достаточно убедительно свидетельствуют данные политической истории, археологии, этнографии, языкознания, фольклора и, что очень важно отметить, данные антропологии. Самобытная культура предков кумыков, таким образом, в определенной мере переплелась с культурой, традициями большого круга древних тюрков, что нашло отражение в различных сторонах хозяйственной и культурной жизни народа. Эти сложнейшие и длительные процессы этнокультурного взаимодействия местного населения, в частности предков кумыков, с тюркоязычными племенами нашли отражение прежде всего в языке кумыков.

Крупнейший ученый тюрколог Н.А. Баскаков с убедительным обоснованием относит кумыкский язык, как и язык карачаевцев и балкарцев, караимов, к кыпчакской группе тюркских языков², «этнической основой которых, – как полагает Н.А. Баскаков, – был кыпчакско-огузско-булгарский конгломерат родов и племен»³. Точнее в языке кумыков, как и в их этническом составе, он видит

«и более древние болгарские и огузские элементы и более новые, преобладающие кыпчакские элементы»¹ и считает, что тюркский язык у кумыков «возник до прихода монголов в Европу, в результате смешения кыпчакских и огузских племен»². Участие элементов огузских языков в формировании языка кумыков нетрудно понять, если учесть, что огузы (узы – торки русских летописей) и другие родственные им племена и роды кочевали на всем пространстве от Дона до Днепра³; позднее под мощным напором сперва хазаров и затем половцев они просачивались и в Северный Дагестан. Азербайджанский филолог Б. Чобан-заде указывает на языковую близость кумыков не только с балкарами и карачаевцами, но и северо-крымскими тюрками. По его предположению, известный памятник кыпчаков-куманов конца XIII в. «кодекс-куманикус» (латино-персидско-кумыкский словарь, впервые изданный Ю. Клапротом в 1828 г.) является историческим памятником именно этой западной группы кыпчаков⁴.

Нельзя забывать и то, что влияние кыпчакского языка на другие тюркские и древние местные языки продолжалось и в период владычества монголов. Сами монголы также сравнительно быстро перешли на тюркский язык. Как отмечает А.Ю. Якубовский, даже «официально грамоты ханов, известные золотоордынские ханские ярлыки, писались ими на среднеазиатско-тюркском литературном языке XIV в., или на «местном кыпчакском языке»⁵.

Приведенное нами не исчерпало, разумеется, всего обилия исторических данных о древних и средневековых тюрках, связанных с проблемой этногенеза кумыков. Поэтому продолжение исследований по этой проблеме с привлечением новых данных не только желательно, но и крайне необходимо. Антропология кумыков также нуждается в дальнейших исследованиях. При всем наличии общего материала по антропологии народов Дагестана, к великому сожалению, мало конкретных данных по антропологической принадлежности кумыкского народа. Судя по имеющимся исследованиям, проведенным в наше время, истоки этногенеза кумыков вос-

¹ Там же. С. 116.

² Там же. С. 151.

³ Расовский Д.А. Печенеги, тюрки и берендси на Руси и Угрии. – *Seminarium Kondakovianum. Praha*, 1933. С.3.

⁴ Чобан-заде Б. Предварительное сообщение о кумыкском наречии. – *Известия общества обследования Азербайджана. Баку*, 1926, №1. С. 39.

⁵ Греков Б.Д., Якубовский А.Ю. Указ.соч. С. 66.

¹ См.: История народов Северного Кавказа. Т.1. С. 196.

² Баскаков Н.А. Тюркские языки. М., 1960. С. 151.

³ Там же. С. 128.

ходят к местному, автохтонному населению, и кумыки относятся к кавказскому антропологическому типу европеоидной расы¹. Вместе с тем исследователи признают в кумыках, как и в ряде других народов Дагестана (лезгин, табасаранцев, цахуров, даргинцев-кайтагцев), примеси каспийского типа. Так, известный советский антрополог В.П. Алексеев, относя истоки этногенеза этих народов к местному автохтонному населению, в то же время видит в процессе их этнического формирования и роль переселенцев из более южных областей (примесь каспийского типа). «Антропологические данные, – пишет В.П. Алексеев, – следовательно, не свидетельствуют против автохтонной гипотезы происхождения народов Центрального и Восточного Дагестана, но они содержат веские доказательства того, что эти связи играли большую роль в этногенезе кумыков, лезгин, табасаранцев и даргинцев-кайтагцев, чем в происхождении других народов Дагестана»². Близость антропологического типа древнего населения Дагестана с древним антропологическим типом населения Закавказья и Передней Азии признают и другие исследователи, в частности Н.Н. Миклашевская, А.Г. Гаджиев³. Отсюда вытекает, что длительные контакты местных племен с племенами и народами, говорившими на тюркских языках, не оказали большого влияния на формирование антропологического типа современных кумыков. К тому же, как было отмечено выше, не все тюркские племена, в частности кыпчакского круга, были монголоидными. Антрополог Н.Н. Миклашевская, проводившая исследования одновременно по одной и той же программе кумыков, ногайцев и даргинцев, пришла к выводу о том, что «если процесс перехода предков кумыкского народа на тюркскую речь и был следствием переселения в Дагестан тюркских народов, то количе-

ство этих переселенцев, судя по антропологическим данным, было совершенно ничтожно по сравнению с местным населением. Последнее определило антропологический состав кумыков»¹. По наблюдениям Н.Н. Миклашевской, антропологически несколько отличаются от основной массы кумыкского народа только кумыки самых северных районов – Хасавюртовского и Бабаюртовского, на население которых кочевники (кыпчакского круга племен) оказали влияние, несомненно, больше, чем на остальных. Это, по всей вероятности, можно объяснить тем, что сюда носителей монголоидного компонента проникало больше². Засулакские кумыки, как отмечает Н.Н. Миклашевская, «имеют более слабый рост бороды, более низкое переносье, более темную пигментацию глаз, менее уплощенное и более низкое лицо». Вместе с тем автор подчеркивает, что и у них «различия по этим признакам незначительны»³, следовательно, также у этой группы кумыков монголоидные примеси прослеживались довольно слабо.

Вышедшая в 1995 г. монография Г.С. Федорова-Гусейнова «История происхождения кумыков»⁴ значительно восполняет пробел в изучении кумыков, она дает исчерпывающий ответ на многие важные вопросы, касающиеся этногенеза и этнической истории кумыкского народа. Автор исследования опирается на работы предшественников, а также на свои собственные археологические изыскания, справедливо очерчивает ряд этапов становления и развития кумыкского народа, приоритетно выделяя его местное происхождение при огромном влиянии тюркского мира. Однако ряд важнейших проблем этногенеза, прежде всего проблемы синтеза внутренних и внешних факторов, пока еще остаются вне поля зрения исследователей. Точно так же остался не выясненным вопрос о соотношении культурного и прежде всего этногенетического влияния отдельных тюркских этносов на этот процесс (гунны, хазары, половцы, тюрки-сельджуки и т.д.).

Процессы сложения кумыкского этноса имели свои локальные территориальные особенности. Эти особенности зависели, как было отмечено выше, от многих факторов, таких как политическая

¹ См. подробно: Миклашевская Н.Н. Некоторые материалы по антропологии народов Дагестана. – КСИЭ. Вып. XIX. 1953. С. 68-73; Дебец Г.Ф. Антропологические исследования в Дагестане. – Антропологический сборник. Вып. I. М., 1956. С. 212-213; Алексеев В.П. Происхождение народов Кавказа. М., 1974. С. 203-240; Он же. Некоторые вопросы происхождения народов Дагестана в свете антропологии Северного Кавказа. – Уч. зап. ИИЯЛ Даг. ФАН СССР. Т. XIII (серия историческая). Махачкала, 1964. С. 155-172; Гаджиев А.Г. Происхождение народов Дагестана (по данным антропологии). Махачкала, 1965. С. 111-112.

² Алексеев В.П. Происхождение народов Кавказа. С. 204.

³ Миклашевская Н.Н. Некоторые материалы по антропологии народов Дагестана. – КСИЭ. Вып. XIX, 1953. С. 72; Гаджиев А.Г. Данные по палеоантропологии Дагестана. – Уч. зап. ИИЯЛ Даг. ФАН СССР. Т. X. Махачкала, 1962. С. 198.

¹ Миклашевская Н.Н. Указ. соч. С. 72.

² Там же. С. 73.

³ Там же.

⁴ Федоров-Гусейнов Г.С. История происхождения кумыков. Махачкала, 1996.

ситуация, численное соотношение аборигенов и пришлых, повторение миграции и др. Бесспорно и то, что на формирование самых северных кумыков – кумыков Терско-Сулакской низменности (Хасавюртовский, Бабаюртовский, частично Кизилюртовский р-ны) – в большей мере оказали влияние поздние полукочевые народы и племена из былой Ногайской Орды, а именно часть тюменов с монголоидными примесями, влившиеся в XVI–XVII вв. (возможно, и в начале XVIII в.) в кумыкский этнос.

Как известно, тюрки словом «тюмень» называли самое крупное воинское соединение, собственно – часть племени, которая шла на войну, имея в своем составе около 10 тысяч конников. Аббас-Кули Бакиханов приводит предание о том, что квартал Туманлер в Эндирее – «остаток древнего народа туманшах, населенного Нуширваном, который сохранил свое название до сего времени. Их владения простираются от правого берега Кою-су до Темир-Кую, и с первого же начала они жили здесь»¹. Загадочным остается и название южнокумыкского селения «Туменлер» (Кайтагский р-н). И не случайно, как нам кажется, в старинном селении Эндирей имелся отдельный квартал «Тюмень-аул», где проживали тюмены (часть из которых затем переселилась в с. Аксай). А позднее отдельные группы ногайцев, среди которых были носители и монголоидных типов, стали оседать и в других селениях, преимущественно там же на Кумыкской плоскости (Бабаюрт, Тамаза-тюбе, Геме-тюбе, Хасанай и др.). Известно, что отдельные племена ногайцев после разделения Ногайской Орды на Большую и Малую, а позднее и на ряд мелких автономных улусов, кочевали по территории расселения кумыков, – в исторической литературе их называют кумыкскими ногайцами. Более того, их подразделяют на три группы: таркинских, аксаевских и костековских ногайцев, и все они еще в дореформенный период были подвластны кумыкским владетелям². Эти факты говорят о тесных этнополитических контактах северных кумыков с тюрками кыпчакского круга (ногайцами, тюменами и др.) и в более поздний период.

¹ Бакиханов А.-К. Указ.соч. С. 13.

² О кумыкских ногаях и тюменах. См.: ЦГА РД Ф.105. Оп.2. Д.107. Л.111; Головинский П.А. О кумыкских ногаях. – Терские ведомости, 1871, №5-7; Дубровин Н. История войны и владычества русских на Кавказе. Т.1. Кн.1. СПб., 1871. С. 623 (прим.); Гаджиева С.Ш. Кумыки. С. 193-194; Она же. Очерки истории семьи и брака у ногайцев XIX – нач. XX вв. М., 1979. С. 10-11; Она же. Материальная культура ногайцев. М., 1976. С. 18, 28.

Несколько иначе обстояло дело с южными кумыками, которых называют кайтагскими. Мы склонны думать, что на предков южных кумыков наиболее значительное влияние оказали ранние тюрки-барсилы (страна Барсилия), савиры, гунны и другие группы гуннских и хазарских племен, которые были позднее отодвинуты на юг, в глубь предгорий, под натиском нахлынувших в Северный Дагестан новых сильных волн тюркских племен, в частности кыпчак-половцев. Нам также представляется, что южные кумыки, в отличие от северных, испытали влияние тюрков с юга в более поздний период и в наиболее интенсивной форме во времена активного проникновения тюрков-огузов в Южный Дагестан (XV–XVI вв.), что отразилось на диалекте их языка, который вобрал в себя черты огузских языков. Еще А.В. Комаров отмечал, что кумыкский язык «есть особое наречие тюркского языка, имеет несколько оттенков, в особенности отличаются выговором башлынды и их соседи»¹.

Как известно, в 1299 г. в Малой Азии на развалинах Конийского султаната образовалось десять самостоятельных княжеств. Среди них одним из самых сильных было княжество бея Османа из огузско-туркменского племени кайы, выступившего в роли «собираателя земель и образовавшего на территории Малой Азии турецко-османское государство – Турцию»². Согласно османской традиции, Кайы Эртогрубей (ум. в 1281 г.) был основателем Османского государства, которому следовал в управлении сын Осман³.

Огузские племена занимали, надо полагать, большую территорию и были широко известны. Персидский историк XIII в. Рашид ад-Дин, перечисляя 24 основных и 6 родственных огузских племен, особенно выделял кайы, баят, кара-уйли и др.⁴

Как отмечают исследователи, род кайы сыграл важную роль в судьбах народов Средней и Малой Азии. Так, например, в Малой Азии свыше 15 географических пунктов, названия которых связаны с именем кайы: кайы, кайи, кайы-дере, кайы-дере-чайлы, кайык и др.⁵

¹ Комаров А.В. Народонаселение Дагестанской области (с этнографической картой). – Записки Кавказского отдела Императорского географического общества. Книга 3. Тифлис, 1873. С. 23.

² Лудшвейт Е. Вступительная статья. – Гордлевский В.А. Избранные сочинения. М., 1960. Т.1. С. 13.

³ Петросян Е.И., Юзбашян К.Н. Предисловие. – Рансумен С. Падение Константинополя в 1453 г. М., 1983. С. 3.

⁴ Рашид-ад-Дин. Джамии ат-Таварих. М., 1952. Т.1. Ч.1. С. 83-90.

⁵ Карпов Г.И. Туркмены огузы. – Известия Туркменского филиала АН СССР. Ашхабад. 1945. Вып.1. С. 4.

Надо полагать, что отдельные подразделения племени кайы обосновались в Дагестане, а именно на территории современного Каякента. Есть предположение, что какое-то подразделение огузов племени кайы поселилось и влилось в состав старожилов-кумыков сел Каякент, Усемикент и др. Известно, что Каякент в древности был известен под названием «Хамри» («Гамри», «Хумри») и новое свое имя, причем в форме Кайыгента (а не Каякента) он получил позднее, после поселения в нем огузов-кьайы. Стоит обратить внимание и на то, что население региона по сей день называет его «Къайыкент»². Прежнее название, надо полагать, забыто в результате арабо-хазарских войн и истребления арабскими завоевателями большей части жителей аула, а также поселения в нем огузов – кьайы. Не случайно архивные данные недвусмысленно говорят о том, что с. Каякент (376 дворов) образовали выходцы из бывшего Кубинского ханства, селений Даразарат, Абиля и Чархи³. Позднее переселение группы огузов, на наш взгляд, имело место и в старинном селении Башлы и его округе. Это была уже какая-то часть туркменского племени Кара-Коюнлу – «чернобаранные» (по кумыкской транскрипции: кьара кьойчулар). Думается, что у этой гипотезы есть основание. Начнем с того, что имело место вторжение отрядов Кара-Коюнлу в Южный Дагестан. Так, например, в надписи-хронике на мечети с. Цахур говорится о кровопролитной битве цахуров с завоевателями (отрядами «тюрок» и рутульцев), закончившейся бегством врагов. Исследователи Н.В. Ханыков, Л.И. Лавров, А.Р. Шихсаидов достаточно убедительно прокомментировали эту важную для истории Дагестана хронику первой половины XV в., связав ее с вторжением отрядов Султана Искендера Кара-Коюнлу (1422-1435 гг.)⁴. Имя Искендера из племени Кара-Коюнлу упоминает и армянский автор XV в. Фома Мецопский в связи с походом в 1434 г. на «город Шемаху в его область...»⁵. Автор также сообщает, что Искендер-султан «прошел дальше Дер-

¹ См.: Дербенд-наме. С. 32, 41.

² См. подробно: Га д ж и е в а С.Ш. Дагестанские азербайджанцы. С. 14.

³ Записка о сословно-поземельном строе в Кайтаге. 1901. – Феодальные отношения в Дагестане XIX – нач. XX вв. Архивные материалы. Составление, предисловие и примечания Х а ш а е в а Х.М. М., 1969. С. 231.

⁴ Ханыков Н.В. Археологические известия. – Кавказ, 1850, №52-53; Лавров Л.И. Эпиграфические памятники Северного Кавказа. Ч.1. М., 1966. С. 204; Шихсаидов А.Р. Эпиграфические памятники X–XVII вв. как исторический источник. М., 1984. С. 272, 356-357.

⁵ Мецопский Фома. История Тимура-Ланка и его преемников. Баку, 1957.

бентских ворот...»¹. Думается, что какая-то часть племени Кара-Коюнлу, в силу определенных ситуаций, могла попасть и на территорию южных кумыков. Устная народная традиция сохранила сведения о том, что в старом селении Башлы кьара кьойчулар занимали отдельный квартал и были многочисленны. Не случайно и то, что один из приморских земельных участков общества Башлы, участок Мирзасу, соседи башлынцева – терекеменцы до недавнего времени называли Кара-Коюнлу. О сравнительно большом влиянии огузских племен на южных кумыков свидетельствуют особенности диалекта и говоров их языка. Разумеется, кумыкский язык, особенно его южный диалект, в своем словарном фонде еще сохраняет следы и первичных, далеко уходящих в глубь веков и тысячелетий, признаков былой дагестанской языковой общности. Нам кажется, что огузское влияние в какой-то степени могло иметь место и в среде северных кумыков. В этом отношении небезынтересно, что в числе земель кумыкского князя Уцмиева Хасайбека был в районе Хасавюрта участок под названием «Тогъуз-огуз», лежащий между реками Аксай и Яман-су².

Тюрко-дагестанские языковые контакты, начало которых восходит к первым векам нашей эры, имели эффективное и плодотворное продолжение, развиваясь в течение веков и опираясь на взаимовыгодные связи во многих сферах: военно-политических, торгово-экономических, культурных и идеологических³.

Линии этнических и культурных связей объединяют кумыков с рядом народов Кавказа, Поволжья, Сибири, Средней Азии и Казахстана, Передней Азии и даже Западного Китая. Чобан-заде полагает, что в этногенетическом процессе кумыков наиболее тесные связи прослеживаются с балкаро-карачаевскими и северокрымскими тюрками, «на что указывают, кроме языковых фактов, многочисленные предания, сохранившиеся среди современных кумыков»⁴.

Все вышеизложенное позволяет заключить, что кумыки сформировались как народность на местной этнической основе и что в процессе их формирования основополагающая роль принадлежала древним, автохтонным племенам дагестанской равнины. В процессе дальнейшего развития социально-экономических отношений, национальной консолидации на базе единого тюркского языка, а

¹ Там же.

² ЦГА Северной Осетии. Ф.12. Оп.2. Д.1074. Л.179.

³ Дж и д а л а е в Н.С. Тюркизмы в дагестанских языках. М., 1990.

⁴ Ч о б а н - з а д е Б. Указ.соч. С. 39.

также под влиянием пришлых этнических групп кумыки постепенно выделились из общей массы окружающего населения, приобрели специфические особенности в языке, материальной и духовной культуре. В течение всей своей истории кумыки сохраняли и развивали культурно-экономические, политические связи с соседними народами – аварцами, чеченцами, осетинами, русскими, даргинцами, лакцами, азербайджанцами, табасаранцами и др.

Возникает вопрос, к какому же периоду относится образование кумыкской народности и появление этнонима «кумык»? Процесс складывания кумыкской народности, очевидно, наметился еще в хазарский период, во времена существования на данной территории раннесредневекового политического образования царства Джидан (бывшая часть населения Северо-Восточного Дагестана). Возможно, что собирательное имя «Джандар», под которым наряду с другими наименованиями южные кумыки до недавнего времени были известны своим соседям, возникло еще в период расцвета этого раннефеодального образования и связано с его названием (Джидан-Джандар). Не противоречит истине и, несомненно, является вполне обоснованной точкой зрения известного исследователя С.А. Токарева, который утверждал, что древний пласт кумыков «несомненно, дотюркский». Он полагал, что образование основного ядра кумыкского народа следует отнести ко времени распада Хазарского каганата и усиления проникновения кыпчаков, т.е. к X–XI вв.¹ Однако дальнейшее развитие кумыков как народности было тесно связано не только с тюркизацией местных племен, но и, как нам представляется, с социально-экономическими и политическими реалиями, приведшими в послемонгольский период к их объединению в рамках единого феодального образования – шамхальства. Начиная с этого времени, т.е. XIII–XIV вв., устанавливается экономическая, административно-политическая и языковая общность на территории Кумыкской равнины, и можно, на наш взгляд, говорить о кумыках как об этническом целом, как о сложившейся и развивающейся народности на единой этнической территории.

Что же касается происхождения самого этнонима «кумыки», то по этому вопросу мнения исследователей расходятся. Часть ученых (А.-К. Бакиханов, Б. Чобан-заде, З.Ш. Навширванов, С.А. Токарев, А.И. Тамай и др.) этот этноним связывают с наименованием известного раннесредневекового племени «кимак», родственного

собственно кыпчакам (куманам). Еще А.-К. Бакиханов писал, что «кумук, по показанию Птолемея, есть остаток Кам или Камак, от имени которого получили название и принадлежащие ему земли»¹. «В этимологическом отношении можно предполагать, – пишет Б. Чобан-заде, – что слова кумык, кумук и камак происходят из корня «кама» или «кума»... С другой стороны, можно сопоставить слова «кумук» или «камак» со словами куман, кубан или каман». Правда, ученый не до конца уверен в правоте своих рассуждений. «Вместе с тем, – отмечает он далее, – привести более или менее конкретные факты о взаимоотношениях куманов и кумыков не представляется возможным»². З.Ш. Навширванов, в свою очередь, склонен видеть связь между этническими терминами «кумык» и «кыпчак», «куман» и даже «коны». «Основываясь на известиях Гауфы, – пишет он, – можно предполагать, что за ними (печенегами, узами – С.Г.) двигались и коны, затем коны разделились на несколько частей, оставшаяся в Дагестане стала называться кумыками, а передвинувшаяся на Дешт-и-Кыпчак – команам»³. С.А. Токарев, как было отмечено выше, констатируя, что древний пласт кумыков «несомненно, дотюркский», отмечал, что «есть мнение, что народ ками, комаки, упоминаемый уже у Птолемея, связан исторически с позднейшими кумыками»⁴, т.е. этноним «кумыки» он также связывал с названием племени «кимак».

Другого мнения на этот счет придерживается Я.А. Федоров, который связывает его с наименованием высокогорного лакского селения Казикумух, являвшегося в течение длительного периода резиденцией лакских и кумыкских шамхалов⁵. Существует и третья точка зрения (Б.А. Алборов и др.), связывающая этноним «кумыки» со словом «кум» (песок, песчаная земля).

¹ Бакиханов А.-К. Гюлистан-Ирам. Баку, 1926. С. 14; Редактор нового издания труда А.-К. Бакиханова «Гюлистан-Ирам» (Баку, 1991. С. 210) академик З.М. Буният в своих примечаниях отмечает, что Бакиханов «неточен в передаче этого сообщения. О камах или камаках говорит не Птолемей, а Гай Плиний Секунд».

² Чобан-заде Б. Указ.соч. С. 36.

³ Навширванов З.Ш. Предварительные заметки о племенном составе тюркских народностей, пребывавших на юге России и в Крыму. – Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии. Т.III. Симферополь, 1929. С. 85.

⁴ Токарев С.А. Указ.соч. С. 229.

⁵ Федоров Я.А. К вопросу об этногенезе кумыков. – Научные доклады высшей школы. Исторические науки. 1959. Вып. I. С. 112-115.

¹ Токарев С.А. Этнография народов СССР. М., 1958. С. 229.

Мы склонны считать более правильной гипотезу о кыпчакском или кимакском, западнотюркском происхождении данного термина. Это и понятно. Именно в XI–XIII вв. продолжался в своих наиболее интенсивных формах процесс завершения формирования кумыкского народа. Этот период можно характеризовать как второй, завершающий этап формирования народа. Что касается первого этапа, то он был более продолжительным, сложным и растянулся до X века. Мы уже отмечали, что, перечисляя подвластные монголам земли, Плано Карпини среди них называет «комуков», а дагестанские хроники упоминают в связи с арабскими завоеваниями селения Кази-Кумух и Кафыр-Кумух. Трудно сказать, какое из этих селений могло иметь отношение к этнониму «кумык» (или имели ли вообще они какое-либо отношение к нему?).

Все, что приведено выше, лишь предположения ученых, что говорит о необходимости продолжения работы в этом направлении, ибо проблемы происхождения кумыкского народа принадлежат к числу наиболее сложных аспектов этнической истории даже в масштабе многонационального Дагестана. Приведенный анализ позволяет наметить лишь основные этапы этнического формирования кумыкского народа в отдаленном и более близком прошлом. Более детальное изучение сложной этнической истории народа, прошедшего многовековой путь, а равно и роли вошедших в его состав этнических компонентов – дело будущего.

Глава II

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ СТРОЙ КУМЫКОВ В XVI–XVIII ВВ.

Послемонгольский период ознаменовался в Дагестане подъемом производительных сил, укреплением феодальных отношений и усилением процесса присвоения феодалами общинных земель. В то же время возросла тенденция децентрализации политической власти.

Рост феодального хозяйства на Кумыкской равнине в XVI веке хорошо прослеживается по грамоте русского царя Федора грузинскому царю (90-е годы XVI века), где между прочим отмечается, что у р. Койсу (Сулак) русский город был построен на «Шефкалове земле», где прежде «были у Шефкала лучшие угодья, пашни и сенокосы и рыбные ловли»¹. Шамхалы, ханы и беки, баи составляли здесь господствующий класс. Развивалась система сюзеренитета-вассалитета, усилилась роль мелкопоместного узденства и нукерства. Русские источники XVI–XVII вв. отмечают существование различных групп зависимого от феодалов населения Кумыкской равнины. В документах они известны под именем «черные люди», «пашенные люди»², что вполне соответствует местным старинным терминам «къара халкъ» (черный народ), «сабанчылар» (пашенные люди), «кьуллар» (холопы или ясыри). По мнению Е.Н. Кушевой, «пашенных людей» следует отнести к категории крепостных крестьян – чагаров и райтов³. По свидетельству Мухаммеда-Рафи⁴, подати с трудового населения, как и в более ранний период, имели натуральный характер. О тяжелом феодальном гнете свидетельствуют факты побегов рабов и других зависимых людей в русский

¹ Белокуров С.А. Сношения России с Кавказом. Вып. I. М., 1889. С. 275.

² Там же. С. 404; Кушева Е.Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией. М., 1963. С. 50.

³ Кушева Е.Н. Указ. соч. С. 50.

⁴ Извлечение из Истории Дагестана, составленное Мухаммедом-Рафи. Тарихи Дербенд-наме. Тифлис, 1898. С. 177.

город Терки. «И я, холоп твой, – писал московскому царю Михаилу Федоровичу эндириевский владетель Казаналип в 1643 году, – бил челом тебе, государю, на Терке и твоим государевым воеводам в листу писал, что тех моих беглых людишек, из-за мурз сыскав, мне, холопу твоему, отдавали. И твои государевы воеводы тех моих беглых людишек не сыскивают и мурзам про то не говорят, и меж ними ссору чинят»¹. Письмо кумыкского владетеля не осталось без последствий. Царь Михаил Федорович «велел тех людей сыскав, ему отдать, и вперед будет по тому ж сыскивать и отдавать, чтоб Казаналипу-мурзе в том оскорбленья не было»².

Каковы же были феодальные образования на территории кумыков в послемонгольский период?

Самым крупным политическим образованием, объединявшим наряду с лакцами (в монгольский период и частично – в послемонгольский) большую часть кумыкского населения, было Казикумухское шамхальство. Кумыки же, жившие южнее Буйнака, входили в другое, не менее сложное по своему этническому составу феодальное образование – Кайтагское уцмийство, а также объединялись в Утамышском султанстве.

В шамхальстве были объединены (до середины XVI века), кроме кумыков и лакцев, также отдельные аварские общества, чеченцы, жившие в пограничных с Дагестаном районах, ногайцы, кочевавшие на Терско-Сулакской низменности и др.

В послемонгольский период в политической жизни шамхальства прослеживаются серьезные изменения. Документы XVI века позволяют судить об известном торговом и экономическом центре – Тарки как о второй резиденции шамхалов, наряду с Казикумухом.

Еще в 1589 году грузинские послы в Москве называют Тарки главным городом, резиденцией шамхалов («... взять бы государственной рати город Шевкальской начальной Тарки»)³.

Заметно усиливается значение кумыкского селения Тарки, которое вскоре становится столицей крупного политического образования. С начала XVII века Тарки – центр самостоятельного кумыкского владения Шамхальства Тарковского, сюда в 1640 году, уже окончательно, в связи с бурными событиями, имевшими место в Казикумухе, шамхалы переносят свою резиденцию.

С усилением Тарков и перенесением столицы на плоскость шамхалы постепенно теряют свою власть над горным населением и прежде всего над лакцами. Вместе с тем в XVI в. шамхальство остается одним из сильных владений. В XVI в. грузинские цари и кабардинские князья неоднократно обращались в Москву с просьбами защитить их от притязаний шамхалов¹.

Внутренний и международный авторитет тарковских шамхалов на протяжении длительного периода, вплоть до 30-х годов XVIII столетия, хорошо охарактеризовал участник петровского похода И. Гербер. Он писал: «Шамхалы исстари великую власть и чрезмеру великую волю и привилегии имели, ибо не токмо все уезды в Дагестане под их властью стояли, но оные еще некоторую часть из тавлинцев под свою власть брали и самовольно, яко подданными, владели, а другие около их живущие народы всегда их высоко почитали и их силы боялись. И дабы шамхал все здешние народы в подданстве послушанием, страхом держать и к тому силы иметь мог, допущено ему не токмо все доходы и подати в Дагестане на себя брать, но и каждый год от шаха получал 4000 туман, он повинен был за которые деньги несколько войска содержать. При дворе шаховом шамхалы были всегда в великом почтении, также получали они и из России часто немалых подарков для имения с ними доброго соседства»².

Тарковское шамхальство было все еще известно как одно из самых крупных политических образований на Северо-Восточном Кавказе, но в его территориальных границах происходили значительные изменения.

Примерно со второй половины XVI века начинается процесс дробления шамхальства, в пределах Кумыкии на отдельные сравнительно небольшие самостоятельные владения (бийлики, юрты). Этот процесс, как и повсюду, отражал определенный этап развития феодальных отношений и связанного с ним экономического и политического укрепления отдельных феодалов, а также ростом феодальной эксплуатации и усилением классовой борьбы.

Первым выделяется Буйнакское владение, к которому относи-

¹ Белокуров С.А. Указ.соч.; Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. М., 1957. Т.1.

² Гербер И. Описание стран и народов вдоль западного берега Каспийского моря. 1728 г. – История, география и этнография Дагестана. XVIII–XIX вв. Архивные материалы. Под ред. М.О. Косвена и Х.М. Хашаева (далес – ИГЭД). М., 1958. С. 71–72.

¹ Русско-дагестанские отношения XVII – первой четверти XVIII вв. Документы и материалы. Сост. Р. Маршаев. Махачкала, 1958. С. 163.

² Там же. С. 164.

³ Белокуров С.А. Указ.соч. С. 58.

лись земли от Буйнакса до границ Кайтагского уцмийства на юге. Правитель Буйнака носил титул «крым-шамхала»¹ или «ярым-шамхала». Имеются сведения о том, что еще в 1557 году крым-шамхал Буйнака как самостоятельный владетель обратился через астраханских воевод к московскому царю с просьбой принять в свое подданство, защитить «от всех сторон», чтобы его «торговым бы людям дорогу пожаловал государь»². Несколько позже отделяется от шамхальства и Султан-Магмут (Султан-Мут), завладевший землями между Сулаком и Терекком. Вначале он обосновался в районе Чирюрта, а через некоторое время перенес свою резиденцию в известный своей древностью Эндирей, по имени которого и владение (бийлик) это стало носить название Эндиреевского³.

Примерно во второй половине XVII века Эндиреевское владение в свою очередь распадается на три самостоятельные части: собственно Эндиреевское владение (главное), Аксаевское и Костевское.

Почти одновременно с Эндиреевским владением выделяется

на северо-западе шамхальства Эрпелинский бийлик, владетель которого, так же как и эндиреевский, с 1595 года находится «под государевою рукою», т.е. вступает в самостоятельные дипломатические связи с русским государем. Эрпелинское владение состояло из селений Эрпели (резиденция бийлика), Ишкарты, Верхний Каранай, Нижний Каранай, Ахатлы¹. Владетели его назывались карачибками.

Еще в начале XVII века от Тарковского шамхальства отделяются Карабудахкентское, Кумторкалинское, Губденское и Бамматулинское владения, а несколько позднее и Мехтулинское ханство². Князя Карабудахкентского (Сурхай), Кумторкалинского (Маметхан-мурза), Губденского (Султан-Магмут) владений вместе с Тарковским владетелем Гиреем в 1614 году в присутствии представителя царской власти приняли присягу новому царю Михаилу Романову.

Из перечисленных пяти уделов более крупными являлись Бамматулинский и Мехтулинский. Бамматулинский бийлик объединял селения Большое Казанище (Нижнее Казанище) – резиденция князей, Малое Казанище (Верхнее Казанище), Муселим-аул, Буглен, Халимбек-аул, Кафыр-Кумух и Темир-Хан-Шуру³, являющуюся в то время деревней. Мехтулинское ханство – Большой Джентугтай (резиденция ханов), Малый Джентугтай, Дуранги, Апши, Ахкент, Оглы, Кулецма, Аймаки, Чоглы, Дургели, Кака-Шура, Парраул, Урума⁴. Что же касается остальных уделов, то они состояли главным образом из нескольких или из одного селения.

«Смутным было положение в Дагестане, – писал А.-К. Бакиханов о Тарковском шамхальстве применительно к XVI – началу XVIII вв. – Чубан-шамхал, владевший всем краем от границ Кайтака, Кюринского округа, Аварии, Черкесии и реки Терека до моря Каспийского, умер в Буйнаке в 982 (1574) г. Его сыновья разделили между собою все владения. Эльдар избрал своим местопребыванием Буйнак и Тарки; Мухаммад остался в Казанище, Андия – в Кафир-Кумухе, Гирей – в Гели, и управляли они своими уделами независимо друг от друга. Однако общий правитель или шамхал избирался поочередно из этих четырех домов. Наконец, в 1187

¹ Шамхалы Тарковские. Историческая записка, составленная Временной комиссией наряженной для определения личных и поземельных прав туземцев Темир-Хан-Шурина округа. – ССКГ. Вып. I. 1868. С. 56, прим. 4; См. также Белокуров С.А. Указ. соч., прим. 75. Здесь же отмечается, что появление этого титула, по преданию, связано с бийским (феодалным) обычаем, согласно которому самый старший в роде после шамхала считался наследником престола и должен был до получения власти, т.е. до смерти правящего в Тарках владетеля, жить в Буйнаке на положении «ярым-шамхала» (букв. половинного или неполного шамхала), а нередко и «крым-шамхала» (беспокойного шамхала).

² Кабардино-русские отношения в XVI – XVIII вв. Т. I. С. 5.

³ В русских дипломатических документах, относящихся к 1595 году, в списке земель, владетели которых уже «учинились под государевою рукою», т.е. приняли русское подданство, рядом с «Ерпели» (Эрпели) и «Шевкальским царством» упоминаются и «Кумыки». Нам представляется, что «Кумыки» в этом списке не что иное, как владение Султан-Мута, т.е. местность, известная позднее в литературе под именем Кумыкской плоскости. (См. Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. Т. II. СПб., 1852. С. 63, 219-220). Согласно данным генерального штаба России, в частности составленным И.Н. Забудским, хорошо знавшим Кавказ и, особенно, Дагестан, так определялась Кумыкская плоскость: «Большое пространство, заключенное между Терекком и Сулаком и ограниченное с Востока и юга Кочкальковским хребтом и последними покатостями черных гор, называется Кумыкской плоскостью. Эта плоскость есть совершенная равнина, не имеющая почти никакой покатости к Каспийскому морю, так что реки, стекающие с Андийского хребта: Аксай, Яман-су, Ярыкь-су и Акташ, не достигают моря, а разливаются по равнине, образуя болотистую пустыню». Забудский И.Н. Ставропольская губерния. – Военно-статистическое обозрение Российской Империи. Т. XVI. Ч. I. СПб., 1851. С. 25-26.

¹ Магомедов Р.М. Указ. соч. С. 155.

² Белокуров С.А. Указ. соч. Т. I. С. 538-539.

³ Шамхалы Тарковские... С. 60 (примечание).

⁴ Мехтулинские ханы. – ССКГ. Вып. II. 1869. С. 3.

(1773) г. шамхальство перешло в руки владельца Тарки и Буйнака»¹. Более подробные данные о дроблении в прошлом шамхальства приводит хорошо осведомленный в делах Дагестана ген.-м. Д.Ф. Еропкин². В его «реестре» 1732 г. названы:

1. Деревня Буйнак, в оной владельцы: Махти, Элдар, Сурхай, Солтан-мурат...
2. Деревня Губден, в оной владельцы: Гирей, Элдар, Михас, Мамат, Усмей, Бадыш...
3. Деревня Карабудах, в оной владельцы: Элдар, Алшагир, Усеус Гиреевы...
4. Деревня Канабур, в оной владеет Элдар Санмурзов...
5. Деревня Хейли (Гели – С.Г.), в оной владелец Акамай...
6. Деревня Атлы, в оной владеет Чювук, Козыханов сын...
7. Дургели – деревня, в оной владеет Мегди, Переметев сын...
8. Деревня Поремейт, жительство имеют Переметовы дети Солтан, Махмутмегди.
9. Деревня Ченгутаи (Дженгутаи – С.Г.) в оной владелец Албек Магдиев...
10. Деревня Буглени, под владением шамхальского сына Камтулата.
11. Деревня Верхние Казанищи, владелец ее кумторкалинский Мурза Умалатов, его же владения деревня Кумтор кала...
12. Бывшего Адилгереев шамхала дети: Камбулат, Буда, Садат Кирей, да их же владения деревни Тарки, Казаныш, Арекен, Булаккен, Шук, Кадар, Темирхан Шора, Мерселев аул, Албери аул: Атлы бую, Ак...жа...
13. Деревня Нижние Эрпели, ею владеют два брата Муцал да Солтан бек Гиреев, да их же владения деревня Карана...
14. Деревня Верхние Эрпели, в ней владелец Будачи, да у него детей: Бартахан, Казыхан, Мурза, Солтан, Магди...
15. Деревня Медигин, оною владеет Алихан...
16. Деревня Капыр Кумык, в оной владелец Бакан Аксанов...
17. Деревня Капчига, в оной владельца не имеется.

¹ Бакиханов А.-К. Гюлистан-Ирам. Баку, 1926. С. 88.

² Составивший данный реестр ген.-м. Еропкин Дмитрий Федорович прожил на Кавказе более 20 лет; он участник персидского похода Петра I и последующих военных действий в Дагестане, Чечне, Кабарде, неплохо знал феодальные владения Дагестана, хотя часть названий, имен, уездов назвал искаженно, непонятно. Тем не менее мы здесь сохранили его написание. См. Еропкин Д.Ф. Реестр горским владельцам. 1732 г. – ИГЭД. С. 121-123.

18. Андреева деревня, в оной жительство имеют: Мусал Чепалов, который ныне имеет над всеми андреевскими владельцами первенство, Айдемир Хамзин, Адилгерей Чепан Чемханов, да у оных владельцев во владении их деревни Алберю, Караблак, Тумен... да бывшего андреевского владельца Казана Альпы княгиня Бахтын бике с детьми жительство имеет в Андреево деревни, да под владением ее имеются деревни Кубар, Асанбек, Цубуд...

19. Деревня Аксай, в оной владельцы Албек Салтамамутов, его братья: Магомет Усмией, Каплан Герей, Арсланбек, Элдархан, да их владения деревни: Сику, Нуям Берди, Апангур, Кошгилда, Али Аул, Наурус, да в их же владении тавлинская деревня Буртана...

20. Деревня Костек, в ней жительство имеет Герей Мусалов, да его же владения деревня Таркалы¹.

По данным некоторых авторов, в частности А.М. Буцковского, феодалам Засулакской Кумыкии были подвластны отдельные сала-тавские селения: Чиркей, Зуббут, Иха, Миатли, Гертме, Дуллым и др., а также ряд чеченских: Хасса Мекент, Балчи, Герзели, Дадаюрт, Умараджи².

В своих «Записках» Н.Н. Муравьев-Карский писал, например, о Буйнаке в 1822 году: «Богатая деревня сия принадлежит к владениям шамхала и есть удел одного из законных сыновей его Зубайра, мальчика 10 или 11 лет, который там живет, он принимал меня, как владелец того места, с особенною ловкостью, несвойственной его летам»³.

Источники конца XVII и начала XVIII века сообщают о наличии на территории южных кумыков, между Кайтагским уцмийством и Буйнакскими бийликами, еще одного владения – Утамышского султанства.

По сведениям Лопухина, участвовавшего в посольстве 1715-1728 годов в Персию и проезжавшего через Дагестан в 1718 году, граница владений уцмий кайтагского и утамышского Султан-

¹ См. подробно: Еропкин Д.Ф. Реестр горским владельцам 1732 г. – ИГЭД. С. 121-122.

² Буцковский А.М. Выдержки из описания Кавказской губернии и соседних горских областей. 1812 г. – ИГЭД. С. 245.

³ Записки Н.Н. Муравьева-Карского. – Русский архив. Кн. II. Вып. 5-6. М., 1888. С. 321.

Махмуда проходила по р. Куце¹. В документах начала XVIII века сведения об этом владении встречаются чаще в связи с персидским походом Петра I. Как известно, утамышский Султан-Махмуд при продвижении войск Петра на Дербент оказал ему сильное сопротивление, но потерпел поражение.

И. Гербер, который сравнительно хорошо знал Дагестан, пишет, что утамышский «владелец султан Мамут временем от шамхала, временем от усмея зависит и послушен был, смотря на случай, а больше чтился с обеими и в приятстве быть. После взятия шамхала и разорения его владения боялся он, чтоб российские войска его уезду не тоже учинили, и того ради пристал он к усмею в 1725 году, Российской империи поддался и присягу учинил, а для лучшего уверения он принужден был сына своего во манаты отдать, которого в Дербенте содержат»².

В период существования на территории южных кумыков самостоятельного феодального владения – Утамышского султанства – отдельные кумыкские селения – Башлы, Янгикент, Маджалис, Туменлер остаются под властью уцмиев. Самое крупное на территории южных кумыков с. Башлы в XVII–XVIII вв. было известно как резиденция уцмиев. «Сам усми живет в Баршлу»³, – пишет Лопухин в 1718 г.

Такова была далеко не полная картина дробления крупного в прошлом феодального политического образования – шамхальства Тарковского на отдельные уделы, во главе которых стояли члены того же шамхальского дома.

Как уже указывалось, среди образовавшихся удельных княжеств особенно велика была роль Эндиреевского владения. Основатель его родоначальник засулакских князей Султан-Мут вел войну с Тарковским шамхальством, притеснял многих других дагестанских владетелей.

Предание об образовании удела Султан-Мута Эндиреевского хорошо отражает борьбу членов шамхальского дома за обособление.

В одной из кумыкских народных песен Султан-Мут так характеризует себя:

¹ Лопухин А.И. Журнал путешествия через Дагестан. 1718. – ИГЭД. С. 33; см. также: Соймонов Ф.И. Описание Каспийского моря. СПб., 1763. С. 90-91.

² Гербер И. Указ.соч. С. 74-75.

³ Лопухин А.И. Указ.соч. С. 31.

Тот, кому оседлали лошадь в Тарках;
Тот, кто привел из Кабарды несметное войско,
Тот, кто по договору с шахом окружил Тифлис;
Тот, кто от самого Шаухала силою отобрал свою часть, –
Этот младший сын Шаухала – я; я тот муж,
Которого именуют Султан-Мутом¹.

Согласно преданию, записанному в разных вариантах многими дореволюционными исследователями², Султан-Мут (он же Султан-Махмуд) был сыном Шамхала Андия (он же Чопан, он же Муртазали), от второго неравного брака. Как гласит предание, Андий во время набега на Кабарду «взял одну девушку-крестьянку» (по другим преданиям – из рода узденей Анзоровых), женился на ней и от этого брака родился Султан-Мут. От первой жены, дочери Султан-Ахмеда-уцмия, у Андия было еще два сына – Гирей и Эльдар. После смерти отца (Андий умер в 1574 г. в Буйнаке) старшие братья стали притеснять Султан-Мута, отказались признавать в нем равного себе члена семейства, так как его мать не имела «княжеской крови», лишили его наследства³.

Очевидно, поэтому Султан-Мут в источниках начала XVII в. (1614 г.) называется безюртным человеком, т.е. лицом, не имеющим собственного владения. Кроме того, в отличие от многих членов шамхальского дома, называвшимися князьями, Султан-Мута в источниках именуют мурзой⁴.

Гордый, предприимчивый и храбрый Султан-Мут в сопровождении своего аталыка и его друзей (по одним данным, 3-х андийцев во главе с Биче) отправился в Кабарду, к родственникам матери искать защиты от притеснения братьев. Набрав «из Кабарды дружину в числе 13 тыс. человек», как отмечает Д.-М. Шихалиев, он вернулся в Дагестан⁵. Д.-М. Шихалиев пишет, что это был тяжелый

¹ Семенов Н. Указ.соч. С. 243 (прим.).

² Лобанов-Ростовский М.Б. Кумыки, их нравы, обычаи и законы; Шихалиев Д.-М. Рассказ кумыка о кумыках; Макаров Т.Н. Кумыкский округ. – Кавказ, 1860, №77; Шамхалы Тарковские. – ССКГ. Вып.1. Тифлис, 1868. С. 58; Бакиханов А.-К. Гюлистан-Ирам. Баку, 1926. С. 88-89; Семенов Н. Туземцы Северо-Восточного Кавказа. СПб., 1895. С. 242; Ковалевский М.М. Земельные и сословные отношения у горцев. – Русская мысль. Кн.VIII. 1883. С. 147.

³ Шихалиев Д.-М. Указ.соч.

⁴ См. Русско-дагестанские отношения XVII – первой четверти XVIII вв. С. 44, 45 и др. Согласно преданию, его еще называли «тюклю кюлакъ Султан-Мут», т.е. «Султан-Мут-Волосатое Ухо».

⁵ Шихалиев Д.-М. Рассказ кумыка о кумыках. Махачкала. 1993. С. 29.

период для шамхальства, когда русские «объявили в 1590 году Дагестану войну» и воздвигли на шамхальских землях крепости (при деревне Эндирей на развалинах древнего Кизил-Яра, в Тарках и Торкалы), Султан-Мут, пользуясь «критическими минутами для своей родни, привел из Кабарды дружину»¹.

Князь М.Б. Лобанов-Ростовский так описывает это событие: «Рассказывают, что братья, устранившись его успехов, предложили ему мир и удел. Война прекратилась, и по условию он получил в потомственное владение земли по правый берег Сулака, от горячих источников между Чир-юртом и Миатлами, вдоль по Сулаку, до речки Торкалы-озень»².

М.Б. Лобанов-Ростовский полагает, что это событие «могло быть» не раньше первой половины XVI столетия, ибо кумыкские князья, «от родоначальника своего Султан-Мута до настоящих времен, считают 13 поколений»³. Т.Н. Макаров склонен связывать это событие с 1604 годом, с временем походов в Дагестан, во владение шамхалов, терских воевод Бутурлина и Плещеева⁴. «Достоверно известно, – пишет позже Н. Семенов, – что он убит в кровопролитном сражении с русскими войсками в 1605 году на берегу Каспийского моря, несколько севернее нынешнего Петровска»⁵. Так или иначе Султан-Мут был одним из деятелей истории засулакской Кумыкии. Судя по преданиям, Султан-Мут основал в новом районе первую деревню (совр. Чирюрт) и поселился там. Там же поселились и пришедшие с ним кабардинцы. Во владении Султан-Мута скоро стали поселяться, т.е. «под его покровительство, многие из горцев, из кумыков, привлеченные славою об его храбрости и уме»⁶. Как М.Б. Лобанов-Ростовский, так и Д.-М. Шихалиев указывают, что вначале территория, выделенная в удел Султан-Муту, была малонаселенна и часто подвергалась «опустошительным наездам калмыков» и других племен, проходивших через равнинный Дагестан⁷. С обоснованием здесь Султан-Мута, как свиде-

тельствуют источники, на некогда малообитаемой, но удобной земле стали возникать поселения одно за другим, созданные выходцами «преимущественно из Шамхальства»¹.

Упрочив за собой полученный удел, Султан-Мут вскоре переселяется из Чирюрта на урочище Чумлу, расположенное в трех верстах выше Эндирея на правой стороне Акташа. Такой шаг Султан-Мут якобы предпринимает из-за непрерывных ссор «с братьями, которые не переставали притеснять» его, и желая удалиться от них².

По одним преданиям, Султан-Мут «послал предложить андиреевцам принять его в свое общество»³, и те с радостью якобы согласились, по другим, – андиреевцы «сами просили Султан-Мута переселиться к ним»⁴. Так или иначе, Султан-Мут со всем семейством и со всеми приверженцами своими перешел на жительство в Эндирей, превратив его в личную резиденцию. Как отмечают исследователи, земли здесь было много, и Султан-Мут щедро раздавал участки своим подвластным и особенно своим приверженцам, поступившим к нему на службу в качестве узденей⁵. Таким образом, в скором времени большая часть жителей Кумыкской плоскости, как отмечает М.Б. Лобанов-Ростовский, «по земле, ими занимаемой, очутилась в зависимости от князей»⁶. Султан-Мут быстро завоевал авторитет и влияние. «Султан-Мут, мурза в кумыкской земле князь старой, многие люди его по старости любят», – отмечал Терский воевода Н. Вельяминов⁷. Согласно имеющимся сведениям из Чумлу, и все потомки Султан-Мута переселились непосредственно в Эндирей. После смерти Султан-Мута владение его перешло к сыновьям Айдемиру и Казаналипу, от которых и пошел род засулакских князей. «Братья, хотя разделили полученное наследство, но сами остались жить в Эндирее. Однако внуки и правнуки их, получившие свои удельные земли, лежащие вдали от Эндирея, покинули резиденции своих отцов и переселились – одни в Аксай, другие в Костек и Казийорт, где мы застаем их и ныне. Вместе с ними, естественно, расселились

¹ Там же. С. 30.

² Лобанов-Ростовский М.Б. Указ.соч., №37. По одной легенде, записанной нами в Эндирее, Султан-Мут при жизни отца отбирает свой удел, ссора с отцом происходит в районе Чир-юрта (с участием аталыка и родственников-кабардинцев). Записано от Гаджиева Гаида, с. Узун-Отар Хасавюртовского р-на.

³ Лобанов-Ростовский М.Б. Указ.соч.

⁴ Макаров Т.Н. Указ.соч., №77.

⁵ Семенов Н. Туземцы Северо-Восточного Кавказа. С. 244.

⁶ Шихалиев Д.-М. Указ.соч. С. 30-31.

⁷ Лобанов-Ростовский М.Б. Указ.соч., №37.

¹ Там же.

² Там же.

³ Макаров Т.Н. Указ.соч., №77.

⁴ Лобанов-Ростовский М.Б. Указ.соч., №37.

⁵ Там же. Об узденях см. в разделе «Классовая структура».

⁶ Там же.

⁷ Русско-дагестанские отношения в XVII – первой половине XVIII вв. С. 68.

по плоскости и их уздени...»¹, – писал Н. Семенов, указывая на начало процесса феодального распада Засулакской Кумыкии.

Таким образом, по мере того, как ослабевало родство и увеличивалось население, «многие из князей, разделивши имущество и земли, принадлежащие им дотоле вообще, стали, в свою очередь, родоначальниками отдельных княжеских домов»². «В Андрееве, – отмечает М.Б. Лобанов-Ростовский, – из пяти аулов или кварталов, на которые разделен город, четыре зовутся доселе по фамильным именам четырех древних княжеских семей»³.

«Каждый аул составлял, – пишет он, – как бы отдельный городок, управляемый своим княжеским домом и населенный его приверженцами и служителями, пятый аул – называемый Салаул, был обитаем сала-узденями, во всем почти независимый от князей»⁴. Как было отмечено выше, со смертью Султан-Мута владение перешло его сыновьям – Айдемиру и Казаналипу. Состояние феодального землевладения, особенно вотчинного, точнее фамильной собственности в Засулакской Кумыкии хорошо отразил применительно ко II половине XVIII в. служивший на Северном Кавказе на разных должностях А.И. Ахвердов в своем «Описании Дагестана» (1804 г.). Вот его пространная характеристика, которую приводим с некоторыми сокращениями: «Порядком начну вам от Кизляра кумыками Андреевской, Аксаевской и Костековской деревень, в которых старшие владельцы.

В первой – Али-Солтан Казаналипов... Со всеми окружными деревнями принадлежит пяти фамилиям владельцев андреевских: Казаналиповым, Темировым, Алишевым, Айдемировым, Муртузали Аджиевым... Из сих владельцев есть имеющие чины наши, как-то майоры Муртузали и Устархан Алишев, из коих первой имеет медаль, данную при коронации, золотую с бриллиантами, капитаны Арсланбек Айдемиров, Ибрагим Альбор Аджиев и Шефи Темиров, который имеет за Персидский поход медаль большую золотую на голубой ленте с портретом Екатерины вторья и с надписью «За храбрость и усердие»... Владение сие в подданстве состоит всероссийского престола, и всякия повеления начальства восполняют без отлагательства...

¹ Семенов Н. Указ.соч. С. 244-245.

² Там же.

³ Лобанов-Ростовский М.Б. Указ.соч.

⁴ Там же.

Деревни Аксаевской старшей владелец Хасбулат Арсланбеков... Деревня сия принадлежит пяти владельческим фамилиям: Алибековым, Ахмат Хан Каплановым, Элдаровым, Уцмиевым и Арсланбековым... Владельцы их имеют нашей службы чины, подполковничий – Муртазали Капланов, имеющий золотую медаль с бриллиантами, майорский – Биарслан Элдаров. Все вообще аксаевцы подданные всероссийскому престолу и повинуются всем приказаниям начальства нашего...

Деревня Казбековская принадлежит одной владельческой фамилии семи братьям и в Андреевской деревне имеющим владение, Алишевым, старшему Муртузали, Устархану, Адилю, Актоле, Бамат Мурзе, Омахану и Хасаю...»¹

Как видно из приведенного, в XVIII–XIX вв. феодальная земельная собственность в Засулакской Кумыкии была главным образом не столько личная, отдельных феодалов, сколько «фамильная», т.е. родственных групп. Такое положение в формах землевладения имело место и у других народов Северного Кавказа, в частности у адыгских народов². Однако с развитием капиталистических отношений этот фамильный принцип владения землей постепенно уступает место индивидуальному, частносемейному, т.е. личному владению.

Итак, потомки Султан-Мута (внуки и правнуки), получив себе уделы, стали покидать резиденцию своих отцов и основывать другие аулы и поселяться в них. Согласно сообщению Т.Н. Макарова, земля Эндирея была так обширна, что князь Айдемир, умирая, завещал своим детям отделиться от Казаналиповых и переселиться на другое место, что и было сделано при его внуках: Алибеке, Эльдаре, Уцмие, Каплане и Алише³. М.Б. Лобанов-Ростовский отмечает: «Семейные распри, споры за земли заставили впоследствии некоторых из князей покинуть Андреево и заложить в урочище Герзель-аул, на речке Аксай, деревню Старый Аксай. Несколько позже был основан Костек и, наконец, в исходе XVIII столетия Казирюрт... вблизи построенной Петром Великим крепости св. Креста; кроме четырех главных наименований кумыкских деревень, на Кумыкской плоскости существуют многие другие небольшие дере-

¹ Ахвердов А.И. Описание Дагестана. 1804. – ИГЭД, М., 1958. С. 213.

² См. Гарданов В.К. Общественный строй адыгских народов. М., 1967. С. 138.

³ Макаров Т.Н. Указ.соч.

вушки от 20 до 50...»¹. По данным Д.-М. Шихалиева, сын Айдемира – Чопалав основал свое местожительство на одной из возвышенностей Эндирея, и это место сохранило свое название как Чопалав-тюбе, сохранились до сих пор и развалины аула². В это время князьями или узденями были основаны и другие деревни, в том числе две из них Баташ-юрт и Байрам-аул, «основанные выходцами из Кабарды», имели своих особых владельцев³. Остальные принадлежали князьям Эндирея, Аксая и Костека.

Д.-М. Шихалиев также отмечает, что в четвертом колене, после Султан-Мута княжеских родов было около 10: в Эндирее – Казаналиповы, Айдемировы, Темировы и Муртазали-Аджиёвы; в Аксае – Алибековы, Эльдаровы, Арсланбековы (они же Хасбулатовы, Каплановы и Уцмиевы), в Костеке – Алишевы, они же Хамзины (Хамзаёвы)⁴.

В конце XIX в., по сведениям Н. Семенова, у засулакских кумыков насчитывалось уже одиннадцать княжеских фамилий. Надо заметить, что в каждом княжеском «роде» был и свой старший князь, а, начиная с царствования Елизаветы Петровны, старшие князья утверждались императорским указом. Первую такую грамоту получил в 1775 г. аксайский владетель Алибек Солтанмахмутов⁵.

Однако феодальные владетели играли неодинаковую роль в политической жизни Кумыкии и Дагестана в целом.

Самым значительным феодальным образованием во всем Дагестане продолжало оставаться Тарковское шамхальство. Тарковский шамхал считался по-прежнему старшим среди кумыкских князей, «общим правителем» их. Он избирался на собрании «лучших людей» из числа старших членов шамхальского дома, причем, как это отмечает Е.Н. Кушева, «из старших членов шамхальского рода, из разных феодальных владений Кумыкской земли»⁶. Однако это правило не всегда соблюдалось. Не случайно, одной из причин междоусобицы феодалов Кумыкии была борьба за престол, занять

который они стремились любой ценой. Так, например, в 1765 г. разгорелась борьба между родственниками Хасбулата по прямой и боковой линии. В результате победу одержали сыновья прямого наследника владетеля – Муртазали и Баммат. Что же касается племянника шамхала – Тишнек Бамматулинского (Казанищенского), то он вынужден был, оставив резиденцию шамхалов Тарки, бежать в с. Эрпели¹. Претенденты на шамхальское достоинство в более ранний период, как отмечала Е.Н. Кушева, «нередко искали поддержку у шахского или русского правительства и в том или ином случае ее получали»². Немалый интерес представляет порядок избрания дагестанских владетелей, в том числе и кумыкских (этот порядок объединял в себе как сам процесс избрания, так и вступление в должность, как ныне принято говорить, – инаугурацию).

Описывая церемонию избрания нового владетеля из дома шамхалов в XVIII веке, А. Олеарий отмечал: «... Когда его избирают, все мурзы или князья должны сойтись в круг, священник (мулла) бросает в них позолоченное яблоко: в кого оно попадет, тот и становится шамхалом. Священник, однако, хорошо знает, в кого он должен бросить»³.

Голландский путешественник того же времени Я.Я. Стрейс почти повторяет сказанное Олеарием: «В Дагестане много властелинов и князей, самые почитаемые из них Шамхал и Уцмий. Первый самый могущественный. Он живет в местечке, называемом Бойнак, и избирается бросанием яблока. Когда нужно избрать шамхала, не принимают во внимание порядок престолонаследия. Но священник собирает всех князей или мурз и, ставя вокруг, берет золотое яблоко, бросает его в них, и тот, в кого он попадет, избирается королем, хотя он метко целит в того, кого считает самым достойным»⁴.

По сообщению Д.И. Тихонова, участвовавшего в Персидском походе 1796 года и побывавшего в Дагестане, коронация нового Тарковского правителя происходила на четырехугольном камне. «По окончании сей церемонии, – писал Тихонов, – шамхал, вставши, дарит их по его рассмотрению, и в то время уже признан будет

¹ Лобанов-Ростовский М.Б. Указ.соч. № 37.

² Шихалиев Д.-М. Указ.соч. С. 32.

³ Лобанов-Ростовский М.Б. Указ.соч.

⁴ Шихалиев Д.-М. Указ.соч. С. 49-50; См. Семенов Н. Указ.соч. С. 245 (примеч.).

⁵ См. Русско-дагестанские отношения в XVIII – начале XIX века. Сборник документов. М., 1988. С. 74.

⁶ Кушева Е.Н. Указ.соч. С. 45.

¹ Шамхалы Тарковские. – ССКГ. Вып. I. Тифлис, 1868. С. 59-60.

² Кушева Е.Н. Указ.соч. С. 46.

³ Олеарий А. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. СПб., 1906. С. 494-495.

⁴ Стрейс Я.Я. Три путешествия. М., 1935. С. 220.

от всех народов шамхалом»¹. Известно, что о сером камне, лежащем между главными и вторыми воротами четырехугольного бассейна, якобы служившим тронном шамхала, упоминает в середине XIX века и И.Н. Березин².

Мало чем отличалась торжественная церемония провозглашения и уцмий Кайтагского. Правда, по уцмийству у нас имеются сравнительно поздние сведения. Говоря о некоторых тухумах, имеющих исключительное право возводить в достоинство уцмиев, майсумов и кадиев, П.С. Петухов, состоявший в 1860 году помощником начальника Кайтаго-Табасаранского округа, отмечает: «Нужно заметить, что при избрании этих правителей происходил некоторый обычай, называвшийся папах коймаг (возложение шапки). Право надевания шапки уцмия принадлежало тухуму Омар из с. Гырцык, в горном магале Ирчамул. Тухум этот хранит особую, парчовую шапку и копье с золотой насечкой на арабском языке»³.

С некоторыми подробностями почти то же самое отмечает известный кавказовед М.М. Ковалевский: «По сведениям, собранным официальным путем, – пишет он, – кайтагский уцмий в течение целого ряда столетий был избранным народным сходом, собиравшимся в окрестностях Маджалиса. На этот сход могли являться все совершеннолетние мужчины возрастом от 20 до 50 лет. Выбор ограничен членами определенной династии и обыкновенно падал на старшего в роде. Признаком избрания было возложение на голову кандидата особой шапочки, похожей на еврейскую ермолку. Надевать такую шапочку на голову уцмия составляло почетную привилегию старшего в тухуме Гасанбека – одного из древнейших и почетнейших родов Кайтага. Избранный одаривал присутствующих лиц: кого орудием и деньгами, а кого скотом. Всему же собранному народу устраиваемо было богатое угощение – опять-таки на средства уцмия»⁴.

Избрание шамхала происходило на общем сходе членов феодальных фамилий Кумыкии, именитых узденей, кадия, нередко с участием акушинцев⁵. Но круг постепенно сужался, ограничивался

владельцами самой Кумыкии. Интересные сведения об условиях участия акушинцев в коронации нового правителя сообщает нам тот же автор конца XVIII в. Д.И. Тихонов. Он, в частности, отмечает: «... Еще же они имеют то преимущество, что во время нового преемника шамхальского достоинства акушинцы посылают несколько чиновников в Тарки, и по приезде их сажают его на камень четырехугольный, и по окончании сей церемонии шамхал, вставши, дарит их по его рассмотрению, и в то время уж признан будет от всех народов шамхалом... Они шамхалу податей никаких не дают, но ежели случится, что нужно будет ему вооруженное войско, то просит их по доброй воле... Но главная их нужда состоит в шамхале та, что ... в зимнее время свои стада со скотом продержать никак не могут по причине малости подножного корму... а потому необходимо вынуждены нанимать на зимнее время завсегда в шамхаловом владении лежавшие на плоскости кутаны, и по той самой причине его уважают»¹.

На этом же сходе определялся и наследник – крым-шамхал, будущий шамхал. Последний крым-шамхал, как правило, находился в своем владении в Буйнаке и только во время провозглашения его шамхалом призывался в Тарки.

Итак, после провозглашения новый правитель устраивал торжественное угощение за свой счет, во время которого знатные гости, участники церемонии его избрания получали крупные подарки – кто лошадьми, кто быками, кто овцами, а если верить источникам, в прежние времена «от шевкальства подарки дают всем людям и до последнего узденя». Не всегда, однако, шамхалы избирались из крым-шамхалов, владевших Буйнаком, шамхалом мог быть любой достойный представитель старшего возраста шамхальского дома. Так, например, в 1635 г., как видно из отписки терских воевод, на пост шамхала был избран эндиреевский владелец Айдемир – сын Султан-Мута, который погиб в неудачном походе на Кабарду в 1641 г.²

Мы допускаем мысль о возможном перенесении резиденции шамхалов в нагорный лакский аул Казикумух в период монголь-

¹ Тихонов Д.И. Описание Северного Дагестана. 1796 г. – ИГЭД, М., 1958. С. 131.

² Березин И.Н. Путешествия по Кавказу. Казань, 1849. С. 70.

³ Петухов П. Очерк Кайтаго-Табасаранского округа. Казань, 1867, №13.

⁴ Ковалевский М. Закон и обычай на Кавказе. Т. I. М., 1980. С. 223.

⁵ Магомедов Р.М. Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII – начале XIX вв. Махачкала, 1957. С. 188.

¹ Тихонов Д.И. Описание Северного Дагестана. 1796 г. С. 131; Об обряде избрания феодального владетеля см. также: Записка о сословно-поземельном строе в Кайтаге. – Феодальные отношения в Дагестане XIX – начало XX вв. М., 1969. С. 182-183.

² Русско-дагестанские отношения XVII – первой четверти XVIII вв. С. 134-135.

ских нашествий в Дагестан, особенно в Приморский. Нам представляется, что иногда еще в первой половине XVII века для получения титула шамхала новые владетели ездили в Казикумух. Так в 1635 г. в Казикумухе был избран шамхалом Тарковским Айдемир — сын Султан-Мута Эндиреевского. Думается, что это было время, когда шамхалы имели резиденции одновременно в лакском ауле Казикумухе и в своем древнем Тарки, где в послемонгольский период обосновались окончательно. В связи с походом русского воеводы И. Черемисинова в 1560 году на Тарки и битвы последнего с «шевкальским князем», Е.Н. Кушева отмечает «значение Тарков в шамхальстве уже с середины XVI в.»¹. «В XVIII в. шамхалы в переписке с Москвой и с воеводами Терского города, — пишет она, ссылаясь на архивные источники, — постоянно употребляли для шамхальства в качестве политического термина название Кумыкская земля, Кумыки, что показывает, что территория шамхальства в это время в основном соответствовала территории, занятой кумыкской народностью»².

Как видно из источников, шамхалы в прошлом имели большую власть. Е.Н. Кушева, например, ссылаясь на источники, отмечает: «В перечне доходов дагестанского шамхала, который исследователи относят к XV–XVI вв., назван весь «Мычигыш» как собственность шамхала ... Гербер говорит, что чеченцы «ранее» платили шамхалам подати, которые состояли в «малом числе овец и другого скота». В источниках XVIII в. отразились претензии шамхала на подати с ингушей»³.

Н.Н. Забудский также отмечает, что кумыки были соседями чеченцев, «из которых некоторые племена платили им подать, как то качкаликотцы и мичиковцы»⁴.

В «Краткой записке о горских народах» отмечается, что качкалики «суть чеченцы, и по добровольному их желанию поселены в пяти деревнях, по равнинам Кумыкских владений, и находятся под властью сих князей»⁵.

¹ Кушева Е.Н. Указ.соч. С. 42-43.

² Там же. С. 43.

³ Там же. С. 84; См. также: Лаудаев У. Чеченское племя — ССКГ. Вып.6. Тифлис, 1872.

⁴ Забудский Н.Н. Ставропольская губерния. — Военно-статистическое обозрение Российской Империи. СПб., 1851. Т.XVI. Ч.I. С. 149.

⁵ Краткая записка о горских народах — Северный архив, XXII, №13, 1826. С. 30.

Удельные князья, хотя и не вносили в общую казну шамхала никаких податей и решали все внутренние вопросы самостоятельно, тем не менее обязаны были по требованию шамхала, как главного правителя, выставлять необходимые вооруженные силы. «Ежели надобность возымет шамхал в войске, — писал Тихонов, — то в это время посылает к ним своего чиновника с требованием ему от них помощи вооруженного войска, в чем ему они в это время послушны бывают»¹.

Доходы шамхала в этот период состояли из податей с непосредственно подвластного ему населения. Так же как и раньше, первое место занимала натуральная рента с посевов и пастбищ. Характеризуя повинности у кумыков в XVIII веке, Д.И. Тихонов пишет, что своим владельцам «должны жители один день в лето работать, хлеб пахать и прочее», что владельцы берут «в зиму за один кутан по 200 баранов»² и т.д. Обращает на себя внимание и характер воинской повинности. «Ежели случится надобность ему в войске, то они (его подданные — С.Г.) должны идти без всякого отлагательства, кто же ослушается того, разоряют весь дом и грабят имение»³.

Значительное место в доходах феодальных владетелей занимали пошлины (гюмрюк, тамга) с провозимых через их территорию товаров. Так, при провозе товара с Кумыкской плоскости в Дербент или нагорную часть Дагестана его трижды или четырежды облагали пошлиной⁴. Следует обратить внимание на тот факт, что в XVIII веке дагестанские правители, в том числе и кумыкские, берут пошлины с проезжающих восточных и русских купцов уже не натурой, как прежде («со вьюка по киндюку»⁵ да и по бязи лощеной) или «со вьюка по 3 киндюка»), а деньгами.

По сведениям Д.И. Тихонова, ежегодные доходы шамхала, кроме жалованья от царского правительства, в конце XVIII в. составляли до 80000 рублей⁶.

А.А. Неверовский отмечал, что «денежные доходы шамхала

¹ Тихонов Д.И. Указ.соч. С. 130.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Брюханов П.А. Социально-экономические отношения народов Дагестана в первый период его завоевания Россией и походы А.П. Ермолова в горы. — Рук. фонд ИИЯЛ. Д.1193. С. 72.

⁵ Киндюк — восточная хлопчатобумажная ткань.

⁶ Тихонов Д.И. Указ.соч. С. 135.

Тарковского состоят из платежей за оброчные и откупные статьи. Так, например, за право рыбной ловли в Сулаке (Сулакская ватага) наши рыбопромышленники платят от 8 до 10 тыс. рублей серебром ежегодно. В прежнее время торговцы обязаны были платить различные пошлины в пользу каждого владельца за свободный провоз товаров через его владения. А потому и шамхал Тарковский, владения которого лежат на большой дороге из Астрахани в Дербент и Баку, собирал тоже значительную дань и почти всегда произвольную дань с купцов, через что его доходы еще более увеличились. Но так как подобные сборы чрезвычайно стесняли внутреннюю торговлю, то для устранения этого важного неудобства право взимания пошлин уничтожено, а шамхалу выдается ежегодно взамен этого денежное вознаграждение»¹.

Ожесточенная борьба все более усиливалась между влиятельными членами шамхальского рода за верховную власть, за шамхальский престол в Тарках. Источники конца XVI века сообщают, что «шевкальское дело плохо стало», что шамхал и крым-шамхал «промеж собою бранятся, да у них же междоусобная рать», что с крым-шамхалом «половина» Кумыкской земли². Постоянная вражда была у шамхалов и с эндириевскими владельцами. В 1615 г., например, согласно сообщению терского воеводы П. Головина в Посольский приказ, тарковский владелец обращается к царю Михаилу Федоровичу с просьбой оказать ему военную помощь против Эндириевского владельца Султан-Мута³.

В 1627 г. астраханские воеводы получают грамоту из Посольского приказа «об оказании военной помощи кумыкскому шамхалу Ильдару» против его «недрузгов», «непослушников» и др.⁴

Феодальные распри еще более усиливаются в XVIII веке и продолжают до начала XIX века. Характеризуя междоусобицу дагестанских владельцев конца XVIII и начала XIX века, С.М. Броневский писал: «Соперничество, до ненависти и непримиримой злобы, допускаемое между владельцами единокровными так, что вооружение брата на брата, сына против отца не почитаемо у них

за диковину»¹. «А когда ... шамхал взят был от российского войска, – сообщает И.Г. Гербер, – то Султан-Мамут Аксай обрадовался и имел надежду, что он чрез нещастие шамхальское себе щастие получит и шамхалом назначен будет»².

Состояние феодальной раздробленности и междоусобицы в Дагестане, в том числе и в Кумыкии, в этот период как нельзя лучше показано в «Журнале путешествия через Дагестан» А.И. Лопухина³, это также отразилось в событиях, связанных с пленением известного русского академика С.Г. Гмелина⁴, и в документах, посвященных дипломатическим отношениям Дагестана с Россией и др.⁵

Лопухин, как видно из его рассказа, затратил около месяца, чтобы добиться разрешения кайтагского уцмия проехать через его владения. Большие трудности он испытал и по пути от Утамышского султанства до Тарков. Был ограблен и т.д. Буйнакский владелец Муртазали говорил Лопухину: «... А провожу вас в Казаныш к Омудат шевкалу для того, что он со мной в дружбе, а к Адильгирею в Тарки провожать вас не стану для того, что он мой неприятель»⁶.

Время от времени владельцы собирались на съезд, где говорили о необходимости прекращения междоусобицы. Так было и в 1617 году. В Тарках собрался съезд, в котором участвовали тарковский владелец Гирей, казикумухский владелец Алибек, имевший большое влияние на феодальных владельцев Дагестана, кайтагский уцмий, эндириевский Султан-Магмут и другие кумыкские князья. Участники собрания решили прекратить междоусобную борьбу⁷.

Есть сведения, что подобные собрания происходили и в ауле Кубачи. Так, И.Г. Гербер писал: «Шамхал, усмей, Сурхай, другие здешние владельцы имели всегда собрание в Кубаше, когда между собою имелась какая ссора, и здесь ... помирились. Для крепкого положения онаго места многие из здешних владельцев богат-

¹ Неверовский А.А. Краткий взгляд на Северный и Средний Дагестан в топографическом и статистическом отношениях. – Военный журнал. СПб., 1847, №5.

² Белокуров С.А. Указ.соч. Т.1. С. 255-256.

³ Русско-дагестанские отношения в XVII – первой четверти XVIII вв. С. 49-54.

⁴ Там же. С. 86-87.

¹ Броневский С.М. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. Ч.II. М., 1823. С. 450-451.

² Гербер И.Г. Указ.соч. С. 63

³ Лопухин А.И. Указ.соч. С. 6-58.

⁴ Полиевктон М.А. Архивные данные о смерти на Кавказе академика Самуила Георга-Готлиба Гмелина (млад.). – Изв. Кавказского историко-археол. Института в Тифлисе. Т.III. 1925. С. 144-153.

⁵ Русско-дагестанские отношения XVII – первой четверти XVIII вв. С. 49-56, 67-70.

⁶ Лопухин А.И. Указ.соч. С. 37.

⁷ Очерки истории Дагестана. Т.1. С. 95.

ство свое туда во временах неприятельских в сохранение посылают»¹.

Иногда враждующие феодалы в знак прекращения междоусобных распрей обменивались аманатами из близких людей. В 1618 году тарковский Ильдар и эндиреевский владетель Султан-Магмут, чтобы жить «в мире и одиночестве», обменивались аманатами² при посредничестве казикумухского владетеля Алибека.

Однако подобные съезды и обмен не способствовали установлению прочного мира и дружбы между владетелями раздробленной феодальной Кумыкии. При случае каждый из князей готов был нарушить условия договора о прекращении междоусобицы и воспользоваться правом сильного. Таким образом, борьба снова разгоралась.

Во второй половине XVIII века, например, тарковский шамхал враждовал с кайтагским уцмием, с одной стороны, с мехтулинским ханом Али-Солтаном, с казанищенским владетелем Бамматом (Тишнек), с другой. Али-Солтану и Баммату удалось привлечь на свою сторону засулакских князей, в том числе и эндиреевского Темира Хамзина (Хамзаева), на которого обрушился потом шамхал: «Я, – писал Темир Хамзин, – по его (Баммата Казанищенского – С.Г.) сродству с шамхалом сделался злодеем и воевал, где убили моего сына, отогнали лошадиный табун, также побили несколько наших людей и захватили товар»³. Он же отмечал, что его «проезжающим подвластным ... делается немалая остановка»⁴.

Создавшееся положение всячески использовали в интересах колонизации Дагестана как Турция, так и Персия. В этой обстановке происходили и те процессы, которые заложили основу для присоединения Дагестана к России.

До этого и в первый период после присоединения Дагестана к России тарковский шамхал (как и мехтулинский хан, и князя Терско-Сулакского междуречья) пользовался в своем владении неограниченной властью. В его руках, как мы отмечали, сосредоточивались вся светская, судебная (высший суд) и военная власть. Он управлял своими подданными деспотически, распоряжаясь жизнью и смертью каждого подвластного. У главных ворот шамхальского

дворца находилась тюрьма – глубокая яма, в которую бросали ослушников.

Указывая на неограниченную власть тарковского шамхала, академик, автор ряда ценных трудов П.Г. Бутков в 1796 г. писал: «Шамхал Тарковский есть самовластный деспотический владетель, и тяжбы своих подданных сам решает»¹. Полицейские дела в шамхальстве решали беки и старшины, а дела «большой важности решал сам шамхал»². Несколько подробнее сведения о мерах наказания преступников в шамхальстве приводит известный ученый, естествоиспытатель Э. Эйхвальд. Он пишет: «Наказание очень суровое. Преступникам выкалывают глаза, отсекают конечности, предводителей вешают... Исполнителем наказания является палач, который живет в городе и возит всегда с собой орудия казни – меч, несколько штук железных орудий для выкалывания глаз... отсечения пальцев рук, отрезания ушей. Кандалы, в которые заковывают преступников, ужасны: ноги сковывают вместе, каждая нога закружена четырехугольным железом, которое по крайней мере весит три пуда (чтобы не мог удрать)». Он же отмечает, что подвластные 28 деревень выходят из повиновения шамхала. «Его счастье, что некоторые из этих деревень всегда ему верны, и поэтому ему удается установить порядок»³.

Таким образом, в XVI–XVIII вв. мы прослеживаем дальнейшее развитие экономики кумыков, их социальной структуры по пути феодализации, сопровождаемое вместе с тем ростом тенденции децентрализации политической власти и усилением значения сельской общины.

¹ Бутков П.Г. Выдержки из «Проекта отчета о персидской экспедиции в виде писем». – ИГЭД. С. 200.

² Окольничий Н. Перечень событий в Дагестане. – Военный сборник. Вып. I. 1859. С. 149.

³ Eichwald E. Reise auf dem Caspischen Meere und dem Caucasus. Stuttgart-Tübingen, 1834. S. 83.

¹ Гербер И.Г. Указ.соч. С. 76.

² Русско-дагестанские отношения XVII – первой четверти XVIII вв. С. 67.

³ Полиевктов М.А. Европейские путешественники XIII–XVIII вв. по Кавказу. Тифлис, 1935. С. 153.

⁴ Там же. С. 153.

Глава III

ЭКОНОМИКА КУМЫКОВ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.

Кумыкская равнина всегда считалась одной из главных житниц Дагестана. Благоприятные климатические условия, большие массивы плодородных земель, близость к морю, выгодное географическое расположение на очень важной торговой и стратегической магистрали, связывавшей народы Европы и Северного Кавказа с Закавказьем и странами Востока, и многие другие факторы определили характер и многоотраслевую направленность экономики кумыков.

1. СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО И ПРОМЫСЛЫ

§ 1. Земледелие

Ведущей отраслью экономики кумыков, как и прежде, являлось земледелие. За свою многовековую историю кумыки накопили большой хозяйственный опыт, им были хорошо известны приемы искусственного орошения полей. Широко практиковалось поднятие пара – «ургъа». Под яровые культуры поднимали зябь, под озимые – черный пар. Однако сохранились и другие более простые формы земледелия, в частности переложная система. В отдельных местах земли обрабатывались подряд 10-12 лет, а потом они пустовали три-четыре года. Неполивные земли (в предгорной полосе) обычно обрабатывались в течение трех-четырех лет, а затем несколько лет пустовали.

Все земельные угодья, которыми пользовались сельские общества, делились на четыре вида: пашни – «ашлыкь чачылагъан ерлер», «сабанлыкълар», сенокосы – «биченликлер», леса – «агъачликълар» или «орманлар» и пастбища – «отлавлар».

Преобладала трехпольная система земледелия. Пахотная земля

в большинстве случаев делилась на три части. В то время как две части подвергались обработке, третья пустовала (барлакь, урва). Через год участки, использованные, например, под яровые культуры и оставленные под паром, засеивались осенью озимой пшеницей или ячменем. Считалось, что подобное чередование культур восстанавливает плодородие почвы.

Основными орудиями труда в сельском хозяйстве кумыков были тяжелый деревянный плуг с железным лемехом, деревянная борона, молотильные доски, серп, коса. Железные плуги и некоторые другие сельскохозяйственные машины (молотилки с конным приводом, жатки-самосброски) стали появляться здесь с середины XIX в. в результате роста экономических и культурных связей с Россией и были достоянием только богатых членов общества. Достоянием богатых были и кукурузные сеялки, которые, судя по имеющимся сведениям, появились только в 3-ей четверти XIX в. в Хасавюртовском округе¹. Известный у кумыков тяжелый деревянный плуг требовал от четырех до шести пар волов. Но наряду с четырех-шестипарными плугами были трехпарные, двухпарные и даже однопарные плуги (в предгорной части). Четырех-шестипарные плуги применялись преимущественно для вспашки целины или в засушливые годы. Средний урожай на поливных полях во многих районах часто не превышал сам 4 или сам 5, а на поливных – сам 3².

Однако в некоторых районах, в частности в Хасавюртовском округе, в нормальные годы средний урожай составлял: пшеницы – до сам 9, ячменя – сам 7, кукурузы – сам 40, чалтыка – сам 15, проса – сам 20³.

Пахотные земли и сенокосы, находившиеся в общественном пользовании, подвергались переделам в одних местах ежегодно (в большинстве районов), в других – через несколько лет. Поливные участки обычно переделались ежегодно, а богарные земли – «сувух ерлер» – через пять-девять лет.

Пахотные земли делились между членами общества по жребью – «чѣпсала»⁴. Для проведения этой работы сход выбирал из опытных людей делильщиков, которые назывались «кьурух-

¹ Сильвестров И. Кукурузная сеялка. – Терские ведомости, №48, 1883.

² ЦГА РД. Ф.105. Оп.1. Д.12. Л.18; ЦГИА Грузии. Ф.1268. Оп.9. Д.209. Л.52.

³ Статьи «Терских ведомостей» за вторую половину 1881 г. Владикавказ, 1882. С. 407.

⁴ Чѣп – соломинка, которую тянули в качестве жребия.

башлар» (кьюрух – шест длиной 2 сажени, линейная мера, баш – голова, т.е. землемер), и их помощников. Подлежащие переделу участки земли были неодинаковы по своему качеству, условиям орошения, расстоянию от населенного пункта и т.д., и поэтому делильщики разбивали их обычно на две категории: лучшие и худшие земли.

Весь пахотный земельный фонд, находившийся в общественном пользовании, сперва делили на несколько больших равных частей – «паев» (обычно на четыре-восемь). В каждом из этих паев были лучшие и худшие участки. Затем эти большие части после жеребьевки поступали в распоряжение определенного числа дворов (население предварительно разбивалось на несколько больших групп).

В отдельных местах при первоначальном разделе земли исходили из количества плугов, точнее выделяли по одному участку на каждые четыре или восемь плугов. «Один плуг» объединял обычно четыре хозяйства, «каждое с парюю волов»¹. «Плуг» означал также поле, засеваемое 12 мешками² зерна, т.е. от 12 до 15 десятины земли. Следующий раздел земли, тоже по жребию, происходил уже внутри каждой группы из четырех-восьми плугов по числу дворов. Общество старалось, чтобы по мере возможности жители одного квартала – «авула» – были обеспечены землей в одном месте. Малоимущие крестьяне, получив вместе участок на один плуг, нередко вели полевые работы сообща, сложив весь свой инвентарь, тягло и т.д., т.е. объединялись в «ортакъ» (супруга). Пахота, сев, боронование, поливка производились совместно, уборку же на своем участке нередко каждый производил отдельно.

Вся земля, подлежащая разделу, делилась поровну между крестьянскими хозяйствами. Число членов семьи и их возраст в расчет не принимались. Вдова обычно не имела права на надел, если у нее не было детей мужского пола. Наделы не получали и те, кто не числился членом джамаата (общества) данного селения, т.е. не имел оседлости.

Размер надела зависел от величины земельного фонда, находившегося в общественном пользовании. В отдельных селениях

(Маджалис, Туменлер, Янгикент и др.) на двор приходилось в среднем не больше полутора десятины пахотной земли и сенокоса. Общество с. Нижнее Казанище Темир-Хан-Шурина округа имело на каждую душу мужского пола примерно до двух десятин всех угодий вместе взятых¹. На Кумыкской равнине (Хасавюртовский округ и Присулакское наместничество), несомненно, наделы были больше, чем на остальной территории, особенно в предгорной полосе (Темир-Хан-Шурина, Кайтаго-Табасаранский округа). Зато здесь ввиду засушливого климата первостепенное значение имело орошение.

Уравнительный принцип совершенно не соблюдался по отношению к социальной верхушке. Землевладельцы или управлявшие селением беки имели адатное право на совместное с крестьянами землепользование. Они получали без жребия лучшие участки в размере семи-восьми наделов рядовых общинников², а чанки³ – наполовину меньше. Так, например, кумторкалинские беки Мирзоевы, согласно обычному праву, получали из фонда общественных угодий: для весенней запашки по 8 капов⁴, для осенней – по 6 и для покосов – по 6 капов⁵ участка, в то время как рядовые общинники имели право на 1 кап участка для каждого из вышеуказанных видов угодий. Число бекских паев постепенно увеличивалось, и во второй половине XIX в. в отдельных случаях оно доходило до 15 капов осенью и 5-10 капов весной. Больше других получал и главный делильщик – «кьюрух-баш»⁶. У засулакских кумыков он имел право на четыре-восемь паев.

Старшины, кадии и прочие представители местной власти также получали наделы без жребия. Зажиточная часть общества всячески старалась захватить при переделах лучшие участки. При этом переделу по жребию не подлежали многие хорошие участки земли. Несмотря на протесты общинников, их присваивали феодалы и именитые уздени и т.д. Земельные переделы происходили нередко в обстановке острой борьбы и иногда сопровождались во-

¹ ЦГА РД. Ф.2. Оп.3. Д.142-к. Л.33.

² ЦГА РД. Ф.2. Оп.5. Д.28. ЛЛ.33-34.

³ О чанках см. в разделе «Словные отношения».

⁴ Кап земли – участок свыше десятины, где высевали 9-10 пудов зерна. Считалось, что кап земли можно вспахать плугом за рабочий день.

⁵ ЦГА РД. Ф.2. Оп.5. Д.28. ЛЛ.33-34.

⁶ Вейсенгоф С.А. Указ.соч. С. 42.

¹ Вейсенгоф С.А. Очерк орошения в Терской области. Тифлис, 1876. С. 48.

² Мешок – 3 сабу, сабу – 3 пуда и 3 фунта: таким образом, мешок вмещал 9 пудов и 9 фунтов зерна.

руженными столкновениями между основной крестьянской массой и зажиточной верхушкой.

Точно так же делились и сенокосы, и вода для орошения. Приусадебная земля не подлежала переделам, пастбищные и лесные угодья в большинстве случаев находились в общем пользовании.

Весною все жители селения в установленный для этого сельским сходом день выходили в поле для начала пахотных работ. В отдельных обществах день первой борозды отмечался с особой торжественностью. Проведение первой борозды поручалось тому крестьянину, который считался наиболее опытным или удачливым (берекетли), имеющим в своем хозяйстве самые дружные всходы и получающим хороший урожай.

Низкая техника земледелия не позволяла кумыкам выполнять сельскохозяйственные работы в короткие сроки. Особенно долго шла пахота. Многие крестьяне до самой зимы оставались в поле, чтобы завершить осенний сев.

В полеводческом хозяйстве кумыков первое место занимало возделывание зерновых культур (пшеница, ячмень, просо, кукуруза, а у засулакских кумыков еще и рис). «Они все занимаются хлебопашеством..., – писал в XVIII в. И.А. Гильденштедт о кумыках, – хлебные растения у них суть пшеница, ячмень, просо, овес, а особливо сарачинское пшено, в нарочитом множестве разводят и хлопчатую бумагу...»¹

Немаловажное место в хозяйстве с конца XVIII – начала XIX в. занимали посева кукурузы. «Они сеют пшеницу, ячмень, просо, кукурузу, сарачинское пшено, нарочито разводят хлопчатую бумагу...», – писал С.М. Броневский² в 1823 г. «Кумыки занимаются посевами проса, ячменя, кукурузы, сарачинского пшена и пшеницы; разводят виноград, хлопчатую бумагу и отчасти занимаются пчеловодством», – отмечал и П. Зубов³ в 1835 году.

Больше всего сеяли кумыки озимую пшеницу и ячмень. В весеннем посеве большое место занимали яровой ячмень, кукуруза, а

также рис. Кроме того, кумыки весной возделывали огородно-бахчевые культуры, в основном сажали тыкву, арбузы, дыни, фасоль, огурцы, что составляло специфическую особенность хозяйства всего населения равнинного и предгорного Дагестана. Умелое сочетание осеннего и весеннего сева давало кумыкам возможность компенсировать неурожаем озимых урожаем яровых культур и наоборот.

Чтобы получать как можно больший урожай, каждая семья старалась засеять свой надел лучшими семенами – «урлукъ». Сеяли вручную, набрав зерно в специальный мешочек, прикрепляемый к поясу, или в переметные сумки. Сеял самый опытный член семьи, как правило, глава хозяйства. После сева обязательно проводилось боронование деревянными боровами¹.

Несколько сложнее были подготовка земли под рис и процесс его сева². Рис сеяли только на обильно орошаемых землях. Поле для риса вспахивалось, как правило, в мае, но до наступления лета рис должен быть уже посеян. Вспаханное обычным способом поле делилось на ряд ячеек, которые для задерживания воды огораживались со всех сторон земляными бортами. Каждая такая ячейка – «хыр» занимала примерно до шести десятин земли. Число хыров в отдельных селениях доходило до 25-30 в зависимости от количества земли и хозяйства. Обычно один хыр получали четыре хозяйства. Эти хыры иногда разбивались и на более мелкие ячейки. Каждая такая ячейка до сева наполнялась водой, после чего утрамбовывалась при помощи особой деревянной бороны, в которую впрягали пару буйволов. Семена риса предварительно помещались в мешки, которые опускались в ямы, наполненные водой, где они находились в течение пяти-шести дней, пока не появятся ростки. Надо сказать, что способ возделывания почвы под рис (чалтык) был общим у кумыков и дагестанских азербайджанцев³.

Большое значение кумыки придавали охране посевов. Ежегодно, обычно после завершения осеннего сева, каждое общество для этой цели выделяло большую группу людей (иногда несколько десятков человек) – «тургъакълар».

¹ О боровах и другом сельхозинвентаре см. в разделе «Домашние промыслы и ремесла».

² Разведением риса, как было отмечено выше, занимались не все кумыки, а лишь отдельные селения Терско-Сулакской низменности.

³ Гаджиева С.Ш. Дагестанские терекеменцы. XIX – начало XX вв. М., 1990. С.37-38.

¹ Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа. Из путешествия г-на академика И.А. Гильденштедта через Россию и по Кавказским горам в 1770, 71, 72 и 73 гг. СПб., 1809. С. 105.

² Броневский С. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. Ч. II. М., 1823. С. 200.

³ Зубов П. Картина Кавказского края, принадлежащего России, и сопредельных оному земель в историческом, статистическом, финансовом и торговом отношении. Ч. II. СПб., 1835. С. 183.

Орошение

Все посевы на землях кумыков должны были поливаться, иначе они не могли давать урожай; неполивные поля оставались здесь в виде сенокосов, пастбищ и т.д.

Первый полив производили сразу же после сева – «буртук артдан сув» (за семенами – вода). Народ полагал, что если сразу не полить, семена могут быть уничтожены грызунами. Самым ценным считался осенний полив. Кумыки недаром сложили пословицу: «Гюз сув – юз сув» (осенний полив – стократный полив). Для орошения крестьяне широко пользовались имеющимися поблизости источниками, речками, родниками, проводили от них каналы и канавы к полям. Особенно много воды требовал чалтык (рис).

«На землях помещиков, так же как и на землях сельских обществ, – писал С.А. Вейсенгоф о Засулакской Кумыкии во второй половине XIX в., – громадные пространства заняты чалтыком, поглощающим большую часть воды»¹. Контроль над водой для орошения был весьма строгим, распределяли ее по жребию – «чёплю сув» (вода по жребию).

Один, а иногда и два раза (весной для озимых и летом для яровых) производилась прополка полей особым орудием – «кбыргыч». При этом, как правило, крестьяне работали коллективно, устраивая «чоп булкъя» (чоп – сорняк, булкъя – коллективная работа). На «булкъя» приглашались в основном девушки и юноши. В этот день родственники, соседи, близкие знакомые должны были, по обычаю, доставлять транспорт для переброски людей в поле. В день «булкъя» никто не отказывал в помощи, ибо каждый сам мог рассчитывать на такую же помощь со стороны других.

Примерно в последних числах мая проводился сенокос. Косили только мужчины. Сушили сено тут же в поле. Затем отвозили его домой и укладывали в стога – «гебен» – на сваях.

На уборку урожая обычно выходило одновременно все взрослое население. Это обеспечивало сохранность посевов от погубы и хищения. Жали повсюду серпами, а редкие хлеба убирали косой.

Многие кумыки и на уборке хлеба устраивали «булкъя», чтобы успеть вовремя и без потерь убрать хлеб. После окончания жатвы хлеб возили на гумно («индир», «харман»). Чтобы предохранить

хлеб от дождя и погубы скотом, снопы складывались в скирды – «гебен», причем наружные снопы складывались колосом внутрь. Одновременно готовили ток для молотбы.

Молотба проводилась очень тщательно. В устройстве тока использовался опыт, накопленный веками. Чтобы подготовить ток – индир, предварительно взрыхляли лопатой большую круглую площадку, бороновали ее, затем уравнивали и утрамбовывали. Молотили при помощи молотильных досок – «балбулар», усаженных кремневыми камешками. Быки или буйволы почти целый день ходили с молотильными досками по снопам, разостланным по всему току, чтобы зерно отделялось от соломы. Солому легко сгребали ручными деревянными граблями. Затем, определив направление ветра, зерно несколько раз провеивали. Последний этап веяния зерна назывался «кызыл атмакъ» (бросать красным или золотым, т.е. чистым зерном). На этот раз оно ложилось по сортам, самое крупное, полновесное зерно падало поближе, среднее – подальше и самое мелкое, т.е. отходы, – еще дальше.

Лучшее зерно кумыки сохраняли как семенной фонд, остальное же шло на питание и всякие другие расходы.

Согласно мусульманскому обычаю, тут же на току крестьяне должны были выделять десятую часть урожая – «закат» – в пользу нуждающихся и на содержание мечети. Мусульманские правоведы толковали термин «закат» как «очищение», полагая, что уплата его делает безгрешным пользование богатством, с которого он уплачен¹.

При уборке урожая и молотбе, как и при выполнении других работ, соблюдались определенные обычаи. Одним из них было, например, «пленение». Если на чужой ток случайно заходил подросток, то он считался «пленным». Его заставляли выполнять различные поручения и не выпускали до тех пор, пока родители не дадут «выкуп»: не зарежут для работающих барашка, не приготовят хороший обед или не принесут фрукты и т.д. Если у кого-либо устраивалась булкъя, то по окончании жатвы на шею хозяина надевали серп. Хозяин, прося «прощения», должен был поставить участникам булкъя хорошее угощение.

Первый хлеб из муки нового урожая обычно давали пробовать самому младшему ребенку в семье, считая, что раз он ест хлеб без

¹ Вейсенгоф С.А. Указ.соч. С. 57.

¹ Ислам. Энциклопедический словарь. М., 1991. С. 74; Петрушевский И.П. Ислам в Иране в VII–XV веках. Л., 1966. С. 77.

горя и забот, то и семья без горя и забот будет питаться этим хлебом в течение всего года.

После уборки пшеницы и ячменя поспевала кукуруза – «гъабжей». Початки кукурузы привозились в селение на арбах, на которые ставили специальные «гъабжей-чали» – корзины для кукурузы. Дома ее очищали от листьев и сушили на солнце. После очистки устраивали «гъабжей-булкъя» (булкъя для молотбы кукурузы). Обмолот кукурузы производился так: девушки и юноши становились в два ряда перед горой початков и ударяли по ним длинными палками.

Наряду с возделыванием зерновых культур кумыки с давних пор занимались садоводством и виноградарством. Многие арабские авторы еще в IX–X вв. отмечали, что на территории приморского Дагестана, от Семендера до Дербента, расположены большие виноградники¹.

«Почва земли, – писал П. Зубов о равнинном Дагестане, – причитается к числу плодоноснейших, что доказывается множеством винограда и плодовых деревьев в садах и лесах, равно удачными посевами сарачинского пшена»². Из фруктовых деревьев наибольшее распространение имели здесь те же, что и в других районах Дагестана: яблоня, груша, айва, слива разных сортов и видов, алыча, тутовник, вишня, черешня, кизил, абрикосы, персики, орех грецкий и др. Садовые деревья выращивались главным образом на поливных участках.

Кумыки употребляли фрукты не только в свежем виде, но и консервировали, сушили и мочили на зиму. Часть фруктов поступала на рынок. Однако садоводство и виноградарство находилось на сравнительно низком уровне. Улучшением сортов фруктов и винограда кумыки занимались крайне мало. Многие из местных сортов, особенно яблоки и груши, имели низкие вкусовые качества. Большого развития не получило и виноделие. Исключение составляло с. Кумторкала Тарковского шамхальства, жители которого славились как лучшие виноградари и виноделы.

Немалую роль в экономике кумыков, как мы отмечали, играли некоторые виды огородно-бахчевых культур (фасоль, лук, чеснок,

¹ Караулов Н.А. Сведения арабских писателей о Кавказе, Армении и Азербейджане. – СМОМПК. Вып.29. Ал-Истахрий. Тифлис, 1901. С. 47; Он же. Сведения арабских географов IX и X вв. по Р.Х. о Кавказе, Армении и Азербейджане. Ал-Мукаддасий. – СМОМПК. Вып.38. Тифлис, 1908. С. 5.

² Зубов П. Указ.соч. Ч.III. С. 186.

арбузы, дыни, тыква, перец и т.д.). После присоединения Дагестана к России под влиянием русских переселенцев здесь постепенно стали возделываться и такие культуры, как картофель, помидоры, капуста и др.

Наряду с зерновыми, огородно-бахчевыми и садовыми культурами кумыки издавна занимались выращиванием технических культур, в частности хлопководством и мареноводством, что неоднократно отмечалось авторами XVIII и начала XIX вв. Мы уже упоминали И.Г. Гербера, писавшего о жителях главного селения шамхальства Тарковского – с. Тарки, что они «собирают много хлопчатой бумаги, которая там растет в великом множестве»¹. То же самое отмечал и Д. Белль, характеризуя экономическое состояние Аксаевского и Тарковского владений².

Дагестанский хлопок весьма заинтересовал Петра I, который, осмотрев хлопковые поля у кумыкского селения Буйнак во время Персидского похода, отметил в «Походном журнале»: «Пришли почевать в урочище Старого Буйнака (тут же дорогою видели бумагу хлопчатую, как растет)»³.

Хлопок, видимо, не имел здесь большого товарного значения, а шел главным образом на домашние нужды, в частности, на изготовление одежды, паласов и т.д. К концу XVIII в. в результате расширения притока русских хлопчатобумажных тканей возделывание хлопка кумыками значительно сокращается, а к середине XIX в. почти прекращается. Уже в начале XIX в. (1812 г.) А.М. Буцковский пишет о засулакских кумыках, что у них «бумага хлопчатая в малом количестве»⁴.

Марена как красящее вещество издавна находила широкое применение. Судя по описаниям арабских авторов, дагестанская марена, так же как и закавказская, еще во времена Хазарского каганата вывозилась на восточные рынки, в частности, в Индию⁵. Осо-

¹ Гербер И.Г. Известие о находящихся с западной стороны Каспийского моря между Астраханью и рекою Курой народах и землях, и об их состоянии в 1728 г. – Сочинения и переводы, к пользе и увеселению служащие. СПб., 1760. С. 35.

² Белевы путешествия через Россию в разные азиатские земли... СПб., 1776. Ч. III. С. 60.

³ Цит. по книге: Лысов В.П. Персидский поход Петра I. 1722-1723. М., 1951. С. 32.

⁴ Буцковский А.М. Выдержки из описания Кавказской губернии и соседних горских областей. – ИГЭД. XVIII–XIX вв. М., 1958. С. 244.

⁵ Караулов Н.А. Сведения арабских географов... С. 98.

бенно большое значение приобретает мареноводство у кумыков в XVIII и в первой половине XIX вв., что было вызвано, прежде всего, большим спросом на кавказскую марену на российских и восточных рынках.

Д.И. Тихонов отмечает, что в шамхальском владении «довольно родится марены, которую он (шамхал – С.Г.) имеет власть отдавать на откуп армянам или другим каким купцам»¹.

Ю. Клапрот считал, что жители с. Тарки занимались «главным образом культурой марены»². Почти то же самое пишет об этом селении И.Н. Березин: «...Первое место занимает сеяние и собирание марены: огромные огороды этого растения находятся около Низового укрепления, и здешняя почва считается очень способной для произрастания марены. На эти работы собираются в Тарху толпы горцев...»³.

Из корней марены получали ярко-красные, бордовые и другие красители, которыми окрашивали шелк, хлопчатобумажную пряжу, а также другие изделия.

Марена использовалась не только как краситель в крестьянском хозяйстве, но и шла на продажу. В целом культура марены, как и во всем равнинном Дагестане и Азербайджане⁴, имела преимущественно товарное значение и потому возделывалась на огромных площадях.

Посетивший эти места еще в начале XIX в. А.И. Ахвердов, характеризуя предгорную и равнинную часть уцмиевских владений, в которые входили Терекеме, Башлы и другие общества, писал, что здесь марены «так необыкновенно много растет, что никогда и не выкапывают, а когда осенью под пшеницу и весной под просо и прочее пашут землю, выворачивают плугом... Иные пахари в одну весну вырезают марены на четыреста рублей серебром, но таких немного, а почти вообще всякий не менее двухсот рублей серебром ежегодно получает»⁵.

Хотя автор, скорее всего, преувеличивает размеры дохода от марены, но факт, что она составляла один из самых значимых источников благосостояния населения равнинной части Кайтага еще на рубеже XVIII–XIX вв., представляется очевидным и, безусловно, заслуживающим внимания.

Близкое свидетельство оставили нам и М.К. Ковалевский и И.Ф. Бларамберг. В частности, они отмечали в числе главных источников дохода, «немаловажной прибыли», жителей Каракайтагского округа дикую марену, «которая здесь растет в чрезвычайном изобилии»¹. Для приморского Дагестана марена являлась очень древней культурой и с давних пор использовалась в международной торговле.

Немаловажную роль марена играла в экономике кумыков и позже, вплоть до 70-х годов XIX века. В этом отношении особенно преуспевали жители Эндери, Аксая и Костека, хотя здесь эта отрасль хозяйства рассматривалась как «второстепенное занятие жителей»². Кизлярские купцы, главным образом армяне, только из этих трех селений с 10 по 23 мая 1767 г. (через Каргинскую карантинную заставу) везли в Астрахань 48 харалов (тюков) марены³.

Мареноводством занимались не только северные, но и средние и южные кумыки. Одним из старейших центров производства марены был и район Башлы.

По данным архивных источников, 18 июня 1790 года «в горской Башлеевской деревне», т.е. на базарах Башлы, было закуплено «520 пудов корня марены в 26-ти полухаралах по 3 руб. пуд на 1560 руб.»⁴. Как видно из письма ген. А.П. Ермолова ген.-м. Вреде от 24 июня 1820 г., башлынды продавали марену в год «до 7 тыс. пудов»⁵. По имеющимся письменным сведениям, башлынская марена считалась лучшей и имела большую историю. Даже Дербент, имевший славу в производстве и реализации марены, первоначально для посева использовал семена, приобретенные в Башлах⁶.

¹ Тихонов Д.И. Описание Северного Дагестана. 1796 г. – ИГЭД. С. 130.

² Клапрот Ю. Историческая, географическая, этнографическая и политическая картина. Париж–Лейпциг, 1827. – Рук.фонд ИИАЭ ДНЦ РАН. Д.2088. С. 34.

³ Березин И. Путешествие по Дагестану и Закавказью. Ч.1. Казань, 1849. С. 65.

⁴ См. Сумбат-заде А.С. Сельское хозяйство Азербайджана в XIX в. Баку, 1958. С. 200-204.

⁵ Ахвердов А.И. Описание Дагестана. 1804 г. – ИГЭД. С. 216.

¹ Ковалевский М.К. и Бларамберг И.Ф. Описание Дагестана (1831 г.) – ИГЭД. С. 310.

² ЦГА Северной Осетии. Ф.12. Оп.4. Д.73. Л.24.

³ См. Русско-дагестанские отношения в XVIII – начале XIX вв. Сборник документов. М., 1988. С. 119-121.

⁴ Там же. С. 219.

⁵ Акты, собранные Кавказской археографической комиссией (в дальнейшем АКАК). Т.6. Ч.II. Тифлис. 1875. С. 65.

⁶ См. Обзорение Российских владений за Кавказом. Ч.IV. СПб., 1836. С. 173.

В 1840-1850 гг. под марену в равнинном Дагестане, особенно в Терско-Сулакской низменности и Дербенте, были заняты обширные площади. Так, кумыкский князь Али-Султан Казаналипов в 1859 г. сдал эндириевскому узденю Шихмурзе Аджаматову в аренду под маренную плантацию около 1000 десятин земли¹, Шепи Темиров в 1869 г. посеял на своей маренной плантации (на участке «Хаз», в Казияурской земле) «40 сабу марены»². В целом в Хасавюртовском округе в 1875 г. маренные плантации занимали 3192 десятины земли, и урожай маренного корня ожидался 134000 пудов³. Следовательно, торговля этой культурой имела широкий размах, что отражало и потребности русской текстильной промышленности. Русские фабриканты Барановы, Зубовы, Лепешкины и другие переводили в дагестанское мареноводство большие капиталы, заключали с плантаторами длительные контракты, часто закупая урожай марены еще на корню (причем, на несколько лет вперед)⁴. В результате цены на маренный корень возрастали из года в год, и поэтому нередко условия договоров о цене будущего урожая нарушались. В этом отношении определенный интерес представляет, например, донесение от 7 декабря 1781 г. кизлярского жителя М. Зурапова на имя коменданта Кизляра. В нем говорится, что владелец Эндирея Али-Солтан, согласно письменному договору, заключенному с его братом, должен был «марену в подвластных ему, Али-Солтану, местах, состоящих за р. Койсою, подвластными ему и другими народами собираемую, отдавать покойному брату моему Манучару всю без остатку целые три года по договорной цене... А ныне известился я, именованный, что объявленный владелец Али-Солтан, наруша заключенный с братом моим договор, желает отдавать корень – марену другим, да и не подданным российским»⁵.

Конкуренция между фабрикантами за монополию в приобретении дагестанской марены принимала неприкрытую форму. Получив от главных московских торговых фирм мануфактурные товары в кредит, кумыкские мареноводы, в свою очередь, снабжали торговцев различными товарами в обмен на небольшие партии марены. В результате цены на маренный корень возрастали из года в

год. Стремление к наживе было настолько велико, что многие из местных плантаторов делали большие капиталовложения, а некоторые, у кого не хватало средств, «брали даже в долг деньги для этой цели ... за громадные проценты ... например 20-25% на 100»¹.

В мареноводстве широко применяли наемный труд. В 1875 году в Хасавюртовском округе под мареной было занято 3192 десятины земли и на ее копке работали в течение 40 дней 3990 человек², преимущественно из горных районов Дагестана.

В 70-х годах XIX в., с изобретением за границей и чуть позднее в подмосковном селе Лобановка искусственного красителя – ализарина, производство марены во всем Дагестане, как и в целом на Кавказе, приходит в упадок. Из года в год стали падать цены на марену. Так, если в 1873 г. пуд сухой марены на Нижегородской ярмарке стоил 10 руб., то цена ее вскоре «совершенно неожиданно пала до 4-х руб. за пуд»³. В своем прошении на имя начальника Терской области Лорис-Меликова мареноводы Хасавюртовского округа отмечали, что упадок мареноводства грозит им «всем бедствиями и разорениями»⁴. Действительно, из-за резкого падения цен и спроса на марену во многих районах Дагестана оставались нераскопанными огромные плантации с «миллионным капиталом»⁵.

Для изучения спроса на этот продукт на внутреннем и международном рынке наместник Кавказа в 1875 г. специально командировал надворного советника некоего Казибского, который в своем донесении отмечал, что фабриканты предпочитают покупать в качестве красителя дешевый ализарин, стоимость которого упала со 120 до 60-80 рублей. Он же сообщает, что торговый дом «Братья Малютины и К^о» в 1875 году «вовсе не покупают марены, и цена ее упала на 5 рублей» и что в Петербургских кругах радуются, что «нашелся дешевый продукт, заменяющий дорогую марену и дающий возможность продавать дешевые ситцы, употребляемые беднейшим классом населения»⁶.

Тревожное положение, создавшееся в мареноводстве, не могло не привлечь внимания официальных властей. Кавказская админи-

¹ ЦГА РД. Ф.147. Оп.3. Д.43. Л.4-5.

² ЦГА Северной Осетии. Ф.12. Оп.6. Д.741. Л.34.

³ Там же. Л.24.

⁴ Козубский Е.И. История города Дербента. Темир-Хан-Шура, 1906. С. 227.

⁵ Русско-дагестанские отношения в XVIII – начале XIX вв. С. 167-168.

¹ См. О мареноводах и кризисе. – Терские ведомости, 1875 г. №34.

² ЦГА Северной Осетии. Ф.12. Оп.4. Д.73. Л.24.

³ Там же. Л.1.

⁴ Там же.

⁵ Козубский Е.И. Указ.соч. С. 276.

⁶ ЦГА Северной Осетии. Ф.12. Оп.4. Д.73. Л.24.

страция неоднократно обращалась в высшие органы, в том числе в Петербург к министру финансов, с запиской «о поддержании Кавказского мареноводства». Посылалась прошения и самими плантаторами, вложившими большие капиталы в эту отрасль и ранее извлекавшими из этого огромные прибыли. Они просили предотвратить проникновение «конкурирующих с мареною, привозных из-за границы разных наименований красительных веществ»¹.

В результате всех этих жалоб пошлина на ввозимый ализарин в 1875 г. «была ... повышена с 4 руб. 50 коп. до 15 руб. золотом»². Эта мера, конечно, не могла предотвратить упадок мареноводства в Дагестане. Для поддержания наиболее нуждающихся местных мареноводоов Кавказское начальство отпустило 50 тыс. рублей из местных доходов края. Но и это не могло иметь существенного значения при общем упадке спроса на эту культуру. Дело дошло до того, что московские купцы, которые щедро субсидировали дагестанских мареноводоов, пока был большой спрос на эту культуру, после появления на рынках искусственного красителя и падения цен на марену решительно отказывались «взять на погашение долгов на марену» и требовали назад деньги, предъявляя им векселя «ко взысканию в окружных судах и у мировых судей»³.

Таким образом, наибольший расцвет мареноводства в Дагестане, в том числе и у кумыков, падал на 50-60-е годы. К началу 80-х годов мареноводство как особая торгово-промышленная отрасль земледелия в Дагестане прекратило свое существование. Занятые ранее под марену земли перепаживались под другие культуры, в основном зерновые.

Одним из древних занятий кумыков было выращивание шелкопряда и пчеловодство. «Пчеловодство составляет довольно важный промысел. Кумыки сбывают на меновых дворах и в других местах меду и воску до 500 пудов»⁴, – читаем мы у Н.Н. Забудского в «Военно-статистическом обозрении Российской империи». Развитию шелководства способствовало наличие тутовых садов и рощ, распространенных во всех районах, населенных кумыками. Шелк-

сырец шел на изготовление предметов одежды и реализовывался на рынке в виде коконов или готового волокна.

§ 2. Животноводство

Важное место в хозяйстве кумыков занимало скотоводство, составлявшее вторую по значению отрасль народного хозяйства. Развитию скотоводства у кумыков, особенно северных, способствовало наличие хорошей кормовой базы. Недаром А.А. Неверовский указывал, что «богатые пастбищные места, особенно около берегов Каспийского моря, где бывает круглый год подножный корм, дозволяют содержать значительные стада. По сей причине скотоводство составляет на плоскости один из главнейших предметов промышленности»¹. «Главный промысел жителей, – писал тот же Н.Н. Забудский о Терско-Сулакской Кумыкии, – есть скотоводство, которое доставляет им все способы безбедного существования»². Указывая на роль природных факторов, он также далее отмечал: «Содержанию скота способствуют тучные и хорошие пастбища Кумыкской плоскости»³.

А.М. Буцковский также писал о кумыках, что они богаты «всякого рода скотом», что феодальные владельцы «имеют конские табуны, из коих лучшие Чепалава, отличной на Кавказе породы, аксаевскому князю Гаспулату принадлежат... Прежде всего продавали они немалое число лошадей русским»⁴. Автор также отмечал, что таких табунов у засулакских феодалов было шесть и в каждом по 600 лошадей⁵.

Первое место в скотоводстве занимал крупный рогатый скот мясомолочного направления. Но не менее значительна была в степных районах и роль овцеводства⁶. Скот использовался не только для получения мяса и молочных продуктов, но и в качестве тягловой силы. Лошадь преимущественно служила для верховой езды. Характерно было разведение буйволов, хорошо приспособленных к условиям степного Дагестана. Буйволоводством занималось все

¹ ЦГИА Грузии. Ф.5. Д.7820. Л.8; ЦГА Северной Осетии. Ф.12. Оп.4. Д.73. Л.1-2, 22, 24, 30-31.

² Козубский Е.И. Указ.соч. С. 276.

³ О мареноводах и кризисе. – Терские ведомости, 1875 г. №34.

⁴ Забудский Н.Н. Ставропольская губерния. – Военно-статистическое обозрение Российской Империи. Т.ХVI. Ч.1. СПб., 1851. С. 150.

¹ Неверовский А.А. Краткий взгляд на Северный и Средний Дагестан в топографическом и статистическом отношении. СПб., 1847. С. 42-43.

² Забудский Н.Н. Указ.соч. С. 149.

³ Там же.

⁴ Буцковский А.М. Указ.соч. С. 244.

⁵ Там же.

⁶ Забудский Н.Н. Указ.соч. С. 150.

кумыкское население, но более всего жители равнинной части. Молоко буйволиц особенно ценилось за высокую жирность и большую питательность. В Терско-Сулакском междуречье отдельные хозяйства занимались и верблюдоводством, но в пореформенный период эта отрасль почти прекратила свое существование.

Животноводство было отгонным. Перегон скота в известной мере влиял на развитие общности экономических интересов дагестанцев, их культурно-исторических связей. Жители нагорной части Дагестана: аварцы, даргинцы, лакцы и др. брали у кумыков в аренду зимние пастбища на равнине. Кумыки же пользовались богатыми летними пастбищами в горах на тех же арендных условиях. Кумыки, живущие в предгорье, в основном перегоняли в горы мелкий рогатый скот и лошадей, а крупный оставляли на равнине. На летние пастбища в горы перегон осуществлялся в конце мая, а на зимние (на равнину – обратно) – в сентябре по уже сложившимся определенным трассам. Для лучшей организации труда рядовые животноводы по 10-12 человек объединялись в специальные товарищества – «кьош». В кьоше насчитывалось до 4000-5000 овец, которых обслуживали до 20 чабанов – «кьойчу». Старший из них назывался «адаман», а организатор объединения – «кьош есси» (хозяин кьоша). Зимние пастбища назывались «тав», летние – «кьутан». Те и другие принадлежали либо сельским обществам, либо известным феодальным владельцам Дагестана. У одних (Башлы, Каякент, Утамыш и др.) места перегона (Агул, Рутул и др.) находились на большом расстоянии от населенных пунктов, а у других (Казанище, Эрпели и др.) – на сравнительно близком (на Аркасских горах). Начало перегона торжественно отмечалось и сопровождалось богатым угощением.

Два раза в году – весной перед перегоном в горы и осенью по возвращении на плоскость – производилась стрижка овец – «кьой кьыркьув».

По установившемуся у кумыков разделению труда, уходом за мелким рогатым и рабочим скотом занимались только мужчины. За молочным скотом ухаживали главным образом женщины. Пастбища же скот в поле (и крупный, и мелкий) должны были только мужчины, как правило – наемные люди. Отдельные отары, стада или табуны обществом организовывались для каждого вида скота: для коров, буйволов и быков (вместе), для телят, для лошадей и для

овец. Ежегодно, как это отмечает Х.-М. Хашаев¹, общества нанимали пастухов для крупного рогатого скота. Оплата их труда производилась продуктами – зерном, частично готовым хлебом, выделяемыми каждым хозяйством в зависимости от количества скота. Чабанов нанимали в индивидуальном порядке, исходя из поголовья скота. Труд чабанов оплачивали главным образом овцами и частично продуктами питания.

Кумыки занимались и птицеводством, которое считалось чисто женской отраслью труда.

§ 3. Рыболовство

Благоприятные природные условия, близость к морю, наличие рек способствовали развитию у кумыков рыболовства. Больше всего оно развивалось у жителей прибрежной равнины. «В прибрежной части, – писал о равнинном Дагестане губернатор Дагестанской области в своем отчете за 1901 год, – с каждым годом все более развивается рыболовство, особенно сельдевый промысел»². Основным рыболовным районом, как отмечали А.И. Ахвердов, С.М. Броневский и др., была река Сулак, изобильная рыбой³, особенно ее низовья, начиная от Султан-Янги-юрта до самого моря⁴. Что же касается рыболовства на самом Каспийском море, то оно в тех условиях было сопряжено со значительными трудностями. По описанию И.С. Костемеровского, в 1858 г. при ловле рыбы здесь пользовались примитивными лодками – каюками (кьайыкь), похожими на «корыта, выдолбленные каждое из одного бревна»⁵. По его сведениям, рыбаки-кумыки на этих же каюках выходили в море. С начала XIX в. рыбные богатства стали шире эксплуатироваться, появились более совершенные рыболовные суда. Владельцы рыбных промыслов (шамхал Тарковский, князя Кумыкской плоскости) стали отдавать рыболовные участки на откуп русским промышленникам. Один только тарковский шамхал, которому принадлежало устье р. Сулак (Сулакская ватага), получал в год от рыбо-

¹ Хашаев Х.-М. Занятия населения Дагестана в XIX в. Махачкала, 1959. С. 50.

² ЦГА РД. Ф.2. Оп.2. Д.63. Л.6.

³ Ахвердов А.И. Указ. соч. С. 214.

⁴ Броневский С. Указ. соч. Ч.II. С. 201-202; Неверовский А.А. Указ.соч. С. 44.

⁵ Костемеровский И.С. Записки об исследовании р. Сулак. – АКАК. Т.XII. С. 1114-1115.

промышленников до 10000 рублей серебром¹. Он же получал большой доход от рыбной ловли на Каспийском море, в частности у острова Чечень. С 1838 по 1850 гг. рыболовные районы, принадлежащие тарковскому шамхалу (Кут, Лопатин, Сулак, Турали, Бурун, Буйнак), находились на откупе у коллежского асессора Давыдова. До 1846 г. последний платил владельцу ежегодно по 3000 рублей серебром, а с 1846 г. – 4000 в год². Доходы шамхала от рыбных промыслов возрастали из года в год, что было связано с ростом спроса на дагестанскую рыбу. Немалые доходы получали и владельцы на Кумыкской плоскости, имевшие здесь свои рыболовные участки.

2. РЕМЕСЛЕННОЕ ПРОИЗВОДСТВО

§ 1. Добыча соли и нефти

Немалое значение в экономике кумыков имели соль и нефть. Самыми крупными соляными озерами, как отмечал И.Г. Гильденштедт³, были Туралинские, близ сел. Тарки. «... Во владениях шамхала Тарковского, – отмечалось в Актах Кавказской археологической комиссии (АКАК), – находятся два больших озера, которыми пользуются (имеется в виду добыча соли – С.Г.) обитатели от Чечни почти до самого Дербента»⁴. Значительные запасы соли имели озера «Тузлакълар» на землях Башлы и некоторых даргинских обществ⁵. «Кроме соляного озера Турали, находящегося в шамхальском владении, в Каракайтагской провинции близ моря и деревни Дели-Чобан, есть соляной родник, из коего воду жители напускают в устроенные для сего места, которые принадлежат разным селениям. Отсюда довольствуются солью почти все жители Каракайтагской провинции и многие горские народы»⁶, – отмечалось в рапорте Меддокса графу Паскевичу от 8 февраля 1831 г.

¹ Неверовский А.А. Указ.соч. С. 63-64.

² ЦГА ДАССР. Ф.3. Оп.1. Д.14. Л.5.

³ Географическое и статистическое описания Грузии и Кавказа. – Из путешествия академика И.А. Гильденштедта... в 1770, 71, 72 и 73 годах. СПб., 1809. С. 107.

⁴ АКАК. Т.9. Тифлис, 1884. С. 312.

⁵ О способах добычи соли см.: Г а д ж и е в а С.Ш. Дагестанские терекменцы. С. 61.

⁶ АКАК. Т.7. Тифлис. 1878. С. 512.

Кумыкская соль шла не только на удовлетворение нужд местного населения – ею снабжались также большая часть нагорного Дагестана и некоторые соседние районы. Указывая на большое значение Туралинских соляных промыслов в экономике Дагестана, А.И. Ахвердов писал, что шамхал имеет «достойные замечания соляные озера от Тарков в 15 верстах, которыми пользуются все подвластные ему, шамхалу, народы как для домашних надобностей, так и продажею оной дагестанцам, кумыкам, чеченцам, ингушесцам и карабулахцам. Которую ежели б шамхал запретил подвластным своим продавать вышеописанным народам ... тогда бы большая была удобность России приводить их к повиновению, поелику, кроме сей соли, сказанные народы получать ниоткуда не могут»¹. Значение соли еще более возросло с развитием рыбной промышленности.

Нефть кумыки добывали из колодцев. Основным районом ее добычи была территория южных кумыков. Еще в 1722 году участники Персидского похода супруги Белевы отмечали, что по пути в Дербент они видели «множество колодезей с жидкой смолою, которую именуют нефтью»². Кумыкской нефтью снабжались многие районы Дагестана. Транспортировали ее обычно в больших глиняных кувшинах или деревянных бочках и кожаных мешках – бурдюках. Нефть применялась в неочищенном виде, без всякой переработки. Она шла на освещение, отопление, на смазку сельхозинвентаря, деревянных деталей жилища, конской упряжи и другие бытовые нужды, даже на лечение скота. Нефть, однако, долго еще не имела здесь промышленного значения и потреблялась лишь для местных нужд. С развитием капиталистических отношений и строительством Петровской ветки Владикавказской железной дороги нефтяные месторождения у южных кумыков и всего прибрежного Дагестана становятся объектом эксплуатации со стороны разных промышленников. Нефть Дагестана стала привлекать внимание и иностранных капиталистов. Наиболее значительной иностранной фирмой, эксплуатировавшей нефтяной район Берикея и Каякента в начале XX в., было «Товарищество братьев Нобель». В целом добыча нефти и в это время велась примитивными способами. Развитию нефтедобычи мешала неопределенность поземельного вопроса. Так, например, в 1899 г. на обращение жителя с. Агач-

¹ А х в е р д о в А.И. Указ.соч. С. 215.

² Белевы путешествия через Россию в разные азиатские земли... С. 174.

аула Темир-Хан-Шуринского округа Ш. Алыпкачева о разрешении ему открыть нефтяной промысел «на принадлежащей ему земле» Кавказское управление Министерства земледелия и государственных имуществ ответило отказом, ссылаясь на неопределенность «поземельных прав поселян Дагестанской области»¹. В 1897 г. начато было бурение нефти в местности «Орта-уьй-таш», где была обнаружена нефть², но эксплуатация источника почему-то была приостановлена.

Использование керосина кумыками, очевидно, началось во второй четверти XIX в., когда в соседнем Моздоке русскими, в частности торговцем нефти Дубининым, в 1833 г. был изобретен аппарат для перегонки нефти³.

§ 2. Домашние промыслы и ремесла

Наличие широкой сырьевой базы способствовало развитию у кумыков наряду с земледелием и животноводством разнообразных кустарных промыслов. Сельскохозяйственное сырье (шерсть, хлопок, шелк, овчина и др.) перерабатывалось тут же в домашнем хозяйстве. Шерсть использовалась для изготовления сукна, узорчатых войлочных паласов, ковров; хлопок шел на изготовление тканей для одежды; шелк – на платки, пояса, нитки; овчина – на одежду, головные уборы. В ремесле использовались железо и дерево. Железо – на орудия труда, оружие; дерево – на сельскохозяйственный инвентарь, утварь, предметы домашней обстановки. На изготовление разнообразных гончарных изделий использовалась и специальная глина и т.д. Центром этого вида ремесла еще в начале XX в. был Эндирей.

Словом, в XIX в. у кумыков насчитывалось несколько десятков различных видов домашних промыслов.

Основная часть изделий шла на удовлетворение нужд крестьянской семьи – хозяйство кумыков носило полунатуральный характер. Отдельные отрасли, однако, имели уже товарное значение, выделяясь из домашних промыслов в ремесло.

В домашних промыслах были заняты как женщины (обработка

шерсти, шелка, ткачество, обработка овчин и др.), так и мужчины (обработка металлов, дерева, камня, кожи, гончарное дело и др.).

§ 3. Изготовление сукна и хлопчатобумажных тканей, обработка кожи

Большое место в домашних промыслах занимало изготовление материалов, которые шли на одежду. Вплоть до XIX в. в изготовлении одежды первостепенное значение имели у кумыков ткани домашнего производства из шерсти, хлопка и частично из шелка.

Шерсть дагестанских овец считалась одной из лучших. Еще Д. Белль писал о дагестанской шерсти: «Шерсть их овец столь хороша, что я такая нигде инде не видывал»¹.

Мы уже отметили, что кумыки издавна возделывали хлопок, который шел на изготовление одежды. В своем «Описании Северного Дагестана» автор конца XVIII в. (1796 г.) Д.И. Тихонов писал, что шамхальцы наряду с сукном, коврами и т.д. «делают хлопчатую бумагу»². То же самое отмечал и А.М. Буцковский (1812 г.), который писал, что кумыкские женщины наряду с ковроделием занимаются выделкой «одноцветных грубых бумажных материй»³.

Из хлопка – «мамуць» кумыки изготовляли ткань, известную под названием «пача», из шерсти – сукно, именуемое «чепкенлик».

Техника изготовления шерстяных и хлопчатобумажных тканей была в основном одинакова. Однако процесс обработки шерстяных тканей был более трудоемким. После стрижки овец хозяйка сортировала шерсть: лучшая, самая длинная и мягкая шла на изготовление сукна, похуже – на изготовление войлочных ковров, самая плохая и отходы после ее расчесывания для пряжи использовались для набивки тюфяков.

Чтобы изготовить кусок сукна, предварительно вымытую, чистую шерсть, примерно 10-11 рун, перебирали и расчесывали. Для расчесывания существовал специальный железный гребень – «таракъ» на деревянной стойке. Прядение нитей проводилось руками с помощью веретена – «урчукъ», а в некоторых селениях и на специальной прялке – «чыгыр», «жегыре». Мастерница выбирала для пряжи, идущей на основу, – «боюн», более длинные волокна, чем

¹ ЦГА РД. Ф.2. Оп.21. Д.176. Л.1-9.

² Там же. Оп.1. Д.36-а. Л.9.

³ Фадеев А.В. Очерки экономического развития степного Предкавказья в дореформенный период. М., 1957. С. 90-91.

¹ Беллевы путешествия через Россию в разные азиатские земли... С. 179-180.

² Тихонов Д.И. Указ.соч. С. 135.

³ Буцковский А.М. Указ.соч. С. 244.

для пряжи, идущей на уток, – «аркъав». Почти таким же образом, только без мытья, изготавливали пряжу и из хлопка..

Ткацкий станок кумыков¹ – «чепкен агъачлар» (для сукна) или «пача агъачлар» (для хлопчатобумажной ткани) не отличался особой сложностью. Он напоминал осетинский ткацкий станок² или станок, известный в литературе под названием дагестанского ткацкого станка³.

Если хлопчатобумажную ткань после снятия со станка сразу можно было использовать для изготовления одежды, то сукно опускали на несколько минут в котел с кипящей водой, а потом приступали к уваливанию. Подливая время от времени теплую воду, ткачихи почти целый день топтали сукно ногами, отчего оно становилось мягче. Потом его мыли с мылом. После этого сукно в мокром виде наматывали на каталку и раскатывали на ровном месте, чтобы оно хорошо разгладилось. На той же каталке сукно должно было постепенно высушаться. До окончательного уваливания многие мастерицы красили сукно, чаще всего черной краской. Часто красили и хлопчатобумажную ткань. Для этого широко пользовались естественными красителями. На черкески для кумыкской знати сукно изготовлялось из белой выщипанной у барана шерсти.

Засулакские кумыки изготавливали сукно и из верблюжьей шерсти. «Кумыки, – отмечалось в «Военно-статистическом обозрении Российской Империи», – большие мастера приготавливать хорошее сукно из овечьей и верблюжьей шерсти»⁴.

Изготовление шерстяных тканей продолжало существовать у кумыков, особенно северных, значительно дольше, чем изготовление хлопчатобумажных, раньше вытесненных привозными изделиями русских фабрик.

Сукно шло на изготовление главным образом верхней одежды мужчин, в то время как из хлопчатобумажной ткани шили рубашки и штаны.

У кумыков были развиты также тканье и плетение всевозможных поясов, тесьмы, шнуров, галунов. Источники отмечают, что кумычки ткали «прекрасные галуны, тесьму и шнурки, известные

на всем Кавказе»¹. Шитье золотом было больше развито у северных кумыков.

Немалое значение для кумыков имело и шелководство. Из шелка кумычки ткали платки, пояса и пр. Шелковые нитки широко применялись для шитья одежды. У кумыков занятие шелководством отмечали многие авторы XIX в. «Некоторые жители, – писал в середине XIX в. И.Н. Березин, посетивший с. Тарки, – занимаются дома выделкою шелка и содержат для этого шелковичных червей»². «В Чечне и Кумыкской плоскости, – писал О.В. Маргграф о засулакских кумыках, – шелководством занимается до половины населения, получая 3-5 фунтов коконов на семью». Он также отмечает, что кумыки Терско-Сулакского междуречья производят шелку до 875 пудов. «Главный сбыт здесь, – писал он, – на местных рынках Хасавюрта и Грозного»³.

Коконны делились на два сорта: «чилле» – чистый шелк и «кежи» – шелк худшего качества. Высушив на солнце коконы первого сорта, кумычки опускали их в котел с кипящей водой, а затем, размешивая палочкой, находили начало волокна, которое аккуратно наматывали на мотовило – «гелел такъта». После этого шелк промывали с мылом в теплой воде, а если нитки шли на тканье платка, то после окончания работы мыли в теплой воде платок. Нитки для шитья, шнурков, петель, поясов и т.д. изготавливали из шелковых волокон путем прядения.

Техника прядения шелковых ниток была та же, что и техника прядения шерстяных ниток. Их красили в красный, синий, зеленый цвета. Неширокая шелковая тесьма часто переплеталась прозрачной серебряной или золотой канителью и шла на оторочки одежды, башлыков и т.д.

Для тканья такой тесьмы или шнурков кумыки пользовались легкими очень простого устройства инструментами – «чалыв такъта» и «шираз». «Чалыв такъта» состояла из нескольких (4-8, в зависимости от ширины тесьмы) квадратных дощечек с 6-8 параллельно расположенными с двух сторон отверстиями, через которые проходила основа плетения или тканья. Уток мог состоять из серебряной или золотой канители. Лучшим сочетанием признавалась основа из черных шелковых ниток и серебряного или золотого ут-

¹ Описание ткацкого станка кумыков см.: Г а д ж и е в а С.Ш. Материальная культура кумыков XIX–XX вв. Махачкала, 1960. С. 99-100.

² Маргграф О.В. Очерк кустарных промыслов Северного Кавказа. М., 1882. С. 83.

³ Там же. С. 86.

⁴ Военно-статистическое обозрение Российской Империи. Т. XVI. Ч. I. С. 150.

¹ Там же. С. 151.

² Березин И.Н. Указ. соч. С. 69-70.

³ Маргграф О.В. Указ. соч. С. 201-202.

ка. Из канители делали и основания и уток, а порою и то и другое из шелковых ниток. Для прибивания «чалыв такъта» имелся специальный нож с кривым концом. Рукоятка ножа была из оленьей кости, а у знатных женщин – из слоновой кости.

Таким же образом кумычки изготавливали и более дорогие широкие галуны, которые нашивались как на мужскую, так и на женскую одежду. Тесьма и галуны нередко покрывались нашивкой из золотой, серебряной канители или разноцветных ниток. При этом кумычка придерживалась традиционного национального орнамента. Наиболее распространенным орнаментом был растительный. Широко применялся орнамент в виде спирали. Самым сложным считался орнамент «гюлевете», который складывался из отдельных различных рисунков. Он применялся при вышивании башмаков, манжет платьев, башлыков и т.д. Для вышивания таких сложных вещей кумычки пользовались квадратными пальцами.

Практиковалось тканье и на руках. Надев один конец пряжи на палец ноги, кумычка искусно плела на 5-6-7 пальцах рук как шелковые, так и шерстяные и хлопчатобумажные шнурки – «шайтен чалыв» (хитрое плетение). Для прибивания плетения пользовались пальцем другой ноги. Благодаря умению и большому опыту разноцветные нитки в плетении ложились аккуратно, ровно.

Большое значение для изготовления одежды имели шкуры животных. Из овчин кумыки изготавливали мужские шапки, шубы, а из кожи крупного рогатого скота и коз – обувь.

Чтобы изготовить одежду из овчины, ее предварительно подвергали тщательной обработке. 7-10 дней овчину держали в заварке – «эрик», приготовленной особым образом из просяной или ячменной муки или отрубей, соли, уксуса, сыворотки в большом глиняном сосуде. Затем овчину промывали и сушили на солнце, после чего она снова подвергалась квашению. Гладкую сторону мазали жидкой кашицей из муки и уксуса и оставляли еще на 2-3 дня, аккуратно свернув. После вторичного квашения овчину промывали окончательно и, пока она была еще несколько влажной, приступали к ее мягчению.

Мягчение (ийлев) производилось либо вручную, либо при помощи специального инструмента – «талкъын»¹. При обработке вручную овчина особым способом закручивалась двумя сидящими друг против друга людьми и сильно натягивалась. Для мягчения

овчины таким образом кумыки чаще устраивали «булкъя», собирая для этого девушек и юношей. Сидя на полу друг против друга (обычно пару составляли девушка и юноша), молодые люди весь вечер закручивали и натягивали овчины, пока они не становились мягкими.

После мягчения производилось беление – «акъ этмек». Уложив мягкую, готовую для выделки овчину на удобное возвышенное место и время от времени обсыпая ее ячменной мукой, кумычка очищала овчину деревянным гребнем либо железной косой. Чем белее и мягче становилась овчина, тем она ценилась дороже.

Несколько сложнее был процесс обработки кож для изготовления обуви. Сначала производили квашение кожи таким же составом, что и при квашении овчины. После этого с кожи снимали шерсть при помощи железной косы или ножа. Мягчили кожу в полувлажном виде при помощи особой деревянной колотушки – киялки (токъмакъ) или при помощи упомянутого выше талкъына. Такая кожа¹ шла на обувь, называемую «гончарыкъ» (обувь из сыромятной кожи). Существовал и другой более усовершенствованный способ обработки кожи с окраской для обуви, применяющийся горскими евреями, жившими издавна в кумыкских селениях (Янгикент, Маджалис, Тарки, Аксай и др.)².

В то время как обработкой кожи для одежды, в частности для шуб и головных уборов, занимались почти исключительно женщины, обработка кожи для обуви была делом мужчины. Мужским занятием считалось и производство шорных изделий, всевозможных ремней и т.д., являвшееся у кумыков одним из видов ремесла³.

Таким образом, большое место в изготовлении одежды занимала обработка местных материалов (шерсти, кожи, шелка, хлопка и пр.).

Для изготовления одежды нередко пользовались и привозными материалами.

Привозные ткани появились у кумыков очень давно. Населяя территорию, через которую проходили торговые пути из Европы в страны Востока, кумыки были очень рано втянуты в торговые отношения с другими народами. Как известно из русских документов

¹ Гаджиева С.Ш. Указ.соч. С. 101.

¹ Имется в виду кожа крупного рогатого скота.

² Гаджиева С.Ш. Указ.соч. С. 102-103.

³ Дубровин Н. История войны и владычества русских на Кавказе. Т.1. Кн.1. СПб., 1871. С. 620.

§ 4. Ковроткачество

XVI–XVII вв., кумыкская знать одевалась в дорогие меха и редкие ткани, которые она иногда получала от русских государей в качестве подарков. Кроме того, еще в XV в. русские купцы торговали здесь дорогими тканями и мехами, а также предметами украшения одежды (тесма, бахрама, позументы и т.д.). В Дагестане находили сбыт шелка, золотые и серебряные нитки, поставляемые из Ирана, Средней Азии, Индии.

Но дорогие ткани и меха были доступны только богатым кумыкам. В крестьянской же среде долго еще преобладали местное сукно и ткани из хлопка, изготовленные в домашнем хозяйстве.

Отмечая, что жители шамхальского владения «из шерсти овечьей делают на продажу и на домашнее употребление простые сукна: синие, черные и белые», Д.И. Тихонов вместе с тем писал, что они же «покупают привозимые из России и Персии парчи и сукна»¹.

Проникновение к кумыкам привозных тканей значительно расширяется с XVI в. С присоединением Казани и Астрахани Россия получила выход к Каспийскому морю, в результате чего торговые связи России с Ираном, Закавказьем, Средней Азией и другими восточными странами приобрели постоянный характер². Поскольку главные торговые пути шли непосредственно через Кумыкскую равнину, кумыкские феодальные владетели извлекали из этого немалую пользу. Провозя товары, русские и восточные купцы должны были платить местным владетелям пошлину, главным образом натурой.

В торговлю с Россией и восточными странами были вовлечены и «купчины» из кумыкских владений. Возникновение к концу XVI в. у самой границы Кумыкской плоскости, в устье р. Терек, города Терки еще более расширило торговые связи кумыков с Россией.

Приток русских товаров, равно и ассортимент тканей, значительно расширился во второй четверти XIX в. Помимо бархата, атласа, тяжелых цветных шелков появились и дешевые бумажные ткани – ситец, бязь и т.д.³, которые в какой-то степени были доступны и средним слоям кумыкского общества.

Среди домашних промыслов большое место занимало ковроткачество. Кумычки ткали как ворсовые ковры – «хали», так и безворсовые (гладкие двусторонние ковры), известные под названием «дум», и узорные войлочные ковры – «арбабаш». Кроме того, они изготавливали шерстяные мешки – «дорба», «кьап», переметные сумки – «хуржун», попоны – «чул», коврики для седла, а также валяные войлоки – «кийиз», потники – «терлик», молитвенные коврики – «намазлыкь», простые бурки, а также циновки – «чипта». Центрами коврового производства были Тарки, Кумторкала, Эндирей, Нижнее Казанище, Верхнее Казанище, Каякент и др. Войлочное производство особенно большое развитие получило у северных кумыков.

Вплоть до XX в. для окраски ковровой пряжи использовались натуральные красители (корень марены, кожура лука, скорлупа ореха, кора барбариса, дуб, а также различные травы). С конца XIX в. постепенно начинают применяться для окраски шерстяной, хлопчатобумажной и шелковой пряжи анилиновые красители.

Окраска пряжи почти всегда производилась после ее предварительной протравы квасцами. Для закрепления краски пряжу опускали в отстоявшуюся мочу и держали в ней несколько дней (5–7 дней, а в отдельных случаях, например, при получении синего тона, повторяли эту процедуру дважды). После этого пряжу тщательно промывали в проточной воде и сушили в тени.

Изготовление ворсовых и гладких ковров у кумыков производилось на обычном для всего Дагестана вертикальном станке – «кьурув», «дум агъачлар», подробное описание которого впервые дал известный кавказовед Е.М. Шиллинг¹.

Станок этот представлял собой широкую массивную прямоугольную деревянную раму (длиной 2–4, шириной 1,5–2 м). Он состоял из двух боковых деревянных столбов – «бутлар», соединенных двумя валами сверху – «баш агъач» – и внизу – «тюп агъач», вставленными в пазы столбов и закрепленными снаружи деревянными клиньями. Станок имел еще две подсобные поперечные круглые палки – «ара таякъ», которые ставились между верхними и нижними (первой и второй) нитками основы для образования ремизы, и «кесу таякъ» – ремизную палку, служившую для удваива-

¹ Тихонов Д.И. Указ.соч. С. 135.

² Кушева Е.Н. Указ.соч. С. 180, 298 и др.

³ Обзорение Российских владений за Кавказом. Ч.IV. С. 184–185.

¹ Шиллинг Е.М. Ковроткачество в Дагестане. – СЭ. 1936. №4–5.

ния нити основы, т.е. палку, через которую продеты первая и вторая (четная и нечетная) нитки основы. Кроме того, боковые брусья станка были снабжены 6-7 отверстиями, в которые вставлялись небольшие колышки – «чуй» – для опоры ремизной палки. По мере увеличения ковровой ткани палка эта поднималась вверх и ставилась в следующий колышек. Под конец ремизной палки справа и слева часто подкладывали камешки, приподнимавшие верхнюю часть основы. Несколько выше ремизной палки располагалась еще одна поперечная перекладина для подвешивания разноцветной пряжи утка.

Другими вспомогательными орудиями труда мастерицы были маленький дугообразный, двузубый гребень из рога, кости – «чишь», необходимый для выпрямления нити основы и посадки нитей утка, гребенчатая колотушка – «таракъ» – для плотного прибивания уточной нити к основе, нож – «бичакъ» – и ножницы – «къайчы» – для подрезания и подравнивания ворса.

Процесс ковроткачества очень подробно описан в работах Е.М. Шиллинга¹ и А.С. Иванова². Отметим только, что самой ответственной частью работы мастерицы было натягивание на станок основы, точный учет количества узлов при тканье, обеспечивающий равномерную плотность ковра, подбор тонов рисунка и т.д. Отклонение от нормы могло дать коврү кривизну, искажение рисунка, ухудшало его художественные качества.

Среди различных видов кумыкских ковров своей оригинальностью и высокими художественными качествами отличались и отличаются «думы». В кумыкских думах, как это отмечают Э.В. Кильчевская, А.С. Иванов, наиболее распространены два узора: один – с крупным ромбообразным медальоном центрального поля... и другой – с более мелкими ромбовидными геометрическими фигурами, расположенными вертикально в два ряда (две-три фигуры в каждом ряду)³. Основной фон думов делался черного или светло-синего цвета. Дум окаймлялся широкой каймой, заполняемой в свою очередь мелким геометрическим или геометризированным растительным орнаментом. Старые думы отличались строгостью тонов, что придавало им спокойный, сдержанный колорит.

¹ Шиллинг Е.М. Указ.соч.

² Иванов А.С. Ковроделие Дагестана. Научно-исследовательский институт художественных промыслов Роспромсовета (Москва, 1955). Рукопись.

³ Кильчевская Э.В., Иванов А.С. Художественные промыслы Дагестана. М., 1959. С. 82.

Наряду с гладкими коврами кумыки изготавливали полосатые, так называемые «кайкентские паласы»¹. Их вырабатывали и продолжают вырабатывать главным образом в с. Каякент Каякентского района. Так же как думы, они двусторонние, плотные и покрыты орнаментом. В отличие от думов каякентским паласам присущи рисунки в виде поперечно расположенных полос, внутри которых размещены мелкие разноцветные геометрические узоры – ромбовидные фигуры или треугольнички. По мнению специалистов, каякентские ковры-паласы прежде признавались подлинными шедеврами коврового искусства². Каякентские паласы по технике изготовления, цветовому решению и рисунку очень близки к другим дагестанским и, особенно, азербайджанским паласам.

Что же касается кумыкских ворсовых ковров – «хали», «халича», то они имеют много общего с лезгинскими и табасаранскими коврами³. Часто встречаются характерные для табасаранских ковров узоры, как, например, рисунки «тапанча» и «чарголь». Вместе с тем многие ковры отличаются оригинальным рисунком.

Характеризуя ворсовые ковры кумыков, Э.В. Кильчевская пишет, что «они не отличаются большой оригинальностью рисунка и основное их своеобразие составляет свой местный колорит, традиционный для ковров данного района»⁴.

Наиболее типичным для кумыкского ковроделия следует считать своеобразный войлочный ковер – «арбабаш» с врезным узором.

Вообще войлочное производство в домашних промыслах кумыков играло большую роль. О.В. Маргграф справедливо отмечал, что ковры из войлока составляли неизбежную принадлежность почти каждого дома, что ими устилали пол, стелили на сиденье, под ноги при молитве, вешали на стены сакли и т.д.⁵ Самые простые войлоки у северных кумыков использовались иногда в качестве подстилки под богатым ковром, для предохранения его от порчи.

Для производства войлоков использовалась обычная шерсть,

¹ Ташлицкая Э.Н. Дагестанские безворсовые ковры. Махачкала, 1967. С. 7-8.

² Там же. С. 7.

³ Кильчевская Э.В., Иванов А.С. Указ.соч. С. 83-84.

⁴ Кильчевская Э.В. Искусство народов Дагестана. – Народное декоративное искусство РСФСР. М., 1957. С. 192.

⁵ Маргграф О.В. Указ.соч. С. 40.

часто даже худшего качества (для простых войлоков, потников и т.д.); как правило, она не расчесывалась на гребне, а использовалась сразу же после промывки или перебирания руками или палкой. Подготовленную таким образом шерсть ровными слоями настилали в форме четырехугольника на палас или циновку и тщательно подравнивали края. После этого шерсть обильно обрызгивали кипящей водой, чтобы слепились волокна шерсти, а затем двести, иногда и четыре женщины (в зависимости от величины войлока) вместе с паласом свертывали шерсть в трубку и основательно раскатывали. Через некоторое время шерсть разворачивали, снова обрызгивали горячей водой и снова катали.

В свернутом виде войлок завязывали веревкой и на два-три часа оставляли на солнце. После этого палас снимали и еще раз катали, но уже без смачивания, до тех пор, пока войлок не становился окончательно уваленным и утрамбованным. Затем войлок красили в нужный цвет (синий, коричневый, зеленый и т.д.). Часто же войлок (особенно из чистой белой шерсти) вообще не красился. Если войлок собирались использовать как молитвенный ковер, к нему пришивали только бахрому другого цвета.

Арбабаши – войлочные ковры – имели 1,5-2 м ширины и от 2 до 5 м длины. Они делались обычно из двух войлоков одинаковой величины, предварительно окрашенных в разные цвета. Потом на оба войлока переводили один заранее приготовленный рисунок из бумаги – «оюв» – и по его очертаниям разрезали ножом или ножницами, чтобы затем поменять войлоки местами. Вырезанный из одного войлока кусок аккуратно вставлялся в прорез другого и прикреплялся плотным швом из крепких ниток. После этого по всему шву вставки нашивалась с двух сторон специально изготовленная тонкая белая тесемка, которая не только закрывала швы рисунка, но и придавала декоративному оформлению арбабаши, его узору более совершенный вид. Узор арбабаши представлял собой крупную симметричную композицию из элементов, имеющих обычно изогнутый криволинейный контур. Многим орнаментальным мотивам присущи изображения растений и животных. Часто изображаются, например, птицы, бараньи рога и т.д. Кумыкские арбабаши по своему художественному оформлению имели сходство с войлочными коврами ногайцев и народов Средней Азии.

В некоторых кумыкских районах (Хасавюртовский, Темир-Хан-Шуринский округа) изготовлялись и циновки – «чипта», которые также использовались в качестве подстилки под ковер или под

войлок. Для изготовления циновки использовали болотную осоку – «екен». Ткали чипту на ткацком станке самого простого устройства.

Из шерсти и хлопка кумычки ткали переметные сумки – «хуржун», большие и маленькие мешки – «къяп», «дорба», обмолотки – «долагъ» и т.д. Самые богатые по убранству узорчатые изделия изготовляли мастерицы из сел. Каякент. Для хуржунов, къяп и дорба использовалась такая же шерстяная пряжа, что и на ковры. Техника изготовления, расцветка пряжи, узоры рисунка этих изделий были почти такими же, как в ковроделии.

Станок, на котором ткались эти изделия (къяп, дорба, обмолотки), мало чем отличался от обычного коврового станка, но только был примерно в два раза меньше и менее массивным. Такой станок имел посередине горизонтально расположенную перекладину, как бы делившую станок на две части. Мелкие предметы можно было ткать, натянув основу в нижней части, а при работе над более крупными изделиями, например, переметными сумками или большими мешками – «къяп», перекладина не только не мешала мастерице, но и создавала некоторые удобства.

§ 5. Деревообработка

Наличие лесных массивов и общее направление хозяйства (земледелие) способствовали развитию у кумыков производства отдельных видов деревянных изделий.

В обработке дерева главное место занимало изготовление сельскохозяйственных орудий – плугов, молотильных досок, вил, лопат, арб, саней, ободьев и спиц для колес. Большую роль играло и изготовление домашней утвари и предметов обстановки: корыт, подносов, досок для раскатывания теста, стульев и т.д.

Необходимые для сельского хозяйства орудия, транспортные средства и частично утварь из дерева изготавливались в каждом крестьянском хозяйстве. Однако во всех селениях имелись и прославленные мастера, которые занимались производством деревянных изделий исключительно для продажи.

Наиболее распространенными типами пахотного орудия кумыков в XIX в. был передковый плуг – «сабан», в который впрягали от двух до четырех пар волов. Сабан состоял из трех основных частей: рабочей, колесной и яремной.

Рабочая часть, в свою очередь, состояла из: 1) пяты или полоза –

«табан»; 2) железного лемеха – «сабан темир»; 3) особой деревянной отвальной доски – «сабан такъта»; 4) двух ручек-стоек – «балчан», вставляемых в пяту и скрепляемых деревянной планкой; 5) деревянной планки, вставляемой в дышло и служащей для регулирования вспашки, – «чуй»; 6) дышла – «сазагъан»; 7) резака – «чыргъа» – для проведения борозды, которая затем расширяется и углубляется лемехом; 8) деревянных крючков – «къармакълар», вставляемых в дышло и служащих для привязывания второй (колесной) части орудия (в зависимости от конфигурации поля колесную часть привязывали к тому или другому крючку).

Вторая часть плуга (колесная) состояла из: 1) двух колес – «сабан дегерчиклер»; 2) оси, соединяющей колеса, – «гёчер агъач»; 3) дышла – «сазагъан»; 4) специального приспособления в форме полукруглой плоской планки для регулирования ширины борозды; планки одним концом наглухо прикреплялись к оси, а другим свободно вставлялись в дышло; на свободном конце планки имелось несколько отверстий, в одно из которых в зависимости от расчетов вставлялся колышек.

Третья часть плуга (яремная), называвшаяся «чатакълар», состояла из нескольких разных по размеру и форме дышел и прикрепляемых к ним ярем: необходимость большого числа дышел вызывалась стремлением сделать орудие максимально подвижным. Длинные прямые части дышла назывались «узун чатакълар», короткие изогнутые части – «къысгъа чатакълар»; число чатакълар зависело от количества впрягаемых пар быков. Отдельные части дышла скреплялись между собой посредством специальных деревянных дощечек с колышками. Ярмо каждой пары волов вставлялось в изогнутую часть дышла; исключение составляло всегда прямое дышло первой ведущей пары волов. На переднюю «къысгъа чатак» надевался деревянный брусок – «сабан тёнгек» во избежание поднятия ярма.

В предгорной зоне, кроме описанного выше плуга, употреблялось более легкое пахотное орудие – «пурус». Существовало несколько типов пурусов. Пурус наиболее распространенного типа состоял из пяты, железного лемеха, ручки-стойки, вставляемой в пяту, дышла, специальной планки, проходящей через дышло и пяту и служащей для регулирования глубины вспашки, и приспособления полукруглой формы для отвала земли. В отдельных районах встречался еще более архаический тип пуруса, характерной чертой которого являлось то, что в нем пята и ручка были сделаны из од-

ного куска дерева. Отвалом для этого типа орудия служили деревянные планки, прикрепленные одним концом к ручке-стойке, а другим – к пяте. Дышло вставлялось в ручку-стойку. Через дышло в пяту проходила планка, регулирующая глубину вспашки.

Молотильные доски – «балбулар» – изготовлялись из цельных широких дубовых досок. Для удобства работы и подвижности передние части досок делались изогнутыми. С краю на каждой «балбу» оставался небольшой выступ с отверстием для соединения обеих досок с помощью веревки. Балбулар веревкой же прикреплялись к дышлу. В конце дышла имелось отверстие для соединения с ярмом. Кумыкские молотильные доски были сходны с молотильными досками других народов Дагестана. Здесь также в каждую рабочую поверхность доски вбивали на определенном расстоянии друг от друга кремневые камушки.

Борона – «сибиритки» – состояла из двух частей: деревянной рамы – «таракъ» и метелки – «сибиритки». Рама имела форму треугольника, к острому углу которого присоединялась упряжь. Основание рамы, которая изготовлялась из прочного дерева, имело 14-17 подрезов (зубьев) – «таракъ», служивших для рыхления, выравнивания заделки семян в почву. В двух-трех местах брус имел отверстия, куда вбивались колышки для надевания второй части бороны-метелки. Метелка изготовлялась из колючих веток. Передняя часть сибиритки была плетеной и аккуратно надевалась на зубчатый брус рамы. Метелка засыпала землей засеянные семена. Для большей тяжести на борону, вернее, на метелку, клали камни, сажали детей и т.д.

Сельскохозяйственный инвентарь включал также арбу и сани – «чана», они же являлись и средствами передвижения наряду с верховой лошадей и фургонами, появившимися у кумыков во второй половине XIX в.

Кумыкская арба была и остается двухколесной. Она отличается от арбы, применяемой в горах, в основном своим размером (она значительно больше) и некоторыми деталями. У засулакских кумыков под влиянием русских соседей имели распространение и четырехколесные арбы.

Кумыкская арба состоит из трех основных частей: 1) кузовной – «кёкюрёк», 2) колесной – «дегерчиклер» и 3) яремной – «боюнсалар».

Кузовная часть в свою очередь делится на остов и борта. Остов

арбы составляют три продольных шеста – «арышлар»: два длинных (крайних) и один покороче (серединный). Оба крайних шеста сходятся в яремной части. Все три продольных шеста скрепляются короткими поперечными планками, которые вместе с арышлар образуют дно кузова.

Борта арбы – «ялкынлар» напоминают лестницу, лежащую боком вдоль «арыша». Чтобы образовать борта, в крайних шестах делаются специальные отверстия, в которые с каждой стороны вставляются 6-7 планок; сверху эти планки закрепляются сплошной перекладной, идущей параллельно каждому крайнему шесту. Эти боковые стенки, т.е. ялкынлар в виде лестницы или оконных рам в отдельных случаях делались плетеными или плотно перекрывались досками. Для увеличения вместимости арбы в передней части всегда можно было сделать дополнительный кузов. Для этого крайние шесты имели дополнительные отверстия, в которые вставлялось несколько планок, также прикрепляемых сверху перекладной. Когда на арбу ставилась большая, во всю длину арбы, широкая плетеная корзина – «кьувукъ чалы» для перевозки мякины, с арбы убирала все лишние приспособления.

Колесная часть состояла из оси – «гёчерагъач» и двух колес – «дэггерчиклер». Закреплялась ось в специальных деревянных выступах.

Яремную часть арбы составляли две поперечно идущие, тщательно обработанные планки и четыре деревянных вертикальных штока, образующих две небольшие ячейки – «боюнса» – для запряжки волов. Требовалось, чтобы арба изготовлялась из крепких пород дерева, но была легкой, подвижной. С конца XIX и начала XX в. в результате тесного общения с русским населением у кумыков появляются русские фургоны. Кроме кузнецов и мастеров по изготовлению арб, колес, дуг, в каждом селении были, как отмечал Н.Ф. Дубровин, и шорники, изготовлявшие сбрую, хомуты и т.д.

Другим местным транспортным средством были сани – «чана». По сравнению с арбой сани играли второстепенную роль, так как применялись только в течение короткой зимы. Сани представляли собой два гладких бруса, загнутых спереди, на которые ставились доски, плотно пригнанные друг к другу. Эти доски составляли верхнюю площадку для размещения груза или сидения.

Кумыки, проживающие по берегам Сулака, Терека и Каспийского моря, изготовляли для нужд рыболовства и лодки – «кьайыкъ». Они изготовлялись большей частью из цельного ствола

дерева, главным образом из липы, имели «вид глубокого длинного корыта»¹. И.С. Костемеровский, как упоминалось выше, в 1858 г. писал, что кумыкские лодки похожи «на корыта, выдолбленные каждое из одного бревна»².

Надо отметить, что кумыки покупали лодки и у своих близких соседей – ногойцев и терских казаков, считавшихся искусными мастерами этого дела. По данным Маргграфа, цена такой лодки в то время равнялась 18-25 рублям³.

Из дерева изготовлялась и всевозможная домашняя утварь: корыта, предназначенные для того, чтобы месить тесто – «кершен», «чара», подносы – «тепси», ведра – «челек», бочки – «черме», ложки – «кьашыкъ», ступки – «аякъ»; предметы обстановки: высокие резные лари во всю стену на ножках – «засьур» – с двумя-тремя отделениями для хранения зерна, муки, мяса и других продуктов сельского хозяйства, небольшие стулья и табуретки на четырех ножках, нары – «тахтемек», занимавшие почти одну треть комнаты и т.д.

Для изготовления многих предметов домашней утвари (подносов, каталок, ложек и т.д.) лучшими признавались ореховое и абрикосовое дерево.

Большое применение в хозяйстве кумыков имели плетеные амбары для хранения зерна и муки – «бежен», большие корзины без дна, которые ставились на арбу для перевозки початков кукурузы и мякины – «чалы», корзины небольшого размера с плетеным дном – «четен», используемые для различных надобностей.

Кумыкские бежены напоминали опрокинутый усеченный конус. Они были широкие сверху и узкие снизу. Если они предназначались для хранения пшеницы или ячменя, их смазывали снаружи особым образом приготовленной глиной, а если они предназначались для хранения муки, то их смазывали глиной и изнутри, а также белили. Сверху и снизу оставались отверстия – первое для засыпки зерна или муки, второе – для высылки.

Бежены, предназначенные для хранения початков кукурузы, вообще не смазывались, и зерно в них не портилось, благодаря нормальному циркулированию воздуха. Плотно закрывались они

¹ Маргграф О.В. Указ.соч. С. 239.

² Костемеровский И.С. Записка об исследовании р. Сулак. – АКАК. Т.ХII. С. 1114-1115.

³ Маргграф О.В. Указ.соч. С. 240.

только сверху, чтобы не проник дождь или не пекло солнце. Низ бежена обычно делался из сплошного дерева или плотно подогнанных друг к другу досок. Такой «амбар» легко можно было перенести с места на место и устанавливать на подставки.

§ 6. Обработка металлов. Оружейное производство

Обработка металлов была одной из широко распространенных форм производственной деятельности кумыкского крестьянина. Основное место здесь занимало изготовление сельскохозяйственных орудий и оружейное дело.

Н.Ф. Дубровин писал, что среди кумыков есть «оружейники, слесаря, серебряники»¹. Для изготовления предметов сельскохозяйственного инвентаря, а также оружия, кумыки издавна пользовались местной железной рудой. Еще в 1720 году шамхал Тарковский сообщал Петру I, что «есть у них металл свинцовый», и просил прислать «искусного рудознатца для освидетельствования найденного металла», чтобы «выразуметь, будет ли из этого какой интерес или нет»². Будучи в Тарках 13 августа 1722 г., сопровождавший императора кабинет-секретарь Макаров писал астраханскому губернатору срочно прислать в Дагестан «рудоконного мастера»³. Д.И. Тихонов также отмечал, что жители шамхальства Тарковского добывали железо близ с. Карабудахкент и пастбищного поля (кутана) Гийик Салган⁴ (район источников Талги). Железо добывалось и близ с. Казанище (в местностях Ачилибет, Борагъан-озень), Атлы-Боюн, Капчугай, Башлы и т.д. В отдельных местах руда встречалась даже на поверхности земли.

Способ получения железа из местной руды, разумеется, был очень трудоемким. Сначала до плавки руду промывали в воде и сушили на солнце. Затем ее тщательно дробили молотком или топором и пропускали через ручную мельницу. После такой предварительной процедуры шел процесс обжига и плавки. Обжигали сперва на открытом огне – на костре, а потом плавил в специально сооруженных «печах» или (чаще) котлах – «къазан», изготовленных из глины с добавлением конского волоса (против растрескивания), высушенных на солнце. Получаемое таким способом же-

лезо не доводилось, однако, до жидкого состояния. Чтобы получить полноценный металл, его подвергали многократной проковке. Следует отметить, что в хозяйственной жизни кумыков в исследуемое время основную роль уже играло железо, привозимое из центральной России, из которого местные кузнецы и оружейники изготавливали различные изделия. Оно обходилось гораздо дешевле, чем железо, получаемое из местной руды.

Как видно из официального документа «О торговле железом в укреплении Темир-Хан-Шура», относящегося к 1852 г., только купцы Темир-Хан-Шуры ежегодно закупали в Астрахани до 1000 пудов железа и до 200 пудов чугуна и в Кизляре – до 200 пудов железа и до 100 пудов чугуна¹.

Для нужд сельского хозяйства кузнецы изготавливали серпы – «оракъ», косы – «чалгъы», топоры – «балта», лемехи – «сабан темир», подковы – «нал», ножи – «бичакъ», лопаты с узким концом – «бел», позднее – обручи на колеса арб и т.д.

Значительное распространение имело и златокузнечество: украшение ножен и рукояток холодного оружия, а также изготовление женских ювелирных изделий. Способ обработки железа был таким же, как и во всем Дагестане². Сталекузнечная мастерская кумыка была оборудована почти так же, как аналогичная мастерская кубачинца или амузгинца. Здесь были тот же горн с мехами, та же наковальня, закрепленная на деревянном обручке, крепко вделанном в пол помещения, набор несложных инструментов (молотки разной формы и величины, щипцы, скребки для желобка кинжала, тиски и т.д.), небольшое каменное корыто с водой, точильное колесо и пр. Характерно, что оружейное производство у кумыков имело свои центры, в то время как сталекузнечные мастерские были почти в каждом селении. Центрами оружейного дела в пределах Кумыкии были Верхнее Казанище, Тарки, Эндирей и др. «Андреева деревня ныне мирный аул, славящийся выделкою азиатского оружия», – писал П. Хицунов об Эндирее в газете «Кавказ» (1846, №16). М.К. Ковалевский и И.Ф. Бламберг в «Описании Дагестана» в 1831 г. отмечали, что в с. Тарки «многие занимаются оружейными изделиями»³.

¹ Дубровин Н. Указ.соч. Т.1. Кн.1. С. 620.

² Цит. по: Лысцов В.П. Указ.соч. С. 20.

³ Там же.

⁴ Тихонов Д.И. Указ.соч. С. 135.

¹ ЦГА РД. Ф.3. Оп.1. Д.19. Л.14.

² Бакланов Н.Б. Златокузнецы Дагестана. М., 1926; Шиллинг Е.М. Кубачинцы и их культура. Историко-этнографические этюды. М.-Л., 1949.

³ Ковалевский М.К. и Бларамберг И.Ф. Описание Дагестана (1831г.) – ИГЭД. С. 307.

Главными центрами производства в исследуемое время все же были Тарки и Верхнее Казанище. В селении Верхнее Казанище в конце XIX в., по сообщениям представителей старшего поколения, было около 100 наковален. Часть мастеров здесь, несомненно, не была оторвана от земледелия, занимаясь летом сельскохозяйственными работами, а зимой – производством оружия.

Однако многие мастера занимались только основным делом и, прославившись своими замечательными изделиями, едва успевали выполнять многочисленные заказы, поступающие отовсюду. Еще в первой половине XIX в. большой славой пользовались оружейники Базалаевы и Иражабовы, жившие в Тарках и Верхнем Казанище. Их именами называли изготовленные ими клинки, которые отличались прочностью, чистотой отделки и изяществом. Те и другие были широко известны на всем Кавказе. Чтобы скорее реализовать свои изделия худшего качества, многие мастера из других фамилий делали на своих клинках отметки «базалай», хотя не все покупатели поддавались такому обману.

Особенно много было мастеров в В. Казанище. В конце XIX века это были потомки Базалаев: Баммат, Темирболат, Магомед, Али, Мустафа, Гамза-Гаджи и др. Некоторые из первых Базалаев, в частности, мастер по имени Омар, делали деревянные мерки для сыпучих тел (сабу и сагъ). Мастера из тухума Иражаб также были довольно многочисленны: Ибрагим, Агаргим, Абдурагим, Халик и др. Они изготавливали больше огнестрельное оружие (главным образом винтовки). Некоторые потомки Иражаба носили прозвище «куреклер» (лопаточники). Здесь же оружейным делом занимались и представители тухума Маматаевых: Авув, Джанибек, Джамалутдин и др. «Для развлечения я два раза ходил в Малые Казанищи, – писал известный ценитель оружия, служивший долгие годы в войсках на Кавказе, А.Л. Зиссерман, – где заказал себе у известного оружейного мастера, уста Омара, кинжал»¹. Словом, еще в середине XIX в. Н. Казанище славилось как центр оружейного искусства. К известным мастерам со своими заказами приезжали ценители оружия со всех концов Кавказа².

Следует отметить, что в 20-х годах XX в., после революции, оружейное дело у кумыков, как и у других народов, почти полностью свернулось.

Характеризуя оружейное производство в равнинном Дагестане и давая ему высокую оценку, автор первой половины XIX в. И.Н. Березин писал о Тарках, что «лучшим мастером кинжальных клинков считается покойный Базалай-отец»¹, что значительная часть «базалаевских клинков вывозится в Россию», что «хороший кинжал стоит около десяти рублей серебром (клинок 4-5 руб., ножны – 6 руб. и рукоятка – 1 руб.) ... шашки вообще очень дороги»². О способе приготовления хорошего оружия на Кавказе высоко отзывался Г. Прозриватель, который писал, что «сохранился секрет горских мастеров и хорошая шашка или кинжал ценились очень высоко ... на многих кинжалах еще и теперь читается надпись «Базалай», свидетельствующая о высоком качестве клинка. Это название явилось синонимом хорошего кинжала»³.

В 1830 г. в «Журнале временного комитета при министерстве иностранных дел для рассуждения о мерах, нужных по будущему управлению закубанскими народами» отмечалось, что у засулакских кумыков «делаются порох, кинжалы, известные добротой по всему Кавказу хорошие ружья»⁴.

Для монтажа и художественной обработки кинжалов и шашек кумыкские мастера иногда отправляли свои кинжалы в известные златокузнечные центры Дагестана – Кубачи и Амузги⁵. Оттуда они получали богато украшенные металлические серебряные части для оформления ножен, готовые рукоятки из слоновой или моржовой кости.

Однако в основном вся эта работа производилась на месте. Рукоятки обычных кинжалов кумыкские мастера делали из рога буйвола или быка, обтяжку ножен – из ослиной кожи или из сафьяна, изготавливаемого горскими евреями в селениях Маджалис, Янгикент, Яксай, Тарки и т.д. Изделия мастеров поступали на рынок частью через перекупщиков, ездивших за товаром в места их изготовления, а частью их вывозили сами мастера.

Были распространены и другие виды ремесла, в частности изготовление различного рода украшений из серебра и золота, меднолитое и медночеканное производство и т.д.

¹ Березин И. Путешествие по Дагестану и Закавказью. СПб., 1850. С. 102.

² Там же.

³ Прозриватель Г. Кавказское оружие. – Труды Ставропольской ученой архивной комиссии. Вып. 7. Ставрополь, 1910. С. 3.

⁴ АКАК. Т. 7. Тифлис, 1878. С. 890.

⁵ Шиллинг Е.М. Кубачинцы и их культура. С. 77.

¹ Зиссерман А.Л. Двадцать пять лет на Кавказе. СПб., 1879. Ч. II. С. 87.

² Записано в с. В. Казанище от Садыкбека Дагирова (1897 г.р.).

Медночеканным искусством (пояса, кольца, пряжки и т.д.) у засулакских кумыков славился Нухай Батырмурзаев, известный деятель революционного движения в Дагестане. В 1915-1916 гг. он жил и работал в ногайских аулах и на своих изделиях ставил клеймо «Нухай».

В златокузнечестве применялись гравировка, чернь, филигрань и серебряное литье. Центрами ювелирного искусства были выше-названные селения, а также селения Аксай, Эрпели, Кафыр-Кумух, Султан-Янгиюрт и др.

Крупным центром меднолитейного и медночеканного дела являлось и с. Каякент, где изготовлялись самые лучшие котлы, кувшины, тазы, подносы и всякая другая посуда главным образом из привозной высококачественной меди – «такъта багъыр».

§ 7. Керамическое ремесло и обработка камня

До середины XIX в. в селениях Эрпели, Эндирей, Нижнее Казанище, Тарки и в некоторых других процветало и гончарное дело. Оно пришло в упадок в более позднее время в связи с широким распространением заводских изделий или изделий, изготовлявшихся в горных районах Дагестана.

Формовку гончарных изделий мастера производили на ручном гончарном круге, состоявшем из двух частей: 1) собственно круга, который вырезали из цельного дерева, придавая ему форму плоско-круглого хлеба и 2) массивной подставки.

Изготавливали сосуды так же, как в горном Дагестане, т.е. жгутовым или ленточным способом. Рисунок, в основном геометрический, наносился на гончарные изделия при помощи особой деревянной палочки. Многие изделия, особенно тарелки, вазы, кувшинчики для воды, покрывались глазурью. Обжиг посуды производился в специальных каменных двухъярусных печах. Топили такую печь снизу, разместив посуду в верхнем отделении. Таким образом изготавливалась самая разнообразная посуда: большие хумы – «кюмес» – для хранения продуктов (муки, зерна и т.д.), кувшины различных размеров – для воды, тарелки, миски, вазы, сосуды для отстаивания молока, маслобойки и т.д.

Среди кумыкских кустарей были замечательные мастера по обработке камня, резчики по камню и дереву, которые украшали деревянные конструкции в комнатах, на веранде, балконе, наличники окон, дверей, ворота, надгробные памятники и т.д.

Мы вкратце охарактеризовали здесь различные отрасли домашнего производства у кумыков. Надо отметить, что ремесло на Кумыкской равнине в изучаемое время не имело такого развития, как, например, в нагорном Дагестане, и в экономике народа играло подсобную роль. После присоединения Дагестана к России, в связи с широким распространением привозных фабрично-заводских, а также ремесленных изделий из горных районов, отдельные отрасли кустарной промышленности, например, гончарная, златокузнечество и др., у кумыков постепенно свертываются.

Заслуживает внимания и тот факт, что в исследуемый период во многих кумыкских селениях наряду с местными кустарями работали гончары, сапожники, сталекузнецы, золотых дел и другие мастера, главным образом, из даргинских и лакских районов, которые, переселившись со своими семьями, нередко становились постоянными жителями здешних мест. Почти все лудильщики, работавшие здесь в тот период, были лакцы. Этим ремеслом кумыки уже не занимались.

Можно с уверенностью сказать, что распространенная в этот период среди кумыков гончарная, деревянная и медная посуда была на 80-90% горского происхождения. Часть этих изделий изготовлялась горцами-отходниками здесь же на месте, другая, более значительная часть, поступала в готовом виде из различных районов Нагорного Дагестана. Ежегодно большими партиями поступала на равнину гончарная посуда из селений Балхар, Сулевкент, деревянная утварь из Катдагана, Сирха и т.д.

Все это свидетельствует о существовании в XIX в. четкого разделения труда по отдельным отраслям народного хозяйства между отдельными частями Дагестана (а в горах – даже по отдельным отраслям кустарно-ремесленного производства). Кумыкским крестьянам, занимавшимся в основном земледелием, было выгоднее приобретать готовые изделия у горцев, чем производить самим.

Занимались кумыки также лесным промыслом. Они возили в города (например, в Кизляр) на продажу колья для виноградных лоз, строевой лес и т.д.¹ Дрова возили в Хасавюрт, Дербент, Петровск, Темир-Хан-Шуру и т.д.

Одним из наиболее распространенных промыслов у кумыков был извоз. Занимая весьма выгодное географическое положение, кумыки на своих арбах перевозили в нагорный Дагестан, а также на

¹ Ахвердов А.И. Указ.соч. С. 214.

рынки городов продукты питания, всевозможные товары. При отсутствии железнодорожного транспорта этот промысел имел исключительно большое значение.

Мельницы

Большое хозяйственное значение имели водяные мельницы – «тирмен». Кумыкские мельницы были такого же типа, что и горские, или, точнее, общекавказские мельницы. Строились они у водопадов, где устанавливался длинный деревянный желоб, ведущий воду прямо вниз. Сила падения воды приводила в движение горизонтально лежащее в воде колесо, от которого шла вверх ось, вращающая жернов. Позднее появился усовершенствованный тип мельницы – «орус тирмен» (русская мельница) с большим вертикальным колесом.

Характеризуя местный, наиболее распространенный тип мельницы в Дагестане, Д.И. Тихонов писал: «Мельниц мучных тамошними жителями сделано в довольном количестве. Стоят на каналах, проведенных из текущих речек близ самих гор. Расположены одна от другой в близком расстоянии. Сделаны ж об одном коле. Желобы деревянные, по каскаду вода сильное течение имеет. В сутки муки получают 2 четверти с небольшим; молот же более не в состоянии по причине малости на сих камней... Мельниц на пространых речках иметь нельзя в рассуждении их мелкости и течения по каменистому грунту»¹. «На речках много мельниц», – писал о Нижнем Казанище Яков Маркович применительно 1725 г. Там же отмечал, что Нижнее Казанище «взял шамхал в приданое за женою»².

В крупных селениях таких мельниц насчитывалось пять-семь. Наряду с водяными мельницами широкое распространение имели ручные мельницы, на которых перемалывалась пшеница, кукуруза и полба на крупу. Ручные мельницы состояли из двух средней величины жерновов. В круглом отверстии нижнего жернова укреплялась ось. На эту ось надевался верхний жернов, для чего он в центре был просверлен. Через это же отверстие сыпалось зерно. С края делалось еще одно отверстие, в которое вставлялась деревянная ручка. Этой ручкой приводили в движение верхний жернов.

¹ Тихонов Д.И. Указ.соч. С. 134.

² Дневные записки малороссийского подкарбия генерального Якова Марковича. Ч.1. М., 1859. С. 137.

3. ТОРГОВЛЯ

В экономике кумыков немалую роль играла торговля. Кумыкская равнина издавна служила житницей-поставщиком зерна, овощей и винограда для многих районов Дагестана. Даргинцы, аварцы и лакцы привозили кумыкам изделия своего ремесла – сукно, бурки, холодное оружие, гончарную и деревянную утварь и т.д., а также продукты животноводства – и обменивали их на хлеб. В результате установившегося разделения труда между кумыками и народами нагорного Дагестана, как мы уже отмечали выше, у первых постепенно расширялись посевы зерновых культур, развивалось садоводство и виноградарство.

Главным предметом торговли был хлеб. Кумыкский хлеб реализовывался не только на внутреннем рынке (им снабжалась значительная часть горного Дагестана), но и за его пределами, в частности в пограничных русских городах. «Хлебопашество там (у кумыков – С.Г.) столь значущее, – писало в 1811 году Х.Х. Стевен, – что до учреждения карантинных Кизляр отсюда запасался большею частью своего хлеба»¹.

Торговля в пределах самой Кумыкской плоскости производилась главным образом на еженедельных базарах. Базарным днем почти повсеместно считалась пятница. Основными торговыми центрами были в начале XIX в. селения Эндирей, Тарки, Башлы, Нижний Дженгутай и Султан-Янгиюрт, куда собирались торговые люди не только из всего Дагестана, но и из Центральной России, Кабарды, Осетии, Персии и т.д. По всей вероятности, в более ранний период важная роль в торговле с другими регионами, в том числе и с Ираном, принадлежала с. Эндирей. В 1821 году командующий войсками на Кавказской линии ген.-м. Дебу писал об эндиреевцах: «Через жилища сих народов лежит купеческая дорога, сообщающая посредством торговли народы, от Каспийского до Черного моря живущие»².

А.И. Полежаев дал довольно точное описание кумыкского рынка того времени, особо подчеркнув его международный характер:

¹ АКАК. Т.V. С. 37.

² Дебу И.Л. Разные исторические замечания о кавказских народах. О Кавказской линии. – Отечественные записки за 1821. Ч.8. №18. С. 86.

В то время русские охотно
Желали видеть их базар.
Мирной чеченец, кабардинец,
Кумык, лезгин, койсубулинец,
И персиянин, и еврей,
Забыв вражду своих обрядов,
Пестрели здесь, как у друзей,
Красою праздничных народов¹.

Самое выгодное положение в торговом отношении действительно занимало с. Эндирей, служившее «всему кавказскому народу воротами, ведущими на плоскость». Неизвестный автор начала XIX в. писал, что в с. Эндирей в «каждую пятницу бывает базар, и на самом малочисленном находится всегда до 1500 человек из других мест... Там живут армяне, жиды и имеют торг со всеми горцами»². В Эндирее в те времена были целые кварталы, населенные евреями и армянами, имевшими свои синагоги и церкви³. «Народ живо помнит, – писал Н. Семенов в конце XIX в., – еще то цветущее для Эндирея время, когда он вел обширную торговлю с Персией, Дагестаном, Черкесией и Крымом»⁴. Помимо всего прочего, это был центр торговли рабами и пленными. «Эндиреевская деревня, – писал о том времени С.М. Броневский, – по местоположению своему будучи, так сказать, воротами между горами и долинами, сделалась сборным местом и главной в сей стране ярмаркой для торга пленниками, высылаемыми из Дагестана и Лезгистана»⁵. Как отмечает С. Броневский, проданные на эндиреевском рынке дагестанские, чеченские, другие рабы и пленники затем попадали в Анапу, в Сухум-Кале, Потти, Батум, а оттуда через турецких купцов – в Константинополь, Египет и левантские порты. В Египте самых лучших молодых кавказских пленников, проданных в рабство, зачисляли в ряды войска «деев», или мамлюков, а в Константинополе и в левантских городах красивых пленниц продавали «для сералей знатных людей за дорогую цену»⁶. После присоединения Дагестана

к России работорговля была строго запрещена. При Ермолове работорговля в Эндирее прекратилась.

Строительство Сунженской линии (1817-1821 гг.), которая проходила через Кумыкскую плоскость до Каспийского моря и Тарковского шамхальства, а также строительство крепостей Внезапная¹, Бурная² и других сыграло большую роль в борьбе с работорговлей и, в частности, с вывозом рабов турецкими и другими работорговцами.

Торговля кумыков вне Дагестана ориентировалась преимущественно на внутренние районы России, а также на Кабарду, Осетию, Закавказье и Персию. В этой торговле первое место, как уже отмечалось, занимали продукты земледелия: зерно, фрукты, виноград. Кумыки продавали также скот, рыбу, ремесленные изделия, воск, мед, шелк-сырец, строевой лес и пр.³ Весьма важным предметом вывоза являлась марена, производившаяся здесь в большом количестве и отличавшаяся высоким качеством. По данным 1850 г., цена на марену на месте была примерно от 5 руб. 25 коп. до 6 руб. серебром за пуд⁴. В 1861 г. только через Шандраковскую пристань близ г. Кизляра было «завезено в Астрахань красильного корня марены ... тридцать тысяч семьдесят два пуда»⁵. Марена шла через Кизляр и Ставрополь в Астрахань, Нижний Новгород, Москву и т.д. «Главное место сбыта сего произведения, – писал в 1838 г. о дагестанской марене П. Заблоцкий, – Астрахань, откуда оно доставляется в Казань, Нижний Новгород и Москву»⁶.

Предметами ввоза служили железо, медь, различные металлические изделия, хлопчатобумажные и шелковые ткани, посуда (фарфоровая и фаянсовая), писчая бумага, сахар и другие бакалейные товары, большие зеркала, сундуки, нитки простые и для золотого шитья и т.д.

¹ Крепость Внезапная была построена в 1819 году близ Эндирея.

² Крепость Бурная (Орусланы кьаласы) была основана в 1818-1821 гг. на горе Тарки-тау, выше с. Тарки. Позже она была оставлена из-за ряда неудобств, и вместо нее под Тарками на берегу Каспийского моря в 1839 г. основано Низовое укрепление (См. об этом в I главе).

³ Тихонов Д.И. Указ.соч. С. 134; Броневский С. Указ.соч. Ч.II. С. 200; Военно-статистическое обозрение Российской Империи. Т.XVI. Ч.I. С. 151.

⁴ Отчет губернатора города Дербента, управляющего Дербентской губернией за 1850 г. – ЦГИАЛ. Ф.1268. Оп.5. Д.372. Л.17.

⁵ ЦГА РД. Ф.20. Оп.1. Д.24. Л.25.

⁶ Заблоцкий П. Путевые записки... – Журнал министерства внутренних дел. СПб.. 1838. №7. С. 12.

¹ Полежаев А.И. Полное собрание стихотворений. Поэма «Чир-юрт», 1939. С. 191-192.

² Краткая записка о горских народах. – Северный архив. Т.XXII. №13. 1826. С. 29.

³ Семенов Н. Туземцы Северо-Восточного Кавказа. СПб., 1895. С. 244.

⁴ Там же; см. также: Белобородов А. Прошлое кумыков. – Терские ведомости, №145. 1896.

⁵ Броневский С. Указ.соч. Т.II. С. 197.

⁶ Там же. Т.I. С. 310-311.

Внутренняя торговля кумыков в значительной степени носила характер товарообмена, в то время как в торговле с различными областями России, а также с Персией и другими странами Востока первостепенную роль играли деньги.

Главными пунктами, через которые велась торговля с внутренними областями России, в этот период были Кизляр, Астрахань, Дербент, позднее также Ставрополь, а с Персией – Дербент и Баку. В торговле с Центральной Россией особенно важное значение в это время приобрел для кумыков Кизляр. Это был наиболее близко расположенный русский торговый город, жители которого могли «производить выгодный обмен с кумыками и ногайцами». «Кизляр, – писал в 1838 г. в своих «Путевых записках» тот же П. Заблоцкий, – превосходит прочие города Кавказской области обширностью своей торговли, которую он ведет с губерниями: Астраханской, Нижегородской, Екатеринодарской, Харьковской, Курской, с обеими столицами, с горскими и закавказскими народами»¹. Близость такого города, имевшего обширную торговлю, была для кумыков, особенно северных, очень выгодна. Что касается роли Астрахани в торговле с Дагестаном, то она возросла лишь после установления регулярного паромного сообщения между Астраханью, Петровском и Дербентом, поскольку вывоз товаров этим путем обходился значительно дешевле, чем сухопутным.

Русская администрация на Кавказе, понимая выгоду торговых отношений народов Северного Кавказа и Закавказья с Россией для осуществления ее колонизаторской политики, всячески поощряла их: организовывала специальные меновые дворы, разрешала беспрепятственный проезд местным купцам в торговые центры России, принимала меры к тому, чтобы не перекупщики вывозили дагестанские изделия, а сами дагестанцы² и т.д. Объективно такая политика способствовала развитию дружественных связей между народами. «Цель учреждения на Кавказской линии меновых дворов, – читаем в «Записке о меновых дворах на Кавказской линии», – заключалась, как известно, в желании привязать горцев к сношению с русскими»³.

Главнокомандующий на Кавказе Торماسов в своей прокламации к дагестанским народам указывал, что им позволено «по тор-

говле пользоваться всеми правами, какими пользуются природные подданные России», что они имеют право на «выезд во все земли, принадлежащие к России», продавать «все ... избытки в произведениях и рукоделии» и покупать все необходимое¹.

Торговля с промышленными центрами России была значительно выгоднее, чем с Персией, поэтому она быстро вытеснила персидскую торговлю на рынках Дагестана. «Русские ситцы, нанки и другие бумажные товары, – указывалось в «Обзрении Российских владений за Кавказом», – сбываются в Дагестане в большом количестве и по выгодным ценам; они решительно берут преимущество перед тканями персидскими, так что купцы находят мало пользы в торговле с последними... Употребление наших бумажных тканей невысокой цены распространяется с каждым годом более и более, а персидские доставляются немногими из бакинских и шемахинских купцов»². Итак, русские товары находили в Дагестане наибольший спрос. В связи с этим постепенно ликвидировался разницей в денежной системе, падал курс персидского тумана и поднимался курс русского рубля.

В начале XIX в., как и раньше, во внутренней торговле Дагестана главную роль играла местная система мер и весов, которая, впрочем, была различной в разных населенных пунктах. Для измерения емкости сыпучих тел у кумыков, как и во всем Дагестане, применялось прежде всего «сабу», однако далеко не везде оно было одинаковой величины. Так, например, сабу в с. Буйнак вмещало 27 кг, Башлы – 21-23 кг, Кизилюрта, Эндирея и других селений засулакских кумыков – 64 кг, Нижнего Казанища – 32 кг и т.д. Самым крупным считалось сабу засулакских кумыков. В ряде мест (у южных кумыков) применялось сабу двух размеров: «харман сабу» для определения количества урожая зерна, равнявшееся 30 кг, и несколько меньшее сабу – «сатув сабу», применявшееся, как показывает само название («сатув сабу» – сабу для продажи), при продаже зерна.

Более мелкой единицей служил «сагь». В одних местах сагь равнялся 2,5 кг, в других – 3,5-5 кг и т.д. Сабу засулакских кумыков составляло 10 сагь зерна. В некоторых местах была еще меньшая мера для сыпучих тел – «ярим аякъ», которая равнялась 0,5 сагьа.

¹ Заблоцкий П. Указ.соч. С. 55.

² АКАК. Т.IV. С. 834-835.

³ АКАК. Т.X. С. 571-572.

¹ АКАК. Т.IV. С. 604.

² Обзрение Российских владений за Кавказом... Ч.IV. С. 184-185.

Количество или вес зерна определяли также мешками – «дорба» (вмещал от одного до двух пудов), «кѡап» (от двух до 12 пудов), «чувал» у кумыкских теркеменцев (12 пудов), «харал» (15-25 пудов), «кѡапан» у южных кумыков (4,4 пуда) и т.д.

Количеством засеваемых семян определяли и размеры земельного участка: «1 сабуну ери» – земля, на которую расходуется 1 сабу семян, «5 сабуну ери» и т.д. У южных кумыков, например, 1 сабу земли равнялся примерно 1/12 десятины, 1 десятина равнялась 4 капанам земли, на 1 капан земли расходовалось 70 кг зерна, или 3 сабу.

Для таких продуктов, как мясо, сыр, мед, масло, а также для шерсти, шелка и т.д. самой распространенной мерой веса был «батман». Как отмечал А.В. Комаров, батман также имел в Дагестане различную величину. Величина батмана была разнообразна и внутри Кумыкии. В некоторых селениях, в основном южнокумыкских (Башлы, Янгикент, Туменлер и др.), батман равнялся 10 фунтам, в Тарковском шамхальстве – 2-5 фунтам¹, в Эндирейском, Аксайском и Костекском владениях и в Нижнем Казанище – 6 фунтам и т.д. Более мелкой мерой для жидких тел (масло, мед, сметана и т.д.) служил «тенге», «тенгелик», который равнялся двум фунтам.

Мерой длины повсеместно служили ханский аршин, который равнялся примерно 20-22 вершкам, и «кари», равнявшийся 10-11 вершкам, т.е. ½ ханского аршина². Более мелкими мерами длины являлись «сюем» (пядь), равный расстоянию между растянутыми большим и указательным пальцами, «кѡарыш» – равный расстоянию между растянутыми большим пальцем и мизинцем. Расстояния между аулами измеряли «манзилами» (от арабского слова «манзил» – место стоянки).

Наличие такого большого числа различных единиц измерения являлось препятствием на пути развития торговли в Дагестане, в частности в Кумыкии. После присоединения Дагестана к России широкое распространение получила система русских мер и весов, что имело положительное значение для развития торговли кумыков. Существовавший ранее разнобой был постепенно ликвидирован, хотя на внутреннем рынке и сохранились отдельные эталоны местной метрологии. Ермолов в 1824 г. даже дал специальное указание

военной администрации в Дагестане о необходимости «сделать точнейшую меру, употребляемую жителями при отдаче в казну хлеба...»¹, «жителей приучать к весу российскому и иметь верные весы»².

В первой половине XIX в. развитию торговли препятствовали и другие важные обстоятельства. Главные из них заключались в феодальной раздробленности Дагестана вообще и Кумыкской равнины, в частности. Каждый феодальный владелец, как отмечалось ранее, требовал разного рода пошлины за провоз товаров через его владения. Тарковский шамхал, князя Кумыкской плоскости, владения которых лежали на большой дороге из Астрахани и Кизляра в Дербент, Баку и дальше, собирали значительную дань с купцов³.

Данные о пошлинах, приводимые в 1796 г. Д.И. Тихоновым в «Описании Северного Дагестана», вполне применимы для характеристики этого сбора и в начале XIX в.

По сведениям Тихонова, шамхал и уцмий получали «с провозимых посторонними купцами через их владения товаров серебряной российской монетой с каждой повозки, как бы она нагружена ни была товарами, по 2 руб. 50 коп., с фруктов с одной повозки по 1 руб. 30 коп., с красок с каждого пуда по 2 руб. 50 коп., с канцелярского семя 5 руб. с пуда, с лошади по 50 коп., с овец и с рогатого скота с 20-ти голов – по одной овце и скоту, с рыбы с 10-ти по одной же. С людей: на лошади верхом едущего и пеших с россиян, армян и жидов с каждого по 1 рублю»⁴.

После присоединения Дагестана к России русское правительство отменило право местных владельцев (тарковского шамхала, мехтулинского хана и др.) на взимание пошлины, заменив их ежегодным денежным вознаграждением⁵. Это мероприятие так же, как и вся торговая политика России на Кавказе в этот период, имело большое значение для экономического развития кумыков, способствовало росту товарно-денежных отношений и усилению торговых связей кумыков и всего Дагестана с внутренними районами России и соседними народами.

Тормозом развития торговли, да и вообще экономики Дагеста-

¹ Комаров А.В. Алаты и судопроизводство по ним. – ССКГ. Вып. I. Тифлис, 1868. С. 73.

² Там же. С. 75.

¹ См. подробно: Гаджиева С.Ш. Традиционный земледельческий календарь.

² АКАК. Т. VI. Ч. II. Тифлис. 1875. С. 68.

³ Неверовский А.А. Указ. соч. С. 64.

⁴ Тихонов Д.И. Указ. соч. С. 135.

⁵ Неверовский А.А. Указ. соч. С. 63-64.

на, стала Кавказская война. Только прекращение военных действий создало условия для нормальной торговли.

В дореформенный период, т.е. в первой половине XIX в., русской администрацией на территории Кумыкской равнины было основано три города.

В 1832 г. у с. Темир-Хан-Шуры был основан город Темир-Хан-Шура¹. Он возник как укрепление с форштадтом. Основание Темир-Хан-Шуры имело важное экономическое и стратегическое значение. С его развитием начался приток сюда торговых людей из Астрахани, Кизляра, Тифлиса. Купцы Голиков, Азаров, Долгополов, братья Юдины были здесь одними из основателей торговли². В апреле 1851 г. был открыт почтовый тракт между Дербентом и Темир-Хан-Шурой.

Как известно, в 1846 г. в период военных действий в Дагестане возникает укрепление Хасавюрт³. Имеются сведения, что еще до образования укрепления это место являлось у кумыков одним из сторожевых пунктов. 15 августа 1860 г. в Хасавюрте уже была первая ярмарка, и она продолжалась неделю. Было привезено товаров на сумму 95000 руб., скота на 4000 руб., разных продовольственных припасов на 1000 руб., марены на 2800 руб. сер. Было продано марены на 1800 руб. сер. Преимущественно продавались, кроме марены, холсты, ситцы, азиатское сукно, войлоки, бурки, овчины, рогатый скот. В торговлю вовлечены были со своими товарами и местные жители, особенно жители Аксая, Эндирея, Костека, а также купцы Грозного, Темир-Хан-Шуры, Петровска и Кизляра⁴. Так росло из года в год укрепление Хасавюрт.

Постепенно росло и возникшее в 1845 г. Петровское укрепление, где с 12 по 16 августа 1722 г. находился лагерь Петра I⁵. Петровская крепость была создана в 4-5 верстах к северу от Низового укрепления⁶, основанного в 1839 г. после сношения крепости Бур-

ной. В 1857 г. специальным указом Сената Петровская крепость была переименована в портовый город Петровск¹. Согласно положению о г. Петровске здесь могли селиться прежде всего люди из «торгового и промышленного класса». Лицам, поселенным в этом городе, отводилась земля для строительства домов и торгово-промышленных заведений. Купцам, мещанам и цеховым, желавшим переселиться сюда из внутренних губерний Российской Империи и Закавказского края, давались определенные льготы. В частности, они освобождались на 10 лет от платежа гильдейских пошлин и государственных повинностей, от поставки рекрутов и т.д.

В удобный для судоходства на Каспии период (с апреля по ноябрь) многие товары из Астрахани привозили морем до Порт-Петровска, а оттуда доставлялись в Темир-Хан-Шуру и дальше.

Большими для своего времени торговыми центрами, как было отмечено выше, являлись также Эндирей, Тарки и Башлы, которые обычно в источниках называли «городами».

Однако хозяйственное развитие Кумыкии в целом шло в этот период медленно. Роль городов как экономических и культурных центров была незначительной. Здесь не было ни одной фабрики, ни одного завода или другого сколько-нибудь значительного промышленного предприятия. Развитию товарообмена между равниной и нагорным Дагестаном, а также соседними областями сильно мешало отсутствие благоустроенных дорог, мостов и т.д. Однако основным тормозом на пути развития капиталистических отношений, как указывалось выше, были господствовавшие здесь феодальные отношения. Вместе с тем втягивание Кумыкской равнины, как и всего Дагестана, в сферу хозяйственных отношений России, как мы увидим ниже, способствовало ускорению экономического развития Кумыкии в пореформенный период.

4. ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКИЙ КАЛЕНДАРЬ²

Постоянные наблюдения за явлениями окружающей среды, стремление осмыслить характер перехода природы от одного состояния к другому, смены сезонов годового цикла позволяли ку-

¹ Об основании его см. подробно в разделе «Материальная культура».

² Козубский Е.И. Указ.соч. С. 11.

³ ЦГА СО АССР. Ф.11. Оп.5. Д.4249. Л.2.

⁴ Хасавюрт и первая в нем ярмарка. – Журнал министерства внутренних дел. Ч.47. СПб., 1861.

⁵ Исторический очерк распространения русского владычества над Кавказом. – Кавказский календарь на 1851 г. Тифлис, 1850. С. 50-51; Костемеровский И.С. Петровское. – Кавказ, 1856, №72; Город Петровск Дагестанской области. – Ставропольское губернское ведомство, 1861.

⁶ Исторический очерк распространения русского владычества над Кавказом. – Кавказский календарь на 1851 г. Тифлис, 1850. С. 51 (примеч.).

¹ ЦГАЛ. Ф.1268. Оп.9. Д.84. Л.51-53.

² О календаре кумыков см. подробнее: Гаджиева С.Ш. Традиционный календарь и календарные обряды кумыков. Махачкала, 1989.

мыкам познать многие закономерности, использовать их в практике своей хозяйственной деятельности.

Сведения о явлениях природы (наблюдения за поведением насекомых, птиц, за ростом растений, плодовых деревьев, их цветением, созреванием тех или иных зерновых культур, за движением облаков, направлением ветров, сменой температур и т.д.) давали крестьянам возможность предвидеть сезонные изменения годовичного цикла, определять их взаимосвязь, узнавать о характере зимы, лета, величине снежного покрова, перемене погоды. Все это имело большое значение для рациональной организации хозяйственного быта народа.

В своей практической жизни кумыкскому крестьянину приходилось ориентироваться по небесным светилам, Млечному Пути (Кааба её, т.е. на юг, путь в Каабу), по ряду звезд и созвездий. Учет повторяющихся из года в год явлений природы помогал ему порою преодолевать стихийные бедствия, вовремя начать те или иные сельскохозяйственные работы. Как бы они ни были элементарны, а нередко и иррациональны, сведения народа об окружающей природе имели для хозяйственной деятельности большое значение. Исходя из накопленного опыта о природных явлениях крестьяне устанавливали наиболее рациональные сроки пахоты, сева, полива, уборки, отрабатывали наиболее эффективные приемы труда. Целый ряд фактов позволяет предположить, что у кумыков, как и у других народов Дагестана¹, была довольно четко разработанная, разумеется, для своего времени, фенологическая система, сельскохозяйственный календарь.

Календарь народа, возникнув в отдаленном прошлом, не оставался неизменным. Он пополнялся новыми наблюдениями о мире природы. Крестьяне далеко не всегда придерживались традиционных сроков пахоты, сева, полива, уборки урожая. Они строго учитывали и погодные условия и в зависимости от них могли коррек-

тировать сроки сельхозработ. Кроме того, учитывались климатические условия зон – природные особенности равнинных и предгорных районов, требовавшие различных технологических приемов.

Известно, что кумыки, как и многие народы Востока, в частности, исповедующие ислам, пользовались и лунным, и особенно солнечным календарем, который играл более важную роль в хозяйственной жизни народа. Солнечный календарь применялся для прогнозов, относящихся к большим периодам времени года. К лунной же системе чаще всего прибегали для определения природных явлений на небольших промежутках времени.

Таким образом, можно считать, что кумыки, как и все народы Дагестана, а также народы многих других регионов¹ практически пользовались лунно-солнечной системой времяисчисления. Лунно-солнечное времяисчисление требовало довольно сложных расчетов. Так, согласно мусульманскому лунному календарю, год состоял из 354 или 355 дней, т.е. на 11 дней короче тропического солнечного года. Новый год в этом календаре каждый год на 11 дней отстает назад, постоянно переходя с лета на весну, потом на зиму и осень и в течение 33 солнечных лет обходит все времена года². При этих обстоятельствах дата того или иного важного события устанавливалась путем сложных расчетов, которые принимали во внимание не только фазы Луны, но и сезоны года, факты из жизни общества.

По лунному календарю, как известно, год делился на 12 месяцев, содержащих попеременно то 30, то 29 суток. Каждый месяц имел следующие арабские названия: 1) мухаррам (первый месяц) – 30 дней, 2) сафар – 29, 3) рабиал-аввал – 30, 4) раби ал-ахир – 29, 5) джумадаал-ула – 30, 6) джумада ал-ахира – 29, 7) раджаб – 30, 8) шабан – 29, 9) рамазан – 30, 10) шаввал – 29, 11) зул-кайда – 30, 12) зул-хиджжа – 29.

Арабские названия месяцев у кумыков свидетельствуют о том, что данный календарь здесь получил распространение одновременно с исламом, очевидно, постепенно вытеснив более древние местные названия.

Наступление каждого нового месяца кумыки, как и многие другие народы³, связывали с первым появлением на небе узкого

¹ Трофимова А.Г. Обряды и празднества лезгин, связанные с народным календарем. – СЭ, 1961. №1; Гаджиева С.Ш., Трофимова А.Г., Шихсаидов А.Р. Старинный земледельческий календарь народов Дагестана. М., 1965; Османов М.О. Сельскохозяйственный календарь и аграрные культуры. – Материальная культура даргинцев. Махачкала, 1967; Ахмедов Ш.М., Шихсаидов А.Р. Земледельческий календарь агулов. – Вопросы истории Дагестана. Махачкала, 1975; Алиев Б.Г. Сельскохозяйственный календарь даргинцев. – Там же; Булатова А.Г. Сельскохозяйственный календарь и календарные праздники лакцев. – Там же; Гасанов М.Р. Сельскохозяйственный календарь табасаранцев. – Там же.

¹ Шульц Г. История первобытной культуры. Вып.2. М., 1929. С. 710.

² Россовская В.А. Календарная даль веков. М., 1936. С. 91.

³ Никольский В.К. К происхождению нашего летосчисления. М., 1938.

серпа луны – «ай оракъ болду». Новолуние обычно называлось «ай ангыртъан» (букв. – луна обновилась или пришел новый месяц). Правда, в пасмурные ночи новую луну сразу заметить было трудно, но в ясную погоду по ее виду почти безошибочно определяли, сколько прошло дней нового месяца. По изменениям фаз луны умели определять и остальные дни месяца, особенно в фазе, близкой к полнолуннию – «ай толгъанда». Появление новой луны в народе обычно приветствовали словами: «Ай гёрдюм, Аллагъ, не арив айдыр, алгъамдулилагъ» (увидел луну, боже, какая она красивая. Хвала Аллаху); были в ходу и другие пословицы: «Он бешин де ай толар, онун да ярты болар» (к 15 дням месяца будет полнолуние, а к 10 дням – «половинолуние»).

Лунный календарь, основанный на движении Луны, в отличие от солнечного, был довольно неудобным для хозяйственной деятельности. Практическое значение солнечного календаря было несравненно больше, чем лунного. В нем, в частности, учитывались годовые циклы сельхозработ, были четко распределены по сезонам почти все виды крестьянского труда с учетом природных условий.

Применительно к русскому календарю М.И. Шахнович дал образное определение, что «это была своеобразная народная энциклопедия сельскохозяйственного производства»¹. Сказанное в равной мере можно отнести и к производственному календарю народов Дагестана, в частности кумыков. Так как составление лунно-солнечного календаря требовало определенных точных знаний, сложного согласования движения солнца со сменой лунных фаз, это дело здесь, как и повсюду², находилось преимущественно в ведении лиц, владеющих арабским языком, т.е., в основном, духовенства. Последние учитывали и сведения, содержащиеся в общих календарях, изданных на арабском и турецком языках. Наибольшей популярностью – и не только в Кумыкии, но и за ее пределами – пользовался календарь, изданный на кумыкском языке в 1904 году известным просветителем и ученым Абусуфьяном Акаевым и выдержавший несколько переизданий³. Он содержал много информации и был составлен с учетом местных природных условий.

С. 16; Россовская В.А. Указ.соч. С. 90; Джикиев В. Традиционные туркменские праздники, развлечения и игры. Ашхабад, 1983. С. 8.

¹ Шахнович М.И. Приметы в свете науки. Л., 1969. С. 15.

² Никольский В.К. Указ.соч. С. 16.

³ Акаев Абусуфьян. Юз йыллык тынч рузнама ва маълумат гъасана

Были известны и знатоки – «къарты», «нужумчу» или «сынавчу», которые прославились своим умением наблюдать за погодой на протяжении небольшого отрезка времени (на 2-3 дня) и прогнозировать ее по приметам сезона (по расположению солнца, звезд и созвездий и т.д.). Так, например, в с. Нижнее Казанище Темир-Хан-Шурина округа в конце XIX – начале XX вв. по скоплению облаков на горе «Тепси тав», а также в местности «Ямучу башлар», находящихся в 30-50 км от селения, отдельные старики почти безошибочно определяли погоду (дождь, ветер) на ближайшее время. Своими знаниями в этой области особенно выделялся старейший житель села Дадаев Хизри. По движению облаков он мог определить, какие из них обязательно принесут дождь, какие пройдут мимо. Среди эндирейцев существовала примета, что если на грудь «Гебек къала» ложатся облака, обязательно будет дождь. Здесь же старались угадать погоду и по звездам. В селении Алхаджакент ориентиром для определения летнего солнцестояния – «гюн токътай» было огромное ореховое дерево с двумя большими ответвлениями. Когда в течение 3-4 дней солнце как бы устанавливалось между этими ответвлениями в ясные утренние часы, говорили: «День и ночь стали во времени равными» (гече гюнде тенг болгъан). В этом же селении есть узкая улочка, известная под названием «Аралыкъ къувунлар» (улочка тревожных вестей). Если в последние дни зимы солнечные лучи падали именно на этот участок улочки, то ожидали «перемены погоды в хорошую сторону».

Так же, как и у ряда других народов Востока, в том числе Средней Азии и Казахстана¹, наряду с лунно-солнечной системой летосчисления кумыкам был известен (и сегодня сохранился в памяти представителей старшего поколения) 12-месячный животный или, как его еще называют, «звериный» цикл летосчисления². По этому циклу каждый год имел свое название, и они следовали в

(облегченный календарь на сто лет). Порт-Петровск, типография А. Михайлова, 1904 (кум.яз.); Он же. Издание 2-е: Темир-Хан-Шура, типография М.М. Мавраева, 1910 (кум.яз.); Он же. Он эки йыллык тынч рузнама (Облегченный календарь на 12 лет). Темир-Хан-Шура, типография М.М. Мавраева, 1913 (кум.яз.); Он же. Издание 2-е, 1915.

¹ См., например: Джикиев А. Традиционные туркменские праздники, развлечения и игры. Ашхабад, 1983. С. 11-13.

² Акаев Абусуфьян. Юз йыллык тынч рузнама... С. 25-27; Оразаев Г.М.-Р. Редкие сведения о бытовании животного цикла летосчисления в Северном Дагестане. – Тезисы докладов научной сессии, посвященной итогам экспедиции. ИИЯЛ в 1986-1987 гг. Махачкала, 1988. С. 36-37.

следующем порядке: 1) Чычкѳан йыл (год мыши); 2) Сыйыр йыл (год коровы); 3) Кѳаплан йыл (год барса); 4) Тавшан йыл (год зайца); 5) Балыкѳ йыл (год дракона, рыбы); 6) Йылан йыл (год змеи); 7) Ат йыл йылкѳы (год лошади); 8) Кѳой йыл (год овцы); 9) Маймун йыл (год обезьяны); 10) Кѳуш йыл (год птицы); 11) Ит йыл (год собаки); 12) Донгѳуз йыл (год свиньи).

Относительно того, почему года в календаре были названы именами животных и почему начальным годом оказался год мыши, у казахов сохранилась интересная легенда: «Однажды всем животным стало известно, что скоро должен появиться «год». Они собрались его встретить, и каждый, желая первым увидеть «год», старался занять лучшее место. Только один верблюд оставался невозмутимым: он надеялся на свой высокий рост и был уверен, что первым увидит именно он. Но в тот момент, когда должен был показаться «год», мышь незаметно забралась на голову верблюда и, будучи выше всех, первой увидела его. Она сразу же закричала, и только тогда верблюд заметил, что его одурачили. Разозлившись, он погнался за мышью, чтобы растоптать ее. В это время представление уже началось, все животные один за другим обзрели «год», а самонадеянный верблюд так и не успел увидеть его и потому не попал в число животных, имена которых носят года»¹. Каждому из этих годов приписывались особые свойства. С ними связывались благосостояние, урожай, рост поголовья или, напротив, трудности и неприятности. Например, годы коровы и зайца, согласно этому календарю, должны быть урожайными, в год лошади – хорошо сохранится поголовье скота и т.д. По животному циклу летосчисления определяли, когда кто родился или умер, когда происходили те или иные стихийные бедствия.

Солнечный год, согласно народному календарю, делился на два больших периода – теплое время – «яз» и холодное время – «кѳыш». Кумыки период тепла называли также Аязхан (ясный, хан ясного неба), период холода Кѳазав (т.е. сильный, твердый): Кѳазав биз дей кѳагѳылгѳан – как железное шило, сильно воткнутое в землю. Существует легенда следующего содержания, правда сохранившаяся в фрагментах.

В конце лета Аязхан пошел в гости к Кѳазав. Кѳазав поставил котел на огонь и сказал: «Кипи, котел, шесть месяцев, посиди гость

шесть месяцев» (кѳайна кѳазан алты ай, олтур кѳонакѳ етти ай). Еда сварилась, но пока они ели, под воздействием Кѳазавы у Аязхана опали все цветы. Между ними произошло единоборство, очевидно, завершившееся победой Кѳазавы, т.е. холода. Аналогичные представления о борьбе холода и тепла широко распространены у различных народов. Однако, как нам представляется, истоки кумыкской легенды восходят к древнетюркской традиции. Об этом свидетельствует приводимый знаменитым Махмудом Кашгарским (XI в.) в «Диване лугат ат турк» поэтический текст «Спор зимы с летом»:

Зима с летом сражались,
Смотрели друг на друга враждебными глазами,
Они сблизились, чтобы схватиться,
Они собираются друг друга победить.
Лето с зимой сошлись для битвы,
Натянули лук доблести.
Заняв места друг против друга, они сражались.
Они стоят друг против друга, собираясь пускать стрелы.

Далее начинаются взаимные самовосхваления, где одна сторона старается опорочить другую. Зима пренебрежительно отзывается о лете:

С тобой появляются скорпионы,
Мухи, комары, змеи.
Тысячи их, свои жала (букв. иглы)
И хвосты подняв, бегают.

Лето не остается в долгу:

Пришел холод и все кругом охватил,
Он завидовал благодатному лету.
Снег, падая, стремился покрыть весь мир.
Тело, замерзнув, зудит.
Скапливается грязь и глина.
Бедные и убогие от холода съеживаются,
Их пальцы трескаются
И лишь от огня шевелятся¹.

¹ См. полный текст: Стеблева И.В. Развитие тюркских поэтических форм в XI веке. М., 1971. С. 265-278; Она же. Поэтика древнетюркской литературы и ее трансформация в раннеклассический период. Приложение (текст на тюркском языке). М., 1976. С. 211-213.

¹ См.: Абишев Х.С. Элементы астрономии и погода в устном народном творчестве казахов. Алма-Ата. 1949. С. 7.

Каждый большой период членился на сезоны: язбаш (букв. начало лета – весна), яй (лето), гюз (осень) и кыш (зима). Каждый из этих сезонов включал в свой состав 90 дней – «токъсан гюн»: токъсан язбаш, токъсан яй, яй гелсе бишер жавлыкъ (90 дней весна, 90 дней лето). Когда наступит лето, поспеет слива – джавлык, – поется в одной кумыкской народной песне.

Крупные периоды, кроме того, разделялись на более дробные, отличающиеся друг от друга чем-то особенным, свойственным только им. Они назывались по характеру хозяйственных работ: время покоса, время серпа и т.д.

Весна

По производственно-бытовому календарю народа новый год приходился на начало весны. Весна – «язбаш» у кумыков начиналась 21-22 марта (весеннее равноденствие) и, как уже отмечалось выше, длилась 90 дней. Это был период пробуждения природы, с сильными ветрами (къайыр еллер), начало многих сельскохозяйственных работ. Неустойчивость весенней погоды заставляла земледельцев быть более осмотрительными.

Особенно изменчивой считалась погода в конце марта и в начале апреля. В этой связи в народе говорили «март чыкъмайлы, дерт чыкъмас» (пока не кончится март, горе не уйдет). Ногайцы, соседи кумыков, считали, что только после марта не будет мороза («амельден сонг амель ёкъ»).

Начало весны было принято отмечать торжественно. Как у многих других народов Востока, праздник весны у кумыков назывался «Навруз байрам». Однако здесь навруз байрам проходил не так пышно, как у народов, исповедующих ислам шиитского толка (по крайней мере в изучаемое время).

Для определения весны имелись свои ориентиры и приметы. Первыми предвестниками весны считали подснежники («мешевур»), крапиву («къычыгъан»), одуванчик (елпинчек), сурепку (саричечек), конский щавель (аткъулакъ), пастушью сумку (мишик аякъ), а из птиц – скворца (джаржар, сыйырткъыч) и после него – ласточку (къарлыгъач) и др.

«Настоящая весна (тепло), – говорили кумыки, – начинается с прилетом ласточки (къарлыгъач) и удода (гюкюк, уьудудут)».

Ласточку считали священной птицей. По преданию, однажды, в далеком прошлом, ласточка спасла кошку от змеи. Последняя

тайно подползла к спящей кошке, чтобы полакомиться ее мозгом. Оказавшись поблизости, ласточка шумом разбудила кошку, а змея, испугавшись, уползла прочь. Но кошка, якобы не разобравшись, кто ее враг, схватила ласточку и вырвала у нее перья. «Оттого, – гласит предание, – у ласточки крылья маленькие».

Весну принято было делить на два периода: 1) къара язбаш (букв. черная весна) и 2) язбаш (просто весна). Къара язбаш образно еще называли арыкъ язбаш (худая весна), подчеркивая тем самым ее начальный трудный период.

В одних местах (на равнине) этот период продолжался 25, а в других (главным образом, в предгорных) – 30-35, даже – 40 дней. Вторая половина (большая часть) весны охватывала 60-65 дней. Къара язбаш (черная весна) была для крестьянина трудным периодом. Это был период, когда запасы продуктов, а также корма для скота были исчерпаны, а новых надо было долго ждать (март, апрель). Его называли периодом, когда ворона не может найти себе даже водички (къаргъа сув да тапмайгъан заман). Термин «къара язбаш» может интерпретироваться как время, когда снег растаял, но земля еще была черной, не покрытой травой. Этот период образно еще называли «не болду айлар» или «илегъи айлар», т.е. временем, когда люди спрашивали друг друга, «куда все делось», имея в виду массовый падеж исхудалого скота, или «гётертеген айлар», т.е. временем, когда худой скот не мог без помощи людей даже подняться с места. Этот период являлся тяжелым и потому, что запасы продуктов приходили к концу и люди голодали. Башлынды говорили про своих соседей терекемцев, что те в это время с трудом выводили в поле рабочий скот, который нередко погибал, и в таких случаях они спрашивали друг друга: «када, гамушлар не олду?» (друг, куда подевались буйволы?). Более того, якобы от них перешло к башлындам выражение «не болду айлар».

Примерно в конце марта или в начале апреля обычно делили общественные земли между хозяйствами, очищали поля, вывозили удобрения (в предгорную землю)¹, в садах окапывали участки вокруг деревьев, поливали талой водой (къар сувлар), производили обрезку и прививку насаждений.

В начале апреля сеяли кукурузу и частично ячмень. Почти все бахчевые культуры (арбузы, дыни, огурцы, фасоль и пр.) также са-

¹ В равнинной зоне не было традиции удобрять поля навозом.

жали весной. В этот же период вспахивали участки («язлыкь ургъа»), оставленные под осенний сев.

В предгорной полосе (с. Алходжакент, Утамыш, Туменлер и др.) неполивные участки готовили к севу трех-пятикратным вспахиванием. На некоторых участках этого региона применяли легкий плуг – «пурус». В с. Туменлер, например, богарные участки пахали ранней весной – первый раз, в конце весны – второй раз, летом, перед началом молотбы, – третий раз, летом, но уже после молотбы, – четвертый раз, перед самым осенним севом – пятый раз. Земледельцы селения Алходжакент о пользе трехразовой вспашки сохранили следующее предание: «Один из любознательных крестьян села когда-то произвел такой опыт. Весной вспахал для осеннего сева три участка: первый он вспахал один раз и зарыл туда глиняный кувшин с водой, второй участок вспахал два раза и также зарыл туда кувшин с водой, и третий участок вспахал три раза, снова зарыл кувшин с водой. Через определенное время он выгнал кувшины и увидел: первый кувшин был уже пустым, второй – наполовину полным, а в третьем кувшине вода сохранилась полностью. Отсюда он сделал вывод, что неполивные участки надо вспахивать неоднократно».

Разумеется, что так было не везде. В равнинной зоне с особым почвенным покровом, с твердым грунтом применялся большой 3-4-парный плуг (сабан, кутан), который производил глубокую вспашку. Трудности вспашки почв с тяжелым грунтом и особенности легких почв в предгорной и горной зонах способствовали появлению многих своеобразных пословиц и поговорок. Так якобы цуруц сказал полю с твердым грунтом: «Яллаг-яллагь менден ари тур» (ради бога, будь от меня подальше), а сабан – тяжелый плуг, тому же полю сказал: «Берсенг де алырман, бермесенг де» (одолею, независимо от твоего согласия или несогласия, т.е. сумею вспахать).

В цикле сельскохозяйственных работ немаловажное значение имело определение сроков полива. Весной, после сева производили первый весенний полив, он назывался «палчыкь сув» (букв. глиняная вода) или «къарсув» (талая вода, вода от таяния снегов). Такой полив считали лучшим способом сохранения семян в почве от грызунов, птиц. Большое значение придавали весенним осадкам, особенно первому весеннему дождю, который проливался в определенный период, называемый у кумыков – лайсан. «Лайсан, лайсанда явса байсан, явмаса адаршайсан (если дождь будет в период лайсана, будешь богатым; если же не будет дождя, ты пропал)», –

утверждали земледельцы. Лайсан охватывал период примерно с 10 мая по 5 июня. Крестьяне говорили: «Если упадет в это время даже одна капля, все равно для растений будет большая польза. Дождь в период лайсан – это масло для почвы (топракьгъа май)». В этот период во время дождя в ряде обществ детей выводили на улицу мыть головы, дождевую воду использовали для супа больным. Когда гремел первый гром, предвестник весеннего дождя, у южных кумыков ударяли по деревянным закромам, топали у зерновых ям, приговаривая: «Мол тушум гелсин, загьурлар толсун» (да будет богатый урожай и закрома наполнятся зерном), а дети по совету старших похлопывали себя по животам: тем самым и те, и другие выражали пожелания иметь богатый урожай, быть сытыми.

Вообще орошению (и естественному, и искусственному) кумыки, живя в засушливых районах, придавали огромное значение. Опытные земледельцы понимали, что без орошения невозможно получить урожай. Эти представления хорошо отразились и в устном народном творчестве народа:

Сабанланы сьурген булан не пайда,
Ичинден инчге оьзенлер акьмаса?..
(Какая польза от того, что вспахали поля,
Если по ним не будет протекать вода в каналах?..)

Полеводы знали и несколько весенних дней («запретные дни»), в течение которых, по их мнению, не следует поливать посевы, т.к. почва в это время не принимает влаги, и ее поверхность от такой воды как бы больше утрамбовывается и растрескивается.

В марте–апреле происходило ягнение овец. Оно требовало от животноводов больших навыков ухода за овцематками и ягнятами.

«Баш ел балагь гелтирер. Къыбла ел къап толтурар» (Северный ветер принесет беду. Южный ветер наполнит закрома), – утверждали кумыки. Считалось, что если, например, «къара язбаш» будет тяжелый, затяжной, то он может продлиться не 30 дней, как обычно, а до 40 дней. Недаром кумыки в старину утверждали: «Яманлашса къара язбаш, къыркь кютюк, къыкь четен къувукь» (Если черная весна рассердится, понадобится дополнительно сорок пеньков дров и сорок корзин мякины), т.е. придется держать скот дольше на стойловом содержании и продлить отопительный сезон.

Лето – «яй» (с 22 июня). День летнего солнцестояния, как и зимнего, назывался «гюн къайтуву» (поворот солнца). Наступление лета определялось по солнцу и звездам. У кумыков, как и других

народов Дагестана¹, существовало поверье о том, что в ночь наступления лета вода в реках, ручьях, каналах останавливается на минуту. Эту ночь называли «хадир гече» (ночь счастья). Считалось, что в эту минуту можно просить у бога всего, что душе захочется и пожелание обязательно сбудется. Существует предание о том, как одна женщина из селения Башлы по имени Хабибат была на мельнице и заметила, что водяная мельница вдруг остановилась. Она сразу догадалась, в чем дело, и успела сказать: «Пусть моя жизнь протекает так, как я была счастлива в первую брачную ночь». Якобы ее желание осуществилось, и она умерла в старости, прожив счастливую и обеспеченную жизнь.

В числе целого ряда примет, определяющих наступление лета, была и такая, как первое кваканье лягушки. Женщина-кумычка говорила: «Давайте быстрее напоим сосуды маслом, пока лягушка не начала квакать» («Бакъа йырлагъынча хабаланы майдан толтурайыкъ»), т.е. заготовим масло, пока хорошие надон и травостой.

Лето считалось жарким периодом, когда поспевали зерновые и многие бахчевые культуры, фрукты, завершался сенокос. Его принято было делить на три периода. Период от начала до середины лета назывался просто «яй» (лето). Спустя примерно 40-45 дней начинался следующий период, известный под названием дней «Бойнуса яллавлары» (палящая жара звезды Бойнуса). Этот отрезок времени продолжался дней 10-11 (примерно с 15 июля). За этими днями (примерно, спустя 50 дней лета) по народным представлениям, наступали дни, известные под названием «Туршуну яллавлары» (палящие дни Туршу), также знойные дни лета. Они продолжались 10 и более дней, предшествующих восходу (рождению) звезды Туршу. В период Бойнуса яллавлары или Туршу яллавлары выделялись какие-то особенно жаркие дни, когда невозможно было находиться в поле из-за палящего солнца. В эти дни жнецы-даргинцы из горных районов, да и местные – боялись выходить на жатву в равнинных районах, которые в летний период отличались жарким климатом. Такие знойные дни на Кумыкской равнине имел в виду П.Ф. Свидерский, когда писал: «Общество целого аула выходит на поле с музыкой танцами для общей работы... На плоскости уборка

хлеба большей частью производится в лунные ночи, днем же в жару жнецы отдыхают»¹.

Потом шли «Туршу тувгъан гюнлер» – дни, когда по представлениям людей, уже «родился» Туршу и наступает время спада летней жары. Это время продолжается до самой осени и характеризуется постепенной переменной погоды, наступлением (особенно в ночные часы) прохлады, постепенным изменением температуры воздуха. Существовало поверье, что тот, кто увидит «рождение» (восход) звезды Туршу, вскоре умрет. Некоторые люди в эти ночи избегали ночевать вне помещения. Это поверье, очевидно, связано с появлением различных болезней простудного характера, вызванных переменной погоды и наступлением осени. Приметной чертой периода восхода этой звезды и, следовательно, начала осени, считалось потемнение ягод бузины (хулды) и ежевики (чадур, бюрюлген).

Кумыки говорили также, что только в ночь, когда рождается Туршу, ягоды винограда приобретают свой вкус (Туршу тувган гече кюзюмге татув тюше).

Кроме того, существовало убеждение, что «рождение» Туршу предчувствуют овцы, что в эту ночь они прячут свои головы под шею друг друга (иначе «глаза лопаются»), ложатся спиной к востоку, откуда появляется Туршу. Считалось, например, что в день ее восхода может погибнуть скот (овцы), если он оставался в незащищенном от жары месте. Поэтому в дни Туршу скот перегоняли в более тенистые места. Не случайно козлаки эти жаркие дни называли самыми тяжелыми днями (Туршуну чиллелери), палящими степь. Люди радовались, если этот период проходил благополучно. Туршудан ытдюк (миновали Туршу), – говорили они, полагая, что теперь можно жить спокойно.

Лето являлось по календарю очень ответственным периодом для крестьянина. В это время в одних местах (на равнине) пораньше, в других (в предгорье) – попозже поспевали зерновые культуры. Требовалось до дождей убрать, обмолотить и завезти домой весь урожай (пшеницу, ячмень, овес и т.д.), сделать необходимые запасы на весь хозяйственный год.

В этом отношении очень интересно и даже поучительно сказа-

¹ См., например, Ахмедов Ш.М., Шихсаидов А.Р. Земледельческий календарь агулов. – Вопросы истории Дагестана. Махачкала, 1975. С. 184-189.

¹ Свидерский П.Ф. Материалы по антропологии Кавказа. Кумыки. СПб., 1898. С. 43.

ние о муравье и цикаде¹. Как-то раз, зимой, голодная цикада пришла к муравью просить корм. «Дай мне немного корма в долг», – обратилась она. Муравей ответил: «Не дам, надо было самой трудиться летом, сделать себе запасы». Тогда цикада, объясняя свою занятость летом, ответила:

Гьар терекге бир кьопуп,
Йырлай туруп боламан,
Кьыш учун см жыймагъа,
Болдumu мени чолам?

Пересаживаясь с ветки на ветку,
Пою все время.
Разве у меня было время
Делать себе запасы на зиму?

Муравей возразил ей:

Язда йырлагъан болсанг,
Кьышда яхши бийирсен.
Язда жыйгъан ашигны,
Кьышда эркин ейирсен!

Если ты провела лето в песнопении,
Зимой будешь танцевать.
Все, что ты заготовила летом,
Зимой вдоволь будешь есть.

Так, согласно сказанию, труженик-муравей выпроводил ленивицу-цикаду. Расстроенная цикада, вернувшись к себе и устроившись на холодной ветке, стала громко плакать, еле выговаривая «деди-деди» («сказала-сказала»), т.е. имея в виду то, что муравей отказал в помощи, и умерла, оставив свою «шкуру» на ветке.

Летом раньше всего поспевал ячмень, а затем и пшеница. «Будай сутуллай, арпа кьаралай» (когда пшеница получает восковую спелость, ячмень уже поспевает), – говорили крестьяне и старались первым убрать ячмень. Зная, что хлеб из вовремя убранных колосовых сохраняет лучшие вкусовые качества, они старались в самые сжатые сроки снять с полей урожай зерновых.

О сроках проведения тех или иных сельскохозяйственных работ, в том числе жатвы, сельская администрация, посоветовавшись с опытными крестьянами, старалась вовремя оповестить население через глашатая (чауш, мангуш) или созвав общеджамаатское собрание. Уборку начинали обычно с участков, расположенных на солнечной стороне, на которых колосовые поспевали раньше, чем на теневой.

Нехватка питания из-за того, что зимние запасы были исчерпаны, нередко заставляла крестьян убирать и обмолачивать колосовые, особенно ячмень, на отдельных участках еще до их полного созревания. Этот период назывался «гьавга заман» (время прежде-

временной уборки). Кто прибегал к практике гьавга и первый молотил зерно для этой цели, тот, по обычаю, должен был поделиться урожаем с другими, остро нуждающимися в хлебе.

В момент массовой уборки – «оракъ заман» (время серпа) на поля выходило все население, кроме детей. Кто имел посеы на больших площадях, т.е. богатые хозяйства, обязательно прибегали к найму жнецов (ялчы, оракъчы). Во многих крупных селениях были специальные площади, обычно около главной мечети, где устанавливался «ялчы базар» (базар найма). Сюда собирались работники из горных районов, готовые наняться на работу. Они обычно успевали здесь завершить жатву до того, как их собственные посеы в горах созревают.

Рядовые крестьянские семьи прибегали чаще всего к обычаю взаимопомощи – собирали родственников и друзей на «оракъ булкъа» и общими усилиями убирали хлеб.

Молотьбу кумыки проводили, в основном, силами взрослых членов семьи, на специальных токах. Весь обмолоченный хлеб, а также солому безотлагательно перевозили домой. Это время называлось «ташывул заман» (время перевозки). Запасы зерна тут же засыпали в закрома – «кюр» – в глубокие ямы, облицованные сухим камышом, а солому (мякину) засыпали в специальные соломохранилища – «алачыкъ».

Вслед за уборкой урожая крестьяне старались еще до наступления осени вспахать какую-то часть поля под озимые и засеять его. Однако это удавалось далеко не всем, а лишь тем, у кого была в достатке рабочая и тяговая сила. В конце же лета (частично и зимой) заготавливали строительные материалы. Считали, что строительный материал, заготовленный летом и зимой, бывает без червей. На летний период, обычно на начало сезона, падали и заботы, связанные со строительством домов.

Лето являлось и периодом сбора многих фруктов, огородно-бахчевых культур, заготовки продуктов питания до следующего летнего сезона.

Осень – гюз (примерно 20-22 сентября до середины декабря). Основной приметой приближения осеннего сезона являлся восход звезды Туршу, хотя до осени были еще «палящие» или «зажигющие» дни Туршу.

Осенью в ночные часы, – говорили крестьяне, – в поле появляется роса – «чыкъ» и, как мы уже отмечали, чернеет бузина, листья некоторых растений начинают желтеть или приобретать фиолето-

¹ Ср.: Басня И.А. Крылова «Стрекоза и муравей».

вый оттенок. В конце осенних месяцев появляются и первые заморозки, иней – «кырав».

На осень выпадали наиболее трудоемкие процессы сельскохозяйственных работ – основная часть пахоты, сева, полива озимых, заготовка кормов, топлива, ремонт помещений для скота, уборка риса, обмолот кукурузы. В начале осени пригоняли с гор на осенне-зимние пастбища – «кыотан» отары овец, каждая из которых принадлежала группе хозяев, объединенных в «кыоши». Как правило, отары задерживались в аулах, где хозяева производили их стрижку.

В середине осени осуществляли посадку деревьев в садах (после листопада). Осенью же, до морозов, мололи на местных мельницах муку на весь зимний сезон, забивали скот – «согъум» (впрок) и т.д.

Среди множества забот, связанных с этим сезоном, первое место, разумеется, занимал осенний сев.

Выход на полевую работу в это время назывался «сабангъа чыгъыв», «кутангъа чыгъыв» (выход на плуг).

К осеннему севу кумыки старались приступить сразу же после уборки урожая (оракъдан сонг, букв. «после серпа»). Они стремились вспахать и засеять хотя бы какую-то часть поля пшеницей еще в конце августа или, в крайнем случае, в начале сентября. При этом земледельцы утверждали, что хороший урожай даст зерновое поле, которое «увидело» два лета (эки яй гёрген будай яхши болур) или же: если пшеница не побывала в поле два лета, это не пшеница (эки яй гёрмеген будайдан будай болмас). Все же основным являлся осенний сев и к нему готовились как можно тщательнее. Еще весной или летом приводили в готовность плуги и другие сельскохозяйственные орудия, а также транспортные средства. После сева осенью производили частичную вспашку и для сева весной – «гюз ургъа» (зяблевая вспашка).

Большое значение хлеборобы придавали осеннему поливу полей – «гюз сув». «Юз сугъарма, гюз сугъар» (не поливай стократно, поливай осенью), или «Гюз сугъарсанг бир сугъар, яз сугъарсанг юз сугъар» (если осенью будешь поливать, полей один раз, если летом будешь поливать, поливай сто раз), – утверждали они, подчеркивая особую роль осеннего полива. Обычно приходилось поливать посеы несколько раз (чаще 2 раза). Кукурузу иногда поливали и три раза, но основным был полив по завершении сева и во время появления на стебле початка – «кыартыкъ тута». Что касается полей риса, то они постоянно снабжались проточной водой. Пше-

ницу же второй раз поливали обычно весной в период цветения груши – «гертме терек чечек ачагъанда».

Поливную воду, особенно осенью, распределяли строго по очереди или по жребью. Такая вода называлась «чѐп сув» или «аргъ сув».

Прекращалась пахота, сев и боронование поздно осенью. Для того, чтобы точно определить сроки завершения сева, крестьяне вели наблюдение за расположением отдельных звезд, особенно созвездия «Уълкер» – или «Уълкерлер», «Уъркерлер» (Плеяды), известного еще у древних тюрков под названием Илкер. По представлениям кумыков, как и соседних тюркоязычных народов (ногайцев, азербайджанцев и др.), когда поздней осенью с небосклона исчезает созвездие «Уълкерлер», пахать землю нельзя – Уълкер батды-ер кыатды (скрылась звезда Уълкер, и земля затвердела), – утверждали земледельцы. Конечно же, крестьяне, необеспеченные необходимой тягловой силой, заканчивали поливные работы поздно.

В конце осени многие состоятельные хозяева перегоняли крупный яловый скот на зимние пастбища – «кызмалар», где специально заготавливали корм еще с лета, после уборки урожая. Здесь, как правило, более рационально сочетали способы стойлового и пастбищного содержания скота, так же, как это практиковали на кутанах овцеводы.

Зима – кыш. По народным представлениям, она начиналась примерно в конце декабря и продолжалась до середины марта (точнее до 22-23 марта). Признаками зимы считались завершение листопада, заморозки, иней – («кырав»). Зима включала два больших периода: 1) «кыш» или «кыара кыш» (зима, черная зима); 2) чилле. По своим характерным особенностям они, в свою очередь, включали несколько подпериодов: кыара кыш или кышны алды (начало зимы) охватывал примерно 20-25 дней с начала зимнего сезона. Затем наступал второй, наиболее тяжелый период – чилле – 40 дней¹ и третий – кышны арты (конец зимы) – 25 дней.

¹ Чилле в переводе с персидского – 50-дневка, у киргизов этот период составлял 41 день. См.: Айтмамбетов Д. Культура киргизского народа во второй половине XIX – начале XX вв. Фрунзе, 1967. С. 192; У туркмен чилле составлял 62 дня (уллу чилле 40 дней – с 21 декабря по 30 января и гиччи чилле 32 дня: т.е. с 1 по 22 февраля) – См.: Джикиев А. Традиционные туркменские праздники... С. 17. Интересно, что в отдельных источниках чилле рассматривается не как

Начальные 25 дней зимы (къышны алды) включали в себя 9-10 самых коротких дней (4-5 осенних и 6 зимних), получивших название «токълу тоймас токъуз кюнлер» (9 дней, когда за день не могла наестся травы в поле даже голодная овца). Если погодные условия позволяли, крестьяне и в это время продолжали некоторые работы. В этот период, в основном, заготавливали лесоматериалы для строительства домов, производили орудия сельского хозяйства и т.д. Это был период, когда крестьяне возили излишки продуктов сельского хозяйства, дрова на городские базары для реализации.

После 25 дней начальной зимы наступает (примерно с 5 января) период чилле с сильными и жестокими морозами, чаще с ясными безоблачными ночами (аяз гечелер). Чилле, в свою очередь, делился на два периода: уллу чилле (большой чилле), который длился 30 дней, и гиччи чилле (малый чилле), длившийся 10 дней. Основную заботу крестьян в этот период составляли животные, особенно рабочий скот (быки, буйволы, лошади). Находился он, как правило, на стойловом содержании, выводился лишь на водопой утром и вечером, а также в поле, когда позволяла погода.

В дни чилле чинили плуги, бороны, арбы и другие сельскохозяйственные орудия и транспортные средства. Без особой нужды во время чилле люди из аула не выезжали. Особенно тяжелые, трескучие морозы наблюдались в период гиччи чилле. В народе существовала легенда о состоявшемся якобы диалоге гиччи чилле и уллу чиле. «Если бы я жила столько, сколько ты живешь, от моей силы треснул бы рог трехлетнего быка» («сени заманынг йимик мени заманым уллу болса, мен уьч йыллыкь оьгюзню мююзюн чартлатар эдим»). Или: «От моей силы замерз бы ребенок в люльке» («мени сувугьум башикдеги яшны бузлатар ади»)¹.

В целом о чилле, как о самом суровом периоде года, народ сохранил много преданий, пословиц, поговорок. Сохранилось и такое отличающееся образностью четверостишие:

один из периодов зимы, а как небесное светило—звезда. «От звезды чилле до появления звезды Турши – 7 месяцев», – говорится в одном из документов, характеризующих земельные отношения в равнинном Дагестане (ЦГА РД. Ф.90. Оп.2. Д.31. Л.104).

¹ Сравните балкарское: «Я мог бы скрутить рога пятилетних быков, если мне не помешал бы запах новой травы». (Записано от балкарского исследователя Малкандусва Х.Х.)

Мен чиллемен, чиллемен
Чиллени бир гюнюмен,
Япгъан эшикни ачарман,
Яшланды алып къачарман.

Я чилле, я чилле,
Один из дней чилле,
Я открою закрытую дверь
И унесу детей. –

т.е. дети заболеют и умрут от мороза. Сила мороза в январе и последующее постепенное его смягчение нашло отражение в пословице, приписываемой чилле: «Тюш болгъунча мююзмен, тюшден ерли кийизмен» (до обеда я рог твердый, острый, после обеда – войлок мягкий)¹.

Интересна и другая легенда о гиччи чилле, характеризующая закономерность смен природных явлений.

«Однажды, – гласит легенда, – в расцвете своих сил гиччи чилле – мороз пришел к Солнцу просить его дочь за себя. Солнце якобы ответило: «Повремени немного, пока нет у меня соответствующей для этого дела подготовки». Чилле-мороз ушел и больше не приходил. Тогда Солнце само посылает к чилле своего представителя передать, что оно готово, теперь может выдать дочь. Но гиччи отправляет посланца Солнца обратно с ответом: «Передай ему, что у меня сейчас нет времени для свадьбы, много хлопот, тороплюсь, ухожу». В этом сказании хорошо отражено, например, чего не хватало жару (солнцу), – прохлады, а морозу (чилле) – тепла, и как сменялись времена года.

Так своеобразно оценивались в народе эти самые суровые дни зимнего сезона.

После 40-дневного чилле наступал период, который характеризовался как конец зимы (къышны арты). Он еще именовался «шарт-шарт ай» (месяц слякоти). В народе об этом времени говорили, что зима сталкивается (уруша) с весной и не хочет уступать ей свои права, что борьба происходит с переменным успехом двух

¹ Подобное понятие об этих периодах мороза («мороз рога», «кийиз аяз») существует и у народов Средней Азии. См., например: Айтмамбетов Д. Указ.соч. С. 192; Абишев Х. Элементы астрономии и погода в устном народном творчестве казахов. Алма-Ата, 1949. С. 11. Еще великий Бируни в конце X века в своем календаре обратил внимание на подобные 7 жестоких холодных дней зимы, когда от холода «гаснут уголья», когда «от сильного холодного ветра переворачиваются котлы». Он привел стихи одного поэта, своего современника, где эти дни названы днями «нашей старухи» (см. Бируни, Абу Рейхан. Избранные произведения. Т.1. Ташкент, 1957. С. 278.) Известно, что самые морозные дни зимы у даргинцев назывались «дни старухи» (хахала берме), так же они именовались («днями старухи») и в Средней Азии. (См.: Андрианов Б.В. Земледелие наших предков. М.: Наука. 1978. С. 71.)

сторон. Отсюда поговорка: «Яхшы болса бир арба, яман болса беш арба» (если пройдет этот промежуток времени спокойно, хорошо, то хватит и одного воза сена, если же пройдет плохо, надо пять возов (имеется в виду корм для скота)). Об этом периоде, очевидно, сложилась приведенная выше легенда о том, как табун лошадей от холода, в поисках теплого места, ушел в море и утонул.

Для характеристики этого периода очень показательны данные ногайского календаря. У ногайцев период после чилле, т.е. конец зимы, называется «сарытамыс» или «увут». Он продолжается 25 дней (примерно с 6 февраля до 1 марта). Существует притча о том, как якобы Сарытамыс говорил чилле: «Если бы я пришел в твоё время, я бы своим морозом расколол на части рога трехлетнего быка. Жаль, я тороплюсь, меня догоняет весна». (Мен сени ерингде болсам, къонан огуьзнуь мююзюн дерт боьлер эдим. Не этейим артымдан къыстап яз басып геле). О периоде сарытамыс ногайцы говорили: «Яхсы болса 5 сувук, яман болса – 25 сувук» (если нормальная в это время погода, 5 дней холода, а если ненормальная – 25 дней холода).

Выход из зимы – «къышдан оьтмек», отмечался народом торжественно, радостно. Всюду люди совершали магический обряд «сжигания» зимы – «къыш гюйдюрюв» или «къыш яллатыв» (отдают зиму пламени). При этом очищали все вокруг, мусор выносили на середину двора и сжигали. Молодежь по всем улицам катала горящие поленья, а также поломанные части инвентаря специальными палками типа клюшки – «къайткъы»; прыгала через огонь. Огонь у кумыков, как у многих других народов, в данном обряде рассматривался как очистительное средство. Осуществляя этот обряд, люди надеялись, что с этого времени солнце совершает поворот в сторону весны.

В зимний период, когда земля покрывалась снегом, стояли холода и полевых работ было мало, люди отдыхали. Молодежь много времени проводила, катаясь на специальных горных лыжах – «иннирей сала». Дети лепили из снега домики, фигурки домашних и диких животных (собаки, медведя, волка, лисы, зайца и др.).

Взрослые мужчины и юноши в вечерние часы ходили группами друг к другу для приятного духовного общения («йывана бара», «ихтилатгъа бара», «гезей бара»). Женщины также собирались порою у одной из своих подруг, но обычно с какой-нибудь работой (перебирали шерсть, пряли, вязали, обрабатывали овчину и др.).

Таким образом, земледельческий календарь и связанные с ним

обычаи составляли сложную систему, каждый отдельный элемент которой выполнял как общие, так и специфические функции. В качестве общей функции следует отметить функцию познавательную, ориентировавшую народ на эффективную трудовую деятельность в определенные периоды года, месяца. В качестве специфической функции следует назвать функцию символическую, досуговую.

Начало XX в., а возможно, и более ранний период, знаменовалось существенным изменением традиционной системы. Постепенно из нее выпадают иррациональные обычаи, а народный календарь обогащается профессиональными агрономическими знаниями. Знание народного календаря позволит труженикам сельского хозяйства лучше, более рационально развивать культуры земледелия, используя свой богатый и многовековой опыт во многих сферах хозяйственной деятельности (система водоснабжения, сохранение плодородия почвы, селекционная работа и т.д.).

Глава IV

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ УСТРОЙСТВО В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

1. КЛАССОВАЯ СТРУКТУРА

Кумыкское общество делилось на два класса – феодалов и крестьян. Шамхалы, ханы, беки (в Тарковском и Мехтулинском владениях), князья (на территории Кумыкской равнины за Сулаком), чанки, т.е. дети от неравных браков феодалов, составляли господствующий класс, известный у кумыков под общим именем «бийлер» (единст. число «бий»). К этому классу принадлежали также сала-уздени (средний слой дворянства) и представители высшего духовенства (шейх-ул-ислам, кадий и др.), хотя ни те, ни другие не имели бийского происхождения.

Крестьянство также распадалось на несколько социальных групп: уздени, чагары, теркеме, кулы и др.

«Кумыки, – писал в 1856 г. Хамзаев, – разделяются на семь классов, или сословий, а именно: князья, чанки, первостепенные уздени, простые уздени, чагары, теркемейцы и холопы»¹. Н.Ф. Дубровин делил кумыкское общество на «восемь главных сословий»: князей, чанков, сала-узденей, просто узденей, догерек-узденей, азатов, или вольноотпущенных, чагаров, кулов. В отдельные сословия он выделял также «теркеме» и «казаков». Всего, таким образом, он насчитывал у кумыков десять социальных групп².

Среди феодальных владетелей Кумыкии и Дагестана в целом особое место занимал тарковский шамхал. В первой половине XIX в. он еще продолжал называться валием дагестанским, хотя за пределами шамхальства уже не имел реальной власти. В своем владении шамхал пользовался неограниченными правами. На звание шамхала мог претендовать только самый старший представитель шамхальского дома по прямой линии. Неограниченную власть имели

также старшие князья на Кумыкской плоскости и мехтулинский хан. После присоединения к России, начиная с правления Петра I, кумыкские владетели получали от русских государей охранные листы, указы «о вспомоществовании» им «в случае нападения на них неприятеля», а также грамоты о награждении их чинами, жалованиями¹.

В числе этих наград была и высочайшая грамота, представленная в комиссию от 17 марта 1744 г. о пожаловании верноподданного «кумыкского владельца, живущего на Костеке Алиша Хамзина, чином Костековского воеводы, особенными знаками, высочайшей милостью, как-то: саблюю, покрытую серебряною парчой»². 13 сентября 1759 г. высочайшей грамотой Алиш Хамзин «был пожалован в бригадиры и Кумыкским воеводою»³. Ему же было определено «жалованья ... в год 500, а сыну его 100 рублей... В 1760 г. оному бригадиру Алишу Хамзину построен ... дом в Кизляре»⁴.

Чинами и жалованиями за усердную службу были удостоены и другие владетели: Муртазали, депутат и уздень Арслан Гебеков в 1801 г., князь андреевский Кара-Мурза Темиров и многие другие. Кумыкские засулакские владетели представили в комиссию по сословным правам документы, в частности фирманы, акты персидских шахов от 1660, 1705, 1694 и др. гг. о земельных правах⁵. Представители кумыкских князей аксаевского, эндиреевского, костековского владений, валий дагестанский шамхал тарковский, хан мехтулинский, как правило, присутствовали при коронации русских царей. Так, например, при коронации Николая I в числе депутатов от засулакских кумыкских владетелей был князь Муса Хасаев⁶. В указах, актах российских властей местные владетели, в частности, кумыкские, именовались почтеннейшими, достопочтенными и благородными владельцами, беками, а в некоторых – князьями (Эндирей, Аксай, Костек, Тарки), царский титул по отношению к дагестанским владетелям, даже самым крупным, не применялся. Как

¹ Кумыки. Дело по поводу определения сословных прав туземного населения Терской и Кубанской областей. – РФ ИИАЭ. Д.1300. С. 141 и др.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Бутков П.Г. Указ.соч. Ч.I. С. 257.

⁵ Там же. С. 144-145.

⁶ Родожецкий И.П. Письмо из Ставрополя от 25 марта 1827 г. – Отечественные записки. № 86, май. СПб. 1827. С. 493 (сноска).

¹ Князь Х-ъ (далее Х а м з а е в). Кое-что о кумыках. – Кавказ, 1865, №68.

² Дубровин Н.Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. СПб., 1871. Т.I. Кн.I. С. 630.

полагает Е.Н. Кушева, этому были свои причины, в частности, «их двойственное положение»¹.

Потомки шамхальского рода, т.е. младшая линия тарковских шамхалов и мехтулинских ханов, назывались беками или биями, а в Засулакской Кумыкии нередко и мурзами, а в русских документах еще князьями. Они несли вассальную службу, собирали по требованию вышестоящих владетелей ополчение² и командовали им, во время похода состояли в свите своего господина и т.д. Вопросы же внутреннего управления своими уделами они решали как полновластные хозяева.

Члены бийского сословия не судились ни с узденями, ни с чагарами, они имели свой суд, свои адаты. Так, по бийскому адату, кровная месть могла совершаться только внутри сословия³; зависимые сословия и даже сала-уздени по отношению к биям кровной мести не имели.

В документах этого периода беки подразделяются на две категории: «коренных» и «пожалованных». В отличие от коренных пожалованные беки получали от местных владельцев и от царского правительства титулы и звания в награду за военные и другие заслуги и назначались правителями отдельных частей владений⁴.

Следует отметить, что засулакским кумыкам термины «хан» и «бек» неизвестны. Здесь все потомки Султан-Мута⁵, независимо от того, управляли они владениями или нет, назывались «биями», «мурзами» или «князьями».

Титул бека был вторым после шамхальского и ханского. Кроме беков из шамхальской фамилии и из рода Султан-Мута, в некоторых селениях Тарковского владения были также беки, известные под общим именем «карачи-беков», или «карачи-биев». Не будучи в состоянии состязаться в экономическом и политическом отношениях с представителями шамхальского рода, они считали, однако,

¹ Кушева Е.Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией. (Вторая половина XVI – 30-е годы XVII вв.) М., 1963. С. 308.

² Юшков С.В. К вопросу об особенностях феодализма в Дагестане. – Уч. зап. Свердловского пед. ин-та. Вып. I, 1938. С. 79.

³ Леонтович Ф.И. Адаты кавказских горцев. Ч. II. Одесса, 1883. С. 199; Семенов Н. Туземцы Северо-Восточного Кавказа. СПб., 1895. С. 272.

⁴ ЦГА Грузии. Ф. 2. Оп. I. Д. 7767. Л. 19-22.

⁵ Хотя все кумыкские владетели считались представителями шамхальского дома, засулакские князья держались несколько обособленно. Они вели свою родословную от Султан-Мута, который правил, как было отмечено выше, примерно с 1574 по 1635 гг.

что род их древнее шамхальского, что именно они – «древние хозяева» кумыкской территории. Автор «Рассказа кумыка о кумыках» Д.-М. Шихалиев так характеризует беков этой категории: «Сословие «карачи» находится в деревнях Северного Дагестана: Карабудахкенте, Губдене, Эрпели, Каране и Ишкарты. Они суть потомки туземных князей, когда-то знаменитых, но влиянием шамхала ныне униженных»¹. Слово «карачи» Д.-М. Шихалиев переводит как «смотритель», «разбиратель» и говорит, что засулакские кумыки приходили к «карачи», главным образом в Эрпели, для разбирательства спорных вопросов в присутствии «блюстителей всех кумыкских старинных обычаев» (т.е. в присутствии карачи-беков), где эти вопросы получали окончательное разрешение. Шихалиев сообщает, что в Эрпели «хранилась книга Исмаил-куран, где записывались все достопамятные постановления карачинского сословия»². Вероятно, это был сборник адатов карачи-беков. Нам думается, что сведения, которые сообщает Шихалиев о карачи-беках, заслуживают внимания. Вполне возможно, что карачи-беки составляли более древнюю прослойку феодальной знати на кумыкской территории, а позже попали в зависимость от шамхалов, оказавшихся сильнее в экономическом и политическом отношениях.

Такое же положение карачи-беки занимали не только в Тарковском шамхальстве, но и в Кайтагском уцмийстве, в частности, в Гамринском магале, известном в XVIII – начале XIX вв. феодальном владении с резиденцией в с. Утамыш. Вероятно, гамринские беки, как более древняя феодальная прослойка, управляли здесь самостоятельно до тех пор, пока на эту группу кумыков окончательно не распространилась власть более сильного феодала, кайтагского уцмийа с резиденцией в Башлах. В самом деле, Утамыш и другие сопредельные с ним селения в период Восточного похода Петра I имели своего владетеля, который в источниках называется «отемийским (утамышским) султаном», а его владения – султанством. Утамышский султан Махмуд считался самостоятельным владетелем, но в силу каких-то обстоятельств потерял былую большую экономическую и политическую роль, – очевидно, находился в вынужденном союзе то с уцмийем, то с шамхалом тарковским. Словом, много спорного и непонятного в сведениях о роли карачи-

¹ Шихалиев Д.-М. Рассказ кумыка о кумыках. Кавказ, 1848, №40; см. также: Шихалиев Д.-М. Рассказ кумыка о кумыках. Махачкала, 1993.

² Там же.

беков в прошлом. «По-видимому, – писал В. Линден, – исторически в точности выяснить вопрос о происхождении карачи-беков едва ли возможно, однако, по установившейся традиции, чистокровные (т.е. происходящие от матерей непростолюдинок) карачи-беки в глазах туземного населения Темир-Хан-Шурина округа не только не уступают бекам шамхальского дома в древности рода, но, напротив, в этом последнем отношении, должны быть поставлены выше их»¹.

Автор в то же время отмечал, что размножившись и «раздробив родовые земли, они обеднели и поэтому их общественное положение с давних уже времен значительно понизилось, особенно рядом с часто богатыми бекскими родами – шамхальскими и других владетелей»². Автор также указывает на наличие двух ветвей в составе карачи-беков в более позднее время. Одна из них управляла селениями Губден и Карабудахкент и др., входившими в состав шамхальства, находясь, таким образом, в зависимости от шамхалов, а другая – «селениями так называемого Гамринского магала в Кайтаге, причем старший в роде гамринских карачи-беков являлся правителем всего магала». Судя по всему, карачи-беки Кайтага, точнее бывшего владения султана утамышского, будучи малочисленными по сравнению с уцмийскими беками, не играли в указанное время особой роли в политической жизни населения региона и «постоянно находились, если не в вассальной зависимости от уцмий, то в принудительном с ним союзе»³ и, со временем этот род гамринских беков, т.е. карачи-беков, «окончательно смешался с окружающим населением»⁴.

Нам думается, что феодальная прослойка карачи-беков не была только дагестанским явлением.

Как известно, некоторые тюркские и монголо-татарские роды полностью осели в Крыму в XIV–XV вв., но многие имели своих сородичей в различных ордах, образовавшихся на территории распавшейся Золотой Орды. К древнейшим и наиболее влиятельным родам Крымского ханства во второй половине XV в. принадлежали: Ширин, Барын, Аргын, Кыпчак. Главы их родов носили потом-

¹ Линден В. Высшие классы коренного населения Кавказского края и правительственные мероприятия по определению их сословного права. Исторический очерк. Тифлис, 1917. С. 99.

² Там же.

³ Там же. С. 98.

⁴ Там же. С. 99.

ственное звание карачиев (князей). Звание карачи-беки в Дагестане, возможно, находится в непосредственной связи с потомственным титулом карачи¹.

Как сообщает А.А. Новосельский, карачи или карачеи в значении бии, князья были в качестве глав «знатнейших родов», и в Крымском ханстве в XVII в. они являлись приближенными хана, его советниками. Карачи играли важную роль в правительственных делах Крыма в «думе», сохраняли за собой право «санкционировать назначение султанов, царей из рода Гиреев», в проведении «обрядов их на престол в Бахчесарае»². Карачи, как уланы (огланы) – «феодалы высшего ранга в Крыму упоминаются в XVI–XVII вв.»³.

Карачи-беки играли немаловажную роль в феодальной среде в Казани, в Большой Ногайской Орде и у Касимовских татар⁴.

Представляет определенный интерес предание, связанное с древним периодом с. Утамыш.

Согласно преданию, сохранившемуся у утамышцев, в южной окрестности села, известной под названием Хакан-гора (Хакан-тау), жил некий хан Хакан. На этой горе стоял дворец Хакана из тесаного камня с башнями на все четыре стороны. Еще в наше время сельчане привозили отсюда тесаный камень – остатки старой крепости. Древняя крепость имела 4 ворота, где постоянно сидела охрана владения. Первые ворота смотрели в сторону Каякента, вторые – в местность Каратегенеклер бою, т.е. в сторону аула Гиччи бойнак, третьи – на Аякака, т.е. в сторону даргинского аула Урахи, четвертые – на Джаван-тау, в сторону аула Башлы. Сам владетель носил титул «Амир-уль-Хамри»⁵.

Владение охватывало большую территорию и много населенных пунктов. У Хакан-хана была жена по имени Ханум или Хатун. Когда хан умер, она стала фактической хозяйкой владения. Однако после смерти хана во дворцовой среде начались смуты, которые привели к окончательному распаду владения. Тогда Ханум для на-

¹ Вельяминов-Зернов В.В. Исследование о Касимовских царях и царевичах. СПб., 1863. Кн. I. С. 213-216; История Гирей-хана (пер. и комментарий А.Р. Шихсаидова) – Шихсаидов А.Р., Айтберов Т.М., Оразаев Г.М.-Р. Дагестанские исторические сочинения. М., 1993. С. 176.

² Новосельский А.А. Борьба Московского государства с тагарами в XVII веке. М.-Л., 1948. С. 21.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Полевой материал, собранный востоковедом Г.М.-Р. Оразаевым в 1982 г.

казания возмутителей распорядилась закрыть единственный родник, снабжавший питьевой водой население крепости. Так он высох, и жители без воды разошлись. И сейчас можно видеть следы бывшего источника¹.

В дагестанском историческом сочинении «Дербенд-наме», рассказывающем о событиях V–X веков, особенно связанных с ирано-хазарскими и арабо-хазарскими войнами в V–VIII вв., упоминается о древней «крепости Гумри», расположенной возле Каякента².

Арабский полководец Мерван (VIII в.) с особой жестокостью и обманом покорил крепость Гумри, «у которой произошла ожесточенная битва»... Он «приказал вырезать поголовно весь гарнизон и население крепости, что и было выполнено»³.

«Нам кажется, не подлежит сомнению, – пишет в своих примечаниях к «Дербенд-наме» М. Алиханов-Аварский, – что именно в этом пункте лежало древнее укрепление Гумри: во-первых, на это прямо указывает составитель Дербенд-наме, во-вторых, в описываемую эпоху это место должно было иметь значение тактическое и стратегическое и, наконец, у Каякента протекает речка и до сего времени называется Гумри»⁴.

Однако данные предания и сведения «Дербенд-наме» не противоречат друг другу. Топоним Гумри, или Гамри (Хамри), как нам представляется, мог означать и название населенного пункта – крепости, а позже целого феодального владения. Обратимся и к более поздним письменным источникам. По данным автора конца XVIII века (1796 г.) Д.И. Тихонова, Гамри называется магалом, и он включает в себя 15 населенных пунктов: Уллу-Гамри, Гиччи-Гамри, Усемикент, Алходжакент, Гашши, Утамыш, главное местечко в округе, Мюрего, Маммаул, Буддеки, Гуракли, Мугруа, Сирга, Сураги, Сузгара, Мургук, т.е. 15 аулов, населенных кумыками и даргинцами⁵.

¹ Записано в 1954 г. в с. Утамыш от Бахмуда Мамаева, 1774 г. р. и Самада Мургузалиева, 1789 г.р.

² Тарихи Дербенд-наме. Под ред. М. Алиханова-Аварского. Тифлис, 1898. – С. 32, 63 и др.

³ Дербенд-наме. С. 153-154.

⁴ Там же. С. 53-54.

⁵ Тихонов Д.И. Описание Северного Дагестана. 1796. – ИГЭД. Архивные материалы. Под ред. М.О. Косвена и Х.М. Хашаева. М., 1958. С. 132; П.Г. Бутков считает, что в Гамринский магал входило лишь 6 аулов, помимо Утамыша, – такого же мнения придерживается и проф. Р. Магомедов. См.: Бутков П.Г. Мате-

Вот что пишет тот же автор об «округе Гамринском»: «Главным почитается в ей местечко Отемиш, оно имеет своих князей, которые прежде назывались султанами и были в давние времена сильными. С государем императором Петром Великим имел отемишский султан в своих границах супратевления, но российскими войсками был разбит и прогнан в свое владение»¹.

По данным 1864 г., подати, натуральные повинности и другие налоги, лежащие на жителях Гамринского магала, составляли: «земския сборы с дыма по 2 рубля, содержание чапар 25 человек и военных нукеров 82 человека, выставление арб под этапы и воинские команды и исправление дорог и на них мостов»².

«Гамринский магал, – отмечается в «Записке о сословно-поземельном строе в Кайтаге» (1901 г.), – составлял прежде отдельное и независимое владение под управлением бека из фамилии Карачи, из которых старший в роде был правителем всего магала»³.

Составитель «Записки» отмечает далее: «Население этого магала в прежние времена делилось на те же классы, как и в Кайтаге, т.е. на беков, чанков-беков, чанков происхождения неизвестного, шихов (сеидов), узденей, раят и чагар... Раяты находились только в с. Каякент и теперь находятся в зависимости бека; чагары же бекские были только в с. Утамыш, но утратили состояние этого сословия уже давно, так что в настоящее время нисколько не отличаются от прочих жителей...»⁴.

Касаясь власти и обязанностей правителей из карачи-беков, он же четко характеризовал так: «Власть старшего бека этого магала над всем населением вообще выражалась тем, что он был предводителем народных ополчений во время войны и по его призывам жители обязаны были ополчаться; кроме сего часть штрафов, взыскивавшихся за преступление и проступки... с жителей этого магала поступали в пользу беков. Других обязательств население этого магала не имело к бекам, за исключением жителей с. Каякент, ко-

риалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 год. Ч.1. СПб., 1869. С. 25; Магомедов Р.М. Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVII – начале XIX веков. Махачкала, 1957. С. 210.

¹ Тихонов Д.И. Указ.соч. С. 133.

² ЦГИА Грузии. Ф.545. Оп.1. Д.56. Л.26-27.

³ Записка о сословно-поземельном строе в Кайтаге (1901 г.)... С. 228; см. также: Доклад члена сословно-поземельной комиссии князя Андроникова (1894 г.). – ЦГА РД. Ф.90. Оп.1. Д.5; Пояснительная записка к проекту о поземельном устройстве населения Дагестанской области... – ЦГА РД, Ф.90. Оп.2. Д.30.

⁴ Там же. С. 229.

торые платили им подати произведениями земли, потому что были зодворены на землях, принадлежавших бекам»¹.

Тем не менее Утамыш в свое время играл большую роль. Недаром он назывался «городом Утамышем» или «Утамыш-местечко и замок». Это свидетельствует о роли Гамринского или Утамышского феодального владения в прошлом, ослабленного, однако, в результате Восточного похода Петра I в 1722 г. и ряда других причин.

О самом магале, очевидно, применительно к XIX в., в «Записке» сообщается, что «беки этого магала, как правители малочисленного народа», особой политической роли не играют и, что если в «прежнее время и не находились в вассальной зависимости от других, более сильных владетелей, то ... находились почти постоянно в принужденном союзе с уцмиями»².

Теперь о самих названиях Уллу-Гамри и Каякент. Очевидно, что оба топонима означают один и тот же населенный пункт, а именно: теперешний Каякент.

Не вызывает сомнения, что в старину Каякент назывался Уллу-Гамри. Так писали и Д.И. Тихонов, С. Броневский и другие авторы конца XVIII и начала XIX вв. «В нескольких верстах от Башлы на северо-запад лежащая деревня Уллу-Гамри примечательна тем, что хранит в себе гроб Гмелина», – писал С. Броневский, участник Персидского похода 1796 года, называя Каякент Уллу-Гамри, в окрестностях которого действительно был похоронен российский академик С.Г. Гмелин, при возвращении из Ирана захваченный уцмием кайтагским Амир-Гамзой и погибший в Дагестане в 1774 г.³ И по сей день жители селения Каякент постоянно ухаживают за данной могилой.

Так что с. Каякент – это новое название Уллу-Гамри. Только селение Гиччи-Гамри, населенное даргинцами, сохранило свое раннее название. Многие название Каякент этимологизируют как селение, находящееся у скал или хребтов Къая. Однако эта трак-

товка не выдерживает никакой критики и даже не близка к истине. Достаточно сказать, что вокруг Каякента нет никаких скал или хребтов, если не считать известного холма Къулкан-тав, и само селение расположено на небольшой возвышенности.

Начнем с того, что, как отмечается в источниках, гамринские беки поселили здесь рядом со старыми жителями селения выходцев из Азербайджана, «из бывшего Кубинского ханства селений Даразарат, Абиль и Чархи»¹.

Очевидно, что среди этих поселенцев были представители и других родственных племен и поселений.

Мы уже приводили в I главе данные историка XIII в. Рашид-ад-Дина, который насчитывал 24 собственно огузских и еще 6 родственных им племен. К собственно огузским племенам относились кайы, баят, ал-кара-уйли, кара-уйли, язер, баяндур, бичине и др., а к родственным племенам – уйгур, канглы, кипчак и др.²

Опять-таки вспомним, что жители соседних с Каякентом аулов и сегодня называют данное селение не Каякентом, а Кайыгентом, а его жителей кайыгентцами, т.е. сохраняют первоначальное их этническое название. Что же касается старого названия аула Уллу-Гамри, то оно совершенно забыто как самими каякентцами, так и населением соседних аулов. Сами каякентцы старую часть своего аула до сих пор называют «Эсги-къайыгент».

Только река Гамри-Озень – живой свидетель былой седой старины, сыграла немалую роль в Гамринском феодальном владении, в социально-экономической и политической жизни населения данного региона.

Постепенно стали терять свою былую политическую роль и гамринские владетели – карачи-беки. В середине XIX в. еще был известен последний наследственный правитель этого магала Кичи-хан-бек Гамринский.

Как свидетельствуют архивные документы, сыновья Кичи-бека Абыш-хан и Али-хан даже продают Джамав-беку Уцмиеву за 8000 рублей все доходы, получаемые в качестве ренты, т.е. податей от

¹ Там же.

² Там же. С. 229.

³ См.: Броневский С.М. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. Ч.II. М., 1823. С. 313; По л и е в к т о в М.А. Архивные данные о смерти на Кавказе академика Самуила Готлиба-Георга Гмелина (младшего). – Известия Кавказского историко-архивного института в Тифлисе. Т.III. 1925. С. 382; К о з у б с к и й Е.И. Могила академика Гмелина в Дагестанской области. Дагестанский сборник. Вып.2. Темир-Хан-Шура. 1904. С. 189-195.

¹ Записка о сословно-поземельном строе в Кайтаге... – С. 231; ЦГА РД. Ф.150. Оп.1. Д.8. Л.5.

² Рашид-ад-Дин. Джамы ат-Таварих. (Извлечения) Пер. И.Н. Лиманова. – Материалы по истории туркмен и Туркмении. Т.I. Ч.I. М., АН СССР. 1952. С. 83-90; см. также: Извлечения из «Джамы ат-Таварих» Рашид-ад-Дина. Перевод И.Н. Березина. Труды Восточного отделения Российского археологического общества. Т.V и XV. СПб., 1858. С. 494-500.

каякентцев¹. За собой беки оставили лишь доходы «с 30 дворов с. Каякент»². Из общественных же земель с. Утамыш им ежегодно выделялось по показанию беков – на 60 сабу посева. Кроме того, они пользовались «водою из общественной канавы селения Утамыш трое суток в течение года», имели в своем владении два мяулька, купленных у жителей этого селения³. Так закончилась когда-то известная династия карачи-беков в Гамринском магале. Последние сохранившиеся из этой фамилии беки были известны в тридцатых годах нашего века – беки Амир-хан и Будаичи Гамринские. Такова вкратце судьба карачи-беков Гамринских в XVIII–XIX вв.

Представляют также большой интерес в кумыкской среде категории бурчбиев. На наш взгляд, название этого класса людей связано с половецкими социальными терминами. Русская летопись зафиксировала наименования половецких групп: Токсобичи, Умашевичи, Отперлюевичи, Читеевичи, Елтувичи, Бурчевичи⁴. Летопись упоминает также названия донецких половцев: Бурчевичи, Беглюк, Билюкович, Кулобичи и др.⁵ Д.-М. Шихалиев также записал предание о том, что на месте, где ныне находится селение Байрамаул Хасавюртовского района, раньше жили «какие-то князьки Бурчбии» («блоха-князь или князь блох»)⁶.

Термин бурчбией упоминается также и в связи с событиями более позднего времени. Как сообщает Т.Н. Макаров, «прежде все земли Костека принадлежали фамилии Муртузали-Аджиевых, но за измену Гирея-бурчбия, сына Нуцал-Баммат-Али Гирея, который сражался против русских в войсках Крымского хана, переданы Алишу, родоначальнику фамилии Хамзиных»⁷, т.е. костековским владельцам.

Все бии или беки делились на два разряда: 1) рожденные от равного брака, т.е. от матерей из шамхальского рода, рода Султан-Мута, других дагестанских владельцев (аварских, казикумухских

ханов, кайтагских уцмиев) или из кабардинских, черкесских, грузинских и других княжеских фамилий. Они считались полноправными биями, беками, князьями; 2) рожденные от неравного брака, например, бека с узденкой (къума къатын). Такие потомки владетельных фамилий назывались «чанка» (джанка) или «чанка-биями», «чанка-беками». Считается, что кайтагским уцмием Султан-Ахмедом в 1588 году личные и имущественные права членов уцмиевского рода были определены в зависимости от их происхождения, что потом было принято всеми феодальными владельцами Дагестана¹. Согласно постановлению уцмиев, сыновья от матерей-«бийке», т.е. от женщин «чистой княжеской крови», признавались чистокровными беками и пользовались всеми правами своего сословия (правом управления, правом наследования и т.д.); сыновья же, рожденные от неравного брака, от женщин не бийского происхождения (от узденки и т.д.), не имели всех тех прав, какими пользовались их отцы. Как отмечается в «Записке о сословно-поземельном строе в Кайтаге» (1901 г.), чанка-беки здесь не наследовали в равной мере с «чистокровными» беками «имение отца». Как писал П. Пржецлавский, «...если в семействе чанков, эмджеков или узденей умрет глава семейства без наследника мужского пола, то все его достояние поступает во владение хана, и наследники женского пола отправляются почти по миру»². В более ранний период в Кайтаге, например, «обыкновенно чанка-бекам выделялось из недвижимого имущества отца: 12 дворов раят, 12 дворов евреев, 12 дворов чагар и один или часть ятага»³. Нередко, по бийским адатам, чанка занимал по отношению к бию подчиненное положение. Он большей частью находился в «роли почетного слуги (нукура)»⁴ у полноправного бия, даже в случае их кровного родства. «Если князь берет узденку или холопку, – писал Хамзаев, – то дети, происходящие от такого брака, не пользуются титулом князя ... и не могут владеть землями до смерти отца»⁵. В ряде случаев чанки владели на правах собственности лишь землей, переданной отцами по «назру» (дарственному акту). «Не имея права держать собствен-

¹ Записка о сословно-поземельном строе в Кайтаге... С. 229; ЦГА РД. Ф.90. Оп.1. Д.5. Л.13.

² Записка... С. 229; ЦГА РД. там же.

³ Записка... С. 229; ЦГА РД. Ф.2. Оп.2. Д.33. Л.3.

⁴ Тизенгаузен В. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. СПб., 1884. Т.1. С. 540-541.

⁵ Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. Археологические памятники. М., 1966.

⁶ Шихалиев Д.-М. Указ.соч. С. 39.

⁷ Макаров Т.Н. Кумыкский округ. – Кавказ, 1860, №77.

¹ Бакиханов А.-К. Гюлистан-Ирам. Баку, 1926. С. 88-89.

² Пржецлавский П. Нравы и обычаи в Дагестане. – Военный сборник, 1860. Т.ХII, №4. С. 309.

³ Феодальные отношения в Дагестане. XIX – начало XX вв. Составление, предисловие и примечания Х.-М. Хашаева. М., 1969. С. 186.

⁴ ЦГА РД. Ф.126. Оп.2. Д.72-а. Л.2.

⁵ Хамзаев. Указ.соч. Кавказ, 1865. №70.

ных вассалов, – писал известный кавказовед М.М. Ковалевский о чанках, – они сами считаются вассалами родственной им по отцу княжеской семьи, вступают в браки только между собой и, подобно князьям, пользуются преимущественной уголовной защитой»¹.

Однако в отдельных владениях, например, в Тарковском шамхальстве, существовали различия и среди самих чанков. «Джанки, – читаем в «Кратких сведениях о привилегированных и прочих сословиях... Северного Дагестана», – имеют также разряды: те из них, которые происходят прямо от владетельных особ и от биев или беков, а равно и потомки таких джанков, рожденные от матерей-непростолюдинок, а джанков же, именуется также беками и пользуются особыми правами и преимуществами, ставящими в разряд туземного высшего сословия. Прочие же потомки джанков, рожденные от браков с простолюдинками, хотя и сохраняют за собой звание джанков, но им не присваивается титула бека и прав высшего сословия»². Чанками, очевидно, назывались и дети шамхалов, рожденные от наложниц. Н.Н. Муравьев-Карский о таких сыновьях Махти-Шамхала писал: «... Кроме сих сыновей (рожденных от равного брака, – С.Г.), шамхал имеет еще других, рожденных от наложниц, которые воспитываются таким же образом, называются чанка и пользуются некоторым уважением в народе, но оказывают всегда, хотя они уже и во взрослых летах, почтение к законным детям шамхала. Они не пользуются удельными деревнями, но жалуются землями, от коих получают доходы. Вообще все потомство нынешнего шамхала отличается красотой своей. Законные сыновья его живут в своих уделах или в домах своих дядек; незаконные же дети служат в роде поверенных и употребляются в рассылке с различными поручениями, а также и на войне, где они в виде военачальников находятся при небольших полках... вооруженных поселян»³.

Следующая социальная прослойка была известна под названием узденей. Они делились на три категории: уллу уздени, кабак (къабакъ) – уздени, остальная масса узденства.

Уллу-уздени (сала-уздени) у засулакских кумыков представляли собой среднюю прослойку феодалов. В русских источниках они

именуется первостепенными узденями. М.Б. Лобанов-Ростовский отмечает, что сала-уздени Кумыкской плоскости составляли «особый класс, первый в народе после князей, вероятно, по месту их первоначального поселения на речке Сала-су ставший известным под именем сала-узденей». Считая себя древними хозяевами земли, «они гордились своим известным происхождением, богатством, удалью, уступая первенство одним лишь князьям»¹. Д.-М. Шихалиев также отмечает, что сала-уздени – «древнейшие обитатели края». Он считает их союзниками Султан-Мута. По словам Шихалиева, сала-уздени жили в с. Эндирей, занимали здесь несколько кварталов, были наделены землей, имели невольников и оружие и за это «обязаны были верою и правдою служить князьям и в качестве узденей, не щадя в случае нужды и жизни своей»². По его словам, сала-уздени обязаны были князьям не только личной, но и потомственной службою³. По определению Хамзаева, сала-уздени были дворянами, близко стоявшими к князьям, от которых многие из них получили земли⁴. «Преимущественное положение сала-узденей, – писал М.М. Ковалевский, – сказывается во владении ими населенными землями, в полной свободе от повинностей и обложения «ясаком» и «булкой» низших сословий, занимающих их земли и состоящих под их управлением. Сала-уздени – ближайшие товарищи князя во время войны и его судебные помощники во время мира. Как таковые они заседают в народном суде, так называемом «мехкеме». Их преимущественное положение в обществе сказывается и в увеличенном размере виры, платимой в случае их убийства, в их двойном против других сословий калыме»⁵. Нет сомнения в том, что в более далекие времена сала-уздени составляли «служилых людей», военных, конных нукеров владетелей, стоявших по службе вровень с лучшими владетелями узденей. О былом высоком положении сала-узденей свидетельствуют русские документы XVI–XVII вв. Так, в прошении представителя этого сословия Хаджи-Муратова, поданном в сословно-поземельную комиссию, сообщается: «Предки мои, жившие первоначально в селении Гельбах Хасавюртовского округа, происходящие из почтенных узденей, так называемых сала-узденей, пользовались, и ныне фами-

¹ Ковалевский М.М. Поземельные и сословные отношения у горцев. – Русская мысль. Кн. XII. 1883. С. 147.

² ЦГА РД. Ф. 126. Оп. 2. Д. 72-а. Л. 2-3.

³ Записки Николая Николаевича Муравьева-Карского – Русский архив. Кн. II. Вып. 5-6. М., 1888. С. 332-333.

¹ Кавказ, 1846, №37, 38.

² Шихалиев Д.-М. Указ. соч. №40.

³ Там же, №42.

⁴ Хамзаев. Указ. соч., №68.

⁵ См. Ковалевский М.М. Указ. соч. С. 147.

лия наша пользуется, правами и преимуществами наравне с беками и независимо от последних; не платили ни бекские повинности, ни государственную подать»¹.

Все это дает основание допустить, что на земле засулакских кумыков сала-уздени представляли собой более древнюю ветвь феодальной знати, чем князья (бии) из шамхальского дома. С установлением власти князей они оказывались в вассальных отношениях к ним, сохраняя, однако, свои экономические и общественные права. Сала-уздени владели большими площадями земель, горными пастбищами, кутанами, чагарами, рабами и т.д.

Ряды этой прослойки узденства пополнялись пожалованными дружинниками из числа простых узденей. Дружинники эти назывались нукерами, а у засулакских кумыков – узденями, хотя также именовалась по всей Кумыкии и основная часть лично свободного, но феодально-зависимого крестьянства.

Тем не менее, содержание термина «узденъ» (по-кумыкски «озден») до конца неясно. Надо сказать, что у каждого феодального владельца Кумыкии, особенно у засулакских феодалов, были свои уздени – «служилые люди». Если обратить внимание на исторические документы, мы видим следующие образования таких групп служилых людей у владельцев. Так, в рассказе Аллагы в 1598 г. называется несколько таких имен узденей с числом конных: «... у шевкала узденя у Темир-Хана в Шурени (в Шуре?) 10 чел. конных... Кабак Аркуша (не Акуша ли?), а в нем шевкалов узденъ Казий, у него 20 человек конных... Кабак Хиля, в нем узденъ Алибек, у него 50 человек конных...»².

В русских источниках XVI–XVII вв. (особенно в отписках терских воевод, коменданта Кизляра, а также в обращениях к ним кумыкских феодальных владельцев) часто можно встретить выражения «уздени», «узденские дети»: «Кумыкский Солтан-Магмудов сын, Айдемир-Мурза, прислал двух человек, узденей своих...», «Кайтагский уцмий прислал дядьку своего Батирхана да узденя Алибека»; «Ильдар-Шевкаловы узденские дети присылал», «Кумыкский Ильдар-шевкала сына своего Имам-Мурзу, да узденей своих»; Казаналып-Мурза прислал «с челобитною узденя своего Магомедата, Алибековы уздени, присланные Алибека и Капланбека

«узденей наградить особливо...» или письмах самих владельцев: «...дочери узденя нашего Саидова», «...моих узденей», «...моего узденя»¹ и т.д.

Анализируя письменные источники и данные полевых исследований, все же можно заключить, что и здесь с сала-узденями возникала своеобразная прослойка дворян из когда-то служилых людей, т.е. из бывших нукеров, свиты феодалов и других преданных приближенных лиц. Такие люди назывались «бийни тамазалары» (тамазы – советники князя), «бийни яндауру» (человек свиты бия, букв. «человек сбоку бия»). Уздени группировались вокруг своих биев, князей и других феодальных владельцев. У каждого бия были свои уздени. «Нашим родовым князем в конце XIX – начале XX вв. был Даниял бий Буйнакский», – информировал нас житель с. Уллу Бойнак Карабудахкентского р-на Саадула Гаджиаев (1905 г.р.)².

Уздени в качестве вознаграждения получали от владельцев земельные участки и другие подарки. Как видно из архивных документов, житель с. Норакай-юрт Арслан-Али Сулейманов в 1864 г., например, заявил на суде, что отец его матери Ака является узденем князей Каплановых и что он, Акай, получил в пожизненное владение «от Темрюка Капланова в подарок землю под названием Яшырткын-Татавул»³. Как правило, у засулакских кумыков, уздени, служившие биям (букв.: люди, находящиеся под крылышком бия) и получавшие у них в качестве вознаграждения определенные участки, кабак (къабакъ – двор; ср. – «дворянин»), назывались кабак (къабакъ)-узденями.

Имеются сведения о том, что некоторые представители узденей получали от Российского правительства дворянские титулы. Так, например, в 1866 г. узденъ из селения Карлан-юрт Тулпаров Аджи был возведен в достоинство дворянина. Дворянский титул получил также узденъ из селения Умаш-аул Ачакан Казбеков в конце XIX в.

Разумеется, не все князья или бии щедро награждали своих узденей землей и другими подарками. Отдельные уздени открыто

¹ См. подробно: Русско-дагестанские отношения в XVII – первой четверти XVIII вв. Документы и материалы. Махачкала, 1958. С. 37, 44, 78, 79, 111, 119, 163, 177 и др.; Русско-дагестанские отношения в XVIII – начале XIX вв. М., 1988. С. 78, 83; ЦГА РД. Ф.339. Оп.1. Д.464. Л.4, 56; Там же. Оп.1. Д.594. Л.50 и др.

² Записано 22.VII.1981 г. в с. Уллу Бойнак.

³ ЦГА Северной Осетии. Ф.12. Оп.6. Д.785. Л.6.

¹ ЦГА РД. Ф.90. Оп.1. Д.1. Л.40.

² Белокуров С.А. Сношения России с Кавказом. Вып.1. М., 1889. С. 293; Кушова Е.Н. Указ.соч. С. 50.

выражали недовольство своими князьями. Так, в одной кумыкской песне узденъ, например, говорит бию:

Бийим, сени кѣп юрюдюм солунгдан...
Объзом тенгли адамланы кьаратып,
Не бергенсен магъа, бийим къслунгдан?
Сизим къавум чепкен берсе тонбермес,
Сизге бакъгъан батыр эрлер гюн гермес.

Мой бий, много я ходил, держась с левой стороны от тебя...
На виду у равных мне людей,
Что ты дал мне, мой бий, собственноручно?
Ваш род, если даже даст черкеску, не даст шубу,
Зависимы от вас мужчины – батыры не увидят (света) дня¹.

В чем заключалась разница в общественно-правовом отношении между сала-узденями и другими узденями-дружинниками, т.е. рядовыми узденями, несшими военную службу князю, сказать трудно. М.Б. Лобанов-Ростовский, а затем и Д.-М. Шихалиев, анализируя их общественное и экономическое положение, ставят сала-узденей намного выше других княжеских узденей. Лобанов-Ростовский, например, писал, что сала-уздени – «древние хозяева земли», что они «до утверждения русского владычества» резко отличались «от княжеских узденей, были богаче их»², что это «класс буйный, всегда готовый воспользоваться смутами, чтобы ослабить власть князей»³ и т.д. То же самое подчеркивает и Д.-М. Шихалиев, когда пишет, что «подобно сала-узденям, князья отличали пожалованием земель и многих других узденей с тем, чтобы они служили им по примеру сала»⁴. Словом, это были крупные дворяне, которые иногда держали себя независимо от князей. Дружинники из простых узденей, хотя и представляли из себя слой дворян, не могли иметь звания сала, так как оно было наследственным, а не пожалованным. Все это дает основание полагать, что сала-уздени, или уллу-уздени, по сравнению с узденями-дружинниками занимали на феодальной лестнице более высокое положение и представляли собой значительную силу, с которой феодальная знать Кумыкии не могла не считаться.

¹ Къумукъланы йыр хазнасы (Сокровищница песен кумыков – кум.яз.). Махачкала, 1939. С. 93.

² Лобанов-Ростовский М.Б. Кумыки, их нравы, обычаи и законы. Кавказ, 1846, №37.

³ Там же.

⁴ Шихалиев Д.-М. Указ.соч. №40.

В первой половине XIX века, как, очевидно, и в более ранний период, обязанности нукеров-дружинников (помимо боевой службы, которая и в этот период имела определенное значение) состояли в основном в том, чтобы помогать феодалам осуществлять власть над зависимым населением. Иными словами, нукеры составляли аппарат, принуждающий население выполнять волю феодальной знати. Как отмечает М.Б. Лобанов-Ростовский, роль этих узденей в старину была более значительной, «когда каждый из князей проводил жизнь на коне и гордился толпою выезжающих за ним удалцов, земли свои раздавал не из того, чтобы в год получить меру пшеницы, но чтобы приобрести лишнего приверженца, всегда и везде обязанного ему сопутствовать. Теперь из селящихся на княжеских дачах выходит род вольных хлебопашцев, а тогда составлялся класс людей важных, княжеских узденей»¹.

Не случайно А. Белобородов отмечал, что «уздени жили обыкновенно при князьях, около его дома, в ауле»². Кстати отметим, что в крупных селениях Засулакской Кумыкии, таких, как Эндирей, Аксай и др., в более ранний период возле каждого княжеского рода располагались особые кварталы³, куда владельцы селили в первую очередь своих узденей, чагаров и рабов. Со временем этот принцип заселения нарушился⁴.

В Адатах засулакских кумыков отмечается, что «каждый князь имел свою дружину, состоявшую из преданных ему узденей и живущих на его землях чагар. С нею ходил князь на войну и в набеги. В дружине княжеской служили и первостепенные уздени»⁵.

Очевидно, влияние узденей на князей тоже было значительным. Не случайно автор начала XIX в. (1804 г.) А.И. Ахвердов так охарактеризовал взаимосвязь узденей этой категории и князей Засулакской Кумыкии: «Владельцы их без согласия подвластных своих узденей, т.е. дворян, никакого дела предпринять не могут, и чаще бывает, что они должны соглашаться на мнение узденей, нежели уздени на владельческие предложения»⁶.

Кумыкский нукер, или узденъ не был простым наемником. Он

¹ Лобанов-Ростовский М.Б. Указ.соч., №38.

² Белобородов А. Прошлое кумыков. – Терские ведомости, 1896, №146.

³ Шихалиев Д.-М. Указ.соч., №40.

⁴ Шихалиев Д.-М. Там же.

⁵ Леонтович Ф.И. Адаты Кавказских горцев. Вып. II. Одесса, 1883. С. 190.

⁶ Ахвердов А.И. Описание Дагестана. 1804. – ИГЭД. С. 214.

считался свободным воином, который по своему желанию служил тому или иному господину. Однако, награждая такого узденя землей, владелец фактически ставил его в зависимое положение. У кумыков существовало выражение «узденъ тута» (нанимает или держит узденя). Это еще раз свидетельствует о роли узденя как служилого человека, вроде однодворца в истории России. Данные устного творчества также дают право предполагать, что в нукеры люди попадали не только добровольно, но и по принуждению сильных владетелей. Нукеры охраняли своего хозяина во всех его поездках. Уздень-нукер должен был мстить семье убийцы за смерть своего владетеля, а если убийцей был князь, то мстил его узденям. Кроме того, нукер-уздень должен был помогать князю в его домашних работах, присутствовать при приеме гостей, ездить с ним на охоту и т.д. «Собаки, соколы и лихой конь были товарищи, наиболее для него привычные», – пишет Шихалиев о таком уздене¹.

В более ранний период истории вассалитета обязанности нукеров-узденей, по-видимому, были еще сложнее. Они должны были не только проводить большую часть времени на коне, исполняя поручения своего владетеля, но и проливать кровь в междоусобной борьбе, защищая его интересы. Кроме того, они должны были, как отмечал М.Б. Лобанов-Ростовский, прислуживать князю дома, присматривать за его лошадьми, чистить оружие, выходить раз в неделю на княжеский сенокос² и т.д. С течением времени обязанности узденей-нукеров значительно изменились. «Черную» работу – уход за лошадьми, сенокосение и т.п. – стали выполнять не нукеры, а крепостные и другие зависимые крестьяне. И князья щедро награждали своих узденей за их труд, одаривали землей и другим имуществом.

В одном из прошений кумыкских князей на имя ген.-л. Вильямина от 1861 г., в частности, говорится следующее: «По старинному обычаю, ведущему от предков, кумыкские князья давали своим узденям горы, кутаны и другие имения, за что уздени, дети их и дети детей их князьям, их детям и детям детей обязывались служить навсегда. Если получившие таким образом земли и другие имения уздени или потомки их подарившим князьям или потомкам их, вероломствуя, не будут служить, или переселятся из деревни

того владетеля на землю другого, или, если сделаются узденями другого князя, то существует обычай отбирать подаренное. На основании этого обычая капитан князь Арсланбек Айдемиров дал один кутан капитану Аджи-Раджабу Казиханову, как узденю на следующих условиях: Раджаб должен с потомками и родственниками своими служить Арсланбеку, а если он изменит этому, отобрать назад. Дети упомянутого Раджаба, не служа своим князьям, сделались абреками. Кутан этот был взят в казну...»¹. Князья просили «вернуть его хозяевам, так как он (кутан – С.Г.) не был собственностью Раджаба»². Как видно из изложенного, князья, одаривая узденей землей, требовали постоянной верности князю или его потомкам. Тем не менее, П. Пржецлавский отмечал, что «каждый уздень считал себя равным русскому дворянину»³.

Феодалы не имели права наказывать своих узденей, но могли удалить их от себя, отобрав подаренное им имущество. Правовое и имущественное положение княжеских узденей в значительной степени зависело от того владетеля, вассалами которого они были. В более привилегированном положении были нукеры тарковского шамхала и старших засулакских князей.

Самые влиятельные из княжеских узденей, или сала-узденей, являлись аталыками (воспитателями) детей князя. Они были обязаны брать на себя расходы, связанные с выдачей замуж дочерей своих владетелей, подготавливали им приданое и т.д.

В отличие от биев, принимавших в качестве аталыков только тех из своих узденей-нукеров, на которых они полагались, сала-уздени и другие уздени-нукеры отправляли своих детей главным образом в горы, в семьи влиятельных горских узденей, устанавливая с ними прочные взаимовыгодные экономические связи.

Сала-уздени, хотя нередко и занимали высокое имущественное положение, все же не могли переходить и не переходили в сословие биев. Сала-уздени составляли среднюю феодальную прослойку кумыкского общества.

Адаты биев не одобряли неравных браков. Поэтому бии не вступали в родственные связи с сала-узденями или узденями-нукерами. Однако через аталычество они могли быть связаны с ними неразрывными узами. Воспитанный в семье своего аталыка,

¹ Шихалиев Д.-М. Указ.соч., №40.

² Лобанов-Ростовский М.Б. Указ.соч., №38; См. также: Белобородов А. Указ.соч.

¹ ЦГА РД Ф.105. Оп.2. Д.2. Л.1-3.

² Там же.

³ Пржецлавский П. Нравы и обычаи в Дагестане. – Военный сборник, 1860. Т.12. №4. С. 308.

«окруженный неусыпным попечением всех домашних, молодой князь на всю жизнь сохранял непоколебимую привязанность к семье своего воспитателя». Часто эмчеки (родные дети воспитателя), вместе с которыми рос княжеский сын, почитались им наравне с родными братьями.

Привилегированное положение имело и высшее духовенство, которое кроме своих мюльков, пользовалось вакуфными, или приречетскими, землями. Но эти вакуфы, как справедливо отмечал С.В. Юшков, в Дагестане не составляли больших владений, как это было, например, в Средней Азии. Духовенство распоряжалось значительной частью «заката», получаемого от крестьян в размере десятой части их урожая, а также от других доходов крестьян.

Кумыкское трудовое крестьянство также не являлось однородной массой. По своему социально-экономическому и правовому положению оно делилось на несколько групп. Различные прослойки крестьян, однако, не представляли собой нечто неизменное, возможны были переходы из одной группы в другую.

Основной производящей массой зависимых крестьян являлись рядовые уздени, которые делились на следующие категории: простые уздени (второстепенные уздени), или дёгерек-уздени (букв. «уздени круга» или «круглый уздень»), и азат-уздени (вольнотпущенные). Д.-М. Шихалиев и Н.Ф. Дубровин считают, что прослойка дёгерек-узденей у засулакских кумыков образовалась как из местного, так и из пришлого с гор населения¹. Особый интерес представляет социальный смысл термина «дёгерек-уздень». В исторической литературе по засулакским кумыкам термин «простой уздень» или «дёгерек-уздень», применявшийся к одной из категорий крестьян, переводится обычно как круглый уздень, уздень сам по себе, или как свободный человек². Однако социальная сущность и происхождение данного термина остаются до сих пор не выясненными. Анализ нового полевого материала и изучение самого термина «дёгерек» с привлечением сравнительных данных по другим народам (монголам, ногайцам – в форме курен) и т.д. позволяет, как нам представляется, глубже заглянуть в сущность и в историю образования этой социальной категории. Прежде всего о са-

мом термине «дёгерек». Известно, что монгольские, да и ногайские кочевые аулы нередко, особенно в периоды тревожных междоусобных столкновений, устраивались в форме полного кольца, кольцевая планировка называлась дёгерек или курен. Чтобы объяснить, в каком стойбище жил тот или другой человек, ногайцы, например, говорили: «Ол Гъажибайны дёгерегинде яшай» (живет он в кругу Аджибая), «Ол Бекмухамметни дёргерегинде яшай» (он живет в кругу Бекмухаммета) и т.д.

Возникновение термина дёгерек-уздень мы склонны связывать с тюменами, влившимися в свое время в состав засулакских кумыков.

Известно, например, что после образования русскими Терского города на р. Тюменке в конце XVI в. часть тюменских ногайцев переселяется на территорию Эндирея и вскоре смешивается с местным населением.

Каждый кумыкский князь и мурза имели своих узденей, свою дружину, живших на их землях. С ними князья уходили на войну, в набеги и т.д. Словом, дёгерек-уздени – это были первоначально общинники, иногда наделенные князьями и мурзами небольшими земельными участками за их военную и другую службу и жившие, группируясь вокруг их усадеб, «под рукой» своих владетелей, в их дёгерехах-«бийни дёгерегинде» (букв. в кругу князя).

По своему значению термин этот очень близок (возможно даже идентичен) другому термину – «кьябакъ-уздень». Тем не менее последний почему-то не вошел в письменные источники, однако о его бытовании у кумыков в прошлом свидетельствует устная традиция.

Правда, согласно письменным источникам, просто уздени и дёгерек-уздени, не имея собственной земли, должны были работать на землях феодалов, платить им подати и нести в их пользу повинности, а следовательно, вступать в ряды феодально-зависимых крестьян, хотя на первый взгляд они казались лично свободными, так как могли распоряжаться собою по своему усмотрению и юридически сохраняли за собой право свободного перехода с места на место. «Средний класс (дёгерек-уздень), описанный в третьем разряде, – пишет Шихалиев, – как безземельный, но свободный, может переходить из одного квартала в другой или от одного рода к другому, лишь бы подчинялся обычаям того квартала, куда перехо-

¹ Шихалиев Д.-М. Указ.соч., №42; Дубровин Н. Указ.соч. С. 628.

² О дёгерек-узденях см.: Магомедов Р.М. Указ.соч. С. 177; Гаврилов П. Устройство поземельного быта горских племен Северного Кавказа. – ССКГ. вып.2. Тифлис, 1869. С. 38.

дит»¹. Под «обычаями квартала», конечно, нужно понимать условия, которые новый феодал мог продиктовать узденю. Переход к новому владельцу был связан с лишением узденя части имущества и рядом других препятствий. Если кто-нибудь из узденей добровольно и уходил к другому князю, то он должен был оставить своему прежнему владельцу в неприкосновенном виде все свое недвижимое имущество – дом, хозяйственные постройки и т.д.; если же «он изгонялся самим князем, то мог взять с собой двери и оконные рамы»². Словом, категория дёгерек-узденя – явление сложное, требующее дальнейшего изучения. Особенно это касается разницы между дёгерек-узденями и «узденями князей». Последние у засулакских кумыков именовались и «кьабакъ узденями». Были ли они идентичны однодворцам на Руси, не известно.

Относительно личная свобода узденей при почти полном отсутствии у них земли на правах владения (если не считать отдельные мюльки некоторых узденей), возможность, хотя и с ограничениями, перехода от одного помещика к другому составляют специфические особенности феодальных отношений у кумыков. Эта специфика, хотя и в меньшей степени, была присуща также кумыкам Тарковского и Мехтулинского владений.

Хотя в укреплении экономической власти помещиков большое значение имело внеэкономическое принуждение, основой феодализма являлся, однако, такой важный экономический фактор, как феодальная собственность на землю. Внеэкономическое принуждение к наиболее многочисленной группе крестьянства, т.е. узденству, не применялось в той степени, как, например, в дореформенной России, зато феодальная собственность на землю, при отсутствии основного средства производства (земли) у самих производителей, ставила многочисленную массу крестьян в феодально-зависимое положение. Отметим, что для этой группы населения личная зависимость в принципе отсутствовала. При полной личной независимости крестьянин, уже наделенный землей, не стал бы работать на феодала.

Переход крестьян из низшей категории в более высокую совершался нелегко. Шихалиев, например, отмечает, что если когда-либо князья наделяли отдельных дёгерек-узденей пахотной землей,

кутаном или, делая их аталыками своих детей, отличали особым почетом, то такие дёгерек-узденя становились узденями второго разряда или даже сала-узденями. Автор, однако, подчеркивает, что такое повышение «в классах приобретением имени... происходит исподволь, а не официальным пожалованием. Требуется много времени, чтобы перешедшего из третьего во второй класс отвыкли называть дёгерек-узденем»¹. Заслуживает внимания сообщение А. Белобородова о том, что «первостепенный узденя, принужденный заниматься лично полевыми работами, исключался из своего сословия и вступал в разряд второстепенных». «Это, между прочим, – писал А. Белобородов, – характеризует взгляд узденя на труд, не изменившийся и до настоящего времени»².

Следующую категорию узденей составляли азаты (азат-узденя), или вольноотпущенные («азат» в переводе означает «освободившийся», «свободный»). Феодал мог отпускать своих рабов или чагаров на свободу за деньги или при каком-нибудь другом условии. Порою отпускались на волю и торговые люди. Таким образом, основными источниками пополнения числа азатов были освобожденные крепостные и рабы. Однако освобожденная семья еще долго сохраняла «отношения подчиненности к семье бывших господ»³.

М.Б. Лобанов-Ростовский считает, что «отпущенники большей частью люди торговые, богатые и потому часто бывает, что уже дети их вступают в брак с дочерьми узденей; через несколько поколений происхождение их сглажено, если не забыто, и они почитаются узденями наравне с прочими»⁴. Н.Ф. Дубровин также отмечает, что освобожденный азат сам «никогда не мог вступить в разряд второстепенных узденей, хотя бы приобрел поземельную собственность», но его потомки «в четвертом поколении переходят в сословие простых узденей, или людей свободных»⁵. Подобно второстепенным узденям, азаты в своей основной массе были безземельными, жили «на землях, принадлежащих князьям или первостепенным узденям, на известных условиях»⁶. Отмечая незамкну-

¹ Шихалиев Д.-М. Указ.соч., №41, 42; см. также Белобородов А. Указ.соч.

² Белобородов А. Указ.соч.

³ Лобанов-Ростовский М.Б. Указ.соч., №37.

⁴ Там же.

⁵ Дубровин Н. Указ.соч. С. 629-630.

⁶ Леонтович Ф.И. Указ.соч., ч.II. С. 192.

¹ Шихалиев Д.-М. Указ.соч., №42.

² Тульчинский Н. Поземельная собственность и общественное землепользование на Кумыкской плоскости. – Терский сборник. Вып.6. 1903. С. 61.

тость кумыкских сословий в Засулакской Кумыкии и возможность перехода узденей из одной степени в другую, А. Белобородов, однако, писал: «Труднее был переход от третьестепенных узденей к высшим сословиям, но все же возможен. Только князем стать не мог раб ни лично, ни в своем потомстве, – по крайней мере, трехвековое прошлое кумыкского народа не представляет тому примера»¹.

Следующую категорию зависимого населения составляли чагары – чагъарлар. Этимология этого слова не совсем ясна. Одни из авторов выводят это слово от кумыкского глагола «чыкъмакъ» (выходить), другие считают этническим термином².

Чагары составляли категорию крестьян, находившуюся в полной личной и земельной зависимости от владельца. Они не имели никаких прав на землю, им отведенную, и при отчуждении этой земли владельцем могли сохранить за собой только то имущество, которое было приобретено ими лично.

Одним из источников образования категории чагаров были

¹ Белобородов А. Указ.соч.

² Магомедов Р.М. Указ.соч. С. 179; Скитский Б.В. К вопросу о крестьянских движениях на Северном Кавказе во второй половине XVIII в. «Изв. Северо-Осетинского научно-исслед.ин-та». Т.XVII. Орджоникидзе, 1956. С. 163. Мы же полагаем, что слово «чагар» не местного происхождения, а монгольского; занесено сюда в качестве социального термина в период завоевательных походов монголов. Известно, что в эпоху Чингиз-хана «чахарами» называлась челядь, находившаяся при дворах (ставках) монгольских вельмож и князей. Термин «чагар» в том же значении встречается у кумыков и у некоторых других тюркоязычных народов, в частности, у якутов (см.: К о з и н С.А. Сокровенное сказание. Л., 1940. С. 57; Окладников А.П. Социальный строй предков якутов. СЭ, 1947, №2. С. 101-102). По сведениям В.В. Бартольда, в средневековом Туркестане «чакирами» назывались слуги землевладельцев и купцов, причем их дома «были расположены вокруг замка землевладельца». «Исторические тексты показывают, – пишет академик В.В. Бартольд, – что под чакирами надо понимать военную силу, которой располагали князья и вельможи; из чакиров состояло в домусульманскую эпоху войско самого могущественного из местных владетелей Самаркандского ихшида; некоторые арабские наместники, в подражание туземной аристократии, тоже окружали себя отрядами из чакиров или по арабскому произношению шакиров» (см.: Бартольд В.В. Сочинения. Т.II, Ч.I, М., 1963. С. 209). Так что, как нам думается, термин чагар имеет сложную историю, и попытка некоторых исследователей установить генетическую связь термина «чагар» с кумыкским глаголом «чыкъмакъ» нам представляется не оправданной. Если бы термин «чагар» был связан с глаголом «чыкъмакъ», то первый гласный в слове «чагар» (чагъар), был бы не «а», а «ь» (чыгъар), ибо в кумыкском языке нет закона регрессивной ассимиляции гласных.

«семейства холопов, выселяемых князьями из дворовой прислуги»¹, т.е. рабы. «Чагары, – пишет М.Б. Лобанов-Ростовский, – те же холопы, избавленные от домашней службы и которым предоставлено, на известных условиях, право пользоваться некоторыми участками господской земли»². Несколько иную характеристику категории чагар дает и князь Хамзаев: «Чагары – называются вообще рабы, получившие свободу, – пишет он, – из них одни пользуются свободой по отпускаемой бумаге и прежние владельцы не имеют на них никаких прав. Те же из чагаров, которые отпускной бумаги не имеют, остаются в зависимости и обязаны нести известную повинность владельцам»³. «Чтобы увеличить доходы, – писал А. Белобородов, – князья, тяготевшие содержанием многочисленной дворни, начали освобождать своих рабов от домашней службы на некоторых условиях, различных в зависимости от местности и от воли каждого отдельного князя. Таким образом, произошел многочисленный класс чагаров, обязанных отправлять известную барщину, сеять, косить, убирать хлеб и свозить его к дому владельца. За это чагары получали во владение участки земли»⁴. В данном случае под «владением» следует понимать аренду земельного участка на определенных условиях.

Кстати, автор сравнивает положение чагара со статусом арендатора, но вместе с тем отмечает, что чагар «мог быть продан, но лишь в пределах того округа, в котором жил»⁵. Надо отметить, что эта категория зависимых крестьян постепенно увеличилась за счет безземельных горцев, которые, спускаясь на плоскость в поисках средств к существованию, поселялись на кабальных условиях на землях кумыкских феодалов.

М. Ковалевский отмечает, что «отличием чагаров или крепостных от собственно рабов, известных в Дагестане под названием кулов и каравашей, служило то обстоятельство, что крепостные поселены были на землях владельцев самостоятельными хозяйствами. Это обстоятельство, впрочем, не давало им никаких прав на землю...»⁶.

Характерно, что как бии, так и отдельные уздени имели своих

¹ ЦГА РД. Ф.105. Оп.2. Д.99-а. Л.3.

² Лобанов-Ростовский М.Б. Указ.соч., №37.

³ Хамзаев. Кое-что о кумыках. – Кавказ, 1865, №68.

⁴ Белобородов А. Указ.соч.

⁵ Там же.

⁶ Ковалевский М. Закон и обычай на Кавказе. Т.I. М., 1890. С. 227.

чагаров. Узденские чагары обычно жили при дворах владельцев, а княжеские чагары, наоборот, чаще всего жили в господских дворах. Рента, получаемая с чагаров – бывших рабов, была более высокой, нежели с чагаров «пришлых». Первые, как бывшие дворовые люди, обязаны были выходить на работу «по востребованию»¹ владельца, а требовать он мог их «во всякое время и на неопределенное число дней»².

Для выяснения вопроса о том, как в чагары попадали не только бывшие дворовые люди, но и горская безземельная беднота, представляет интерес приводимый ниже документ, составленный на основании показаний землевладельцев, а также существовавших в 30-40-х годах XIX века письменных отчетов Кумыкского отдела сословно-поземельной комиссии. «Аксаевские жители, называемые чагарами, – говорится в этом документе, – неоднократно жаловались, что общество их состоит под властью князей, не имеющих на то никакого права потому, что предки просителей в давнее время переселились в деревню Аксай с разных мест по своей вине, а не силою князей и не приобретены ими покупкою, почему и получили название чагар, означающее на кумыкском языке вольные. В то время князья не имели никакого права насильного с ними управления... После же князья стали употреблять их на все работы насильно и продавать в посторонние руки как крестьян»³.

В приведенном документе большой интерес представляет также объяснение значения термина «чагар». В отличие от существующего толкования этого слова (вывод рабов со двора владельца на землю или как социальный термин, занесенный извне) сами чагары трактуют его как «вольный», «свободный».

В категорию чагаров попадали и те холопы, которых привозили в качестве приданого кабардинские княжны при выходе замуж за кумыкских князей.

Чагары, как правило, поселялись отдельными кварталами – «авулами», недалеко от владельцев. В с. Эндирей, например, эти кварталы назывались «Тюмень-чагар», «Адиль-Гирей-чагар», «Ай-демир-чагар», «Темир-чагар»; в с. Аксай – «Адиль-чагар», «Каплан-чагар» и в с. Тарки, с. Башлы и др. – просто «чагар-авул».

Чагары были обязаны «исполнять повинности естественными

произведениями... Первого рода повинности заключались в арбе дров, мешке пшеницы, от имеющих баранов – по барану в год; отдельные же повинности не были определены обычаем и совершенно зависимы от воли владельца»¹.

Чагар как человек крепостной мог быть продан своим владельцем в другие руки. «Сборник адатов шамхальства Тарковского и ханства Мехтулинского», собранных и систематизированных известным исследователем обычного права горцев А.В. Комаровым, содержит целый раздел об условиях купли и продажи чагаров, который называется «чагар-сатув» (торговля чагарами)². Из этого сборника адатов видно, что владелец не мог продавать своего чагара за пределы данной местности. «Не дозволяется ... продавать крестьян (имеются в виду чагары – С.Г.) лицам, принадлежащим к другому обществу. Если же вопреки этого установления случится продажа, то проданные крестьянин или крестьянка возвращаются продавцу», – гласит одно из положений раздела, посвященного купле и продаже чагаров³. Почти то же самое сообщает М.Б. Лобанов-Ростовский. Он пишет, что чагара могли продать только «в тот самый округ, где он поселен»⁴.

Следует обратить внимание и на другие нормы обычного права, касающегося чагаров. По адату, хозяин приобретенного чагара не имел права продавать его кому угодно. В первую очередь он должен был предложить этого чагара прежнему владельцу, а если у чагара несколько раз менялись владельцы, то всем этим людям в обратном порядке. При этом он должен был продать его по той же цене, за которую купил сам. Только в случае отказа бывших владельцев приобрести этого чагара, новый владелец мог продавать его посторонним, но без разрешения предыдущего владельца все же не мог получить более высокую цену. «В противном же случае, – гласит положение указанного выше сборника адатов, – излишек против покупной цены возвращается прежнему владельцу»⁵.

Все эти установления говорят о том, что в исследуемое время в

¹ Дубровин Н. История войны и владычества русских на Кавказе. Т.1. Кн.1. СПб., 1871. С. 605.

² ЦГА Грузии. Ф.1087. Оп.2. Д.272. ЛЛ.1-18.

³ Там же. Л.17.

⁴ Лобанов-Ростовский М.Б. Указ.соч., №38.

⁵ ЦГА РД. Ф.1087. Оп.2. Д.272. Л.17 (Сборник адатов шамхальства Тарковского и ханства Мехтулинского); См. также: Памятники обычного права Дагестана XVII-XIX вв. М., 1965.

¹ ЦГА РД. Ф.126. Оп.2. Д.72-а. ЛЛ.4-5; Оп.1. Д.11-б. Л.2.

² Там же. Оп.2. Д.72. Л.2.

³ Там же. Ф.105. Оп.1. Д.6. Л.17.

первой половине XIX в. в Кумыкии наметилось ограничение торговли чагарами, стремление определить их на постоянное жительство в одном и том же месте, у одних и тех же владельцев.

Чагары могли выкупаться на волю, заплатив хозяину за душу от 50 до 200 рублей серебром¹, смотря по состоянию. Этот акт, как свидетельствуют литературные и архивные данные, мог совершаться только с согласия владельца. При этом владелец мог отпускать своих чагаров не только за деньги, но и за разного рода службу.

Чагары принадлежали главным образом биям и разделялись на несколько обществ по бийским домам. Название «чагар» употреблялось и сохранялось в унижительном смысле и переходило из поколения в поколение. «Никакая давность, – пишет Хамзаев, – не уничтожала название чагара. Оно остается в роду навсегда неизгладимым пятном. Есть между ними и такие, которые сами не знают даже, когда и почему они сделались чагарами»².

Как уже указывалось, чагары подвергались прямому внеэкономическому принуждению. Феодал, хотя и наделял своего чагара землей, все же сохранял за собой право в любое время заставлять его работать на себя. Таким образом, личная и поземельная зависимость в данном случае целиком совпадали.

Условия, в которых находились чагары, были различны и напрямую зависели от предоставленной им земли и положения их владельца. Не случайно многие авторы, писавшие о сословном строе кумыков (Н.Ф. Дубровин, Ф.И. Леонтович, Р.М. Магомедов, Б.В. Скитский и др.), делят чагаров на две категории: первостепенных и второстепенных. Узденские чагары находились в более тяжелых условиях³. Думается, что в отличие от бийских, чагары узденей в историческом плане явление более позднее.

Чагары не раз обращались в вышестоящие органы, в частности к русской администрации, с жалобами о своем тяжелом положении, прося вмешательства в разборе их отношений с владельцами, но безрезультатно. Так, например, в 1844 году аксаевские чагары обратились с прошением к командующему кавказским корпусом генералу Головину. Тот послал жалобу начальнику левого фланга

кавказской линии ген.-л. Ольшевскому, который якобы разобрался и «установил неправоту чагар». «Разбирал» жалобу аксаевских чагаров ген.-л. Граббе, который на письменном докладе Ольшевскому наложил резолюцию следующего содержания: «Теперь не время приступать к разбору этого дела, потому что решение его несомненно породит неудовольствие со стороны чагар или князей, коих сторону во всяком случае мы должны поддерживать, тем более, что и при настоящих обстоятельствах большая часть из них – если не все – оказывают нам преданность и усердную службу»¹. В следующем 1842 г. аксайские чагары направили аналогичную жалобу военному министру². Действительно, время было очень сложное, шла Кавказская война. Разбирались жалобы чагаров и на заседаниях Андреевского городского суда. Рассмотрев дело о чагарах, суд, например, 8 июня 1837 г. заключил, что чагары «были и есть подвластные князей кумыкского владения, переходили в подданство от рода в род, что предки их имели полное право продавать чагар как своих крестьян и отпускать на волю за деньги ... что аксайские князья неотменно должны распоряжаться ими как своими крестьянами, живущими на их землях и пользующимися ею»³.

К этой же категории крестьян обычно относят и небольшую группу населения Кумыкской плоскости, известную под названием «теркеме». Хамзаев писал: «Теркеменцы в таких же почти отношениях к князьям, как и чагары – одни свободны, другие – нет, но разнятся от чагаров своим происхождением»⁴. «Теркеме, – писал Шихалиев, – многочисленное и рабское племя, по правам почти то же, что и чагары, если не ниже... Князья могут дать их узденям, но с тем, чтобы не переселять на другое место, а только пользоваться оброком, следовавшим с них князю»⁵. Теркеменцы не были аборигенами. Они являлись пришлым из Кайтага населением, поселившимся на данной территории в XVIII веке⁶, и принадлежали только четырем княжеским фамилиям. Жили теркеменцы в селениях Чонт-аул, Темир-аул и в одном из кварталов Костека.

¹ Там же. Л.22.

² Там же.

³ Там же. Л.18.

⁴ Хамзаев Указ.соч. №68.

⁵ Шихалиев Д.-М. Указ.соч. №43.

⁶ См. подробно: Гаджиева С.Ш. Дагестанские теркеменцы. XIX – начало XX вв. М., 1990. С. 19-21.

¹ ЦГА РД. Ф.105. Оп.1. Д.6. Л.27; Лобанов-Ростовский М.Б. Указ.соч., №38.

² Хамзаев. Указ.соч., №68.

³ ЦГА РД. Ф.105. Оп.1. Д.6. Л.35.

По данным 1866 года, на Кумыкской плоскости (без Присулакского наибства) чагаров и теркеменцев насчитывалось 2313 душ, из них 1257 душ составляли теркеменцы и 1056 душ – чагары¹. Точных данных о числе чагаров в Тарковском шамхальстве и ханстве Мехтулинском мы не имеем. По некоторым сведениям, чагаров в Тарковском шамхальстве насчитывалось 90 дворов².

Итак, теркеменцы, так же как и чагары, составляли здесь категорию крепостных крестьян. Разница их положения заключается в том, что чагары в значительной своей части являлись бывшими рабами, посаженными на землю, в то время как теркеменцы в рабской зависимости раньше не находились. Бывшие свободные крестьяне теркеменцы в силу ряда обстоятельств оказались на Кумыкской плоскости и стали пользоваться землей феодалов на правах крепостных крестьян.

Последнюю категорию зависимого населения составляли рабы (по-кумыкски, раб – «кзул», а рабыня – «къарабаш»). На официальном языке они назывались безобразными беззататными холопами³. Точных сведений о числе рабов в кумыкских владениях в исследуемый период мы не имеем. Известно, однако, что в одном только Кумыкском округе к моменту отмены рабства их было 276 семейств, или 944 души обоего пола⁴, а всего в Дагестане вместе с Тарковским шамхальством, ханством Мехтулинским и Присулакским наибством (без Кумыкского округа) – 3987⁵, в том числе в Северном Дагестане – 460 душ⁶, по другим данным – в 1867 г. в Кумыкском округе насчитывалось холопов 3275 душ, из них 944 раба, 1056 чагаров и 1257 теркеменцев⁷.

Каково было место рабовладельческого уклада в хозяйственной жизни народа, определить трудно. Ясно, однако, что в иссле-

дуемый период рабовладельческий уклад не играл большой роли. В это время рабство уже было пережиточным явлением. В изучаемое время рабы жили при дворах владельцев. Часть из них, как отмечает Р.М. Магомедов, состояла «из дворовых слуг ... другая часть работала на поле в хозяйстве феодала»¹. Молодые красивые рабыни становились нередко наложницами своих владельцев.

Число рабов, как видно из приведенных выше данных, было сравнительно невелико; в основном они представляли собой дворовую прислугу (патриархальное рабство), частично были заняты в сельском хозяйстве. В селении рабы в отличие от чагаров не всегда составляли отдельные кварталы, а жили при дворе своих хозяев. По закону «кзул» и «къарабаш» («караваш») были полностью во власти своего господина. Он мог не только продать раба вместе с семьей или отдельно, но даже казнить. «Рабы и рабыни, – сообщает в докладной записке от 30 марта 1861 года начальник Дагестанской области главнокомандующему Кавказской армией князю Барятинскому, – считаются принадлежностью владельцев своих, как всякое другое домашнее животное, с которым хозяин вправе поступать, как он хочет. Их личность ограждается одним только интересом владельца, и они берегут невольников своих не потому, чтобы ответственность за их обиды, увечья или даже смерть, а потому, что, лишившись раба, понесут материальный ущерб»².

Главным источником пополнения контингента рабов были войны и набеги феодалов в соседние области, что давало большое число пленных, обращаемых в свою очередь в домашнюю прислугу. Их число пополнялось и за счет людей, «обманом вывезенных из своих деревень и проданных потом... кумыкским князьям или узденям»³. Число рабов иногда пополнялось и за счет должников. Например, интересно, что у засулакских кумыков за воровство имущества князя виновный платил в десять раз больше стоимости краденого; в случае же, если виновный «оказывался не в состоянии выплатить в десять раз более, ... то виновный поступал к князю в рабство»⁴.

Приобретались рабы и путем покупки. В 1633 г. в челобитной

¹ Освобождение зависимых сословий во всех горских округах Терской области. – ССКГ. Вып. I, Тифлис, 1868. С. 39-40. Сюда не вошли данные о численности теркеменцев в с. Чонт-аул Присулакского наибства.

² Шамхалы Тарковские. – ССКГ. Вып. I, Тифлис, 1868, примеч. к с. 78. Историческая записка, составленная Временною Комиссиею, наряженною для определения личных и поземельных прав туземцев Темир-Хан-Шурина округа.

³ Освобождение зависимых сословий во всех горских округах Терской области. – ССКГ. Вып. I, Тифлис, 1868. С. 38.

⁴ Гаврилов П.А. Устройство поземельного быта горских племен Северного Кавказа. – ССКГ. Вып. II, 1869. С. 48.

⁵ ЦГА РД. Ф. 126. Оп. 2. Д. 71. Л. 7.

⁶ Освобождение бесправных рабов в Дагестане. – ССКГ. Вып. I, 1868. С. 49.

⁷ ЦГА СО (Северной Осетии). Ф. 12. Оп. 4. Д. 108. Л. 42.

¹ Магомедов Р.М. Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII – начале XIX вв. Махачкала, 1957. С. 182.

² ЦГА РД. Ф. 126. Оп. 2. Д. 71-а. Л. 1.

³ Лобанов-Ростовский М.Б. Указ. соч. №37.

⁴ Дело по поводу определения сословных прав туземного населения Терской и Кубанской областей. – Рук. фонд ИИАЭ. Д. 1300. С. 153.

посла шамхала тарковского Томулдука царю Михаилу Федоровичу говорится о разрешении купить для шамхала в Астрахани рабов: «И государь де жаловал, позволил ему в Астрахани купить на Ильдар-шевкала татарского ясырю 15 человек»¹.

В том же 1633 г. в Грамоте посольского приказа в Терки говорится о том, что Томулдук купил двух рабов черкесского происхождения (мужа и жену) и «... дал за них 30 руб. и свез с собою в Кумыки. И в Кумыках де у того человека жена умерла и после де жены тот человек от Томулдука сбежал, пришел на Терек в казачьи городки и жил у казаков, от Томулдука таясь»².

В 1638 г. в челобитной посла Кайтагского уцмия царю Михаилу Федоровичу говорится о разрешении купить в Астрахани «татарского ясырю 11 душ»³. Таких фактов покупки рабов в архивных документах встречается немало. Судя по сохранившимся материалам, кумыкские владетели неоднократно обращались к Кизлярскому коменданту с просьбой помочь выявить и вернуть рабов, бежавших за пределы Кумыкии.

Так, в сентябре месяце 1643 г. в своей челобитной царю Михаилу Федоровичу эндириевский владетель Султан-Мут и его сын Казаналип писали о возвращении им беглых людей-рабов, находившихся в Терском городке. «О том мы вам, великому государю, бьем челом, – писали они, – чтоб к терским воеводам велеть отписать грамоту, чтобы людей наших не временничали, бьем челом великому государю, что наши холопы, рабы бегают в ваш, великого государя, город, а воеводы нам их не отдают, у вас, великого государя, милости просим и бьем челом о том вам, великий государь, указ учинить, чтобы наших беглых людей и рабов терские воеводы назад отдавали»⁴.

Еще в начале XIX в. в Дагестане сохранялась работорговля. Кумыкское селение Эндирей считалось одним из центров торговли рабами и пленными. «Из Эндери скованных пленников по два вместе за одну руку приводят большими конвоями через земли чеченские, ингушские и черкесские скрытыми дорогами мимо Российских караулов до Анапы. Прежде таковые караваны отправлялись также через Кумыкскую и Кубанскую степи в Крым и оттуда в

¹ Русско-дагестанские отношения XVII – первой четверти XVIII вв. Документы и материалы. Махачкала, 1958. С. 103.

² Там же. С. 110.

³ Там же. С. 131.

⁴ Русско-дагестанские отношения XVII – первой четверти XVIII вв. С. 163.

Константинополь», – писал в начале XIX века С.М. Броневский¹. Тот же автор указывает, что турецкие купцы, нагрузив корабли пленными, отправляли их из Константинополя в Египет, в левантские порты и т.д.² При покупке раба учитывались возраст, телосложение, физическое здоровье, порою и красота (особенно для рабынь). Цена их доходила до 200 рублей и более.

«Деревня сия есть, – писал об Эндирее А.И. Ахвердов в 1804 г., – всему кавказскому народу воротами, ведущими на плоскость, в которую из всех мест лезгины, в Кавказе внутри живущие, чеченцы и прочие народы достатых ими в плен разных родов людей приводят на продажу, которых большею частию покупают у горцев и чеченцев сами эндириевские жители и продают в Кизляр с хорошими выгодами для употребления в садах виноградных... Сим ремеслом, перекупкою и продажею пленных андириевцы довольно обогатели. Часть же пленных самых лучших обою пола дают андириевцы приезжающим из Константинополя и Анапы туркам и жидам, а иногда и сами доставляют в Константинополь и продают там за великие деньги»³.

С присоединением Дагестана к России работорговля в крае значительно сократилась. Сократилось и само рабство. «С водворением русского владычества на Кавказе, – писал Д.-М. Шихалиев, – с построением в Кумыкском владении в 1818 году крепостей и занятием впоследствии времени нашими войсками Джаро-Белоканской области, промысел этот (работорговля – С.Г.) совершенно упал»⁴. Ермолов, в частности, закрыл рынок рабов в с. Эндирей, близ которого была построена крепость Внезапная. Более того, он запретил вывоз рабов для продажи туркам. «... Недавно еще строгим настоянием моим и усердием определенного вновь старшего владельца (Шефи Темирова – С.Г.), – писал Ермолов из Эндирея 7 июля 1819 года, – прекращен торг невольниками, которые свозились из гор и дорогой весьма ценной продавались в Константинополь»⁵.

¹ Броневский С. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. Ч. I. С. 313-314.

² Там же. С. 311.

³ Ахвердов А.И. Описание Дагестана. 1804. – ИГЭД XVIII–XIX вв. Архивные материалы. Под редакцией М.О. Косвена и Х.М. Хашаева. М., 1958. С. 213.

⁴ Шихалиев Д.-М. Указ. соч. №43.

⁵ Рапорт Ермолова князю Волконскому. – АКАК. Т. VI. Ч. II. С. 9.

Однако и после Ермолова какое-то время продолжалась работорговля в Дагестане. Надо отметить, что и среди кумыков были свои работорговцы, которые специально ездили в другие области Кавказа для покупки дешевых рабов и реализовывали по выгодной цене в Эндирее другим рабпромышленникам.

Нередко в рабы попадали люди свободного происхождения и даже переходили от одного владельца к другому. Например, в своей жалобе Магомед Яхья оглы – житель с. Большие Казанищи (Нижнее Казанище) Темир-Хан-Шурина округа писал 2-го ноября 1865 г. на имя начальника Терской области, что их бек Далхат сын Абдул-Муслим шамхала продал в 1850 г. в с. Аксай жителю Магату беременную женщину Рукият Айдемир кызы, причем свободного происхождения, обвинив ее в плохом поведении, за две лошади стоимостью 100 рублей серебром. У Магата Рукият родила сына Яхью. Магат, с свою очередь, отдал рабыню своей сестре, муж которой обратил ее в жены. После этого она была продана в Малую Кабарду Ахеминову. Последний, в свою очередь, продал ее другому кабардинцу Афаунову Аису, который освободил ее в 1867 г. «на волю за 200 руб. серебром, с условием вносить эту сумму по 25 руб. серебром в году»¹. Рукият была передана малокабардинцу Астемирову «для отработывания откупной суммы»².

Шла по этому поводу большая переписка. Наконец-то начальник Георгиевского округа в 1872 г. сообщил начальнику Терской области: «Рукият, живя в настоящее время у Астемирова, откупную сумму свою окончит отработывать в 1874 г. Пособие ей выдано 50 рублей для обзаведения хозяйством»³. Так она оставалась временно обязанной до 1874 г.

Эндиреевский уздень первой степени Мутай Кандауров 22 января 1865 г. пишет начальнику Терской области: «В прошлом в 1864 году я поехал в Кубанскую область за покупкой разных товаров по дешевым ценам. Там же купил и девять душ холопов и холопок... Из них желаю оставить при себе трех, а остальных предположил продать. Между тем начальство воспрещает это сделать»⁴. Рабовладелец просит начальника области ходатайствовать перед

вышестоящим начальством разрешить провести торг рабами¹. Судя по архивным данным, в 1864 г. отдельные рабовладельцы Эндирея, «увлеченные слухами, что в Кубанской области можно по очень дешевой цене приобретать себе холопов, отправились туда и вывезли с собой, под видом холопов, целые семейства и порознь сирот»². Так работорговцы из Эндирея вывезли оттуда 50 рабов, приобретенных по разным ценам: 35, 50, 90, 100 руб. Сами они, хозяева живого товара, перепродавали их за 100, 200 руб.³ Если верить тем же архивным документам, в 1863-64 гг. при переселении горцев Кубанской области в Турцию, «было продано весьма много детей уходившими в Турцию горцами оставшимся в России горцам как Кубанской, так и Терской и Дагестанской областей»⁴. По этому случаю главнокомандующий армией издал специальные правила о том, как поступать с этими детьми.

По адату, дети невольницы, рожденные от брака со свободным человеком, также обращались в рабство того же владельца, кому принадлежала мать. В этом отношении определенный интерес представляет пример одной такой семьи из Кумторкала – Янгиурчу, человека свободного сословия, и его жены рабыни Мана. Как отмечается в докладной записке начальника Дагестанской области от 30 марта 1861 г. главнокомандующему Кавказской армией ген.-фельдмаршалу Барятинскому, вдова одного из беков с. Кумторкала, Меседи-бийке, рожденная в Засулакской Кумыкии, при разделе имущества после смерти мужа получила, помимо прочего, 9 рабов. Невольники эти состояли: из старика Амирхана (70 лет), родившегося в селении Кумторкала и всю жизнь служившего в доме мужа Меседи-бийке; из дочери его Мана (35 лет), рожденной от невольницы, и из 7 человек детей ее, рожденных от брака со свободным человеком – жителем Кумторкала – Янгиурчу. После смерти мужа Меседи, собираясь переехать в родную деревню Эндирей, потребовала, чтобы доставшиеся ей рабы последовали за нею. Не желая оставить свое родное селение, в котором он худо-бедно имел свое хозяйство, а также расставаться с женой и детьми, отец семейства Янгиурчу стал возражать против разлуки с детьми и женой, настаивал, чтобы семья его «оставлена была в услужении беков в

¹ ЦГА СО. Ф.12. Оп.6. Д.165. Л.2.

² Там же. Л.19, 22, 28.

³ ЦГА СО. Ф.12. Оп.6. ЛЛ.19, 22, 28.

⁴ ЦГА СО. Ф.12. Оп.4. Д.7. Л.8.

¹ Там же. Л.3.

² Там же. Л.6.

³ Там же. Л.97.

⁴ Там же.

с. Кумторкала». Но безрезультатно: жену и детей отправили связанными. Причем, Меседи-бийке еще угрожала несчастным, что она «распродаст их всех в разные руки». Сколько ни обращался Янгиурчу к русским властям в Дагестане, защитить себя и свою семью, не смог. Шла по этому делу большая переписка. Жалоба Янгиурчу была подана на разбирательство в Дагестанский народный суд, который, рассмотрев его дело и считая, что поступок владельницы не противоречит «существующим в Дагестане обычаям», решил дело «в пользу Меседи-бийке». Оставался для Янгиурчу один выход – выкупить семью, а для этого у него не было средств и этим способом по бедности он не мог воспользоваться¹.

Обращая внимание на такие факты, начальник Дагестанской области указывал как на самые «тягчайшие правила адата», а именно «на продажу членов одного и того же семейства порознь и в разные руки и обычай, по которому дети, происходящие от брака женщины не свободной с лицом свободным, не пользуются правами отца, а с матерью своею принадлежат господину последней»². Он просил главнокомандующего Кавказской армией князя Барятинского распорядиться: 1) чтобы владельцы «крепостных людей или рабов в Дагестанской области не иначе могли продавать, дарить или иным способом отчуждать крестьян своих, как целыми семействами, а не порознь отдельными членами и 2) чтобы крепостная женщина, вышедшая замуж за человека свободного состояния, не могла быть разлучаема с мужем, без согласия последнего, а дети, рожденные от их брака, без обоюдного их согласия»³. Эта мера не только была одобрена главнокомандующим для руководства по Дагестану, но и рекомендована для осуществления начальникам Терской и Кубанской областей⁴.

Добровольное освобождение рабов владельцами производилось, как видно из архивных данных, в виде богоугодного, благого жеста и за выкуп. Однако это случалось очень редко, так как рабы редко когда могли без посторонней помощи «внести за себя выкуп, а тем более за все семейство». Судя по тем же источникам, некоторые из увольняемых рабов на выкуп собирали в округе подаяние, «со слезными просьбами по аулам». Другие же занимали на выкуп

деньги с обязательством оплатить через «известное время», третьи – чтобы заработать деньги отправлялись на заработки¹.

Любопытно, что купцы, торгующие в Эндирее, при удобных случаях похищали рабов местных владельцев, везли их «положа в сундук» в Кизляр, на что, например, жаловался в 1769 г. эндиреевский князь Темир Хамзаев Кизлярскому коменданту Н.А. Потопову².

Одной из форм борьбы против произвола феодалов являлось бегство рабов за пределы Кумыкии и прежде всего в Терский город, Кизляр, «казачьи городки» и т.д. «Одним из постоянных вопросов переписки кумыкских феодалов с русскими воеводами Терского города, – пишет известная исследовательница истории народов Северного Кавказа Е.Н. Кушева, – был вопрос о тягловых людях и ясырах, ушедших в нерусские слободы Терской крепости или казачьи городки»³. Вспомним и о приведенной нами выше челобитной эндиреевского владетеля Султан-Мута и его сына Казаналипа царю Михаилу Федоровичу, в которой они в сентябре 1643 г. просили о возвращении им беглых людей-рабов, находившихся в Терском городе⁴. Или в мае 1634 г. в челобитной эндиреевского владетеля Казаналипа говорится: «Да некоторые тяглые подданные мои люди моего государства убегают от меня в Терский город, и вам бы, государь, тех моих беглых людей велеть отдавать назад, о том вам, государь, бьем челом»⁵. С такими просьбами в разные годы обращались как к царю, так и к царским воеводам в Терки и Кизляр и другие феодальные владетели Кумыкии, особенно из Эндиреевского бийлика, как самой северной части Кумыкской земли⁶. Чтобы не вернуться в неволю, многие из беглых рабов принимали в Терском городе христианство⁷, меняли имена и фамилии. Все же, чтобы сохранить дипломатические, торгово-экономические отношения с кумыкской феодальной знатью, московское правительство и терская администрация старались отыскать и вернуть бывшим

¹ ЦГА РД. Ф.105. Оп.2. Д.99-а. Л.11.

² Русско-дагестанские отношения в XVIII – начале XIX вв. С. 126.

³ Кушева Е.Н. Указ.соч. С. 53.

⁴ Русско-дагестанские отношения XVII – первой четверти XVIII вв. С. 163.

⁵ Там же. С. 176-177.

⁶ ЦГА РД. Ф.379. Оп.1. Д.1170. Л.24; Там же. Д.191. Л.94; Там же. Д.336. Л.131; Веселовский Н.И. Памятники дипломатических и торговых отношений Московской Руси. Т.II. СПб., 1895. С. 252-253.

⁷ Кушева Е.Н. Указ.соч. С. 53.

¹ Феодальные отношения в Дагестане. XIX – начало XX вв. М., 1969. С. 11-13.

² ЦГА РД. Ф.546. Оп.1. Д.25. Л.133.

³ Там же. Л.134.

⁴ Там же.

хозяевам беглых рабов, за исключением русских невольников. Что касается этнического состава рабов в Кумыкии, то он был довольно пестрым¹.

Вопросу о рабстве на Северном Кавказе царская администрация обращала серьезное внимание и подходила к нему с большой осторожностью. «С покорением Дагестана, уже при русском управлении, – отмечал С. Эсадзе, – жалобы рабов стали повторяться чаще, а местная администрация, тем не менее, не могла помочь обиженным, так как подобное заступничество влекло за собой нарушение прав, предоставленных обычаями страны владельцам»².

Как уже отмечалось, Н.Ф. Дубровин указывал на существование еще одной социальной категории в кумыкском обществе – казаков. Казаки (къзакълар), по определению Дубровина, это свободные, но безземельные люди, служившие за плату князю или узденю. «Слово это, – писал он, – выражает понятие о человеке, хотя и живущем в своем доме, но одиноком, свободном, безземельном»³. История образования этой категории очень сложна и пока еще не изучена. Однако анализ письменных источников, фольклора и особенно так называемых «къзакълар йырлар» (песен о казаках)⁴ дает основание полагать, что образование этой социальной прослойки неразрывно связано с историей классовой борьбы и расслоением кумыкского общества.

Казаками назывались прежде всего люди, не имевшие никакого имущества, совершившие какой-нибудь акт, направленный против социальной несправедливости (убийство, поджог имения, оскорбление феодалов или членов его семьи), вынужденные покинуть землю своего владельца и скрываться от преследования. Некоторые переходили к другому владельцу, прося у него покровительства. Феодалная междоусобица способствовала тому, что владельцы принимали на службу беглых крестьян, особенно известных своей храбростью, надеясь использовать их в своих интересах.

Как видно из фольклора, эти люди часто попадали в самые тяжелые условия и безотказно выполняли любую работу. Новый владелец должен был охранять их от преследования со стороны старо-

го владельца. Недаром у кумыков существовали пословицы «къзакълар ятыв къанлы оylum» (жизнь казака подобна смерти в изгнании) или «къзакълар ятыв къавургъамны къатдыргъан» (от казацкой постели отлежали бока). «Къзакълар» вынужден был жить один, не имея ни семьи, ни детей. Феодал мог брать казаков с собой в поход, посылать с разными поручениями и т.д.

Однако и казаки находились в неодинаковых условиях. По своему экономическому и юридическому положению они делились на две группы: къанлы къзакълар и тургъан къзакълар. В то время, как первые, например кровники, находились в особенно тяжелых условиях, вторые могли (хотя это случалось редко) выйти в нукеры, получить от владельца землю, имущество, стать сборщиком податей и т.д. Иногда в казаки попадали и потомки разорившихся салаузденей.

Эндирей салаланы уланы,
Эрпели Тонай бийни къзагагы
Эллерден жыйып алгъан сабу учун,
Къзакълар сагъа гелген не къыйын?

Сын эндириевских сала-узденей,
Казак эрпелинского бия Тоная,
Из-за сбора сабу с населения,
Мой казак, что за беда пришла к тебе? –

говорит жена, оплакивая мужа, убитого, вероятно, во время сбора податей.

С начала XIX века, когда постепенно с развитием капиталистических отношений усиливается процесс классового расслоения в кумыкской деревне, термин «къзакълар» часто получает новое содержание. Казаки становятся теперь батраками, которые, не имея своей земли, своего хозяйства, работают на богатых, на сельскую буржуазию, нередко ведя нищенский образ жизни.

Итак, социальная структура кумыкского феодального общества представляла собой весьма пеструю картину. У кумыков издавна существовала и развивалась сложная социальная терминология, отразившая имущественное и правовое положение различных слоев населения кумыкского общества конца XVIII и первой половины XIX века. Одной из специфических особенностей феодализма у кумыков является отсутствие всего объема основных признаков

* Сабу – мера сыпучих тел; здесь же – продуктовая рента.

¹ Там же. С. 50.

² Эсадзе С. Историческая записка об управлении Кавказом. Т. I. Тифлис, 1907. С. 49.

³ Дубровин Н. Указ. соч. С. 630.

⁴ Кумыкский литературный альманах «Чечеклер» (кум.яз.). Махачкала, 1939. С. 284; Сокровищница песен кумыков. Махачкала, 1959. С. 69-98.

крепостного права в отношении подавляющего большинства зависимых крестьян. Наиболее значительной прослойкой зависимых крестьян были не чагары и теркеменцы, т.е. крепостные в полном смысле слова, как это было в дореформенной России, а уздени – юридически свободные общинники.

2. ЗЕМЕЛЬНО-ПРАВОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ

В рассматриваемое время в Кумыкии господствовали сравнительно развитые феодальные отношения. Еще задолго до XIX века общественная собственность на землю уступила здесь место феодальным отношениям и феодальному землевладению. Как и везде, в Кумыкии владение землей определяло власть феодалов над зависимым сословием. Если в ранний период становления и развития феодальных отношений кумыкские владетели ограничивались разновременными сборами в виде дани (ясака), а также присвоением некоторых участков общественных пахотных земель и пастбищ, то позже, по мере усиления своей экономической и политической власти, они предъявляли права на все виды земель, требовали в разных видах земельную ренту.

Развитие феодальных отношений шло значительно быстрее у северных кумыков, особенно в Эндиреевском, Аксаевском, Костиковском и Присулакском владениях, где для этого складывались благоприятные условия. Здесь была более высокая культура земледельческого хозяйства; северные кумыки имели и более ранние и тесные связи с Россией, развитые феодальные отношения которой оказали на них большое влияние.

Южные кумыки занимали менее удобную территорию в предгорной полосе Дагестана. Здесь не было таких обширных земельных массивов, как на севере, и каждый шаг феодальной верхушки, направленный на захват общественных земель, встречал упорное сопротивление со стороны крестьян. Захват общественных земель феодалами вызывал здесь сопротивление еще и вследствие живучести пережитков общинных порядков.

Кроме того, земельные отношения у южных кумыков развивались в тесной связи и под воздействием феодальных отношений всего Кайтагского уцмийства, в составе которого они находились и где, если не считать Нижний Кайтаг (главным образом участок Теркеме), уровень социально-экономического развития был не-

сколько ниже, чем в Тарковском шамхальстве или в феодальных владениях Кумыкской плоскости.

Весьма характерно, что по мере приближения к горной зоне права кайтагских уцмиев как на земли сельских обществ, так и на подати и повинности, постепенно уменьшаются. В силу этих причин наряду с господствующей у южных кумыков формой феодальной собственности на землю сохраняются и весьма стойкие остатки общинного землевладения.

Анализ источников позволяет утверждать, что в феодальных владениях засулакских кумыков (Кумыкская плоскость) примерно к XVIII в. уже не было общинного землевладения. Автор начала XIX века А.М. Буцковский прямо отмечает, что здесь «все земли без исключения составляют полную собственность княжеских родов»¹. Д.-М. Шихалиев сообщает, что земля принадлежала князьям и сала-узденям, что деревни, как правило, строились на частных землях, что наиболее плодородная полоса земли была разделена на участки по числу княжеских родов и что согласно этому разделению все жители Кумыкского владения занимались «полевыми работами или на землях княжеских, или на узденских, или на собственных»². Он также указывает на наличие здесь казенных земель, о чем будет идти речь несколько ниже. Аналогичные сведения сообщают и другие авторы, в частности, М.Б. Лобанов-Ростовский и Н.Ф. Дубровин. «Потомки Султан-Мута, разделив между собой земли, оставили неприкосновенными владения только некоторых узденей», – пишет Н.Ф. Дубровин³.

Анализируя имеющиеся данные о формах земельной собственности у кумыков в указанное время и понимая под владением право полного распоряжения, отчуждения, передачи земель в другие руки и т.д., мы полагаем, что в Кумыкии в этот период существовало четыре вида земельной собственности: 1) частная; 2) государственная – земли, принадлежащие казне (паччалыкъ топракъ); 3) вакуфная – земли, принадлежащие мечети; 4) общинные земли.

Частное землевладение в свою очередь делилось на две категории: а) крупное феодальное землевладение – собственные земельные владения князей и других владетелей; б) мелкие частновладельческие земли. Причем обе они назывались «мюльки».

¹ Буцковский А.М. Выдержки из описания Кавказской губернии и соседних горских областей. 1812 г. – ИГЭД. С. 239.

² Шихалиев Д.-М. Указ.соч. № 40.

³ Дубровин Н.Ф. Указ.соч. С. 632.

Имения первой категории частного землевладения составляли у кумыков огромный фонд земель, которыми полностью распоряжалась феодальная знать. Мелкая же частная собственность крестьян на землю, а также государственное землевладение играли по сравнению с феодальными землевладениями незначительную роль. В Тарковском шамхальстве и Мехтулинском ханстве сравнительно с Терско-Сулакской Кумыкией площадь земель, принадлежавших царской казне, была еще меньше. Крестьянские же мюльки здесь играли сравнительно большую роль, чем в Засулакской Кумыкии. Отличительной особенностью земельных отношений тарковских и мехтулинских кумыков является то, что здесь феодальная собственность на землю была несколько завуалирована общинными порядками, в то время как в Засулакской Кумыкии князья открыто настаивали на полном и безусловном признании за ними собственности на всю земельную площадь.

Земли, являвшиеся собственностью феодалов, делились в свою очередь на две категории: потомственные, постоянные владения и благоприобретенные. К первой категории относились прежде всего земли, находившиеся в общем владении каждой княжеской фамилии. По данным Шихалиева, например, на Кумыкской плоскости насчитывалось десять «княжеских родов», которые совместно владели своими потомственными владениями. «Каждый род князей, – писал он, – на собственной земле своей, в удел по дележу доставшейся, ... поселял из вольных выходцев мелкие деревни...»¹ Н.Ф. Дубровин отмечал, что почти все земли, поделенные между потомками Султан-Мута (за исключением некоторых узденей), «находились в общем владении целой княжеской фамилии, и дети их, не деля между собой земель, владели ими вместе»². Совместное владение землей княжескими фамилиями подтверждается и архивными документами. Как видно из материалов Сословно-поземельной комиссии, Салимхан и племянник его Али-Султан Казаналиповы в 1840–50-х годах владели землями нераздельно³, хотя и считалось, что Али-Султану принадлежала только треть об-

¹ Шихалиев Д.-М. Указ.соч., №41. Нам думается, что Д.-М. Шихалиев под родом понимал не тухум в полном смысле слова, а небольшую группу, объединявшую несколько близкородственных семей; такую группу еще называют фамилией.

² Дубровин Н.Ф. Указ.соч. С. 632. Мы полагаем, что Н. Дубровин термин «фамилия» употребляет в том же значении, что и Д.-М. Шихалиев.

³ ЦГА РД. Ф.2. Оп.3. Д.140-в. Л.460; Там же. Ф.147. Оп.3. Д.43. Л.4.

щего владения; другой же брат Салимхан после смерти «единоутробного брата» Нуцалхана признавался владельцем двух третей владения.

Однако постепенно образовались и единоличные владения. Иногда князь или уздень покупал землю, которая становилась его частной собственностью¹. Больше того, отдельные члены владетельного дома имели в своем распоряжении уделы, т.е. части общего состояния. Неотъемлемой собственностью отдельных кумыкских феодалов являлись нередко и такие земли, которые они получали от царских властей с правом потомственного владения, без всяких условий от русского правительства и крупных местных владетелей за оказанные услуги. «Пользуясь благосклонностью главнокомандующих в крае, – писал Н.П. Тульчинский, работавший топографом в Кумыкском округе (б. Эндиреевское, Аксаевское и Костековское владения) в 60-х годах, – князья, а за ними уздени, служа в русской армии в чинах штабс-офицеров и генералов и правя народом сначала в качестве старших князей, а потом, начиная с 20-х до конца 50-х годов прошлого века (XVIII – С.Г.), – в качестве главных и второстепенных русских чиновников, держали в своих руках все нити для превращения общественных земель в свои собственные»².

До присоединения Дагестана к России дагестанские владетели, в том числе и тарковский шамхал, считали себя верховными собственниками подвластной им территории. Впоследствии правительство сочло себя вправе распоряжаться как землей, принадлежавшей дагестанским феодальным владетелям, так и землей, принадлежавшей сельским обществам, признавая себя верховной властью в государстве, а, следовательно, и верховным собственником земли. Конфискация земли у дагестанских владетелей царским правительством осуществлялась, однако, только как наказание за измену государству.

Раздельное владение особенно часто отмечается в материалах, относящихся к 60-м годам. Так, например, на Кумыкской плоскости перед земельной реформой, т.е. к началу 60-х годов, костековские князья Хамзаевы владели землей уже раздельно: вся их земля была разделена между семью братьями.

Одной из распространенных форм землевладения было вре-

¹ ЦГА РД. Ф.105. Оп.3. Д.49. Л.50.

² Тульчинский Н.П. Указ.соч. С. 62.

менное или условное владение землей. Оно было вначале связано с несением военной или придворной службы и имеет многовековую историю. Кумыкские владельцы издавна награждали землей своих вассалов – нукеров, узденей. Сала-уздени, из которых главным образом состояли нукеры, получали от кумыкских владельцев земли, рабов, оружие и пр. Им давались населенные земли, оросительные каналы и т.д. Такого рода землевладение возникало и за счет земель, дарованных местной феодальной и узденской верхушке царским правительством на определенных условиях.

В отличие от потомственных владельцев сала-уздени, уздени, нукеры, эмчеки (молочные братья), аталыки, получившие земли на правах условного владения, не имели права переселять с места на место поселян (чагаров, теркеменцев и т.д.). Им предоставлялось лишь право пользоваться податями и повинностями, получаемыми ранее владельцем. Сроки условного владения были различны. Земли, с проживающим здесь населением, давались как на несколько лет, так и на пожизненное пользование. Однако за нарушение условий службы сала-узденем или нукером владелец мог в любое время лишиться его всех привилегий и отобрать землю¹.

Наряду с указанной формой землепользования (пожизненное или на определенный срок) существовала и другая ее разновидность – земля с правом передачи ее по наследству.

Материалы Сословной комиссии сообщают, что кумыкские князья дарили своим узденям земли в потомственное и временное владение или давали право пользоваться доходами с известного участка земли. В первом случае земли переходили в наследство нисходящим потомкам узденя, получившего дар; во втором случае право пользования прекращалось по произволу дарителя или при отсутствии наследников мужского пола в роду узденя, получившего дар². Однако, как свидетельствуют многие архивные документы, при нарушении условий службы, даже спустя десятки лет, сала-уздени или их наследники теряли право на владение этой землей³.

К этому виду землевладения, пожалуй, можно отнести и владение с правом административного иммунитета. Получив земли пожизненно или на срок, бек взимал с подвластного ему населения

определенные подати и повинности и, кроме того, владел отдельными кутанами и пахотными землями. Такой формой передачи бекам отдельных селений для временного управления широко пользовались как тарковские шамхалы и мехтулинские ханы, так и царская администрация в Дагестане, в особенности, Ермолов.

Развитие феодальных отношений в первой половине XIX века, дальнейшее упрочение феодальной собственности, а также влияние общероссийских законов привело к тому, что временное землепользование этого типа приняло постепенно характер постоянного. Это имело прогрессивное значение, так как способствовало развитию производительных сил (совершенствованию орудий, улучшению земли и т.д.), основанному на экономической заинтересованности владельца.

Феодальная знать, как уже отмечалось, твердо опиралась на царское правительство. В одном из своих прошений князья Кумыкской плоскости прямо пишут, что вся земля, занимаемая ими, есть личная их собственность, что приказом главнокомандующего Ермолова «узаконено, чтобы каждый владелец земли своей пользовался оной без всякого разбирательства»¹.

Как известно, нормы крепостного права у кумыков, также как у многих других народов Кавказа, устанавливались обычаем, а не писаным законом. Царское правительство путем выдачи жалованных грамот и охранных листов узаконивало предъявляемые кумыкскими феодалами права на землю. Применительно к XVIII в. Н.П. Тульчинский писал, что царские чиновники на Кавказе, «воспитанные на праве крепостничества ... возможно энергично содействовали своим авторитетом к созданию крупных земельных собственников на Кумыкской плоскости»².

Бесконечные притязания землевладельцев вызывали законный протест со стороны рядовых общинников, которые всеми средствами доказывали свои исконные права на занимаемые им земли. Споры эти не раз разбирались правительством и его администрацией на Кавказе. Но решались эти споры, разумеется, не в пользу крестьян, а в пользу феодальной верхушки.

К частному землевладению следует отнести и мюльки крестьянского типа. Этот вид земельной собственности составляли мелкие крестьянские земельные участки, приобретенные в основном

¹ Лобанов-Ростовский М.Б. Указ.соч. Кавказ, 1846, №38; ЦГА РД. Ф.105. Оп.2. ЛЛ.1-3.

² ЦГА РД. Ф.105. Оп.1. Д.14. Л.18.

³ Там же. Оп.2. Д.2. Л.1-3.

¹ ЦГА РД. Ф.237. Оп.2. Д.23. ЛЛ.4-5.

² Тульчинский Н.П. Указ.соч. С. 62.

путем покупки или же освоенные собственным трудом. До приобретения эти земли ранее принадлежали как отдельным феодалам, так и джамаату в целом. В обработку этих мелких участков земли крестьяне вкладывали огромный труд, и мюльки считались их полной собственностью. Наличие права купли-продажи как мелких земельных угодий, так и целых поместий являлось дополнительным источником образования мюльков. Более состоятельные крестьяне именно таким образом увеличивали размеры своих мюльков.

Следует, однако, отметить, что кумыкские феодальные владельцы, считая себя верховными собственниками подвластной им территории, нередко предъявляли свои притязания и на мюльки¹. В своих прошениях на имя царской администрации они писали, что мюльки поселян принадлежат им и что за труд по расчистке и обработке участков под мюльки поселяне получили в виде поощрения более «широкие права» и на этом «основании» требовали от крестьян – владельцев мюльков определенную ренту. Отрицая какие бы то ни было права поселян на землю, князь Али-Султан Казаналипов в своем письме от 25 марта 1867 года на имя начальника управления Северного Дагестана князя Джорджадзе писал: «Из дел прежнего времени и сведений, имеющихся во вверенном вам управлении, вам должно быть известно, что все земли, которыми пользуются жители селений Султан-Янги-юрт и Чонт-аул, принадлежат мне»².

Говоря о государственных или казенных землях, следует указать, что их образование теснейшим образом связано с колониальной политикой царизма на Кавказе. В 1864 году на Кумыкской плоскости (без Присулакского наибства) из 400378 десятин земли казенные земли, представленные восемью лучшими участками, составляли 17411 десятин³. Однако есть основания полагать, что во второй половине XVIII в. и в первой половине XIX века казенной земли здесь было значительно больше. К этому времени усилилось стремление царизма приступить к колонизации степных районов Северного Кавказа и их экономическому освоению⁴. Основным источником образования фонда казенных или государственных зе-

мель были конфискованные имения отдельных владельцев, а также земли, принадлежащие сельским обществам. Царское правительство, как уже отмечалось, щедро награждало казенными и общественными землями представителей местной феодальной знати и русских чиновников. Только незначительная часть этих земель находилась в распоряжении войсковых частей.

Жалованные грамоты, охранные листы, указы, объявления и т.д., которые давались представителями местной феодальной знати, восходят к началу XVIII века, т.е. к периоду правления Петра I. Но особенно участились выдачи таких документов в период правления Ермолова на Кавказе¹. Из фонда казенных земель участки отводились узденям, служившим в военно-административном управлении, в регулярной армии и пр., за выслугу лет и отличия.

Вакуфных земель, т.е. земель, принадлежавших мечетям, было сравнительно немного. Источником их образования были завещания верующих. Вакуфные земли селения обычно находились в ведении или учете местного духовенства. Земли эти сдавались в аренду, и доход шел на содержание мечети и духовенства.

Нельзя не указать и на наличие остатков общинного землевладения в отдельных феодальных образованиях, а именно в Тарковском шамхальстве и Мехтулинском ханстве. Остатки общинной собственности наблюдались в пользовании пастбищно-покосными землями, а также пахотными угодьями. Однако роль общинного землевладения была весьма незначительна. Больше того, имевшая место общинная форма собственности порой представляла собой юридическую фикцию, скрывавшую фактически частную собственность на землю².

Подводя итоги рассмотрению вопроса о земельной собственности в кумыкских феодальных образованиях в первой половине XIX века, следует отметить, что самая значительная часть земельного фонда принадлежала крупным феодалам в лице шамхала, ханов, беков и князей и т.д. На Кумыкской плоскости, например, земля в основном находилась в руках 10 княжеских фамилий – Айдемировых, Хамзаевых, Темировых, Муртузали-Аджиевых, Алибековых, Уцмиевых, Арсланбековых, Эльдаровых, Каплановых и Ка-

¹ ЦГИА Грузии. Ф.231. Оп.1. Д.7. Л.9.

² ЦГА РД. Ф.2. Оп.3. Д.140-в. ЛЛ.445-446.

³ ЦГА РД. Ф.147. Оп.1. Д.72. Л.59.

⁴ Фадеев А.В. Очерки экономического развития степного Предкавказья в дореформенный период. М., 1957. С. 23-24.

¹ См. Гидулянов П.В. Сословно-поземельный вопрос и раятская зависимость в Дагестане. – Этнографическое обозрение, 1901, №1-3.

² Подробно об общинном землевладении в Дагестане см.: Магомедов Р.М. Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII – начале XIX вв. Махачкала, 1957. С. 127-130.

заналиповых. Из 400378 десятин всей земли «родовые» земли князей Темировых составляли около 70 тысяч десятин, князей Алибековых – около 23 тысяч десятин, Уцмиевых – 40 тысяч десятин. Князь Али-Султан Казаналипов владел более чем 70 тысячами десятинами земли¹.

Феодальная собственность на землю, ее развитие и укрепление неизбежно приводили к возникновению частной собственности и на оросительные сооружения, водоотводные каналы, колодцы и т.д.

Мы уже отмечали, что имевшиеся водные источники Кумыкской плоскости далеко не полностью удовлетворяли потребности кумыкского населения. Воды внутренних рек, какими являлись Яхсай-су, Яман-су, Ярык-су и Акташ, разбирались по канавам полностью. Канавы эти принадлежали, главным образом, княжеским фамилиям и разбивались на разряды. Канавы первого разряда р. Акташ (канавы, выводимые из нее, делились всего на три разряда) принадлежали, например, четырем княжеским фамилиям и назывались: Казаналип-татавул (Казаналипова канава), Темир-татавул, Айдемир-татавул, Муртазалиаджи-татавул. Аналогичные названия имели и другие канавы. Д.-М. Шихалиев сообщает, что соответственно делению всей княжеской земли на 10 частей (на 10 фамилий) были проведены и канавы на каждый участок².

Частная собственность на землю вызывала ряд осложнений и в строительстве и в расширении сети канав-арыков (айрык, татавул). Чтобы провести новую канаву, поселяне должны были иметь специальное разрешение землевладельца, причем никто не имел права провести канаву через землю другого владельца без его согласия. Старые же канавы, временно заброшенные, прежний владелец мог возобновить, не спрашивая на то согласия владельца земли, через территорию которого они проходили, а в случае продажи земли это право сохранялось за новым владельцем. Проводящий канаву должен был вознаградить владельца земли, если канава затапливала или портила его земли; он в свою очередь не имел права пользоваться водой из данной канавы без согласия ее владельца. Без согласия владельца канавы никто не имел права брать воду из ее рукавов³. Таким образом, оросительная система, так же как и земля,

находилась у кумыков в руках феодалов, крупных собственников земли.

Землепользование, как и землевладение, имело несколько форм. Если не считать некоторых особенностей, характерных для отдельных феодальных владений, то земли по форме пользования ими в основном можно разбить на три вида: земли, которые находились в совместном пользовании феодала и сельских обществ; земли, которые были отведены сельским обществам и находились в отдельном их пользовании; земли, находившиеся в личном пользовании самого владельца¹.

Мы уже отмечали, что земли, отведенные сельским обществам, находились или в общинном пользовании с периодическими переделами, или в подворном пользовании с правом передачи по наследству.

По издавна установившемуся порядку, кутаны (зимние пастбища) и горные летние пастбища находились обычно в пользовании самих владельцев (шамхала, бека, князя и т.д.). Кутанами они пользовались в течение 9 месяцев – от начала осени до наступления лета, а горными пастбищами – в течение трех летних месяцев. Только по истечении этих сроков окрестные жители могли пасти здесь скот. Кутаны, а иногда и горные пастбища отдавались владельцам в аренду горцам-барановедам. Отдельные общества, у которых сохранились остатки общинного землевладения, также могли сдавать в аренду часть своих земельных угодий, хотя феодалы не признавали за ними этого права, ибо совершенно отрицали общинную собственность на землю.

Порядок землепользования еще более осложнялся, когда владельцы отчуждали земли, фактически находившиеся в пользовании обществ, путем продажи, дарения и т.д. Новые владельцы зачастую не признавали адатных прав местных жителей на эти участки и распоряжались ими по своему усмотрению. Исключение в этом отношении, по-видимому, составляли феодальные владения на Кумыкской плоскости. Согласно архивным документам, при продаже или дарении земли владельцем жители, пользовавшиеся данной землей, должны были сохранить с новым владельцем те же отношения, что и с прежним².

Различное решение одного и того же вопроса в отдельных

¹ ЦГА РД. Ф.105. Оп.1. Д.12. ЛЛ.57-61.

² Шихалиев Д.-М. Указ.соч., №41.

³ ЦГА РД. Ф.105. Оп.1. Д.12. ЛЛ.52-53.

¹ Шамхалы Тарковские... С. 77.

² ЦГА РД. Ф.105. Оп.1. Д.12. Л.21.

феодалных владениях, как нам представляется, объясняется отсутствием единых условий аренды. Под влиянием развитых феодальных отношений в России землепользование на Кумыкской плоскости к исследуемому периоду в какой-то мере успело войти в определенные нормы. Кроме того, согласно адатному праву все земельно-правовые вопросы здесь регулировались на совете князей, под руководством старшего из них. В то же время в Тарковском шамхальстве и Мехтулинском ханстве, а равно и в бекских владениях в этом отношении продолжал существовать большой разнотой.

3. ПОДАТИ И ПОВИННОСТИ

Все категории зависимых крестьян платили владельцам земли ренту. Наличие различных степеней поземельной и личной зависимости крестьян от землевладельцев обусловило и неравномерность распределения податей и повинностей. Из всех феодально-зависимых крестьян в наиболее тяжелых условиях находились чагары и теркеменцы. Зато от податей и повинностей вовсе освобождались многие из членов администрации владельцев, приближенные феодалам люди, нукеры и уздени. Так, только по одному с. Нижнее Казанище Тарковского шамхальства, по данным 1863 г., было освобождено от повинностей 49 жителей. Из них 35 шамхальских нукеров, 2 – сокольника шамхала, 2 – служащих при доме шамхала (один из них диванчи или бегаул), 1 – за то, что мать его кормила грудью покойного шамхала Абу-Муслим-хана, 1 – за то, что брат его был мурзою у шамхала, 2 – за то, что они родственники любимой рабыни Арукиз и т.д.¹

В исследуемый период кумыкам известны были все три формы докапиталистической земельной ренты: отработочная, продуктовая и денежная². Денежная рента, однако, не имела большого распространения. Эту ренту землевладельцы получали, главным образом, с пастбищных и рыболовных участков, которые отдавались на откуп, а также с ремесленников и торговых людей.

Из первых двух форм ренты преобладала продуктовая рента. Однако анализ данных о феодальной ренте дает основания пола-

гать, что на Кумыкской равнине в системе феодальной эксплуатации играла значительную роль и барщина (отработочная рента).

В Эндиреевском и Аксаевском владениях, например, чагары главным образом несли барщину. Каждый чагарский дом должен был по требованию владельца отвести один день на пахоту со своим плугом (бедные чагары в этом случае объединяли рабочий скот), один день – на покос, один день – на жатву хлеба. Кроме того, он был обязан на своих подводах возить с поля хлеб и сено, по очереди выставлять арбы для поездок женщин владельческого дома, доставлять по 12 арб¹ дров на зиму, участвовать в строительстве конюшен, «казма», кунацких комнат, заборов, а равно доставлять для этого материал на своих арбах, и по мере надобности возить камни для надмогильных памятников². В обязанности чагарских женщин входило обмазка и штукатурка домов, приготовление зерна для помола (мытьё, просеивание, очистка, сушка), починка тары, а порою и помол зерна на мельнице. Мужчины-чагары вместе с другими зависимыми крестьянами должны были расчищать поляны, проводить каналы, вырубать кустарник, возить на мельницу хлеб и т.д. Знающие ремесло (женщины и мужчины) должны были также приносить господину свои изделия. Более того, чагары должны были «отбывать повинности верхом, пешим для разных посылок начальства и занимать караулы на кордонах»³.

В изучаемое время чагары, по адату, могли жениться и выдавать своих дочерей замуж свободно, не спрашивая позволения или согласия князей. Узденские же чагары не могли жениться на узденках или отдавать своих дочерей за узденей. Как отмечается в архивных документах в более ранний период, «за выдаваемую чагарскую девушку князь брали аткыч»⁴, т.е. плату в виде выкупа или вознаграждения, лошадь и саблю, стоимостью 10-12 рублей, – по тем временам это были не малые деньги⁵. Взимание такой платы иногда встречалось в среде узденей и в более поздний период⁶.

¹ В арбе помещалось примерно два кубометра дров; узденские чагары обязаны были доставлять в год по 20 арб дров (ЦГА РД. Ф.105. Оп.1. Д.6. Л.30.)

² Постоянные помещения для скота на зимних пастбищах.

³ Сведения о зависимых сословиях в Кумыкском округе (1866 год). ЦГА РД. Ф.105. Оп.2. Д.99-а. Л.5-6; Там же. Оп.1. Д.6. С. 33.

⁴ Там же. Оп.1. Д.6. Л.24.

⁵ Там же. Ф.105. Оп.1. Д.6. Л.24.

⁶ Там же. Л.28.

¹ Там же. Ф.121. Оп.1. Д.1. Л.72.

² Юшков С.В. Указ.соч. С. 73-74.

Чагары Тарковского шамхальства и Мехтулинского ханства платили продуктовую ренту: по одному сабу^{*} пшеницы, по арбе дров, а имеющие баранов – по барану в год¹. Отработочная рента здесь точно определена не была и зависела от воли владельца.

Теркеменцы, которые жили в Чонт-ауле, Темир-ауле и в одном из кварталов Костека, исполняли приблизительно те же обязанности, что и чагары Эндиреевского владения, а именно: они отрабатывали булкьой (общими силами) участок – бийлик, отведенный владельцу под чалтык (рисовое поле), т.е. пахали его, убирали, молотили, сушили из расчета каждый дым по три чувала^{**}. Каждый дым отвозил на своем транспорте обмолоченный урожай; они же доставляли из леса все необходимое для строительства или починки водяных мельниц феодалов, доставляли по очереди с владельческих кутанов молоко, сыр, масло, шерсть, с виноградников – виноград, очищали и строили оросительные каналы. Подати же теркеменцев заключались в том, что они вносили с каждого дыма по одному сабу^{***} и два сагь^{****}, по одному мотку шелка, выделяли транспорт для всяких хозяйственных нужд² и т.д.

Ни для чагаров, ни для теркеменцев Кумыкской равнины не указана рента скотом. Но думается, что эта рента в том виде, в каком она взималась с других категорий зависимого населения, распространялась и на чагаров и теркеменцев, ибо в документах указывается, что поселяне платят «от столько-то поголовья столько-то баранов»; при этом понятие «поселяне» не уточняется³.

Подати и повинности, отправляемые узденями, обуславливались в одних селениях правом землевладельца, в других – правом правителя, в третьих – тем и другим⁴. Как известно, после того, как Шихали-хан дербентский лишился власти, Улусский магал, состоящий из 9 деревень, был передан для управления тарковскому

шамхалу с титулом хана дербентского. На этом основании тарковские шамхалы вплоть до 1867 г., т.е. до перехода магала в казенное ведомство, как полноправные владельцы пользовались денежными и натуральными повинностями с населения этого участка.

Эти подати и повинности составляли:

- 1) Десятую часть урожая всех зерновых культур;
- 2) 40 коп. с пуда марены;
- 3) Копан пшеницы (3 пуда) и ячменя (2,5 пуда) с каждой пары рабочего скота («джут-баши») взамен распашки владельческой земли;
- 4) Копан пшеницы и ячменя с каждого двора взамен уборки хозяйских посевов;
- 5) 1 руб. 50 коп. со двора («дуги пули») взамен посева риса для нужд владельца;
- 6) 1 руб. 50 коп. со двора взамен перевозки в усадьбу владельца податного зерна¹.

Кроме разных податей, население Улусского магала должно было выставлять «безвозмездно 30 всадников (нукеров) для службы при кн. тарковском шамхале и управляющих его имениями» и посылать арбы для нужд проходящих войск². Практически же управляла Улусским магалом поставленная шамхалом администрация. После ликвидации политической власти шамхала, образования Темир-Хан-Шурина округа (1867 г.) Улусский магал переходит в ведение казны, и все перечисленные подати и повинности стали поступать в пользу государства. Для управления Улусским магалом было создано специальное приставство³.

По официальным данным, повинности, отбываемые подвластными в пользу шамхала тарковского, применительно к середине XIX в., примерно составляли следующее: 1) кент-ясак (подать с имеющихся овец); 2) арба-агъач (доставка дров); 3) булкья (выставление плугов, жнецов, косарей) и некоторые другие. «Отбывание их обыкновенно производилось не полному числу дворов, а за исключением из него сельских должностных лиц, нукеров, емчиков (молочных братьев) и бедных; так что на самом деле только $\frac{3}{4}$ каждого селения отбывали обычные повинности; размер же их

* В данном случае сабу – примерно 20 кг.

¹ Шамхалы Тарковские... С. 78.

** Чувал – мешок, вмещающий 3 сабу зерна.

*** Сабу здесь – 64 кг зерна.

**** Сагь – 2-3 кг зерна.

² ЦГА РД. Ф.105. Оп.2. Д.99-а. Л.8-9; Там же. Ф.237. Оп.2. Д.18. Л.1-2; ЦГИА Грузии. Ф.416. Оп.3. Д.1053. Л.45. Более подробно: Гаджиева С.Ш. Общественно-экономический строй у кумыков в первой половине XIX в. – Уч.зап. Даг.гос.жен.пед.ин-та. Вып.1, Махачкала, 1957. С. 25-26.

³ Освобождение бесправных рабов в Дагестане. – ССКГ. Вып.1. 1868. С. 48.

⁴ Шамхалы Тарковские... С. 78.

¹ ЦГА РД. Ф.2. Оп.3. Д.140-а. Л.36.

² Там же. Л.64.

³ Там же. Даже после 1867 г. дочь шамхала княгиня Султанат Тарковская судилась с казной, желая сохранить за собой права отца на этот магал.

простирались вообще от 2 до 4-х рабочих дней в году от дыма... ногайцев и чагаров, кои отбывали большее число дней; сверх сего, шамхал получал доход от обычных штрафов, налагаемых на провинившихся в преступлениях и проступках... Косвенного налога с отдачи на откуп права продажи напитков и красных товаров»¹. В целом доходы от податей и повинностей составляли 7193 руб.

«Сверх того, в исчислении доходов его следует включить, — отмечается в той же исторической справке о шамхалах, — доход, который шамхалы получали от сбора, называемого рахтарным, или дамгою. Сбор этот взимался с провозимых через шамхальское владение товаров...»².

Что же из себя конкретно представляли эти рахтарные сборы или дамга (тамга) шамхала, так же как и уцмий, хорошо описано Д.И. Тихоновым, участником Персидского похода 1796 г. Вот что пишет он: «Шамхал и уцмий в своих владениях получают доходу поименного. С провозимых посторонними купцами чрез их владения товаров серебряной российской монетой с каждой повозки, как бы она нагружена ни была, товарами по 2 руб. 50 коп. с фруктов с одной повозки по 1 руб. 30 коп., с красок с каждого пуда по 2 руб. 50 коп., с канцелярского семя 5 руб. с пуда, с лошади по 50 коп., с овец и с рогатого скота с 20-ти голов по одной овце и скоту, с рыбы с 10-ти по одной тоже. С людей: на лошади верхом едущего и пеших с россиян, армян и жидов с каждого по 1 руб.»³. Доходы шамхала, получаемые от кутанов и пошлин с провозимых через его владение товаров и прочего, по данным того же автора, составляли до 80000 руб.⁴

Определенный интерес представляют сведения о рахтарном сборе по приморскому Дагестану, приводимые в «Обзрениях Российских владений за Кавказом». Так, в самом Дербенте дамга-пули составляли 2 руб. 50 коп., в Тарках — 5 руб. 20 коп. серебром, в Казюрте — 3 руб. серебром с арбы товаров, заключающей обыкновенно от 40 до 50 пудов. Сверх того, во владении шамхала Тарковского взималось серебром: с каждого тая шелка по 2 руб. с пуда канцелярского семени 60 коп., за верблюда 1 руб., за лошадь и рогатый скот по 50 коп., за барана 50 коп., 10 руб. серебром за наем

арбы до Кизляра и т.д. В прежние времена рахтарный сбор в Дербенте принадлежал уцмью Кайтага¹. Однако пока у нас нет точных сведений, почему данный сбор получал уцмий, а не дербентский хан. Думается, что речь здесь идет не о дербентском ханстве, а о пограничной территории с Кайтагом, где мог находиться налоговый чиновник уцмий. Учитывая, что в этом деле немало злоупотреблений, налагаемых сборщиком рахтара или дамги «в ущерб развитию торгового движения», русское правительство предложило шамхалу Абу-Муслиму «получить взамен оногo из казны пенсион, соответственный количеству рахтарного сбора», на что шамхал дал согласие. По высочайшему соизволению за отказ от рахтара шамхал стал получать «потомственный пенсион в 5 тыс. руб. серебром, отпуск которого начался с 1838 года»².

Немалый доход имел шамхал от рыбных, нефтяных промыслов с соляного озера Турали, расположенного в 8-10 км южнее Тарков, на берегу моря. По словам Н.Н. Муравьева-Карского, сюда «все жители Кавказских гор приходят брать соль. Она расходуется из рук в руки до Черного моря, и без нее не могут существовать зимою многочисленные стада овец»³. По сведениям А.М. Буцковского, соль из соляного озера Турали таркинцы обменивали главным образом «на просо и хлеб». Не на последнем месте среди потребителей туралинской соли были и чеченцы⁴.

Но особенно большой доход шамхал получал от своих рыбных промыслов. По данным того же Н.Н. Муравьева-Карского, доход от рыбной ловли в устье реки Сулак «доставлял ему от астраханских промышленников до 17000 руб. в год»⁵.

Ко всему этому следует добавить, что шамхалы получали значительную ренту от ногайцев, известных под названием таргу ногай, занимавших территорию от «устья реки Сулак и вверх к югу по берегу Каспийского моря до самой речки Торкали-озень»⁶. Их насчитывалось до 300 кибиток. По сведениям Д.И. Тихонова, в конце XVIII в. они несли ренту по требованию шамхала «... и ра-

¹ Шамхалы Тарковские... С. 78-79; ЦГА РД. Ф.3. Оп.1. Д.2. Л.5.

² Там же. С. 79.

³ Тихонов Д.И. Описание Северного Дагестана. 1796. — ИГЭД. С. 135.

⁴ Там же.

¹ Обзорение Российских владений за Кавказом. Ч.IV. СПб., 1836. С. 182-183.

² Шамхалы Тарковские... С. 79-80.

³ Записки Н.Н. Муравьева-Карского. — Русский архив, 1888, кн.II. Вып.5-6. С. 333.

⁴ Буцковский А.М. Выдержки из описания Кавказской губернии и соседних горских областей. 1812 г. — ИГЭД. С. 244.

⁵ Записки Н.Н. Муравьева-Карского... С. 333.

⁶ Тихонов Д.И. Описание Северного Дагестана. С. 130.

ботали ему, когда только надобность его востребует, а большей частью в летнее время дают своих быков для оранья земли, а иногда и косят сено...»¹. В этой связи определенный интерес представляет «Лист кумыкского шамхала Адиль-Гирея Петру I о незаконном захвате генералом Г.С. Кропотовым ногайских деревень, принадлежавших шамхалу» от 28 марта 1724 г. Шамхал, в частности, пишет: «В Уче и на Сулаке были славные деревни, с которых я ... имел великие доходы ... ныне генерал-майор Кропотов у меня отнял, по указу или нет, того не знаю, а ежели без указу оных ногайцев у меня отнял, то от него ... мне зело обидно будет...»². Шамхал просит вернуть ему эти деревни, населенные ногайцами.

Несколько ранее изучаемого периода шамхалам платили ренту салатавские аварцы и ногайцы, известные позднее под названием Андреевских, Костиковских и Аксаевских, с общей численностью 1100 кибиток³, а также ауховцы, поселившиеся «на землях кумыцких около вершин рек Агташа и Ярухсу, карабулакские и частью чеченские выходцы, кои кумыкам дань платят баранами и в обязанности давать вспомогательных воинов»⁴. «Означенные кумыкам принадлежащие чеченцы, – продолжал писать А.И. Буцковский, – суть выходцы, недавно на сих местах поселившиеся, и смешаны с природными кумыками, князьям коих особенной дани не платят, кроме поставки вспомогательных воинов и на один день с каждого двора рабочего к посеву, жатве и сенокосу...»⁵.

«В перечне доходов дагестанского шамхала, который исследователи относят к XV–XVI вв., – пишет Е.Н. Кушева, – назван «весь Мычигиш», как собственность шамхала. Писавший в 1720-е годы Гербер говорит, что чеченцы «ранее» платили шамхалам подати, которые состояли «в малом числе овец и другого скота»... Когда в конце XVI – начале XVII вв. в Северном Дагестане образовалось сильное Эндереевское владение в соседстве с восточными чеченскими племенами, эти племена попали в зависимость от Эндери...»⁶. Кстати, историк Лаудаев упоминает о ясаке, который ханы

Аварии получали с ичкерийцев – восточных чеченцев¹. Лаудаев также отмечает, что «чеченцы жили прежде в горах и только в начале прошлого столетия появились на плоскости»². Нечто похожее произошло с чеченцами-качкаликами, которые, судя по имеющимся сведениям, добровольно поселились «в пяти деревнях по равнинам кумыкских владений» и находились «под властью сих князей»³. Ссылаясь на предание, существовавшее между чеченцами, А. Берже также признает чеченцев «выходцами из гор» и занявшими «лет 200 тому назад плоскость»⁴.

Ко всем перечисленным выше доходным статьям шамхала следует добавить и 6000 руб. серебром, получаемых от русского двора ежегодно. «Он сливает серебро, им получаемое, в слитки...», – писал знавший хорошо жизнь шамхала Магди Н.Н. Муравьев-Карский, – хранит слитки у себя в комнатах в сундуках и считает себя совершенно счастливым, презирая все суеты и будучи доволен своим состоянием. Шамхал не умеет даже пользоваться доходами, которые бы могли ему доставлять в большом количестве озеро с солью, находящееся близ Тарков... из коего жители Кавказских гор приходят брать соль»⁵. Турали или Тузлук действительно являлся важным источником жизнедеятельности жителей равнины и гор Дагестана. Не случайно грузинские послы в Москве еще в 1604 г., обращая внимание на исключительное значение этого соляного источника, отмечали: «В 5 верстах от Тарков есть озеро, называемое Тузлук, т.е. соленое; оно доставляет большое количество соли. Если бы русские построили при нем небольшую крепость, то нанесли бы Шевкану большое притеснение тем, что сие место есть единственное во всех горах, в коем добывается соль, и что овладение оным лишило бы горных жителей способов доставлять себе необходимое произведение»⁶. Говоря о податях и повинностях, а также об общем доходе шамхала применительно к началу XIX в. и чуть позже, Н.Н. Муравьев-Карский считает, что феодальная рента не была тяжелой. П.Г. Бутков видит причину этого в бедности на-

¹ Там же.

² Русско-дагестанские отношения... С. 290-291.

³ Буцковский А.М. Указ.соч. С. 245.

⁴ Там же. С. 243-244.

⁵ Там же.

⁶ Кушева Е.Н. Указ.соч. С. 84. См. также: Буцковский А.М. Указ.соч. С. 243-244.

¹ Лаудаев У. Чеченское племя. – ССКГ. Вып.6. Тифлис, 1872. С. 12-13.

² Там же. С. 5.

³ Журнал древностей и новостей... – Северный архив. СПб., 1826. Ч.22. С. 20-30.

⁴ Берже А. Краткий обзор горских племен на Кавказе. – Кавказский календарь на 1858 г. Тифлис, 1857. С. 296-297.

⁵ Записки Н.Н. Муравьева-Карского... С. 333.

⁶ Цит. по: Шамхалы Тарковские... С. 57. Прим.7.

рода, в том, что «... народ его не имеет почти никаких способов к своему обогащению, и, следовательно, ежели бы он (шамхал – С.Г.) захотел сколько-нибудь тяготить их податями, то бы в короткое время разбежались бы туда, где для них кажется лучше. При всем том собственная экономия и умеренность в жизни делают достаточным содержание шамхала тарковского, в коем нет ни малой пышности»¹. Н.Н. Муравьев-Карский также считал, что «доходы шамхала могли быть значительнее, судя по числу деревень в его владениях находящимся; но жители не обременены налогами. Как он расходов совершенно почти никаких не имеет, то и владеет довольно великими сокровищами. Он одевается просто, ест пищу обыкновенную... и живет как простой лезгин...»².

Сказанное обоими авторами лишней раз свидетельствует о том, что крепостное право не распространялось на большинство подвластного шамхалам населения. Что касается чагаров и тем более рабов, то это право феодалов-рабовладельцев осуществлялось в полной мере.

Вернемся все же к феодальной ренте в остальных феодальных владениях Кумыкии. К тому же сказанное П.Г. Бутковым и Н.Н. Муравьевым-Карским относится к концу XVIII и началу XIX вв.

Подати и повинности по Мехтулинскому ханству имели свои особенности и делились на три категории: 1) точно определенные; 2) выполняемые по мере надобности и востребованию; 3) случайные, т.е. обязательные при известных обстоятельствах³.

Точно установленными податями и повинностями были следующие:

1) Кент ясак; каждый хозяин, имеющий не менее 30 овец, обязан был платить по одной овце.

2) Сабу зерна; взималось с каждого дыма в селениях Верхний и Нижний Дженгутай и Дургели пшеницей, а в других селениях – магаром.

3) Арба-агъач; каждый дым, имеющий рабочий скот, должен был доставлять владельцу две арбы дров в год.

4) Кувук (мякина); эта подать состояла в доставке трехчетырью дымами вместе одной арбы мякины.

5) Булкъа (барщина); она имела несколько видов: а) сабан-булкъа – выставление плугов для распашки полей владельца; часть плугов выставлялась весной, часть – осенью, по усмотрению владельца; б) бичен-булкъа – выход на один день для кошения и уборки владельческого сена; в) орак-булкъа – выставление жнецов по одному человеку с дыма на один день для уборки посевов.

Повинности второй категории:

6) Выставление арб для разных надобностей хана.

7) Выставление рабочих для строительных работ в доме хана и для обработки его сада.

8) Выставление конных чапаров (вестовых, дежурных) для посылок по делам ханского дома.

Эти повинности исполнялись по мере требования и постепенно стали крайне обременительными.

К третьей категории относились следующие подати:

9) Жители селений Верхний и Нижний Дженгутай обязаны были при женитьбе членов ханского дома и в случае их смерти доставлять в дом хана по арбе дров и по сабу пшеницы с дыма, а жители селений Апши, Дуранги, Ахкент и Чоглы – по одному быку с каждого общества¹.

10) Ясак с баранты на Аркаских горах.

Кроме указанных видов податей и повинностей, мехтулинские ханы распоряжались выморочным недвижимым имуществом жителей, у которых не оставалось детей мужского пола; сохраняли за собой право на получение установленных обычаем штрафов за убийство, ранение, умыкание женщины и воровство. Владельцы могли удалять со своих земель жителей, оказавших им сопротивление или неповиновение. Землю феодала могли покидать и сами крестьяне, но во всех этих случаях их недвижимое имущество (дом, хозяйственные постройки и т.п.) поступали в полное распоряжение владельца.

¹ Мехтулинские ханы. – ССКГ, вып. II, 1869. С. 9-13. Интересно отметить, что обычай доставки по одной арбе дров с дыма и внесения алыма скотом в дом феодала, в случае смерти кого-либо из членов его семьи существовал и в других феодальных обществах Кумыкии. В с. Эрпели, например, общество в таких случаях, кроме арбы дров с каждого двора, платило всем обществом 40 быков на поминки или (позднее) 40 руб. См. ЦГА РД. Ф. 2. Оп. 3. Д. 140-в. Л. 113-116. Этот адат продолжал существовать у эрпелинских беков еще в начале XX в. (в 1903 г.).

¹ Бутков П.Г. Выдержки из проекта отчета о персидской экспедиции в виде писем. 1796 г. – ИГЭД. С. 201.

² Записки Н.Н. Муравьева-Карского... Указ. соч. С. 333.

³ Подробно см.: Мехтулинские ханы. – ССКГ, вып. 2. Тифлис, 1869. С. 2-13.

Аналогичное положение существовало и в других владениях. Кумторкалинские беки обязывали поселян «один день пахать весной и один день косить»¹. Казаналиповы, равно как и ханы мехтулинские, заставляли жителей Султан-Янги-юрта отправлять булкъя в трех видах, и эту булкъя жители всюду выполняли в течение трех-четырёх дней, а чагары некоторых обществ (Халимбек-аул) и также ногайцы отбывали еще «большее число дней»².

Как известно, во владениях Тарковского шамхальства и кумыкских князей жили подвластные этим владельцам кочующие ногайцы. По данным 1839 года, их было, например, в Эндиреевском, Аксаевском и Костековском владениях 850 кибиток³, занимавших земли князей Мургузали-Аджиевых, Казаналиповых, Темировых, Айдемировых и др. Они платили владельцам с четырехпарного плуга* по четыре сабу, за покос – по одной арбе или рубль серебром с каждой кибитки, за овец от 40 до 50 – одну, от 50 до 70 – одну овцу и ягненка, с 70 – двух, а со 100 и более – трех⁴, давали шерсть, молоко, сыр и т.д. Кроме того, те, кто сеяли марену, за каждую сабу засеянных семян платили по два рубля серебром. Эта рента была общей и для других зависимых крестьян. Ногайцы несли еще некоторые повинности, в частности, для разных нужд князей и царской администрации выставляли арбы и конных чапаров⁵.

Натуральный характер ренты здесь, как нам представляется, был непосредственно связан с природой кочевого скотоводческого хозяйства, имеющего частично и земледельческое направление. Однако, судя по источникам, ногайцы в более ранний период несли главным образом отработки. «За пахоту, – читаем в одном из документов Сословно-поземельной комиссии, – в прежнее время ногайцы исполняли булкъя: один день пахоты под пшеницу, другой день под просо и потом выходили по одному дню на жнитво пшеницы и проса»⁶. В середине XIX века отработочная рента у ногайцев почти исчезает.

¹ Прошение беков Темир-Хан-Шурина округа в Комиссию по разбору сословно-поземельных прав жителей Кавказского края. – Рук. фонд. ИИАЭ Даг. НЦ РАН. Д.1325. ЛЛ.14-15.

² Шамхалы Тарковские... С. 78-79.

³ ЦГ ВИА Российской Федерации (далее ЦГИА РФ). Ф.ВУА. Д.6379. Ч.1. Л.2.

* Полный плуг в среднем составляли три кибитки.

⁴ Кумыкский отдел Комиссии по разбору сословно-поземельных прав туземного населения Терской области. – ЦГА РД. Ф.105. Оп.1. Д.5. ЛЛ.38-39, 56-61.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

В кумыкских владениях жили и еврейские поселенцы. Как было отмечено выше, еще в первой половине XVIII века из Кайтага было переселено в Эндирей 80 семейств евреев. В Тарковском шамхальстве их было 71 семейство. Евреи жили в одних случаях отдельными кварталами, в других – вместе с местными жителями. Как люди, занятые главным образом ремеслом и торговлей, они несли денежную ренту – платили владельцам от 3 до 6 рублей с дыма в год. Кроме того, они нередко платили еще изделиями своих ремесел.

Таким образом, кумыкские феодальные владельцы получали с зависимого населения весьма значительных размеров натуральную, отработочную и, частично, денежную ренту. Как видно из многочисленных жалоб крестьян, указывавших на все усиливавшийся феодальный гнет, а также, судя по официальной переписке, наряду с преобладавшей продуктовой рентой, в рассматриваемый период сохраняется и барщина.

Особую роль в системе феодальной эксплуатации в Кумыкии играла пастбищная рента, которую ежегодно получали тарковский шамхал, мехтулинский хан и другие владельцы, сдавая в пользование большой фонд пастбищных земель, главным образом, горским владельцам скота. В начале XIX в., по сведениям выше упомянутого С.М. Броневского, тарковский шамхал получал ежегодно от сдаваемых им на откуп пастбищ, рыбных промыслов, от пошлин за провозимые товары примерно 30 тысяч рублей серебром¹, а общий доход по этим статьям составлял примерно 80 тыс. рублей². В 60-х годах кумторкалинские беки сдавали на откуп пять кутанов и получали ежегодно по 2340 рублей³.

Внутри зависимого крестьянства феодальная рента была распределена неравномерно. Чем состоятельнее были крестьяне, тем меньшую долю продукта их труда составляла рента, и наоборот.

Тяжелая эксплуатация, которой подвергалось трудовое крестьянство со стороны владельцев земли, вызывала многочисленные жалобы, которые направлялись царской администрации в Дагестане и на Кавказе. Жалобы крестьян не приводили, однако, к какому-либо улучшению их положения. Царское правительство, как известно, стояло на страже прав крупных землевладельцев, оправды-

¹ Броневский С. Указ.соч. С.П. С. 305.

² Дренякин И.Т. Описание Ширвана. – ИГЭД. С. 170 (приложение).

³ ЦГА РД. Ф.2. Оп.2. Д.28. Л.34.

вало их притязания. Так, например, жалобы тюменцев на Сулаке (1846-1847 гг.) наместнику Кавказа на притеснения со стороны князей Казаналиповых не только не принесли никакого облегчения крестьянам, но и привели к выселению их с занимаемых мест, что было санкционировано лично князем Воронцовым.

В 1850 году царская администрация заставила жителей с. Верхнее Казанище, вышедших из повиновения своему беку, снова нести свои подати и повинности в прежнем размере¹.

Тяжелое экономическое положение, постоянно увеличивающиеся подати и повинности иногда вынуждали крестьян оставлять свои родные селения и переселяться на хутора, подальше от барских усадеб.

Кумыкские владетели и царская администрация в Дагестане, стремясь сохранить податное население на местах постоянного жительства, принимали меры против массового бегства крестьян. Так было, например, в с. Эндирей. В 1849 году, несмотря на предписание командующего войсками в Кумыкском владении главному кумыкскому приставу «не позволять и удерживать жителей от переселения», отсюда переселилось (главным образом, на хутора) до 300 семейств².

Значительным бременем были для трудового народа и повинности, отправляемые по требованию царской администрации. Главное место среди них занимали аробная и конная повинности, известные под названием «бигер», отрывавшие крестьян от хозяйства на длительные сроки. Подводы брались как для передвижения войск, так и для крепостных, полковых и гарнизонных работ, а также для перевозки провианта. На жителях лежало и содержание в исправности дорог, а равно и конвоирование проезжающих и транспорта. По требованию военного начальства владельцы выставляли «милицию».

Особенно тяжелыми были для крестьян работы по строительству крепостей. «Тарковская крепость, названная Бурной, – писал в 1822 году в своих «Записках» посланный А.П. Ермоловым в Тарки «начальствовать над двумя батальонами, окончить строение Тарковской крепости...» Н.Н. Муравьев-Карский, – строилась с весьма

малыми средствами от казны, почти на счет обывателей, которых все прошлое лето Вельяминов без пощады понуждал в поиске материалов»¹. Описывая работы в зимних условиях на строительстве этой крепости, Н.Н. Муравьев-Карский отмечал: «Жители приходили в изнурение, лишаясь скота и не переставали из страха к наказаниям повиноваться»; «холод усиливался, бури становились нестерпимы на горе Тарковской, снега покрывали ее, и морозы начинали препятствовать работам; между тем по беспечности начальства отряд не распускался и строение продолжалось...»².

Царская администрация требовала безотлагательного выполнения своих распоряжений, не считаясь ни с какими обстоятельствами: ни с горячей порой полевых работ, ни с холодом, ни с возможностями аулов и отдельных жителей. «Одна строгость, – писал Муравьев-Карский, – могла содержать в порядке при таких трудах и повинностях, они сознавались, что строение сей крепости было для них с неба сосланное наказание за то, что они в 1820 году взбунтовались против доброго владельца своего шамхала»³.

Кроме мобилизации людей и транспорта на строительные работы, переброски провианта, войсковых частей и т.д., население обязано было систематически обеспечивать сеном и дровами находившиеся здесь воинские части. В 1820 году, например, каждый дом Тарковского шамхальства и Мехтулинского ханства, за исключением феодалов, должен был заготовить для войска по одной арбе сена и по две арбы дров. Население этих двух владений доставило дров 17208 и сена 8604 арб⁴. Отбывание конной повинности было настолько тяжелым, что многие крестьяне для покупки лошадей продавали «последнюю пару быков»⁵.

Тяжелое экономическое и правовое положение, обременительные постоянно растущие подати и повинности неоднократно вызывали открытый протест, отказ от уплаты налогов целыми обществами и даже восстания.

В 1820 году против непосильных строительных работ взбунтовалось население Тарковского шамхальства. Через год поднялись и жители Мехтулинского ханства, которые убили своего пристава

¹ Записки Н.Н. Муравьева-Карского... С. 324.

² Там же.

³ Там же. С. 326.

⁴ АКАК. Т.VI. Ч.II. С. 94.

⁵ Рапорт начальника Темир-Хан-Шуриинского округа военному губернатору Дагестанской области (1886). – ЦГА РД. Ф.2. Оп.3. Д.40. Л.1.

¹ Прошения беков Темир-Хан-Шуриинского округа в Комиссию по разбору сословно-поземельных прав жителей Кавказского края. ЦГФ. фонд ИИАЭ. Д.1325. Л.16.

² ЦГА РД. Ф.237. Оп.1. Д.5. ЛЛ.87, 97, 98, 127.

Батырева, потребовавшего большое число людей и подвод для строительных работ¹ и угрожавшего населению тюрьмой и убийствами. Дело дошло до того, что Ермолов вынужден был с отрядом идти к шамхальцам, «где и остался зимовать». Возмущение было прекращено действиями бригадного генерала фон-Граббе². По словам того же Н.Н. Муравьева-Карского, старый и слабый шамхал, который боялся своего народа и русских, не мог управлять как настоящий владелец на своей земле. «Если бы он мог сие делать, – отмечал Муравьев-Карский, – то был бы опасен для нас, потому что он не мог переносить равнодушно тяжелые и многочисленные повинности, которыми разоряли народ его»³. При этом автор упоминает, что в 1819 году ... «все почти его деревни сбунтовались»⁴. Волнения кумыкских крестьян в этот период носили всеобщий характер. «По временам, – писал М.Б. Лобанов-Ростовский о северных кумыках, – притесняемые князьями чагары соединялись между собой присягою и успешно отстаивали свои права»⁵. В прошении кумыкского князя Шефи Темирова от 15-го апреля 1853 года на имя главного кумыкского пристава Шереметьева говорится, что бурлу-аульские ногайцы «совершенно отказались от платежа ему ясака». Князь просил пристава заставить их заплатить ясак и за прошлое время или покинуть его земли⁶.

В Тарковском шамхальстве и Мехтулинском ханстве волнения крестьян и раньше имели такой острый характер, что владельцы покидали свои резиденции и уходили под защиту царской военной администрации. В 1815 году, например, Мехти-шамхал писал командующему войсками на Кавказской линии, что народ «разорил» его и «ограбил все имущество», что он вынужден был оставить свою летнюю резиденцию и переселиться в Тарки. Указывая, что и в Тарках народ собирается лишить его власти и жизни, шамхал просил у военного начальства выделить в помощь ему войсковую часть⁷.

В 1843 году крупные крестьянские волнения происходили в с. Кака-Шура. Кака-Шуринский бек Али-Султан со своим семейст-

вом вынужден был покинуть селение и укрыться в Темир-Хан-Шуре. Из Темир-Хан-Шуры командующий войсками в Северном Дагестане Клюки-фон-Клюгенау немедленно отправил в Кака-Шуру батальон пехоты «как для наказания кака-шуринцев, так и для удержания примером строгости и повиновения законным владельцам других жителей»¹. Прибывший для усмирения жителей батальон должен был расквартироваться и жить на «продовольствии жителей до тех пор, пока они не исполнят всех требований начальства и владельцев, и арестовать главных зачинщиков беспорядков». В течение семи дней происходила в селении расправа над жителями. Военное начальство потребовало письменного обязательства, что они будут отбывать все повинности, которые отбывали раньше.

В 1850 году вышли из повиновения кумторкалинским бекам жители с. Верхнее Казанище, которые, «отвергая всякие права сих беков над их селением, оставили свои дома и с семействами и имуществом переселились в с. Большие Казанищи»². Беки требовали вмешательства военной администрации. Князь Аргутинский-Долгоруков, подтвердив права беков, объявил жителям с. Верхнее Казанище, что они «обязаны повиноваться им, нести отбывающиеся до того повинности и возвратиться в свое селение». Однако общество продолжало отстаивать свои права и не возвращалось на прежнее место жительства. Царская администрация, озабоченная военными действиями в Дагестане, не могла вплотную заняться этим вопросом и поручила решить его шамхалу тарковскому, который, однако, не смог ничего сделать. В 1855 году беки снова обратились к командующему войсками в Прикаспийском крае с просьбой помочь им восстановить свои права на Верхнее Казанище. Командующий войсками князь Орбелиани в августе 1855 года предписал шамхалу «ввести означенных беков во владение сел. Верхние Казанищи». Вместе с тем Орбелиани предписал, чтобы беки отказались от своего права отбирать у крестьян участки надельной земли для предоставления их другим лицам. Это была уступка в пользу общества, но она не привела жителей к покорности. 5 ноября 1855 года шамхал сообщал военному начальству, что «как он ни убеждал жителей сел. Казанищи, они решительно отка-

¹ Записки Н.Н. Муравьева-Карского... С. 326.

² Там же. С. 327.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Лобанов-Ростовский М.Б. Указ.соч., №38.

⁶ ЦГА РД. Ф.237. Оп.2. Д.6. Л.20.

⁷ АКАК. Т.V. С.646-647.

¹ ЦГВИА РФ. Д.6499. Л.1.

² ЦГВИА Грузии. Ф.231. Оп.1. Д.48. Л.2-3. Верхнее Казанище в свое время было шамхалом тарковским подарено своему внуку Амалат-Магомеду.

зались, что готовы перенести все лишения и переселиться в другие места, лишь бы не оставаться под влиянием и управлением кумторкалинских беков». 10 декабря 1855 года последовало новое распоряжение командующего войсками на имя шамхала. «Не убеждая казанищенцев, а по праву владельцев ввести названных беков во владение селением, приказав жителям, как они живут на принадлежащих бекам землях, признавать их своими владельцами и платить им повинность». В феврале 1856 года насильно, под угрозой расправы, шамхалом было составлено «соглашение», в котором были указаны обязанности и права жителей и владельцев, ничем не отличавшихся от существовавших ранее. И после этого продолжалась борьба общества с. Верхнее Казанище с беками. Вопрос этот был предметом неоднократного разбирательства Сословно-поземельной Комиссии, куда непрерывно писали обе борющиеся стороны. Причем в течение 20 лет, пока этот вопрос разбирался, общество не платило никаких повинностей бекам¹. В конечном итоге тяжба завершилась тем, что обществу удалось в какой-то степени отстоять свои права: взамен многочисленным и неопределенным повинностям оно обязано было платить фиксированную денежную сумму – ежегодно 342 руб.²

Жители кумыкского села Каякент (Кайтагское уцмийство) в 1856 г. категорически отказались отправлять повинности в пользу своего владельца Джамав-бека Уцмиева. Джамав-бек вынужден был обратиться к военным властям за помощью. Для усмирения волнения военное начальство срочно выделило воинскую часть, которая должна была жить в Каякенте за счет населения «до тех пор, пока жители не станут исполнять все его (Джамав-бека – С.Г.) требования»³.

В борьбе с крестьянскими выступлениями местные феодалы широко пользовались военной помощью царского правительства. Недаром некоторые авторы еще тогда отмечали, что постоянное своеволие местных феодалов «привело бы к тому, что народ поступил бы со своими владельцами точно так же, как поступили несколько десятков лет тому назад за Кубанью тлофитли (свободные хлебопашцы), восстав открыто против князей и выгнав их из среды

своей, если бы в 1819 году Кумыкская плоскость не была занята, по распоряжению генерала Ермолова, русскими войсками»¹.

Трудное экономическое положение крестьян усугублялось их почти полным бесправием. Феодал пользовался правом суда над крестьянином и держал его в вечном страхе репрессий. Надо учесть и то, что вплоть до 1867 года в Дагестане, в частности на Кумыкской равнине, как было отмечено, сохранялось рабство. В антифеодальной борьбе активное участие принимали и рабы. Начальник Дагестанской области в докладной от 30 марта 1861 года главнокомандующему Кавказской армией писал: «В последнее время жалобы рабов и рабынь стали повторяться чаще, и некоторые из них бывают столь возмутительны, что местное начальство не может не вступить за обиженных, и как каждое подобное заступничество влечет за собой нарушение прав владельцев, установленных обычаями страны, то начальствующие лица поставлены бывают в крайние затруднения по неизданию до сих пор правил о том, что в каких случаях и в какой степени могут ограждать рабов от произвола владельцев»². Так обстояло дело накануне крестьянской реформы в Кумыкии.

4. АДМИНИСТРАТИВНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ УСТРОЙСТВО

Как уже было отмечено, в начале XIX века на Кумыкской равнине не было единого, централизованного государства. Продолжали существовать такие феодальные владения, как Тарковское шамхальство, Мехтулинское ханство, Эндиреевское, Аксаевское и Костиковское и др. владения, находившиеся под властью России. Каждое из этих владений сохраняло самостоятельное внутреннее управление и в свою очередь делилось на мелкие уделы. Дробление шамхальства Тарковского на небольшие уделы особенно усиливается со второй половины XVI в. В каждом уделе сидели члены рода шамхалов. Расчлененность на уделы кумыкских земель применительно к началу XVIII века достаточно наглядно отразил в своем «Журнале путешествия через Дагестан» участник посольства в 1715-1718 гг. в Персии А.И. Лопухин³. Он, в частности, называет

¹ ЦГИА Грузии. Ф.231. Оп.1. Д.48. ЛЛ.3-7.

² Там же. Л.16.

³ ЦГА РД. Ф.90. Оп.2. Д.1.

¹ Гаврилов П.А. Устройство поземельного быта горских племен Северного Кавказа. – ССКГ. Вып.2. Тифлис. 1869. С. 40.

² ЦГА РД. Ф.126. Оп.2. Д.71-а. Л.1-2.

³ См.: ИГЭД. С. 6-50.

Утамышское, Эндиреевское, Буйнакское, Казанищенское, Аксаевское и другие владения, порою мало зависимые или вовсе независимые от главного кумыкского владетеля валия Дагестана – шамхала Тарковского, а также говорит о сложностях перехода из одного владения в другое.

Характеризуя старшего сына Тарковского Мехти-хан-шамхала, Сулейман-пашу, которому тогда было 18 лет, Н.Н. Муравьев-Карский, довольно хорошо изучивший жизнь шамхальства, отмечает, что «меньшие братья его имеют свои уделы; они еще все в ребячестве... Уделы их состоят в деревнях, в коих они и живут, под присмотром дядек своих...»¹. Что же касается Сулейман-паши, наследника престола, то следует упомянуть, что он был внуком известного Кубинского и Дербентского хана Фатали-хана, сыном его дочери Перидже-ханум (Фериж-ханум, Харадже-ханум в русских источниках). При осаде и взятии Дербента графом В.А. Зубовым в 1796 г. она была на стороне русских и оказывала неоценимые услуги русским, настаивала, чтобы брат Шихали-хан без сопротивления сдал город. Оценивая заслуги Перидже-ханум перед русским правительством, царица Екатерина II в своем письме к графу В.А. Зубову отмечала: «Управительнице Дербентской Хараджи-ханум посылаю я перо, серьги и перстень в подарок. Прошу к ней доставить, буде ты ее поведением доволен. Сказывают, что она девица умная и хорошая собой... Мне показалось, что в ее образе есть что-то рыцарское, что мне понравилось. И ты с нею поступил как честный рыцарь, и я это весьма одобряю»².

По данным автора, подписавшегося «М», владения Засулакской Кумыкии также делились «на три округа». В Эндиреевский округ входили Эндирей, Темир-аул, Нуцал-аул, Осман-юрт, Казма-юрт и Хасав-юрт; в Аксаевское – Яхсай, Боташ-юрт, Хаджи-юрт, Мухаммедов мост, Качалай-отар, Мажахат-юрт, Умахан-юрт, Адил-Янги-юрт и хутор Дебирова; в Костиковское владение – Костек, Байрам-аул, Бата-юрт, Канбулат-пост, Генже-аул, Лаклак-юрт и Казийорт³. Каждый из этих участков, кроме своих князей, имел и своего пристава.

Южные же кумыки, как было отмечено, продолжали оставаться

в составе Кайтагского улумийства. Резиденция их владетелей в XVIII и начале XIX веков находилась в кумыкском с. Башлы – «главном в округе местечке»¹.

Особое место среди дагестанских владетелей занимал тарковский шамхал, который еще в это время назывался «валием Дагестанским и владетелем Буйнакским», что указывало на его привилегированное положение и старшинство среди феодальных владетелей всего Дагестана. С.М. Броневский писал: «Достоинство шамхальское есть важнейшее в Дагестане, а в областях, заключающихся между Терекон и Курой, почиталось вторым после царя грузинского»².

Титул валия дагестанского, пожалуй, больше соответствовал раннему периоду правления шамхалов, когда они действительно имели власть над значительной частью территории Дагестана (лакцев, кумыков, ряда союзов вольных обществ и т.д.) и принуждали многих его владетелей к вассальной зависимости. В начале же XIX века шамхалы такого влияния уже не имели. Их власть в это время распространялась не только не на весь Дагестан, но и не на всю Кумыкию, которая, как уже отмечалось выше, переживала период феодальной раздробленности. Прав был П. Зубов, когда писал в 1835 году, что «прежде шамхалы были сильнейшими владельцами в Дагестане, но теперь власть их простирается только собственно на округ Тарковский»³. Шамхал тарковский, однако, продолжал носить титул валия Дагестанского, так как все еще оставался наиболее значительным среди местных владетелей. Кроме того, политическое значение шамхалов в исследуемый период усиливается еще, пожалуй, и потому, что они играли главную роль в завершении присоединения Дагестана к России.

До этого и в первый период после присоединения Дагестана к России тарковский шамхал, так же как и мехтулинский хан, и князь Кумыкской плоскости, пользовался в своем владении неограниченной властью. В его руках сосредотачивалась вся светская, судебная (высший суд) и военная власть. Как мы уже отмечали во второй главе, он имел право на жизнь и смерть каждого подвластного. У главных ворот шамхальского дворца находилась тюрьма – глубокая яма, в которую в прежние времена на веревке опускали

¹ Записки Н.Н. Муравьева-Карского... С. 313.

² Письма и записки Екатерины Великой к графу Валерьяну Александровичу Зубову. – Русский архив. 1886. Кн. I. №3. С. 274-275.

³ М. Татарское племя на Кавказе. Кавказ. 1859. №91.

¹ Тихонов Д.И. Описание Северного Дагестана, 1796. – ИГЭД. С. 132.

² Броневский С. Указ. соч. Ч. II. С. 297-298.

³ Зубов П. Картина Кавказского края... Ч. III. СПб., 1835. С. 247.

ослушников. Нередко применялись смертная казнь, ослепление¹ и прочие наказания. Указывая на неограниченную власть тарковско-го шамхала, П.Г. Бутков в 1796 году писал: «Шамхал Тарковский есть самовластный владелец, и тяжбы своих подданных сам решает деспотически»². Полицейские дела в шамхальстве вершили беки и старшины, а дела «большой важности» решал сам шамхал³. Напомним и высказывания профессора Казанского университета Э. Эйхвальда, который писал, что шамхал применяет «наказание очень суровое. Преступникам выкалывают глаза, отсекают конечности, предводителей вешают», что «исполнителем наказания является палач, который живет в городе (Тарках – С.Г.) и носит всегда с собой оружие казни»⁴. Н.Н. Муравьев-Карский отмечал, что палач «исполнял веления своего хозяина со зверским удовольствием»⁵. Побывавшая в Тарках несколько ранее, т.е. в конце XVIII в., участница Персидского похода 1796 года В.И. Бакунина в своих воспоминаниях пишет: «Нам показывали наверху той горы, на которой стоит Тарки, скалу с весьма наклонной вершиной, говорят, что с этой скалы кидают по повелению шамхала преступников, т.е. тех, кто ему не нравится или чье имение он хочет конфисковать...»⁶.

Суровый «Проконсул Кавказа» А.П. Ермолов писал: «Все подвиги мои состоят в том, чтобы воспрепятствовать какому-нибудь хану по произволу его резать нос и уши, который в образе мыслей своим не допускает существования власти, если она не сопровождается истреблением и кровопролитием»⁷.

Судя по имеющимся сведениям, и у ханов мехтулинских была своя тюрьма и своя «каральня». «Все здание, – писал в 1850 г. о жилище предков ханов мехтулинских в Джунгутае «М» – автор статьи «Быт мехтулинских и аварских ханов», – представляло

большой правильный четырехугольник, с трех сторон возвышались двухэтажные дома, а с четвертой одноэтажное строение с воротами посередине, по сторонам которых были устроены каральня, тюрьма и конюшня. Снаружи здание имело одни амбразуры и бойницы, все двери и окна были обращены на двор»¹. Разумеется, не все шамхалы были столь жестокими. Тот же Мехти-шамхал, известный своей жестокостью в молодые годы, в старости, по словам его современника Н.Н. Муравьева-Карского, перестал пить, начал вести «жизнь умеренную и показываться народу, который к нему приходил без всякого подострастия, не так, как в Персии, где народ убегает от владетельных ханов»². «Шамхал, – пишет он далее, – часто бывает сам судья, но никогда он не посылает на разбор дел, решенных уже духовным судом...»³. Одновременно он отмечает, что старого шамхала посещают «некоторые старики, с которыми он любит проводить время, приходят с ним совещаться и молиться»⁴. О шамхале Абу-Муслиме подполковник генерального штаба Окольный писал: «...Человек глубоко нам преданный, чистый и добрый, но воспитанный в духе азиатской роскоши, он заботился только о чувственных наслаждениях и не имел никаких военных способностей»⁵. Шамхалы тарковские, кроме Тарков, имели еще три резиденции. Это были Нижнее Казанище, Эрпели и Буйнак, куда они обычно выезжали в летний период.

На звание шамхала обычно мог претендовать самый старший по прямой линии шамхальского рода. Тем не менее бывали захваты шамхальского престола.

Управленческий аппарат во владении Кумыкии не был очень сложным. Тарковское шамхальство, например, как и другие феодальные владения Дагестана, не имело сложной системы административных учреждений⁶. Здесь не было ни постоянного совета из

¹ Березин И.Н. Путешествие по Дагестану и Закавказью. Казань, 1849. С. 70.

² Бутков П.Г. Выдержки из проекта отчета Персидской экспедиции в виде писем. 1796 г. – ИГЭД. С. 200.

³ Окольный Н. Перечень событий в Дагестане. – Военный сборник. Вып. I, 1859. С. 149.

⁴ Eichwald E. Reise auf dem Caspischen Meere und in dem Caucasus. Unternommen in dem Jahren 1825-1826. Stuttgart-Tübingen, 1834. S. 83.

⁵ Записки Н.Н. Муравьева-Карского... С. 332.

⁶ Бакунина В. Персидский поход 1796 г. – Русская старина, 1887, №2. С. 433.

⁷ Цит. по: Козубский Е.И. История города Дербента... С. 137.

¹ См.: Кавказ, 1859, №38. О мехтулинских ханах, в частности о Султан-Ахме-хане, помещенном в детском возрасте в Пажеский корпус, писал и Окольный (см. Военный сборник, 1850, № 1 и 1859, № 3). Характеризуя его, он отмечает, что это «человек энергичный, способный и владетельный и крас». Умер Султан-Ахмед-хан в январе 1843 г.

² Записки Н.Н. Муравьева-Карского... С. 331-332.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 333.

⁵ Окольный Н. Перечень последних событий в Дагестане. – Военный сборник, 1859, №3. С. 10.

⁶ Юшков С.В. Указ.соч. С. 83.

влиятельных феодалов, ни другого совещательного органа. Но шамхал периодически собирал на маджлис (совет) своих советников, крупных и влиятельных вассалов, узденей и принимал решения с их участием. Это не мешало шамхалу делать все, что ему заблагорассудится и осуществлять свою неограниченную власть. Во дворе «...подле бассейна лежит небольшой серый камень: это трон шамхала, на котором он судит и рядит своих подданных, на котором и коронуются новые владетели Тарху»¹, – писал востоковед И.Н. Березин.

Тарковский шамхал так же, как и хан Мехтулинский, владетели Засулакской Кумыкии, в изучаемое время не имел постоянной армии². Но у него было большое число нукеров-дружинников, которых русские называли шамхальской «милицией». Они и составляли основной костяк его военной силы. Известный путешественник середины XVII века Эвлия Челеби писал, что у шамхала было «всего воинов 87 тысяч», что «во время войны они выступают в назначенные места сражений на лошадях под началом визиря, беев или шамхал-шаха»³. Он также отмечал, что «тяжелых обозов у них нет, зато у них много легко вооруженных воинов»⁴. Автор, возможно несколько преувеличивает численность вооруженных сил шамхалов. Источники конца XVIII – начала XIX века указывают, что шамхал мог выставить «поголовно с оружием войска» до 26 тысяч вооруженных людей или от 25 до 26 тыс.чел.⁵ Основная часть военной силы шамхалов, несомненно, состояла просто из ополчения, собираемого в помощь шамхальской дружине⁶. Дружина шамхала выполняла и полицейские обязанности. Она являлась силой, при помощи которой феодальная власть держала зависимое крестьянство в постоянном повиновении. Трудно определить, например, численность нукеров шамхала, но по данным голландского географа и путешественника конца XVII в. Витсена, «шамхал ... имеет у себя в Тарку около 500 человек телохранителей, оставшихся после чумы 1694 года, так как тогда там умерли многие тысячи

людей»¹. Очевидно, что в обычное время их численность намного превышала 500 человек.

Вассальную службу более крупным феодальным владетелям, в первую очередь шамхалу, несли не только нукеры, но и бии, и беки, управлявшие своими уделами. В нужных случаях они должны были явиться со своими военными отрядами, состоявшими из нукеров и ополченцев, и во время войны или похода непосредственно предводительствовать ими, защищая интересы своего владетеля². «Ежели же надобность возымет шамхал в войске, – писал Д.И. Тихонов об отношениях тарковского шамхала с подвластными беками, – то в то время посылает к ним своего чиновника с требованием ему от них помощи вооруженного войска, в чем они ему в это время послушны бывают»³. Однако отдельные беки, сильные в экономическом отношении, временами переставали подчиняться власти шамхалов и ханов и принуждали их к союзу с ними⁴. Относительно владельцев Эндирея, Аксаия или Костека А.М. Буцковский применительно к концу XVIII и началу XIX вв. отмечал, что они вместе могли в «общем ополчении выставить до 18000 конновооруженных» и что «кинжалы лучшие по Кавказу в Андреевском селении выделяются», «порох сами делают, равно и оружие»⁵, а костекцы могут собрать «оружейных до шести сот»⁶. Многие авторы также отмечали, что кумыки (Утамышы, Буйнака и др. селений) «доброконны и вооружены оружием огненным и саблями»⁷, «употребляют оружие огненное и луков и у всех добрые сабли»; «дагестанцы люди храбрые и поспешны на конях, все вооружены огненным, добрыми саблями и многие в панцерах; луков и стрел мало употребляют»⁸. В некоторых феодальных владениях в изучаемое время имелись и пушки, завезенные сюда из России. Было известно, что у старшины Аксаия князя Мусы Хасаева, например, хранилась «небольшая медная пушка, подаренная еще Петром I» то-

¹ Цитируем по: Лавров Л.И. Тарки до XVIII в. – Ученые записки Института ИЯЛ Дагестанского филиала АН СССР. Т.4. Махачкала, 1958. С. 24.

² Юшков С.В. Указ.соч. С. 84.

³ Тихонов Д.И. Указ.соч. С. 130.

⁴ ЦГИА Грузии. Ф.2. Оп.1. Д.7767. Л.23.

⁵ Буцковский А.М. Указ.соч. С. 243.

⁶ Дренякин И.Т. Описание Ширавана, 1796. – ИГЭД. С. 170.

⁷ Гербер И.Г. Описание стран и народов вдоль западного берега Каспийского моря. 1728 г. – ИГЭД. С. 71.

⁸ Там же. С. 71.

¹ Березин И.Н. Указ.соч. С. 70.

² Юшков С.В. Указ.соч. С. 84.

³ Челеби Эвлия. Книга путешествия. Вып.2. М., 1979. С. 106.

⁴ Там же.

⁵ Бутков П.Г. Сведения о Кубинском и Дербентском владениях. – ИГЭД. С. 210; Броневский С. Указ.соч. Т.II. С. 308.

⁶ Юшков С.В. Указ.соч. С. 84.

гдашнему старшине Аксаю Адилу¹. Еще во второй половине XVIII в., как сообщает голландский географ Витсен, в Тарках у входа в шамхальский дворец («замок») были «снаружи поставлены пушки для защиты»².

По данным исторического сочинения «Тарихи Эндирей», которое принадлежит перу жителя Эндирея Х. Насурову, в этом селении в старину «постоянно находилась тысяча всадников, готовых в любой день выйти по тревоге»³. Отборные всадники к своим головным уборам привязывали специальные знаки – кутасы, которые представляли собой пучки белого конского волоса⁴.

В источниках нет ясных сведений об управленческом аппарате, которым располагал шамхал в начале XIX века. Более ранние материалы свидетельствуют о наличии в Тарковском шамхальстве визирей, главы военной силы «черив башы», советников и т.д. Эвлия Челеби, посетивший дом шамхала, писал, что кадиаскер (глава армии), верховный судья сидят ниже шамхал-шаха. «А визир его Тарки-хан прислуживает ему стоя. Представители знати садятся напротив шамхал-шаха»⁵. Известно также, что во время похода Петра I в Тарковском шамхальстве визирем был Мухаммет-Салих⁶. Как видно из писем шамхалов Хасбулата и Магомеда в 1750-1763 годы в Кизлярскую комендатуру, визирем их являлся чиновник по имени Абдулла. «Сим моим дружеским письмом ... объявляю, – пишет Хасбулат в 1750 г., – послан от меня в Кизляр визирь мой Абдулла»⁷. Во время правления Тарковским шамхальством Муртузали визирем его являлся Лаварслан. В управлении шамхальством визирь играл, после самого шамхала, самую главную роль, как во внутренних, так и во внешних делах, в том числе в вопросах военных и дипломатических. Следовательно, шамхал располагал штатом придворных, среди которых главное место занимал визирь –

первый помощник владетеля. В источниках начала XIX века нет упоминаний о главе вооруженных сил, о визире и т.д., зато встречаются «дворецкий», «сотник», «городовой» и т.д. При шамхале Адиль-Гирее, согласно источникам, дворецкий был Садык-ага. И.Н. Березин, например, пишет, что «для наблюдения за общественным спокойствием в Тарху существует кала-бек (городничий) из татар, а при нем находятся юзбашы (сотники) и чауши (городовые)»¹. В числе управлявших чиновников, надо полагать, находился ведающий финансами (казначей – дефтердар). Наиболее почетные должности при шамхале нередко занимали беки, выполняя самые разнообразные функции: контроль за своевременным внесением феодальных податей и повинностей, надзор за порядком в подвластных аулах, осуществление судопроизводства, сбор по указанию шамхала вооруженной силы и командование ею во время походов и т.д. Эти управляющие, в свою очередь, имели свои штаты, аппарат (кадии, муллы, нукеры, старшины, чауши и др.). Функции конюшенных – «карасчы», стольников – «хунчачы», виночерпиев – «аякчы» и т.д., как правило, выполняли нукеры, рабы и казаки. Во время совещаний во дворце шамхала строго соблюдалась субординация, все садилось согласно порядку, предписанному адатом.

Почти то же самое наблюдалось в управлении другими владениями Кумыкии. Несколько отличаются порядки во владениях Засулакской Кумыкии: Эндиреевское, Аксаевское и Костековское владения С.М. Броневский относит к аристократическому типу правления². Здесь власть также находилась в руках владетелей. Однако особенность этих владений состояла в том, что в их главных селениях, т.е. Эндирее, Аксае и Костеке, собирался особый совет, членами которого являлись князья, выделяемые по одному человеку (по старшинству) из каждой княжеской фамилии³. Во главе совета стоял наиболее влиятельный и старший летами князь, который так и назывался «старшим князем», остальные же князья назывались просто старшинами, иногда и «картами»⁴. Совет регулировал общественную жизнь, устанавливал земельно-правовые отношения, назначал судей для разбора дел по адату и шарияту и т.д. В непосредственном ведении совета находились «бегаулы», или «вы-

¹ Родожецкий И. Письмо из Ставрополя от 25 марта 1827 г. – Отечественные записки, №86, май 1827. СПб. С. 492.

² Цит. по: Лавров Л.И. Тарки до XVIII в. – Ученые записки ИИЯЛ. Махачкала, 1958. Т.4. С. 24.

³ Шихсаидов А.Р., Айтберов Т.М., Оразаев Г.М.-Р. Дагестанские исторические сочинения. М., 1993. С. 205.

⁴ Там же. С. 212.

⁵ Челеби Эвлия. Указ.соч. С. 106.

⁶ Письма шамхала Адиль-Гирея Тарковского Петру I. – Рук.фонд ИИАЭ, д.1189. С. 19, 28.

⁷ Русско-дагестанские отношения в XVIII – начале XIX вв. – Сборник документов. М., 1988. С. 83.

¹ Березин И.Н. Указ.соч. С. 67.

² Броневский С. Указ.соч. Ч.I. С. 38-39.

³ ЦГА РД. Ф.105. Оп.1. Д.5. ЛЛ.61-62; Дубровин Н. Указ.соч. Т.I. Кн.I. С. 633; Леонтович Ф.И. Указ.соч. Ч.II. С. 187.

⁴ Дубровин Н. Там же.

борные десятники от каждого квартала», исполнявшие распоряжения совета. Решению совета или воле старшего князя должны были подчиняться все князья, управлявшие своими уделами. Эта внешняя коллегиальная форма правления не ограничивала, однако, власти феодалов; она только несколько упорядочивала земельно-правовые отношения во всех частях владения.

Мы не будем отдельно характеризовать ханство Мехтулинское, ибо оно по образу правления ничем почти не отличалось от Тарковского шамхальства, а скажем только об удельных владениях. Беки, удельные князья также имели в своих владениях неограниченные права, могли «определять казни преступникам»¹. Удельные князья, подобно другим, более значительным владетелям, имели свои дружины, состоявшие из преданных им узденей или салаузденей. Военные силы их в основном также состояли из ополчения, собираемого в помощь дружине-нукерам в случае необходимости.

Особа шамхала, бия, князя считалась неприкосновенной, а его собственность – священной. «Оскорбивший его (князя – С.Г.) подвергался сильному гонению»², говорится в Адатах кумыков. Как указывалось, члены бийского сословия не судились ни с узденями, ни с чагарами или с рабами, а имели свой суд, свои адаты. Так, например, по бийскому адату по делам кровной мести мщение могло совершаться только внутри сословия³. По отношению к биям не имели права мести не только зависимые сословия, но и салауздени. Потерпев обиду со стороны постороннего князя или бия, люди из зависимых сословий могли обращаться только к своему владетелю, а последний имел дело с обидчиком как равный с равным.

Таким образом, князья выступали в качестве ответчиков лишь в том случае, когда потерпевший являлся подвластным другого владетеля, а в своих владениях, «если кто князя оскорбил, князь сам его наказывал, не прибегая к суду».

В случае убийства бием кого-либо из других сословий вместо него (убийцы) в канлы (в изгнание) уходил его уздень. В большинстве же случаев бий ограничивался уплатой семье убитого определенного вознаграждения. Если же бия убивал уздень, чагар и т.д.,

то родственники убитого нападали на дом убийцы, уничтожали все его семейство, отбирали имущество и сжигали дом. «Если князь, – говорилось в кумыкских Адатах, – обвинен был в обидах, сделанных узденю, в особенности второстепенному или третьестепенному, то штраф, которому подвергался князь, был весьма мал, а в некоторых случаях оно даже и вовсе положено не было»¹. За похищение имущества у поселян похититель-князь платил только стоимость похищенного предмета. Похищение же имущества у князя «влекло за собой уплату за похищенное в десять раз больше»². Если виновный не был в состоянии внести эту сумму, то должен был поступить князю в рабство. Таким образом, феодалы не несли ответственности за пролитую кровь чагара или раба. Князь нередко «умерщвлял второстепенных и третьестепенных узденей» и оставался совершенно безнаказанным³.

После окончательного присоединения к России, точнее, с 60-х гг. XIX в. в административно-политическом устройстве феодальных владений Кумыкии, особенно засулакских, происходят существенные изменения. Еще в начале XIX в. высшая власть в Дагестане была сосредоточена в руках военного командования. Царское правительство и его администрация на Кавказе сохраняли за собой право лишать власти и титулов владетелей Дагестана, если они нарушали интересы царизма. В достоинстве своем владетели могли быть утверждены царским правительством не иначе, «как отличною верностью, большими трудами и усердною службою»⁴. Потеряв былую политическую независимость, кумыкские владетели, как и другие дагестанские феодалы, совершенно лишаются права вести дипломатические отношения с другими государствами, в том числе с Персией и Турцией.

Активно вмешиваясь в дела дагестанских владетелей, царское самодержавие не спрашивало их согласия на проведение тех или иных мероприятий. «В рассуждении матери Хасан-хана, – писал генерал Вельяминов Мехти-шамхалу в марте 1821 года, – я должен чистосердечно сказать вашему высокостепенству, что вы ошибаетесь, если полагаете, что нужно было согласие ваше на удаление ее в Кизляр или другой какой-нибудь российский город. Главного-

¹ Тихонов Д.И. Указ.соч. С. 130.

² Леонтович Ф.И. Указ.соч. Ч.II. С. 190.

³ Семенов Н. Туземцы Северо-Восточного Кавказа. СПб., 1895. С. 272.

¹ Леонтович Ф.И. Указ.соч. Т.II. С. 190, 196.

² Семенов Н. Указ.соч. С. 272.

³ Леонтович Ф.И. Указ.соч. Ч.II. С. 196.

⁴ АКАК. Т.VI. Ч.II. С. 63.

мандующий не спрашивает ни у кого согласия на то, что нужно для общей пользы и спокойствия»¹. В 1828 году письмо тарковского шамхала наследнику персидского престола Аббас-Мирзе было доставлено через военно-окружного начальника в Дагестане Граббе графу Паскевичу. «Сие сделано, – писал Паскевич шамхалу по этому случаю, – ... дабы все местные начальники заботились о спокойствии и наблюдали, чтобы никто из подвластных великого государя моего не входил в переписку с иностранными державами без моего разрешения»².

Дагестанские владетели рассматривались как царские чиновники или своего рода наместники. Ермолов неоднократно называл Мехти-шамхала «знатнейшим российским чиновником»³, «генералом российским»⁴, старшего аксаевского князя Мусу Хасаева – «усерднейшим российским чиновником»⁵. Местные владетели в случае измены царскому самодержавию немедленно отстранялись от управления. Так было с утамышским владетелем Султан-Махмудом в 1721 году, с дербентским Шихали-ханом в 1806 году, дженгутайским Хасан-ханом в 1818 году, кайтагским уцмием в 1820 году и другими владетелями.

Русская администрация на Кавказе несколько раз поднимала вопрос о лишении тарковского шамхала права звания «валия дагестанского» как не соответствовавшего его действительному политическому положению. Однако этот вопрос оставался нерешенным до самого упразднения ханской власти в Дагестане.

Мы выше отмечали, что после присоединения Дагестана к России роль вассалитета значительно суживается, хотя еще сохраняется «обычай, что уздени вступали на службу князю»⁶. Царское правительство и его военная администрация в Дагестане сами стояли, однако, на страже сословных прав местных владельцев. Недаром Ермолов на письмо Мехти-шамхала о военной помощи писал в 1818 году: «По желанию вашему поставлю в Тарки войска»⁷ и обещал привести в повиновение жителей с. Казанище, поднявшихся против шамхала⁸.

¹ Там же. С. 96-97.

² Там же. Т. VII. С. 532-533.

³ Там же. Т. VI. Ч. II. С. 49.

⁴ Там же. С. 89.

⁵ АКАК. Т. VI. Ч. II. С. 563.

⁶ Леонтович Ф. И. Указ. соч. Ч. II. С. 190-191.

⁷ АКАК. Т. VI. Ч. II. С. 88.

⁸ Там же. С. 89.

Назначив старшим князем Эндиреевского владения майора Шефи-бека Темирова, Ермолов в своем «Обращении к владельцам эндиреевским, духовным особам и народу» писал: «Предупреждаю вас, что я требую лучшего повиновения и порядка, нежели каковые доселе заметил я между вами. Бойтесь быть непокорным, ибо старший владелец будет исполнять собственные мои приказания. За каждым действием вашим буду я иметь наблюдения»¹.

С учреждением царской администрации на Кавказе и в Дагестане многие из представителей кумыкской феодальной знати и прежде всего засулакских князей поступили на службу в военное управление. Еще в 1828 году, например, главным кумыкским приставом был назначен старший аксаевский князь Муса Хасаев², который в 1820 году по представлению Ермолова был утвержден Александром I «старшим владельцем Аксаевским» с присвоением ему чина капитана³. На службу вместе с князьями в первой половине XIX века нередко поступали и их уздени-нукеры. «Если князь вступает в милицию, – говорилось в Адатах кумыков, – то с ним зачисляется в оную и уздень, состоящий у него на службе»⁴. В случае надобности дагестанские владетели обязаны были со своими отрядами нукеров, называвшимися в этот период милицией, выступать в составе царской армии. «Когда начальство собирает войско, – указывал Ермолов в своем «наставлении» обществу Башлы при назначении найбом Амир-Гамза-бека, – наиб является с оным (нукером – С. Г.) на службу, и в таком случае никто от службы не увольняется»⁵. По требованию командования в 20-50-х годах «шамхальская милиция» и «милиция мехтулинского хана» участвовали в военных действиях в нагорном Дагестане.

Во внутреннем управлении и сословно-правовых отношениях местные владетели, за некоторыми ограничениями (отмена работорговли, приносившей большой доход дагестанским феодалам, ограничение права на смертную казнь и пр.), не только сохранили прежнюю власть, но и значительно укрепили ее при поддержке царизма и военной администрации на Кавказе. Местные владетели обстановкой, созданной царизмом в Дагестане, – писал П. В. Гидулянов, – «воспользовались как нельзя лучше, и в короткое время

¹ АКАК. Т. VI. Ч. II. С. 560.

² ЦГА РД. Ф. 105. Оп. 1. Д. 5. Л. 122.

³ АКАК. Т. VI. Ч. II. С. 562.

⁴ Леонтович Ф. И. Указ. соч. Ч. II. С. 191.

⁵ АКАК. Т. VI. Ч. II. С. 67.

сделали свою власть над подданными совершенно безграничной»¹. Подтверждая сохранение прежнего управления, генерал Ермолов отмечал, что «шамхал в земле своей имеет власть судить и наказывать»².

В своем предписании от 25-го августа 1836 года военноокружному начальнику в Дагестане главнокомандующий на Кавказе барон Розен указывал, что «шамхалу тарковскому представлена полная власть решать по законам и обычаям края, им управляемого, все дела, какого рода бы они не были, и между подвластными своими, почему в разбирательство оных входить не следует ... исключая таких случаев, когда по делу прикосновенны воинские части или русские подданные других мест, но и тогда должны обращаться с требованиями к самому шамхалу, а не входить прямо в разбирательство с подвластными его»³. То же самое утверждал и предшественник Розена граф Паскевич в своей «Прокламации к жителям Дагестана и Кавказских гор» в 1830 году, когда писал, что необходимо соблюдать в «целости все права, преимущества и собственность владетелей на вечные времена неприкосновенно», что «ханы, князья, уздени, султаны, муллы, старшины и прочие знатные степени останутся при достоинствах и уделах своих»⁴.

Более того, осуществляя колониальную политику, царское правительство видело в лице местных феодалов свою социальную опору и всячески поддерживало эксплуататорские притязания владетелей. Как справедливо отмечает известный русский историк А.В. Фадеев, «утверждение владычества русского царизма на Кавказе сопровождалось усилением феодального угнетения трудящихся горцев»⁵. Неся ревностную службу царю, кумыкские владетели получали военные и придворные чины, большое жалованье, щедро награждались орденами и медалями. Тот же Муса Хасаев, «отличаясь преданностью своею правительству в отпращивании должности своей», был награжден украшенной бриллиантами золотой медалью с надписью «За усердие»⁶. За «верноподданническое служе-

ние, особые заслуги и усердие» еще 1800 г. Мехти-шамхал по рескрипту Павла I был удостоен чина генерал-лейтенанта русской армии: «... вы, получая себе отличия пред прочими сверстниками вашими, не оставите ... и сами отличать себя перед нами тою всегдашнею к нам и к империи Всероссийской преданностию и усердием, о коих засвидетельствовано в помянутых донесениях ваших»¹. За «усердие и верность» и шамхал Абу-Муслим получил также чин генерал-лейтенанта русской армии, а в 1849 году, в «награду особых заслуг и постоянной преданности ... престолу» он же был возведен в княжеское достоинство и именовался «князем Тарковским» с правом передачи этого титула по наследству². В 1856 году, находясь на коронации императора, он был назначен генерал-адъютантом³. Здесь следует заметить, что шамхалы тарковские были единственные феодальные владетели, которые имели в Дагестане княжеские достоинства, если не считать владетелей Засулакской Кумыкии, где и все удельные владельцы признавались князьями.

Среди других владетелей Дагестана тарковские шамхалы занимали особое положение. В собственноручно подписанной Александром I в сентябре 1806 г. грамоте Мехти-шамхалу Тарковскому между прочим отмечалось: «Нашему любезно верноподданному ген-лейтенанту владетелю Тарковскому, Буйнакскому и Дагестанскому Мехти-шамхалу наша императорская милость и благоволение... Мы, руководствуясь всегдашним попечением о пользе жителей г. Дербента ..., признавали за нужное как их самих, так и оный город принять в наше управление, а вас в награждение усердия к службе и верности к императорскому престолу нашему пожаловать в достоинстве хана Дербентского...»⁴.

В грамоте также отмечалось, что титулом хана Дербентского будут удостоены и преемники Мехти-шамхала, что шамхал будет пользоваться всеми доходами, «за исключением г. Дербента и доходов одного, которые должны поступать ... в императорскую казну»⁵. От шамхала для получения титула хана требовалось лишь «торжественно учинить присягу»⁶. В своем письме к шамхалу Тарковскому от 30 января 1807 года граф Гудович, которому было по-

¹ Гидулянов П.В. Сословно-поземельный вопрос и раятская зависимость в Дагестане. – Этнографическое обозрение, 1901, №2. С. 54.

² АКАК. Т.VI. Ч.II. С. 101.

³ ЦГИА Грузии. Ф.2. Оп.1. Д.4797. Л.4.

⁴ АКАК. Т.VII. С. 516.

⁵ Фадеев А.В. Антиколониальное движение народов Северного Кавказа. – Преподавание истории в школе. №6. 1957. С. 37.

⁶ АКАК. Т.VI. Ч.II. С. 563-564.

¹ ЦГИА Грузии. Ф.2. Оп.1. Д.4797. Л.57.

² АКАК. Т.X. С. 495.

³ Шамхалы Тарковские... С. 65.

⁴ АКАК. Т.3. Тифлис, 1869. С. 385.

⁵ Там же. В управление шамхала поступал весь Улусский магал.

⁶ Там же.

ручено ввести шамхала в его новое владение, писал: «... щедроты ... великого нашего Государя императора, обильно на вас изливающие, столь велики, каковыми не удостоен ни один из ханов, имеющих счастье во всероссийском подданстве ... сверх настоящего Тарковского владения, вам принадлежащего, Е.И.В. ... благоугодно было, за исключением г. Дербента, пожаловать в непосредственное владение ваше со всеми доходами и Дербентское ханство... Столь знатное присоединение к вам селений дербентских умножило вместе с тем в большом количестве и доходы ваши... Во-вторых, наравне с прочими ханами вы имеете чин российского ген.-лейтенанта, но разница в том, что они получают жалованье по чину их, а ваше превосходительство по милосердию Е.И.В. получаете по 500 р. и почти вдвое против их; ... еще знатное имеете пред ними преимущество в том, что при таковых выгодах изъяты от дани, каковую все прочие ханы по 7 и 8000 червонцев вносят в казну Е.И.В. в знак своей зависимости, тогда как вы, по особливим к вам высочайшим щедростям, вместо дани сами пользуетесь пенсионом от казны Е.И.В. Наконец, должен к сему присовокупить, что по особенной к вам Высокомонаршей щедроте вы удостоены также медалью, осыпанною бриллиантами, какого отличия ни один хан не имеет»¹.

Ставя тарковского шамхала в особо привилегированное положение, царское правительство не желало, однако, его чрезмерного усиления. В своем предписании генерал-майору Сталю от 18-го апреля 1818 года Ермолов писал, что передача кайтагским уцмием Адил-ханом управления своему сыну Хан-Мамедбеку, женатому на дочери шамхала, нежелательна для царского правительства, что это в конечном счете «может произвести умножение силы шамхала, которого в прочем делать слишком могущественным не должно»². Как известно, тарковский шамхал в 1830 году представил царю просьбу о поручении ему управления над Дагестаном, но эта просьба шамхала была отклонена. Генерал Ермолов не раз давал «советы» при выборе невест для сыновей шамхала и имел при этом определенное влияние. «Я ... советую вам, как другу, – писал он шамхалу Мехти, – женить старшего сына Сулейман-пашу на дочери старшего аксаевского князя майора Мусы Хасаева, ибо наследнику вашему прилично быть в родстве и в связи с усердною и

знатною фамилиею»¹. А когда шамхал пожелал женить своих сыновей на дочерях уцмий, Ермолов писал, что не имеет «причины ... запрещать»². Такую позицию русская администрация занимала не только по отношению к шамхалам тарковским. Известен, например, и такой факт, когда уцмий кайтагский Адил-хан любой ценой задумал подчинить себе узденский аул Башлы, русское командование на Кавказе отказало ему в этом. 6 февраля 1815 года в своем рапорте на запрос ген. Ртищева ген.-майор Хатунцов отвечал отрицательно. Он писал: «... завладеть Сала-Башлами – именем, будто бы принадлежащим его предкам, из доходов которого обязуется он платить ежегодно в казну Е.И.В. по 1000 червонцев, я против сего должен поистине сказать, что такое намерение уцмий есть весьма предусмотрительно и расчетливо с собственными его пользами и ежели все это делается, как он хочет, то конечно, уцмий будет лучшим владельцем, нежели как есть и как были его предки»³. Не трудно догадаться, что царская администрация в Дагестане явно не желала видеть здесь усиление власти уцмий, его экономического потенциала.

Начиная с 20-40-х годов при шамхале и мехтулинском хане состояли русские офицеры со званием помощников по управлению владением, имевшие большие полномочия и следившие за их внешнеполитической ориентацией. Штаб-офицер, назначенный в 1843 году помощником к мехтулинской ханше Нох-бике, «действуя во всем как бы с ее согласия, был на самом деле полным правителем ханства»⁴. Во владениях на Кумыкской плоскости, Эндиреевском, Аксаевском и Костекевском, в 1827 году был утвержден «главный кумыкский пристав» в помощь командующему войсками в «Кумыкском владении» по административно-полицейскому управлению. Кроме главного пристава, в каждом из этих владений были и частные приставы. Приставы, особенно главный, осуществляли надзор за «общим порядком», за поведением князей и населения, следили за выполнением государственных повинностей и нередко производили суд и расправу, доносили и представляли начальству «уличенных в важнейших преступлениях». При главном приставе находилось «известное число вооруженных людей». В

¹ АКАК. Т.III. С. 410.

² АКАК. Т.VI. Ч.II. С. 49.

¹ АКАК. Т.VI. Ч.II. С. 98-99.

² Там же. С. 103.

³ АКАК. Т.V. Тифлис, 1873. С. 625-626.

⁴ Мехтулинские ханы. – ССКГ. Вып.II. Тифлис, 1869. С. 8.

связи с назначением помощников по управлению и учреждением института приставов права владельцев значительно ограничились. Это создало и само военное командование на Кавказе. В 1828 году Паскевич в силу ряда обстоятельств был против назначения в шамхальство помощника или пристава. Указывая на подконтрольность шамхала начальнику, поставленному кавказским командованием, Паскевич писал Нессельроде: «Сколько бы ни были скрыты и прикрыты благовидною наружностью действия помощника или пристава, но народ дагестанский скоро постигнет его назначение, проникнет, сколько ослабляется власть над ними шамхала подобным надзором, и, наконец, откажется совершенно ему повиноваться»¹.

Порядок назначения «помощников» продолжал существовать до 60-х годов XIX в. до упразднения власти ханов и шамхалов. Постепенно владельцы лишаются права на смертную казнь, права передачи в собственность имений (населенных и ненаселенных), им лично не принадлежащих, права назначать судей, хотя формально последнее право за ними сохраняется и т.д.

В Засулакской Кумыкии постепенно исчезает и совет князей, и каждое из трех владений, начиная с середины XIX века, управляется одним старшим князем, назначаемым правительством не по старшинству, а по заслугам перед царской администрацией. «Весь круг его (старшего князя – С.Г.) действий, – писал в середине XIX века Д.-М. Шихалиев, – состоит в понуждении посредством бегаулов жителей к исполнению требуемых с них повинностей, объявляемых местным приставом; он разбирает мелочные тяжбы жителей...»². В случае недовольства действиями старшего князя, составлявшего «как бы первую ступень судебной и исполнительной власти», поселяне уже могли «жаловаться приставу и высшему начальству»³.

Вместо прежнего княжеского суда, решения которого в начале XIX века никто не мог отменить, на Кумыкской плоскости главным судебным органом становится Эндиреевский городской суд. Только маловажные уголовные и гражданские дела рассматривались князьями и кадиями. В Эндиреевском суде председательствовал

военный комендант крепости Внезапной¹ и присутствовал главный пристав. Князья, кадии и уздени являлись членами суда. Суд руководствовался адатом и шариатом. Недовольные решением суда могли подать жалобу вышестоящему военному начальству. Такие уголовные преступления, как похищение казенного имущества, неповиновение поставленному военным командованием начальству и т.д., судились, кроме того, по военно-уголовным законам Российской империи.

Таким образом, тарковский шамхал, мехтулинский хан и князь Засулакской Кумыкии находились теперь под контролем кавказского командования. Права их, особенно засулакских князей, значительно ограничились. Зато царское правительство вознаграждало их признанием за ними огромных земельных фондов, изъятых у сельских обществ, что привело к усилению феодальной зависимости. Владетели, особенно тарковский шамхал и мехтулинский хан, продолжали управлять подвластным им населением по-прежнему, за исключением отдельных прав, о которых шла речь выше.

Мы уже отмечали, что селениями управляли беки, которые опирались на влиятельную верхушку общества. Большое место в управлении сельским обществом занимали старшины, кроме того, так называемые аксакалы, карты, кадии, бегаулы, или чауши (исполнители распоряжений сельского начальства), тургаки (сельская стража) и др. Некоторые из картвов исполняли обязанности старшин, а большинство выступало в качестве судей.

Суды. Управление и суд были основаны на двух источниках права: на адатах (обычном праве) и шариате. Как свидетельствуют источники, главное место в судебной практике занимал адат. По шариату обычно разбирались дела о завещаниях, опеке, покупке, наследовании, о разделе имущества, брачные вопросы. Остальные дела, а именно имущественные преступления и преступления против личности (убийство, ранение, избиение, воровство, поджог, прелюбодеяние, обещивание, похищение женщины и пр.) решались по адату. Князья и сала-уздени и по делам о разделе между ними имущества придерживались существовавшего обычая².

¹ АКАК. Т. VII. С. 509-510.

² Шихалиев Д.-М. Указ. соч. № 40.

³ Леонтович Ф.И. Указ. соч. Ч. II. С. 189.

¹ Лобанов-Ростовский М.Б. Указ. соч. №38; Шихалиев Д.-М. Указ. соч. №44.

² Адаты жителей Кумыкской плоскости. – ССКГ. Вып. VI. 1872. С. 4.

Адаты задолго до исследуемого периода потеряли свой демократический характер и служили господствующим классам.

Все же по сравнению с адатами постановления шариата были более строгими. По шариату за умышленное убийство убийца должен был быть наказан смертью, за первое воровство лишиться кисти правой руки, за повторное – и кисти левой руки¹.

По издавна сложившейся традиции, кумыки в наиболее сложных случаях решения тяжб часто обращались к судьям с. Эрпели, считавшимся лучшими толкователями адата, «блустителями всех старинных кумыкских обычаев»².

Адаты сохранились в памяти людей и изустно передавались из рода в род, из поколения в поколение³. С развитием общественно-экономической жизни эти адаты также изменялись, дополнялись, вводились новые правила, отбрасывались устаревшие. Ссылаясь на данные, собранные у стариков с большим жизненным опытом, известный кумыкский этнограф Манай Алибеков писал, что засулакские кумыки «для введения каждого нового адата ... собирались на два кургана под названием «Центральные курганы». Эти курганы находились между селениями Новый Аксай, Старый Аксай и Эндирей, на берегу реки Яман-су»⁴. Когда вводимый адат касался споров между обществами двух соседних селений, то к этим курганам оба общества выходили, возглавляемые своими князьями. Принятое решение становилось нормой обычного права и называлось «ульгю» (образец). «Этот адат, – указывал М. Алибеков, – скреплялся большинством голосов узденей и, наконец, князьями. Не подчинившихся адату заставляли подчиняться силой»⁵.

Аналогичные сведения сообщает и полковник Н. Окольничий по Тарковскому шамхальству⁶. Принятие или непринятие новых норм адата в конечном счете зависело от воли князя. Многие адаты, принимая новое содержание, продолжали сохранять свои старые формы.

В адатах рассматриваемого периода пережиточно сохранялись и многие весьма тяжелые порядки родового общества, в числе которых первое место принадлежит институту кровной мести. Одна-

ко кровная месть постепенно начала заменяться материальным вознаграждением в пользу пострадавшей семьи.

Суд по адату производили опытные и влиятельные старики из князей и узденей, называвшиеся в разных местах по-разному: карты, аксакалы, тёречи, диван-беги и в более ранний период – карачи. При решении дел по шариату в качестве судьи выступал кадий. Существовал и третейский суд (суд по маслаату), решение которого считалось окончательным. Число судей зависело от величины селения. В с. Башлы, например, общество «избрало» шесть картов (в судьи и старшины вместе)¹.

Суд происходил или в специальных помещениях – «диван-хана» или просто у главной мечети, куда шли люди, имевшие судебное дело. Судьи выслушивали истца, ответчика, свидетелей, а затем большинством голосов выносили решение². Решение суда по адату, как правило, было словесное, а «по шариату – иногда на бумаге, особенно, когда того требовал обвиняемый»³. Кроме свидетелей, большую роль в судебном процессе играли «тусевы» (соприсяжники) и «айгаки» (доказчики). Тусевы выступали в роли заочных свидетелей, когда дела решались только на основании подозрения. Они назначались самим истцом из родственников обвиняемого, знающих обстоятельства дела и внушающих доверие⁴. Число тусевов зависело от важности разбираемого вопроса, и каждый из них должен был своей присягой оправдать или обвинить ответчика. В случае, когда совершивший преступление не был известен, истец использовал «доказчика» (айгак), который разыскивал виновного⁵. Айгак получал определенное вознаграждение. Нередко решения по тем или иным причинам отменялись феодальными владетелями, выносившими свой окончательный приговор, или царской администрацией по прошениям жителей.

В важных случаях дела рассматривались под председательством бека или старшего князя с участием влиятельных картов и кадия на особом заседании суда, называемом «махкаме». А.М. Буц-

¹ Хамзаев. Указ.соч. №68.

² Шихалиев Д.-М. Указ.соч. №40.

³ Комаров А.В. Адаты и судопроизводство по ним. – ССКГ. Вып. I. С. 9.

⁴ Алибеков М. Адаты кумыков. Махачкала, 1927. С. 5.

⁵ Там же.

⁶ Окольничий Н. Указ.соч. С. 149.

¹ ЦГА РД. Ф.90. Оп.2. Д.24. Л.64.

² Комаров А.В. Указ.соч. С. 7-8.

³ Шихалиев Д.-М. Указ.соч. №44.

⁴ Адаты жителей Кумыкской плоскости. С. 1-2; Семенов Н. Туземцы Северо-восточного Кавказа. Кумыки. СПб., 1895. С. 327.

⁵ Адаты жителей Кумыкской плоскости. С. 1-2; Шейх-Али. Образец решений горского словесного суда. – Сборник сведений о Терской области. Вып. I. Владикавказ, 1878. С. 317-318.

ковский свидетельствует об аналогичном «судебном собрании», созываемом у кумыков «верховным духовенством» по особо важным делам, подлежащим решению по шариату¹.

В системе наказаний большое место занимали штрафы, которые взимались как натурой, так и деньгами, причем с развитием товарно-денежных отношений роль денег во взимании штрафов все возрастала.

За свою службу судьи получали от общества известную часть от собираемых штрафных денег или хлеба, имели некоторые преимущества в землепользовании и водопользовании и т.д. В с. Башлы, например, каждый карт получал в год: от сбора дикой марены на общественной земле от 3 до 5 рублей, от нефтяного и соляного откупа до 6 рублей. Кроме того, с каждого общественного кутана, отдаваемого на откуп, поступало в пользу всех картов по одному барану. При ежегодных переделах общественной земли каждый карт получал двойной участок. В том же селении кадий получал с каждого двора² по 3 сагь пшеницы. У северных кумыков кадий, по свидетельству А.М. Буцковского, получал с каждого двора по два четверика проса, пшеницы и баранами со ста одного³.

По важным делам князя, старшины или карты созывали общий сход (джамаат, сохранилось и старое название – джийин). На нем присутствовало все взрослое население, кроме женщин и рабов. На сходе обсуждались вопросы о наложении штрафов, о землепользовании и водопользовании, вопросы отношений между обществами и т.д. Хотя на собрание созывался весь народ, однако дела решались по воле феодальной верхушки и влиятельных узденей. Не случайно, что за выполнением принятых решений «обязаны были наблюдать старшие князя»⁴. Народные собрания проводились нередко и не по воле князей, «когда народ собирался потолковать о своих нуждах, представить князю какую-нибудь просьбу или просто согласиться относительно сопротивления князьям, в случае их притеснения»⁵.

Сельское управление. В сельском управлении, как мы уже отмечали, определенную роль играли «чауши» (бегавулы) и «тур-

гаки». Чауши, или бегавулы обычно назначались князем по одному на каждый квартал. Они должны были оповещать народ о предстоящем сходе, о проводимых силами общества мероприятиях, о коллективном выходе на работу по устройству дорог или очистке оросительных каналов, а также должны были выполнять всякие поручения судей-картов и кадия. За свою службу они получали вознаграждение из штрафных денег и пользовались некоторыми льготами в общественном землепользовании. Для исполнения полицейских обязанностей, для охраны посевов от потравы и т.д. каждое общество в зависимости от численности населения выделяло постоянно или на время определенное число милиционеров; они назывались «тургакълар»¹. В с. Башлы, по архивным данным, к началу XIX века числилось «60 постоянных наследственных тургаков, в помощь которым каждый магал* по очереди ежемесячно из среды своей выделял еще 30 тургаков»². Наследственные тургаки, кроме почета, другими преимуществами не пользовались, остальные тургаки получали вознаграждение из штрафных сумм. Чауш в этом селении также получал больше, чем каждый тургак, и, кроме того, «ежегодно по одной лошади»³.

Таким образом, в сельском управлении, кроме князя, определенную роль играли кадий, карты, чауши (бегавулы), тургаки и др., каждый из которых выполнял те или другие обязанности.

Важным направлением в области судопроизводства было стремление ослабить влияние духовенства. Известно, что в 30-х годах XIX века военное командование считало необходимым широко привлекать местное духовенство к управлению, разворачивать сеть примечетских школ и т.д. В 1838 году в рапорте военному министру Чернышеву командир Отдельного кавказского корпуса Головин писал, что необходимо «везде, где только возможно, устраивать школы мусульманские для воспитания духовенства, через которых можно действовать на умы народа»⁴. В 50-е же годы царская администрация на Кавказе, в частности наместник князь Барятинский, одной из основных задач ставил ослабление влияния мусульманского духовенства, ограничение «сферы шариатских судов вопросами исключительно духовными» и расширение деятельности

¹ Буцковский А.М. Указ.соч. С. 240.

² В старом Башлы, по данным некоторых письменных источников, в начале XIX века насчитывалось «до 2000 домов». – АКАК. Т.V. С. 625.

³ Буцковский А.М. Указ.соч. С. 240.

⁴ Дубровин Н. Указ.соч. С. 633.

⁵ Там же. С. 633-634.

¹ Комаров А.В. Адаты... С. 78.

* В старом Башлы было 6 магалов (аулов).

² ЦГА РД. Ф.90. Оп.9. Д.24. Л.64.

³ Там же. Л. 65.

⁴ ЦГВИА России. Ф.ВУА. Д.6377. ЛЛ.11-12.

словесного судопроизводства, основанного на адатах¹. Но адаты, по мнению Барятинского, должны были изменяться и соответствовать образу управления местным населением, т.е. отвечать интересам политики царизма. Князь Барятинский также считал необходимым «поставить над горцами власть твердую ... и оставил управление в ведении военного начальства»².

Таким образом, первая половина XIX века характеризуется для Кумыкии, как и для всего Дагестана, сохранением политической власти феодальных владетелей. Тарковский шамхал, мехтулинский хан и князь Засулакской Кумыкии продолжали управлять своими владениями «на ханских правах». Вместе с тем, находясь под контролем царского военного командования, они были в значительной степени ограничены в своих действиях по управлению владениями и в случае неповиновения царскому правительству и его администрации лишались своей власти.

Особенно большие изменения происходили во владениях засулакских князей. Ермолов так отзывался о власти старших князей: «Владения, коими они управляют, не могут быть сравниваемы с ханствами, а потому и в образе утверждения должны они различествовать с ханами, которым и власть доселе представлена была весьма большая»³. Правда, после Ермолова власть местных владетелей на некоторое время расширилась. Царская администрация действовала очень предусмотрительно. В период военных действий в Дагестане царскому правительству необходимо было сохранение, а в отдельных случаях повышение авторитета послушных ему дагестанских владетелей и в первую очередь тарковского шамхала. Царская военная администрация не только использовала ханскую власть в своих колониальных интересах, но и сама оказывала местной феодальной знати всестороннюю поддержку в сохранении неприкосновенности власти над трудовым народом.

5. ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ДАГЕСТАНА В XVIII В. ПОХОДЫ НАДИР-ШАХА В ДАГЕСТАН. РАЗВИТИЕ РУССКО-ДАГЕСТАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ. ПРИСОЕДИНЕНИЕ ДАГЕСТАНА К РОССИИ

Важную роль в исторических судьбах народов Дагестана, в их экономической, политической и культурной жизни в течение многих веков сыграли отношения с Россией.

Кумыки одними из первых на Кавказе установили многосторонние и прочные связи с русским народом. Документы XVI в. свидетельствуют, что уже тогда кумыки были тесно связаны с Россией, поддерживали с ней торговые и дипломатические отношения, а их владетели находились под «высокой рукой» русских царей. Эти связи особенно усилились во второй половине XVI в., когда Россия вслед за присоединением Астрахани (1556 г.) укрепилась на Тереке, и кумыкский народ вошел уже в непосредственные отношения с русским населением.

Кавказ представлял важную сферу жизненных интересов России. «Утверждение в устьях Волги, – писал С.М. Соловьев, – открыло Московскому государству целый мир мелких владений в Предкавказье; князья, как скоро увидели у себя в соседстве могущественное государство, бросились к нему с просьбами о союзе, свободной торговле в Астрахани, некоторые с предложениями подданства»¹.

Установление разносторонних и развивающихся связей народов России и Северного Кавказа имело огромное международное значение, принималось во внимание в международных сношениях России с другими государствами. Изучение этих взаимоотношений во второй половине XVI и в первом десятилетии XVII века представляет также возможность лучше понять процесс образования Русского многонационального государства².

Сношения народов Дагестана с русским государством в XVI–XVII вв. протекали в напряженной международной обстановке. Это был период, когда Иран, Турция и Россия стремились установить свое господство на всем Кавказе, в частности в Дагестане. Ирано-турецкие завоеватели совершали в Дагестан опустошительные по-

¹ Эсадзе С. Историческая записка об управлении Кавказом. Т. I Тифлис, 1907. С. 175.

² Там же.

³ АКАК. Т. VI. Ч. II. С. 563.

¹ Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. II. Т. VI–X. СПб., 1903. С. 99.

² Кушева Е.Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией. М., 1963. С. 327.

ходы. Особенно усилилась персидская агрессия в начале XVII в., в периоды правлений шаха Аббаса (1587-1623 г.) и во второй четверти XVIII в. – Надир-шаха¹.

Одно из крупных сражений, которые вели народы Дагестана против полчищ иранских завоевателей, произошло в 1660 г. недалеко от реки Уллучай (Бугам) на пограничной территории южных кумыков и кайтагских даргинцев. Сражение продолжалось в течение нескольких дней и было жестоким. Отряды кайтагцев, кумыков и других народов «мужественно сражались с многочисленными полчищами завоевателей², героически погибая в неравной борьбе³. Победив, персы жестоко расправились с местным населением, превратив кайтагские и южнокумыкские аулы в руины. Ставленнику шахов, правителю Кубы Гусейн-хану удалось в 1689 г. овладеть тогдашней «резиденцией уцмья Башлы»⁴, одним из крупных южнокумыкских селений.

Еще более затыжным и жестоким бременем ложились на плечи дагестанцев, в том числе и кумыков, завоевательные походы Надир-шаха в Дагестан. После удачных военных действий в Индии, «честолюбивый, высокомерный и неугомонный»⁵ Надир-шах, собрав 100-тысячное войско, предпринял в 1741-1742 гг. новый поход «известный под именем Дагестанского», с целью покорить не желавших признать его власть народы Дагестана⁶. Все иранские войска были сперва стянуты к Дербенту и расположились севернее города. Здесь в 15-16 км от Дербента «на обширной равнине у р. Дарваг-чай, недалеко от с. Хан-Магомед-кала», шах построил крепость с высокими валами и башнями, которые впоследствии

получили название Иран-хараб, т.е. гибель Ирана. Надир приказал сосредоточить здесь запасы провианта, доставленные из Закавказья и ряда внутренних районов Ирана, и перевел сюда свой гарем¹. «Живя постоянно в лагере, Надир каждый четверг вечером уезжал в Дербент, где в Цитадели жила его любимая жена, привезенная из Индии...»², – писал Е.И. Козубский.

«Но, несмотря на твердость и настойчивость, с которыми он добивался победы, предприятие это окончилось для Персии неудачно. Казалось, сама природа восстала против сурового разорителя. Множество персидского войска помиралось от стужи и голода, не говоря уже об истребительных битвах с дагестанцами, которые в одной из стычек едва не захватили в плен самого шаха»³, – писал исследователь П.Л. Юдин.

Озлобленный шах учинил небывалую расправу над населением, уничтожал целые аулы, сравнивал их с землей. От непокорных владельцев и обществ брал аманаты (заложников), которые содержались в Дербенте под строгим надзором охраны. Тем не менее горцы продолжали упорное сопротивление, так что персам пришлось вводить в бой все новые и новые силы⁴. Однако шахские войска потерпели в Дагестане поражение.

Самое крупное поражение Надир потерпел от объединенных сил дагестанцев при сражении у селений Согратль, Мегеб, Обох и Чох⁵. Горцы преследовали шахские войска буквально по пятам, и те несли большие потери, в результате ожесточенных боев «из 52 тыс. воинов после отступления из Аварии в армии Надирова осталось не более 27 тыс., среди которых было множество раненых и больных»⁶.

¹ Подробно см.: История Дагестана. Т.1. М., 1967. С. 362-373; Тамай А.И. Крушение захватнических планов Шаха-Надира в Дагестане. – Рук.фонд ИИЯЛ. Ф.3. Оп.1. Д.7. Л.7; История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. М., 1988. С. 340-365, 418-426.

² Подробно см.: История Дагестана. Т.1. С. 271-273.

³ История Дагестана. Т.1. С. 274-275.

⁴ Там же. С. 275.

⁵ Там же. История народов Северного Кавказа... С. 340-365; Умаханов М.-С. Взаимоотношения феодальных владений и освободительная борьба народов Дагестана в XVII в. Махачкала, 1973. С. 193-194; Сотавов Н.А. Северный Кавказ в Кавказской политике России, Ирана и Турции в первой пол. XVIII в. Махачкала, 1989. С. 147-194.

⁶ См.: Юдин П.Л. Россия и Персия в конце 1742 г. по письмам Братишева канцлеру князю А.М. Черкасскому. – Русский архив. Т.37. Кн.1, №3, 1899. С. 369; Тамай А.И. Указ.соч. Л.7; История народов Северного Кавказа с древнейших времен до XVIII в. С. 446.

¹ Козубский Е.И. История города Дербента, Темир-Хан-Шура, 1906. С. 90; Тамай А.И. Указ.соч. Л.15-16.

² Козубский Е.И. Указ.соч. С. 90.

³ Юдин П.Л. Там же. С. 369.

⁴ История Дагестана. Т.1. С. 363; Юдин П.Л. Указ.соч. С. 381.

⁵ История Дагестана. Т.1. С. 366-367.

⁶ Там же. С. 367. О борьбе народов Дагестана против Надир-шаха также см.: Тамай А.И. К вопросу о провале дагестанской кампании шаха Надирова. – УЗ ИИЯЛ. Махачкала, 1958. Т.V; Магомедов Р.М. Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII – начале XIX вв. Махачкала, 1957; Гаджиев В.Г. Роль России в истории Дагестана. М., 1965. С. 125-146; История Дагестана. М., 1967. Т.1. С. 355-371; История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. М., 1988. С. 418-425; Сотавов Н.А. Указ.соч. С. 98-113; Гаджиев В.Г. Разгром Надир-шаха в Дагестане. Махачкала, 1996. В этих трудах дается обширная библиография.

Победа над войсками Надир-шаха имела большое значение для судеб Дагестана. Эта борьба показала, что объединенные народы Дагестана могут представлять внушительную силу. Победа дагестанцев над огромной и хорошо вооруженной армией Надир-шаха «была лишь частью борьбы с иноземными захватчиками в XVIII в.»¹. Немалую угрозу представляла также и Турция, которая усилила со второй половины XVIII в. свои агрессивные действия в Дагестане. Для народов Дагестана борьба с турецкой и иранской опасностью сделалась во второй половине XVIII – начале XIX вв. постоянной заботой в их политической жизни вплоть до присоединения Дагестана к России².

Даже после такого поражения Надир не оставил мысли о покорении Дагестана. На территории кумыков он проходил по землям сел. Янги-кент, Маджалис, Утамыш, Кумторкала, Тарки и делал усиленные попытки напасть на Эндирей и другие северные кумыкские аулы. «Шах назначил к нападению на эндирейцев и других кумыков главнейшие свои силы, – пишет П.Г. Бутков, – а к нападению на Российские границы войска своего 12 тыс. с 35 пушками большими и малыми и с 15 мортирами...»³. Шах намеревался выступить сначала против эндиреевцев, чтобы «нечаянным нападением собранные у них в довольствие хлебные запасы разгромить и употребить на прокормление своего войска», а затем «разорить до основания окрестные деревни Аксай, Брагуни и Костек»⁴. Но все это ему не удавалось. Засулакская Кумыкия тогда еще была в составе России, и шах имел известие, что «до 40 тыс. войск Российских» следует к г. Кизляру. Это не могло не насторожить Надира и заставляло менять свои планы. К тому же эндиреевские и другие засулакские кумыки враждебно относились к завоевателям. Местное население отказывалось продавать персам свой хлеб или просили за него очень высокую цену, а посланный за покупкой хлеба шахский снабженец Куршит-бек был попросту ограблен и избит. За «вспоможение лезгам» кумыки «навлекли на себя гнев Надира своими поступками»⁵.

¹ Магомедов Р.М. Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII – начале XIX вв. С. 330.

² Там же.

³ Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1727 по 1803 гг. Ч.1. СПб., 1869. С. 221.

⁴ Юдин П.Л. Указ.соч. С. 382.

⁵ Бутков П.Г. Указ.соч. С. 220.

Неугомонный Надир-шах не мог долго находиться на одном месте. Он бросался с одного места на другое. Русский резидент Братишев как-то сообщал канцлеру князю А.М. Черкасскому, что «шах уже раздумал идти на дер. Утемиш. Вместо того со всем своим лагерем, он спустился на Башлыную степь, где на имеющихся небезвыгодных лугах», «в привольности леса и воды» он намерен был, очевидно, остаться надолго. Надир-шах приказал своему племяннику Али-Кули-хану «немедленно доставить из Дербента жен, драгоценные в деле вещи, золотую посуду и прочие домовые надобности по выбору»¹. Но и здесь шах чувствовал себя неудобно, так как местные жители постоянно беспокоили его. Надира всюду преследовали неудачи. В начале 1743 г. он решил вывести из Дагестана свои войска, так как его попытки покорить Дагестан окончательно провалились. При отступлении шахские войска подвергались непрерывным нападениям со стороны местного населения. «Оставшись без продовольствия, шахские войска терпели в Дагестане страшный голод, и армия стала терять свою боеспособность»².

Как Турция, так и Иран всячески старались привлечь на свою сторону феодальных правителей Дагестана. Но только некоторые владельцы, и то временами, придерживались турецкой или персидской ориентации. Так, например, по разным политическим соображениям Хасбулат, сын шамхала Адиль-Гирея, в свое время лишеного Петром I власти, оказал шаху Надиру большие услуги. В благодарность Хасбулату завоеватель Надир-шах в 1734 году восстанавливает «шамхальское достоинство с титулом валия Дагестанского»³.

В критические моменты истории дагестанские владетели, в том числе кумыкские, и сами обращались к Турции, Ирану. Так было и в июле 1722 года, когда после разгрома Эндирея русской кавалерией шамхал тарковский Адиль-Гирей, султан аксаевский Махмуд, Сурхай-хан казикумухский, эндиреевский владетель Чопан и др. «вступили в тайные сношения друг с другом и по взаимной договоренности отправили в Царград посольство» из 30 человек⁴. Послы должны были «передать турецкому Султану письмен-

¹ Юдин П.Л. Указ.соч. С. 372.

² История Дагестана. Т.1. С. 371.

³ Шамхалы Тарковские. – ССКГ. Вып.1. Тифлис, 1868. С. 59.

⁴ Лысцов В.П. Персидский поход Петра I, 1722-1723 гг. М., 1951. С. 131.

ное обращение горских владельцев»¹ с просьбой о помощи. Отдельные кумыкские князья обращались и к крымскому хану. Как стало известно, в декабре 1722 г. владелец Эндирея Чопан-шамхал послал «людей своих в Крым» и просил «... войска к себе на помощь»². Иногда отдельные дагестанские владельцы находились в двойном подданстве: русском и персидском. Недаром в народе говорили, что у шамхалов Тарковских печать с двумя сторонами – одна сторона отражает русское подданство, другая – персидское. Но подданство шаху все же носило временный характер.

В этой тяжелой обстановке все более и более усиливалась ориентация народов Дагестана и их правителей на Россию – страну, которая выступала как могучее централизованное государство и все больше и больше завоевывала международный авторитет.

Согласно письменным источникам, первое «посольство» дагестанских правителей, в том числе шамхала, было направлено в Россию еще в 1555 году, а через год в 1556 году послы шамхала обратились к русскому воеводе в Астрахани с предложением «о мире и торговле»³. В 1557 г. в Москву прибывают послы «от крымшевкала и от всей земли шевкальские да от тюменского князя с поминки» бить челом «о холопстве» и просить, «чтобы государь приказал астраханским воеводам беречи их со всех сторон, и дал бы чистую дорогу торговым людям»⁴.

Как мы уже отмечали выше, в 1613 году владельцы Карабудахкента (Сурхай), Кумторкалы (Магомед-хан-Мурза), Губдена (Султан-Махмуд) и шамхал принимают присягу верности новому царю Михаилу Романову «по ... бусурманской вере по шертовальной записи на Куране ... на том, что им служить и прямыть царю, послов к шаху через Кумыцкую землю и обратно встречать и провожать, дурна им не делать ... к шаху не отстать, быть в прямом холопстве под царскую рукою неотступным на веки»⁵.

С 1614 по 1642 гг. в Москву было отправлено 13 посольств от тарковских и два от кумторкалинских владельцев Кумыкии с

просьбой принять их в русское подданство¹. И в дальнейшем, через своих послов, направляемых почти ежегодно, а также посредством дипломатических писем, которые писались в основном на кумыкском языке (вернее на «северокавказском тюрки»), кумыкские правители заверяли царя в своей верности. Присягу царю, как правило, принимал и каждый новый владетель, старший князь. Ставя себя в вассальную зависимость, кумыкские владельцы рассчитывали на военную помощь царского правительства против своих «недрузгов» как в междоусобной борьбе, так и в борьбе с внешним врагом. Так было, например, в период вражды тарковского шамхала с эндиреевским владельцем Султан-Мутум. Русские ратные люди не раз на Эндирей, «на Султан-Магмутова кабаки ходили»². И не случайно Султан-Мута русские воеводы нередко называли «государевым непослушником»³.

В борьбе против ирано-турецкой агрессии дагестанские феодалы обращались за военной помощью к русскому правительству.

Надо также отметить, что кумыкские феодалы, неся вассальную службу, в свою очередь «ходили на государевых изменников»⁴.

Еще в 1555 г., например, послы шамхала и тюменского князя, прибывшие к Ивану IV, выражали готовность их владельцев платить ему дань и нести государю службу: «дань же на себя кладут и на службу на государевы ходити хотят с государевыми воеводами вместе»⁵, – докладывали они царю. И действительно, эту службу они нередко несли сполна. В 1646 г. в своей грамоте царю Алексею Михайловичу эндиреевский владетель Казаналип, сын Султан-Мута, между прочим, подчеркивает свою преданность великому царю Михаилу Федоровичу: «яз прямым своим сердцем в холопстве, и ему, великому государю служил, на Кабарду войною ходил*, и в той войне большого моего брата Айдемир-шевкала да 10 человек мурз да многих ратных добрых наших людей и слуг на его госуда-

¹ Кушева Е.Н. Указ.соч. С. 307-308.

² Русско-дагестанские отношения XVII – первой четверти XVIII вв. С. 49-51, 119-120.

³ Там же. С. 46.

⁴ Акты исторические, собранные и изданные археографической комиссией. Т.IV. СПб., 1842. С. 162.

⁵ Белокуров С.А. Указ.соч. С. 51.

* Это был период, когда Кабарда имела протурецкую ориентацию.

¹ Лысов В.П. Персидский поход Петра I, 1722-1723 гг. М., 1951. С. 131.

² Там же. С. 132.

³ Кушева Е.Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией в XVI–XVII вв. С. 224-225; Гаджиев В.Г. Роль России в истории Дагестана. С. 67; История Дагестана. Т.I. С. 283.

⁴ Кушева Е.Н. Указ.соч. С. 230.

⁵ Белокуров С. Указ.соч. С. 538-539.

реве службе побили... И приехал яз в вашу, государеву, вотчину на Терек, а со мной 10 человек мурз, да на Куране шертовал на том, что мне быть вашею царскою высокою рукою с братьею своею и с ратными людьми, и со всем своим государством неотступно навеки в холопстве во всем вашего, государскаго, повеленья слушать»¹.

Каждый владелец земли должен был принять подданство с принесением присяги-шерти, а нередко и с выдачей аманатов в г. Терки. Так, в тексте шерти Казаналипа, эндириевского владельца, от 1641 г. указывалось, что он принимает присягу «... за себя, и за отца своего ... и за тех князей и мурз, которые с нами во единстве великому государю-царю ... и быти мне, Казаналипу, и детям моим, и братьям, и дядям и племянникам, и всему роду моему, и нам, мурзам, и роду нашему со всею землею нашего владения под его царскую высокою рукою в вековом холопстве неотступно, и во всем добра хотети безо всякие хитрости, и на ево государеву службу, где ево государево повеленье будет ходити...»². Иногда владельцы под тем или иным предлогом отказывались ехать в Терский город для принесения шерти. Они «шертовали» обычно или в своем владении или у реки Быстрой, у южного протока Терека, считая, по-видимому, Быструю границей Кумыкской земли³. Так, например, в 1633 г. церемония принятия подданства была перенесена по настоянию уцмья Кайтагского Рустем-хана в кумыкское селение Башлы, являвшееся в тот период его резиденцией. Сюда для получения шерти из Терского города специально приезжали государевы люди «сын боярский Василей Надобной с товариши». Здесь уцмий Кайтага на Коране «шертовал» «за себя и за братью свою, и за детей, и за племянников, за всю свою Кайдацкую землю своего владенья»⁴.

Одновременно с политическими отношениями расширялись и экономические связи. Наряду с переговорами о подданстве послы кумыкских владетелей, как правило, вели переговоры с Россией и о свободной торговле. Они просили, чтобы «торговым бы людям» (купчинам) кумыкских владельцев было позволено продавать и покупать «без зацепок»⁵. Как известно, кумыкские «купчины» первое

время торговали в России главным образом восточными товарами¹. Это объяснялось тем, что сухопутный торговый путь из Закавказья, Ирана, Средней Азии и т.д. в Восточную Европу проходил через Дагестан, и местные владельцы имели возможность получать от проезжающих купцов товары по дешевым ценам или в качестве пошлины.

Политические и торговые связи кумыков с Россией особенно усилились после основания русскими Терского города (1588–1589 гг.). Город возник в устье Терека, на его протоке Тюменке, рядом с кумыкскими владениями. Город рос очень быстро и скоро приобрел большое торговое значение. Сюда приезжали со своими товарами купцы из центральных областей России и Ирана, Закавказья, Дагестана, Кабарды, Осетии и т.д. Кумыкские купцы здесь торговали хлебом, мясом, лошадьми и разными ремесленными изделиями.

Как в самом городе, так и в слободах, возникших вокруг него, наряду с русским населением проживало большое число кабардинцев, черкесов, кумыков и др.

Многолюдные Новокрещенская, Окоцкая и Татарская слободы были заселены главным образом выходцами из окружающих районов, в том числе и кумыками². В Терском городе укрывалось много рабов и крепостных крестьян, которые бежали от произвола местных феодалов.

Как было отмечено, пользуясь географическим положением Дагестана, феодальные правители ввели с проезжих купцов высокие пошлины, до XVIII в. обычно натурой. При этом большую часть редких восточных товаров они отправляли через своих «купчин» в Россию для реализации. Так, например, в 1623 г. у кумыкского «купчины» Фаргата, приехавшего в Россию вместе с послом шамхала Ильдара Томулдуком, было переписано товаров на 1430 рублей³. В 1642–1643 гг. посол шамхала Сурхая привез в Москву товаров на 8110 рублей⁴.

Наряду с восточными товарами, шедшими через Дагестан транзитом, кумыкские «купчины» возили в Россию и продукты местного сельского хозяйства, а также изделия кустарной промыш-

¹ Русско-дагестанские отношения... С. 175-176.

² Там же. С. 154-156.

³ Куш е в а Е.Н. Указ.соч. С. 308.

⁴ Русско-дагестанские отношения... С. 125.

⁵ Там же. С. 73.

¹ Там же. С. 77.

² Куш е в а Е.Н. Указ.соч. С. 293.

³ Русско-дагестанские отношения XVII – первой четверти XVIII вв. С. 77.

⁴ Куш е в а Е.Н. Указ.соч. С. 297.

ленности. Торговые связи кумыков с Астраханью были еще более тесными и постоянными. Прибывали караваны торговых людей из Кумыкии и в Терский город.

Русское правительство, заинтересованное в усилении экономических и политических связей с народами Кавказа, всячески поддерживало дагестанских владетелей и старалось привлечь их на свою сторону.

Укрепление русских позиций в Дагестане входило в стратегические планы царского правительства. Дагестан играл важную роль в сношениях России с Закавказьем, с Ближним и Средним Востоком.

Как правило, послы кумыкских феодальных владетелей отпускались с большими подарками для своих правителей, за верность и службу им устанавливались денежные и хлебные оклады¹ и предоставлялись значительные таможенные льготы на отправляемые в Россию товары².

Вместе с тем Московское государство широко пользовалось системой заложничества – аманат. Это было наиболее надежное средство для того, чтобы добиться соблюдения верноподданнической присяги царю со стороны дагестанских, в том числе кумыкских владетелей. Как отмечал П.В. Гидулянов, в этих условиях подданства от феодальных владетелей требовалось, «во-первых, более тщательное отношение к принятым на себя по договорам обязательствам, во-вторых, ханы ..., принявшие русское подданство, обязаны были: 1) платить определенную дань часто естественными произведениями, 2) давать в залог верности аманатов и 3) нести различные натуральные повинности в роде выставки арб на нужды войска и проч.»³.

В залог верности дагестанские владетели обычно представляли детей и детей близких родственников. В Кизляре, в Терском городе, Астрахани, Дербенте и т.д. были созданы специальные аманатные дворы, где содержались дети-заложники ненадежных владетелей и узденей.

В Терском городе еще в 1614 году, например, в аманатах находились племянник Ильдар-шамхала «Амирхан-мурза со своими

узденями»¹, а в 1625-1626 гг. там же в аманатах побывали дети уцмий кайтагского и кумыкского владельца Айдемира 'Султан-Махмудова сына'². Бывало, что дети дагестанских феодальных владельцев даже умирали в аманатских дворах – «А я в ваш, великого государя ... сына оманаты дал, а прежде сего 3 сына мои в вашем, великого государя, городе в оманатах умерли, в том воля господ бога», – писал в 1643 г. в своей челобитной эндиреевский владетель Султан-Махмуд³. Аманатный двор в Терском городе посещал иногда и шамхал Ильдар, где находились его «дети и племянники», а у самого Ильдар-шамхала, судя по источникам, было 17 сыновей, очевидно рожденных от настоящих жен и наложниц⁴. Шамхал жаловался терским воеводам, что его люди содержатся в аманатном дворе плохо, что здесь умер сын Махмуда Чопан-Мурза⁵. Порою кумыкские владетели в аманатные дворы доставляли в качестве заложников детей своих от наложниц, что иногда удавалось уличить терским воеводам. Поэтому владельцы в своих челобитных грамотах заранее отмечали, что они дают сына (сыновей), родившегося «от прямой жены». «Прежде сего давали в аманаты мы, – писал, например, эндиреевский владетель Султан-Махмуд в своем письме к Петру I в 1722 г., – детей своих, не от настоящей жены рожденных, но от наложниц. Однако ж первой я от настоящей жены рожденного сына своего Мухамед-усмея в аманаты отдал, на перемену которого отправил было другого своего сына, который тамо и умер, вместо сего дал и третьего, который и по ныне тамо обретается»⁶. Султан-Махмуд, причем, считал за стыд, что в аманатном дворе «кормовые деньги» родным и неродным сыновьям одинаковы. Сыновья кумыкских феодалов нередко отправлялись в аманатные дворы со своими узденями.

В 1724 г. в Кизлярскую крепость были переведены аманаты, содержащиеся в Дербенте и в крепости Святого Креста, от уцмий Кайтагского, Дженгутайского, Буйнакского и Тарковского владений. Для аманатов в Кизлярской крепости был построен особый двор. В 1763 году относительно кабардинских и кумыкских аманат

¹ Русско-дагестанские отношения XVII – перв. четверти XVIII вв. С. 39.

² Там же. С. 161.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 145.

⁵ Там же. С. 110.

⁶ Там же. С. 258.

¹ Русско-дагестанские отношения XVII – первой четверти XVIII вв. С. 82, 84, 85.

² Там же. С. 81-82, 92-93.

³ Г и д у л я н о в П.В. Сословно-поземельный вопрос и раятская зависимость в Дагестане. – Этнографическое обозрение. 1901. №2. С. 53.

тов, содержащихся в Кизляре, было получено специальное повеление: «стараться искусным образом отводить от варварских нравов, вселять людкость и лучшее обхождение, и для того доводить их к частому обращению с русскими, призывать их в табельные дни к столам и учить грамоте Российской и Татарской»¹.

В 1735 г. в аманатах в Кизляре от засулакских княжеских детей находились, например, Ахмед Капланов, племянник аксаевско-го князя Алибека Султан-Махмудова; из Эндирея – Шелох Чепалаев, сын Баммат-Гирея Чепалаева (он был взят за измену отца Айдемира)², Баммат, сын главного эндиреевского владельца, и Хасбулат, сын Казаналипа.

Правом брать аманатов от дагестанских феодалов, пожалуй, больше всех пользовался наместник на Кавказе ген. А.П. Ермолов. При нем немало безвинной молодежи в качестве заложников томилось и умирало в тюрьмах³.

В своем рапорте от 9 августа 1779 г. на имя командующего кавказским корпусом кн. П.С. Потемкина Астраханский губернатор ген. И.В. Якоби писал: «Всех горских народов аманаты, у нас находящиеся, в мщение отцам их, посажены были в Астрахани и Кизляре ... в остроги скованными в железо, а взрослые употребились и в работу, с произведением вместо получаемого им жалованья порций по 4 к. в сутки; но вскоре потом сие наказание сочтено для сих невинных детей несоответственным и потому из острога освобождены и содержаны на квартире, где велено производить уже им и жалованье – владельческим детям по 12, а узденским – по 5 руб. в месяц»⁴. Это письмо хорошо иллюстрирует, как содержались в аманатном дворе заложники разной социальной принадлежности и разных возрастов. Надо сказать, что сам граф П.С. Потемкин, укрепляя кавказскую линию, в 1783 г. «по своему усмотрению побывал у засулакских кумыков и чеченцев и лично сам брал у некоторых из этих народов аманатов и подписки о верности России»⁵. С присоединением к России аманаты с Южного Дагестана содержались главным образом в Дербентской тюрьме. В Кайтагском уцмийстве заложники, как гарант спокойствия, брались и от самого уцмия и его родственников, а также и от обществ, в частности, от башлы-

цев – из детей первостепенных узденей, почетных лиц (старшин, кадиев и др.).

В 1818 г. после подавления волнений башлышцев ген. Пестель¹ за их измену забрал у них и посадил в Дербентскую тюрьму 29 чел. в качестве аманатов. Это были в основном молодые люди и подростки из наиболее влиятельных башлышских семейств, дети должностных лиц (старшин, кадиев и пр.). Следует отметить, что Пестель не мог простить башлышцам и другим повстанцам Южного Дагестана того, что он в свое время попал здесь в тяжелое положение, будучи окруженным ими со всех сторон. Не случайно военный комендант Дербента подполковник Бухвостов сообщал высокому начальству, «что Пестель в Башлах со всех сторон окружен неприятелем, что все дороги к Дербенту заняты лезгинами (т.е. дагестанцами – С.Г.) и что нет никаких способов отправить к Пестелю провиант и огнестрельные припасы»². Все же с помощью Ермолова ему удалось, хотя и с большим трудом, выбраться из этого кольца окружения и вывести русских беглых солдат, находившихся в Башлах³.

Башлышских аманатов ждала горькая участь. Так, в своем рапорте от 23 декабря 1818 года на имя Ермолова тот же Пестель писал: «Во исполнение предписания Вашего высокопревосходительства, из числа башлышских аманатчиков 29 человек, повешены в Дербенте 17, остальные 12 оставшиеся продовольствуются казенным провиантом. Покорнейше спрашиваю разрешения: угодно ли будет на сем содержании их оставить или назначить другое; так же о первых должен ли комендант доносить Государю-Императору, -- кое о сем не упомянуто о повелении Вашего высокопревосходительства»⁴. Отметим, что в одном из своих предыдущих писем, написанных 16 ноября 1818 г., находясь с войском недалеко от Башлы, у Бивака (близ Бугама, т.е. р. Уллучая), Пестель просил Ермолова о помиловании, правда с определенными намерениями, 12 малолетних башлышцев, оставшихся неповешенными. Он отмечал, что это «дети людей, оказавших согласие в верности, но не могших удержать общего возмущения, осмеливаюсь просить им помилова-

¹ См. подробно: Б у т к о в П.Г. Указ.соч. С. 157.

² Там же.

³ ЦГИА Грузии. Ф.2. Оп.1. Д.9173. Л.2-3.

⁴ АКАК. Т.II. Тифлис. 1868. С. 1109.

⁵ Русский архив. 1873 г. Книга первая, №1-6. 1873. С. 755.

¹ Ген.-м. Андрей Борисович Пестель из дворян Московской губернии. был произведен в генералы в 1816 г., командовал войсками, расположенными в Дербенте и Кубинской провинции (См.: АКАК. Т.VI. Ч.1.).

² К о з у б с к и й Е.И. История города Дербента. С. 157.

³ Там же.

⁴ ЦГИА Грузии. Ф.2. Оп.1. Д.9173. Л.2.

ния, с тем, чтобы не отдавать оных отцам, пока сии не сделают значительной и полезной правительству нашему»¹.

В своем ответном предписании Пестелю по поводу тех же башлыньских заложников ген. Ермолов дал следующее указание. «В разрешение рапорта ко мне Вашего превосходительства ... предписываю находящимся в Дербенте 12 человекам башлыньских аманатчиков производить на содержание в сутки по 5-ти копеек дербентскими деньгами ... относительно же 17-ти человек башлыньских аманатчиков, повешенных по моему предписанию ... нет надобности доносить о сем происшествии Государю-Императору, так как в краю здешнем высочайше представлена мне власть казнить смертью изменников России»².

Сыновья уцмиев Амир-Гамзы и Адил-хана содержались в аманатском дворе в Дербенте или в частном доме, но негласный надзор за ними был также строжайший. 22 ноября 1818 г. Ермолов, например, писал из Тарков в Дербент Пестелю относительно взрослого, женатого сына Амир-Гамзы: «Обласкайте сына его ... но поручайте строгое за ним наблюдение, когда он будет жить в городе со своей семьей»³. Или: «Уцмий Каракайтгский старается усиленно испросить свободу сыну его, содержащемуся в Дербенте. Вам известны свойства уцмий, и что легко быть может, что сын дает приказание уйти из Дербента, то извольте подтвердить, чтобы присмотр за ним был исправнейший. Желательно, однако же, чтобы не был он удержан как арестант, надобно, чтобы хозяин занимаемого им дома был человек верный и знал, что за наблюдение над ним отвечает своею головою», – писал он же ген.-м. Вреде 19 апреля 1819 г.⁴

Эти меры особенно участились в связи с антиколониальными выступлениями народов Дагестана. Будучи в Акуша в декабре 1819 г., Ермолов писал, что к нему «аманаты представлены от всех обществ Акуша–Дарго», что им «взято в контрибуцию большое количество скота и 2000 баранов»⁵. В своем рапорте от 9 февраля 1842 г. на имя командующего войсками на Кавказской линии и в Черномории ген.-адъютанта Граббе начальник левого фланга Кавказской линии Ольшевский писал из кр. Грозный: «Кумыкские де-

ревни, возле которых расположены наши войска, – не бегут ..., ежели будет подозрение, что которая-либо деревня хочет бежать, то тотчас взять из нее большое число аманатов, с тем, чтобы сами жители их кормили...»¹.

Таким образом, система аманатов являлась одним из надежных средств для того, чтобы добиться соблюдения верноподданнической присяги царю со стороны дагестанских владетелей. Однако эти антигуманные акты не могли служить надежной гарантией сохранения политической зависимости феодальных владетелей Дагестана от России или ослабить борьбу его народов против гнета царизма.

Система аманатов-заложников практиковалась в период феодальной раздробленности Кумыкии и среди самих феодальных владетелей. Чтобы положить конец междоусобице, владетели нередко обменивались аманатами-заложниками. Так было, например, в 1617 году, когда кумыкские феодалы собрались в северной Кумыкии на свой съезд и дали друг другу аманатов, чтобы прекратить вражду².

Надо сказать, что иногда выбор аманатов русское командование поручало самим местным владельцам. В своем письме к Мехти-шамхалу от 10 ноября 1806 г. Гудович отмечал: «Для лучшего устройства и порядка, считая нужным иметь аманатов из знатнейших дербентских чиновников, я прошу вас, благонадежный приятель, избрать таковых, кои по возможности своей имеют влияние на народ и кои привержены к Ших-Али-хану»³.

Бывали случаи, когда отдельные кумыкские владетели обменивали одних аманатов на других, т.е. забирали домой старых аманатов и направляли в места их заточения новых.

Взятие аманатов у народов Дагестана практиковалось и в период Кавказской войны.

Важным этапом в развитии русско-дагестанских отношений является начало XVIII в. – период правления Петра I. Развитие русско-дагестанских отношений и в это время шло в направлении укрепления экономических и политических позиций России на всем Кавказе. Для России это был период быстрого роста производительных сил во всех отраслях экономики. Развивающаяся промыш-

¹ АКАК. Т. VI. Ч. II. Тифлис, 1875. С. 57.

² ЦГИА Грузии. Ф. 2. Оп. 1. Д. 9173. Л. 3.

³ АКАК. Т. VI. Ч. II. Тифлис, 1875. С. 59.

⁴ Там же. С. 60.

⁵ Там же. С. 39.

¹ ЦГВИА РФ. Ф. ВУА. Д. 6462. Л. 3.

² Кушева Е. Н. Указ. соч. С. 57.

³ АКАК. Т. III. Тифлис. 1869. С. 386.

ленность нуждалась в рынках сбыта и в сырье. В этом отношении огромный интерес представлял Кавказ, богатый сырьем, рынками сбыта товаров и к тому же соединяющий Россию со странами Ближнего и Среднего Востока, особенно с Персией, чья торговля давно уже привлекала внимание российских монархов¹.

Среди ископаемых богатств стран Прикаспия одно из важных мест занимала нефть. Правительство Петра I имело сведения о наличии нефти, в частности «... во владениях султана Утемышского и усмея Хайдакского, в уездах Дербентском и Бакинском»²; оно имело также сведения о том, что население Прикаспийского региона, в том числе Дагестана, занималось хлопководством, в чем убедился сам царь при своем продвижении на юг по дагестанской земле. В военных планах Петра важную роль играли Дербент и Баку, куда он также послал свой манифест³. Одним из условий безопасности похода Петр I считал принятие «шертных грамот» от горского владельчества, для чего им был послан на Кавказ А. Бекович-Черкасский, а затем в 1720 году дворянин Погожев⁴ и др.

Большое внимание Петра I к Кавказу объяснялось еще тем, что с начала XVIII в. Турция, пользуясь критическим положением в Иране, усилила свою агрессию на Кавказе. Царское правительство стремилось укрепить юго-восточные границы России, овладеть важными в стратегическом и экономическом отношении прикаспийскими областями Кавказа, в том числе и Дагестаном. Несомненно, все это входило в план Персидского похода Петра I (1722-1723 гг.).

Характеризуя обстановку в Кабарде, в Дагестане и в первую очередь в кумыкских феодальных владениях, во втором десятилетии XVIII в. князь А. Бекович-Черкасский⁵, направленный на Кав-

¹ Бутков П.Г. Указ.соч. С. 4.

² Лысцов В.П. Указ.соч. С. 21.

³ Там же. С. 120.

⁴ Комаров А.В. Персидская война 1722-1725 гг. М., 1867. С. 17.

⁵ А. Бекович-Черкасский в свое время также содержался в аманатном дворе от кабардинских князей, потом воспитывался у русского военного и дипломатического деятеля ген.-фельдмаршала А.М. Голицына, женился на его дочери. По словам кумыкского князя Хамзина, молодой кабардинец понравился Петру, и он его послал на учебу в Париж. Находя в молодом князе «дельного и образованного человека, Петр Великий приблизил его к своей особе и неоднократно поручал ему дипломатические переговоры с азиатскими народами на Кавказе и в других окраинах своей империи» (Князь Х-ъ /Хамзин/). См.: К вопросу о хозяйственных успехах туземцев. – Герские ведомости. №95. 1891 г.

каз Петром, сообщал царю, что для России настало самое удобное время безотлагательно утвердить здесь свою власть, присоединить к себе кумыкский и весь «пригорный народ»¹. А. Бекович-Черкасский, кроме того, обращал внимание царя на наличие среди местного населения ориентации на Россию. Он указывал также, что «персияне, которые для опасения своего кумыкским князьям и шевкалам будто жалованье дают², и ежели рассудить их дела, то подано дани и расход великий от шаха персидского владельцам кумыкским повсягдно бывает»³. Петровский посланник не забыл отметить в своем донесении богатство края, отчего мог бы «прибыток не малый быть государству российскому»⁴.

Особенно энергичную деятельность в этом направлении проводил Астраханский губернатор А.П. Волынский. Коллегией иностранных дел ему, в частности, было предоставлено право вступить в переговоры с дагестанскими владельцами и решать все вопросы, связанные с их подданством⁵. Для этой цели Волынский специально приезжал на Терек. Чтобы склонить к подданству владетелей, он прибегал ко всяким мерам нажима, вплоть до получения от них новых аманатов. Так, был взят заложником для верности подданству России человек Буйнакского владетеля Муртузали. Ему не чужд был и способ сеять ссору между северокумыкскими князьями⁶. Он отправил своего человека «к Хайтакскому усмею Ахмедхану с предложением вступить в Российское подданство»⁷.

Итак, ориентация на Россию усиливалась. В 1717 г. тарковский шамхал Адиль-Гирей обратился к Петру с заявлением, что он «подлинно и верно поддался под его сильную руку»⁸. В следующем году Адиль-Гирейю была направлена ответная грамота о принятии его в «Российскую высокую оборону и подданство»⁹. В 1719 г. Адиль-Гирей снова подтвердил свое подданство и предложил в аманаты сына Хасбулата. Начиная с этого года, он и владетели

¹ Русско-дагестанские отношения... С. 224.

² Некоторые кумыкские владетели получали от персидского шаха жалованье по 20000 руб. в год (См.: Русско-дагестанские отношения XVII – первой четверти XVIII вв. С. 236).

³ Русско-дагестанские отношения XVII – первой четверти XVIII вв. С. 224.

⁴ Там же. С. 225.

⁵ Лысцов В.П. Указ.соч. С. 110.

⁶ Там же. С. 112.

⁷ Там же.

⁸ Русско-дагестанские отношения... С. 225-226.

⁹ Там же. С. 226-227.

Буйнака стали получать от русского царя хлебное и денежное жалование¹. В 1720 г. с письмом о подданстве и готовности быть на русской службе обратился эндириевский владетель Чабан-шамхал, которому персидский шах платил ежегодно 2000 рублей жалования². О своем желании «быть на русской службе» писали в 1720-1721 гг. кумыкский владетель Муртузали-Будай, кайтагский уцмий Ахмед-хан и др.

Весной 1722 года Петр I начал свой поход, известный под названием «Персидского». 15 июня он прибыл в Астрахань и обратился к населению прикаспийских областей с манифестом, составленным на персидском, татарском и турецком языках, в котором призывал «не покидать своего местожительства при приближении русского войска», встретить его спокойно и убеждал, что никто никакой обиды не получит³.

Войска Петра, добравшись морским путем до берегов Кумыкии, в ожидании кавалерии, шедшей по суше, расположились лагерем на Аграханском полуострове. Когда войска переходили Сулак, Петра посетили аксаевский владетель Султан-Махмуд, представители тарковского шамхала Адиль-Гирея, владетеля Буйнака Магомета и др. Все они выразили верноподданнические чувства, предложили царю свои услуги и преподнесли большие подарки. «Султан-Махмуд (аксаевский владетель – С.Г.), – писал участник похода Петра Ф.И. Соймонов, – подарил государю шесть изрядных персидских лошадей и 100 быков на содержание войска. Отправленный от шамхала привел 600 быков, в телеги запряженных, для перевозки провианта, 150 быков на пищу войску и трех изрядных персидских коней, из коих на одном было богатое, серебром обложенное седло и золотом украшенная узда⁴. «Как Султан, так и шамхал были давно склонны к Российскому интересу, первый потому, что земля находится в близости от города Терки, чего ради он имел пользу от содержания дружбы, а второй получил княжеское свое достоинство помощью Российского Двора и для того ..., чтобы оно не лишиться», – отмечал в своем описании Персидской войны 1722-1723 гг. А.В. Комаров⁵.

¹ Бутков П.Г. Указ.соч. С. 15-16.

² Русско-дагестанские отношения... С. 235-236.

³ Полный текст манифеста см. там же. С. 244-246.

⁴ Соймонов Ф.И. Описание Каспийского моря. СПб., 1763. С. 83; См. также: Комаров А.В. Указ.соч. С. 24-25.

⁵ Комаров А.В. Указ.соч. С. 19.

Дж. Белл, врач, находившийся при Петре I во время его Персидского похода, также отмечал, что от Адиль-Гирея «прибыло в стан около трехсот телег, каждую из коих влекли два быка». В числе подарков шамхала государю был и «богатый персидский шатер». Кроме того, «Адиль-Гирей предлагал было императору от себя знатную часть войска, но царь одного не принял¹. На всем пути продвижения войска Петра I «... от Сулака в Дагестан, – отмечает дагестанский историк Г. Алкадари, – на каждой стоянке по приказанию шамхала принимались меры в отношении воды, фуража и прочего снабжения ... для войска»².

12 августа император благополучно доехал до Тарков, т.е. «достиг стоянки на приготовленном шамхалом месте, недалеко от Тарков»³. «К вечеру прибыли мы на широкую долину, лежащую прямо против Тарху», – пишет о месте стоянки Дж. Белл⁴.

Однако продвижение Петра I на юг по Кумыкской земле не прошло без осложнений. Надо учесть, что дипломатические отношения, хотя и имели известные успехи и кумыкские владетели обращались к русскому правительству с просьбой о протекции, но к этому времени о «реальной власти русского правительства в этих землях не могло быть и речи»⁵. Более того, некоторые правители, в частности эндириевский и утамышский, встретили Петра несколько враждебно. Первое вооруженное сопротивление кавалерии императора Петра I оказал эндириевский князь Айдемир, нападавший еще в 1721 г. на крепость Терки⁶. Как полагает П.Г. Бутков, «теперь, ожидая российского мщения», эндириевский владетель заранее готовился к обороне своего владения, в частности своей резиденции Эндирей. Но согласно сообщению Дж. Белла, на конницу Петра I по пути было учинено «нападение от великие стаи нагорных жителей, подле укрепленной деревни Андреевой»⁷. «После упорного сопротивления, в коем с обеих сторон много людей было побито»,

¹ Белевы путешествия через Россию в разные азиатские земли, а именно: в Испаган, в Пекин, в Дербент и Константинополь. Ч.III. СПб., 1776. С. 168; Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 г. Ч.I. СПб., 1869. С. 20-21.

² Алкадари Г. Асари Дагестан. – СМОМПК. Вып.46. Махачкала, 1929. С. 67.

³ Там же.

⁴ Белевы путешествия... С. 169.

⁵ Лысцов В.П. Указ.соч. С. 112.

⁶ Бутков П.Г. Указ.соч. С. 21.

⁷ Белевы путешествия... С. 165.

по сведениям того же Дж. Белла, бригадиру конницы Бетерани удалось разбить ополчение эндиреевцев и «овладеть деревней»¹. Дж. Белл также отмечает, что эндиреевцы отослали «свои семьи и имущества в горы, то с вероятностью можно заключить, что нападение сие задумано было у них прежде, и сии горные жители тем паче, отважились на него напасть, что он просил у них только свободного прохода, и обещал не трогать их ни чем». По сведениям Дж. Белла, жители Эндирея устроили «засеки по улицам, окрестным проходам ... и они узнали, во вред себе, каково иметь дело с обученными войсками, о которых они не имели понятия»². Однако автор отмечал и храбрость эндиреевцев. «Можно по сему рассудить об отважности их и храбрости. Множество пленников приведено было во стан; все они были крепкого и сильного сложения и весьма способны к войне»³.

Так в результате столкновения с конницей Петра Эндирей был до основания разрушен, а жители его расселены в разных местах. Не случайно, что эндиреевские князья обращались к Петру I с челобитной о разрешении им вновь поселиться в Эндирее для «посева и житья». «Я, Айдемир, согрешил богу и великому государю, – писал эндиреевский владетель, – и за то ... получил гнев его великого государя и разорено житье мое до конца... а ныне люди мои все разорены, с голоду разбрелись для того, что в прошлом году хлеб весь созжен, а вновь без указа великого государя хлеб сеять не смеем...»⁴.

Измену эндиреевского правителя отмечал также и И.Г. Гербер. «Сия деревня Андрей, – писал он, – с 1722 года от Российского войска, несмотря на крепкую ситуацию... и на храбрость обитателей, взята, разорена, а на другой, как владелец Айдемир согнатыми людьми того уезда сами явились и прощения просили и присягали верными подданными России быть, дана им воля опять строиться, еже и учинено»⁵.

В августе того же года, продвигаясь на юг, к вечеру, прибыл Петр на стоянку, подготовленную шамхалом под лагерь, – «на ши-

рокую долину, лежащую против Тарху». «На второй день рано утром сюда же, к императору, явился шамхал тарковский и пригласил его к себе в гости, на что они соизволили»¹. В этот же день в стан императора явилась и супруга шамхала с дочерью и «возобновила зов, учиненный ее мужем их величеству». «Сия княгиня, хотя уже и пожилая была женщина, сохраняла еще остатки красоты, – отмечает доктор Дж. Белл. – Привезла она с собою свою дочь, которая могла спорить в рассуждении пригожества со всем тем, что мы ни имеем славнейшего в Европе. Ее величество привстала, когда они вошли в шатер; они сняли тотчас свои покрывала, и поступали с великою благопристойностью и осанкою, выпили по чашке чаю и возвратились в город»² (т.е. в Тарки – С.Г.).

Второе серьезное столкновение с отрядами войск Петра происходило южнее Буйнака, у границ владений султана утамышского и уцмий кайтагского. Как пишет Дж. Белл, будучи в Тарках, в гостях у шамхала, Петр получил известие, что «уцмий собрал несколько войска, дабы тревожить нас в пути...»³. Негладко шло продвижение Петра и по земле утамышского владельца. «С государем императором Петром Великим имел отемишский султан в своих границах супротивления, но российскими войсками был разбит и прогнан в свое владение»⁴, – пишет Д.И. Тихонов, участник Персидского похода 1796 г. Сражение отрядов утамышского Султан-Махмуда и кайтагского уцмий с русскими отрядами, посланными на разведку, произошло в 20 км от самой резиденции утамышского владельца.

Во-первых, при продвижении императора на юг Султан-Махмуд Утамышский, как отмечал П.Г. Бутков, не явился к нему «для принятия повелений и протекции от государя»⁵. Более того, он оказал серьезное сопротивление войску Петра. Как писал еще И.Г. Гербер, «имел сей султан Мамут смелость на всю российскую армию напасть с 10000 человеками, которых он из своих подданных и из хайдаков собрал, токмо оные скоро стали быть разогнаты и весь уезд Утамышский разорен»⁶.

По сведениям П.Г. Буткова, отрядами утамышского султана

¹ Там же.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Русско-дагестанские отношения XVII – пер. четвер. XVIII вв. С. 280.

⁵ Гербер И.Г. Описание стран и народов вдоль западного берега Каспийского моря. 1728 г. – История, география и этнография Дагестана XVIII–XIX вв. Под редакцией Косвена М.О. и Хашаева Х.-М. М., 1958. С. 70.

¹ Белевы путешествия... С. 169-170.

² Там же. С. 170.

³ Там же. С. 171.

⁴ Тихонов Д.И. Описание Северного Дагестана, 1796. ИГЭД. С. 133.

⁵ Бутков П.Г. Указ.соч. С. 25.

⁶ Гербер И.Г. Указ.соч. С. 74-75

командовали беки: Мехти-бек, Яхшы-бек и Айдемир-бек. «Поданные Отемишские и усмийские» и их отряды состояли на половину из пехоты¹. Сражение состоялось «в урочище Кучюк-Изваре², при речке Индже»³ (Инчге – современная железнодорожная станция южнее Избербаша).

Султан-Махмуд полагал, что его войска, «собранные из двух областей (Кайтага и Утамыша – С.Г.), состоявшие из 10000 человек»⁴, помогут ему совершить удачное нападение на русскую кавалерию Петра, но ошибся. А.В. Комаров отмечает, что вначале обе стороны «бились запальчиво и долго стояли в сражении, ибо сначала не можно было против их поставить довольную силу, но как скоро сие исполнить было возможно, то совсем неприятель в беге обратился»⁵. Русская кавалерия из казаков под командованием ген.-м. Кропотова гналась за отрядами Султан-Мута 20 верст, до самой султанской резиденции – с. Утамыш, где они были настигнуты и разбиты, а их село «разграблено и в пепел превращено»⁶. Та же участь постигла и другие близ расположенные «шесть деревень». Число побитых из людей утамышского султана, судя по сведениям участников похода Петра Ф.И. Соймонова и А.В. Комарова, «простиралось до 1000 человек, а полученная добыча скота – до 700 быков и до 4000 баранов»⁷.

Петр I упразднил владения утамышского Султана-Махмуда, передал право на владение землями Утамыша шамхалу Тарковскому Адиль-Гирею. «Вам отдаем во владение земли и места со всеми принадлежности Султан-Магмута Утемышского, который, как ты сведом, без всякой учиненной ему от нас обиды приходил на войска наши и от оных побежден», – говорится в жалованной грамоте Петра I кумыкскому шамхалу Адил-Гирею от 30 августа 1722 года⁸.

Надо сказать, что Утамышское владение и позже официально

¹ Бутков П.Г. Указ.соч. С. 25.

² Там же. Не Изберг ли? Современный Избербаш местные жители до сих пор называют Извер или Йызварбаш.

³ Это место, по сведениям А.В. Комарова, находится в районе Инчг-аула в 20 км от Утамыша (Комаров А.В. Персидская война. С. 26).

⁴ Комаров А.В. Указ.соч. С. 26.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Соймонов Ф.И. Описание Каспийского моря. СПб., 1763. С. 90-91; Комаров А.В. Указ.соч. С. 26.

⁸ Русско-дагестанские отношения... С. 252, 267-268.

так и не было восстановлено, оно сохраняло полузависимое положение то от шамхала тарковского, то от уцмья кайтагского. Границей между владением Утамыша и владениями шамхала тарковского и буйнакского крым-шамхала, по представлению народа, являлась земля Извар или Йызвар. Определенный интерес вызывает в этой связи следующий факт: по имеющимся архивным данным, примерно в это же время каракайтатцы лишились «в бою против русских своего уцмья Магомед-Али-Ибрагима» (?). Они не нашли ему достойного преемника «в целой земле своей и предложили русскому царю верховную власть над собою»¹. Судя по тем же данным, Петр I принял это предложение. «В старинных рукописях, хранящихся в Башлах, в столице Каракайтаха, – пишет Кузминский, – можно видеть между восточными именами уцмиев имя: Питер Уллубаш (т.е. Петр Большая голова), под той именно эпохой, когда Петр Великий прославил оружие свое на западных берегах Каспия»². Эти сведения не могут не вызвать к себе интереса исследователей, хотя пока что нам не известен факт убийства или просто смерти уцмья кайтагского в период похода Петра на юг.

Пребывание Петра I в Дагестане было непродолжительное, «но оно положило твердое основание тому влиянию, которое Россия возымела на дела Кавказа в конце прошедшего и начале нынешнего столетия, и хотя впоследствии времени Дагестан неоднократно переходил под власть, или лучше сказать, под покровительство персидских шахов и турецких султанов, но владычество их над этой стороной было кратковременно и не прочно»³, – отмечал в уже цитированной нами статье Кузминский.

Враждебное отношение эндириевских владетелей продолжалось недолго. В 1723 году князь Айдемир Хамзин обратился к царю с просьбой помиловать его, обещая «со всем своим владением верно служить по смерть свою ... управляться без измены»⁴.

Как мы уже отмечали выше, Петр остановился лагерем «на широкой долине, лежащей прямо против Тарку», в пяти верстах от него. Здесь он был торжественно принят Адиль-Гиреем в Тарках, причем царю были предложены военные силы. Дружелюбно встречали Петра и в других владениях. Наиб города Дербента Имам-

¹ ЦГВИА. Ф.ВУЛ. Д.6246. Ч.1. (1838 г.). Л.3-4.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Русско-дагестанские отношения XVII – первой четверти XVIII вв. С. 280-281.

Кули-бек «с великою свитою знатнейших жителей» встретил царя «за версту от города» и преподнес ему «лежащие на дорогой персидской материи ключи от города и крепости, которые были золотые»¹.

Как известно, Петру I удалось осуществить не все свои цели, связанные с этим походом². Прервав продвижение на юг, он из Дербента направился в обратный путь через те же владения. На территории засулакских кумыков была по указанию Петра заложена крепость Святой Крест (в 20 верстах от устья Сулака, примерно у современного с. Казийурт Бабаюртовского района), куда был переведен гарнизон и переселены жители Терского города. Вокруг этой крепости возникли русские поселения, в которых жили донские и терские казаки со своими семьями. По указу Сената от 20 мая 1723 года, по берегам Сулака было поселено 1000 семейств донских казаков³.

За время пребывания Петра I в Дагестане все кумыкские владельцы признали себя подвластными России. В 1723 году между Россией и Персией был заключен договор, согласно которому России передавались «в вечное владение города Дербент, Баку, со всеми к ним принадлежащими и по Каспийскому морю лежащими землями и местами, також де и провинции Гилян, Мазондрань и Астрабат; и имеют оныя от сего времени вечно в стороне его императорского величества всероссийского остаться и в его подданстве быть»⁴.

Таким образом, равнинный Дагестан в результате петровского похода фактически был присоединен к России. С этого времени Россия «начинает играть более активную роль в жизни кавказских народов. В ее вмешательстве в кавказские дела были крайне заинтересованы и местные феодалы и население. Русской ориентации придерживалось большинство дагестанских владельцев»⁵.

С этого времени русское правительство считало себя вправе

¹ Белевы путешествия... С. 174.

² Гаджиев В.Г. Указ.соч. С. 114-115; Магомедов Р.М. Россия и Дагестан. Махачкала, 1987. С. 56-57.

³ Русско-дагестанские отношения... С. 280.

⁴ «Договор между Россией и Персией об уступке в пользу России Прикаспийских земель». – Русско-дагестанские отношения XVII – пер. четв. XVIII вв. С. 284-286; О присоединении Дагестана к России подробно см.: Гаджиев В.Г. Указ.соч. С. 179-210.

⁵ Магомедов Р.М. Указ.соч. С. 58.

контролировать все действия кумыкских феодальных правителей, смещать и утверждать их по своему усмотрению, оказывать военную и иную помощь в нужных случаях и т.д. Правда, отдельные дагестанские феодальные владельцы иногда не повиновались царскому правительству. Но подобные случаи носили характер кратковременных эпизодов. Такие владельцы обычно лишались управления, вместо них утверждались новые, служившие «верой и правдой» царскому правительству.

В 1725 году Адиль-Гирей Тарковский, например, недовольный тем, что по повелению Петра русские основали в его владении крепость Святого Креста, осаждают ее с 30-тысячным войском. Командовавший крепостью ген. Куропатов, «отразив нападение, преследует шамхала и разоряет Тарки»¹. За измену шамхал был строго наказан Петром. Он был сослан в Архангельскую губернию (в г. Коле), где и умер, а достоинство шамхала было ликвидировано. В 1734 году, во время походов Надир-шаха в Дагестан, достоинство шамхала и все его титулы были восстановлены².

Говоря о крепости Святой Крест, нельзя не упомянуть, что в XVIII и начале XIX века на Северном Кавказе царское правительство создает целую систему оборонительных сооружений и опорных пунктов. Одни из них существовали недолго, другие – постепенно росли и превратились в крупные экономические и культурные центры. В системе Кавказской укрепленной линии большое значение имел, например, Кизляр. Он возник вблизи реки Старый Терек, на северной границе кумыкских владений, очевидно, в конце XVI или в самом начале XVII века. После ликвидации крепости Святой Крест в 1736 году Кизляр был укреплен и стал пограничным городом-крепостью. Он быстро рос и приобрел важное значение, превратившись в торговый центр и центр русских сношений с народами Кавказа, прежде всего с кумыками, проживавшими рядом с этим городом.

С возникновением русских крепостей и опорных пунктов, начиная с XVI века (впервые в 1582 году), с Дона в урочище Гребни на берегу р. Акташ переселяются казаки и идет приток русского населения. На берегах Сулака и Терека возникают русские станицы и слободы, жители которых вступают в тесные экономические и культурные общения с местным населением.

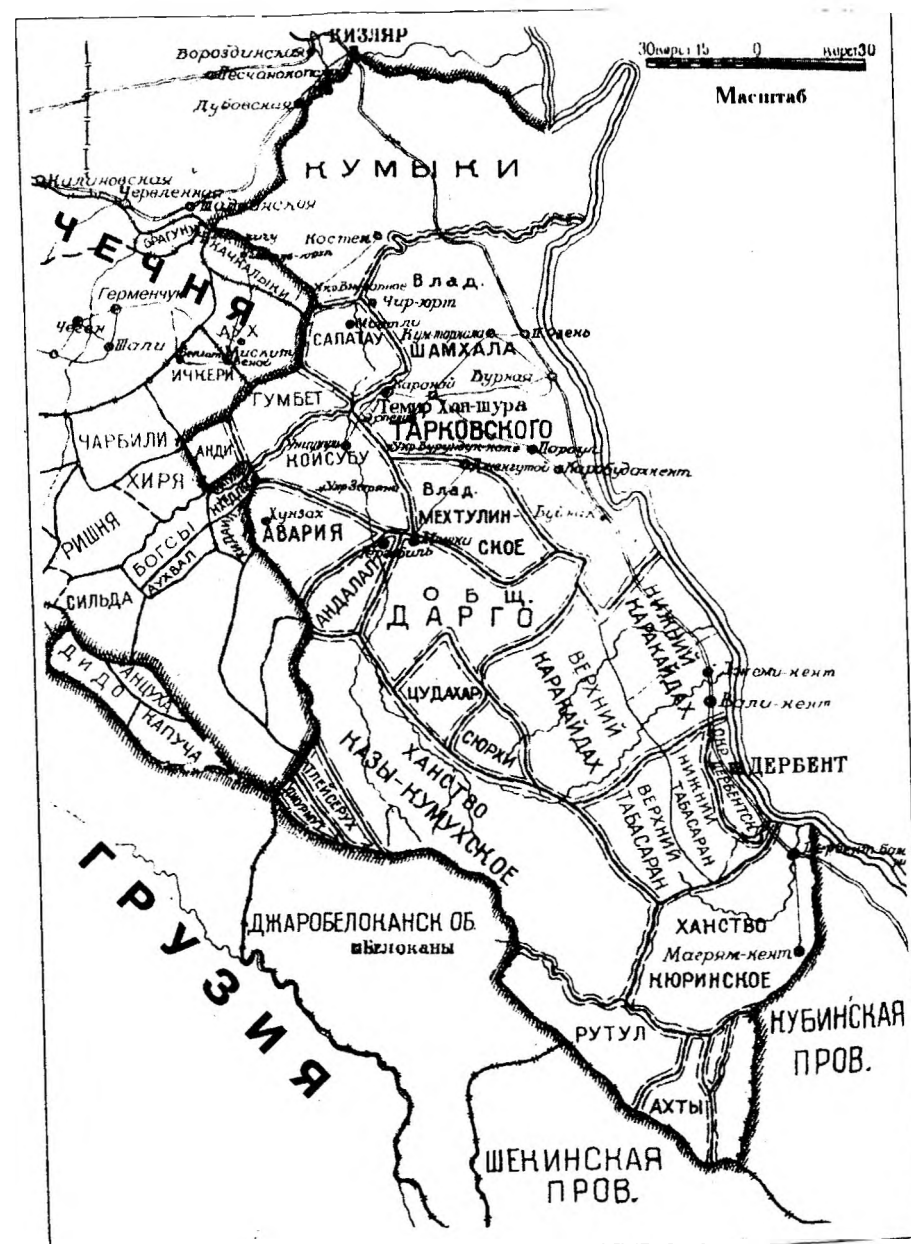
¹ Шамхалы Тарковские... С. 59.

² Там же.

С 30-х годов XVIII века наблюдается новое возвышение тарковских шамхалов. Еще Петр I в «жалованной грамоте» тарковскому шамхалу от 1722 года по существу признает его шамхалом дагестанским. «Известно, и ведомо да будет всем, – говорится в «грамоте», – что понеже как просим, так и при настоящем времени благородный шамхал Адиль-Гирей к нашему императорскому величеству показывал верные свои услуги... Того ради за оные обнадеживаем мы содержать ево, Адиль-Гирея-шамхала, в нашей императорского величества неперменной высокой милости и защищении, и в знак оной нашей ... милости повелели ему дать сию нашу милостливую жалованную грамоту и чрез оную определяем ему быть по-прежнему над дагестанцы шамхалом. Також даем ему полную силу и власть владеть всеми землями и местами и жилищами владения Султан-Магмута Утемышского»¹.

Систематически проводя политику укрепления своих политических позиций в Дагестане, царское правительство в первую очередь опиралось на тарковских шамхалов, многие мероприятия осуществляло с их активным участием. За верноподданническую службу шамхалы получали от русского двора большое жалование, чины и т.д. Так, сын Адиль-Гирея-шамхала Хасбулат ежегодно получал по 3000 рублей². Баммат-шамхал, именуемый в русских документах Магомет-шамхалом Тарковским, владельцем Буйнакским и Дагестанским, грамотой императрицы Екатерины II был утвержден с потомством в шамхальском достоинстве. Он же был пожалован бриллиантовым пером для ношения на шапке в знак шамхальского достоинства и чином тайного советника. То и другое переходило к его преемникам. Кроме того, Магомет-шамхалу отпускалось ежегодно 2000 рублей, на что он должен был содержать войска «во всегдашней готовности на службу России и оборону шамхальства»³.

Сын Магомет-шамхала Мехти-шамхал грамотой Павла I в 1797 году был утвержден в шамхальском достоинстве в чине тайного советника, с правом ношения бриллиантового пера на шапке и

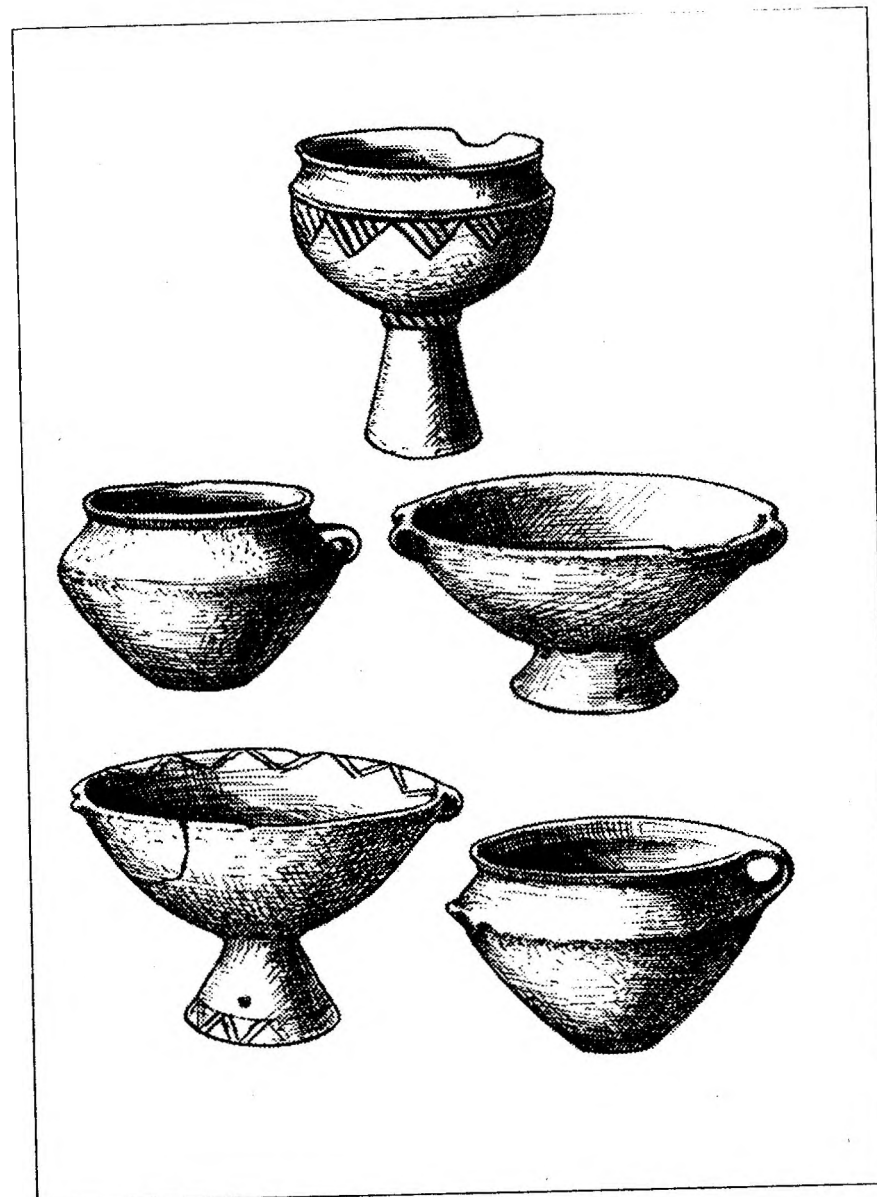
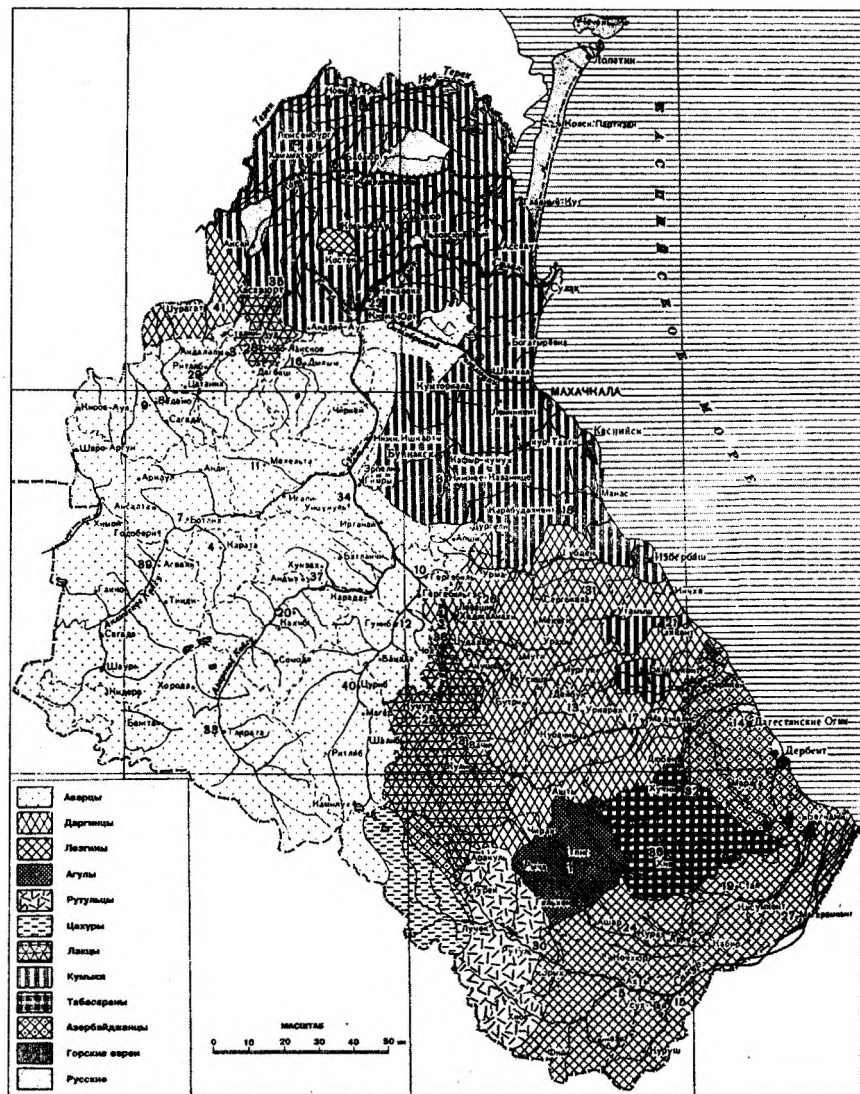

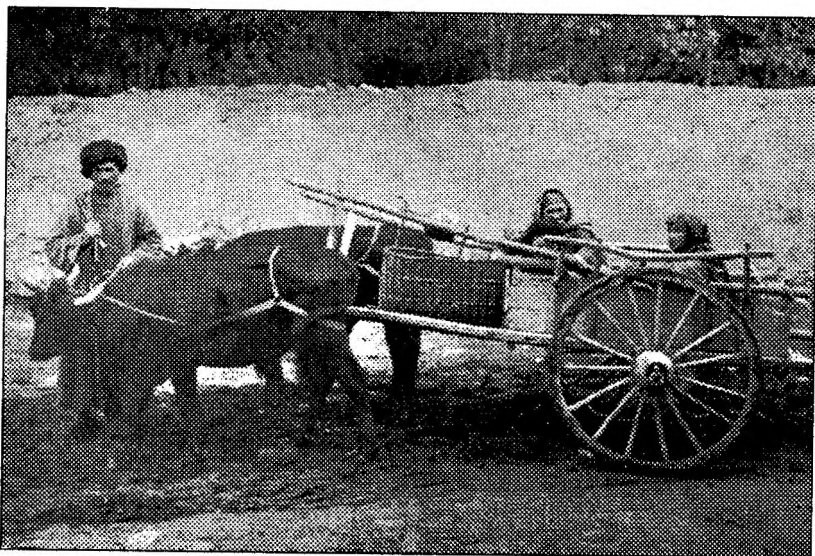
Политическая карта Дагестана 40-х годов XIX в.
(Из "Карты политического состояния Кавказа")

¹ Русско-дагестанские отношения XVII – первой четверти XVIII вв. С 267-268.

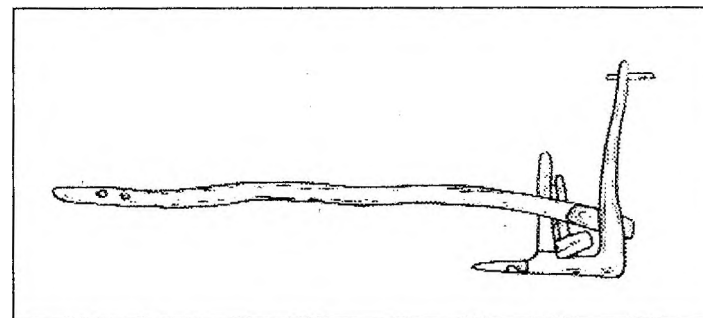
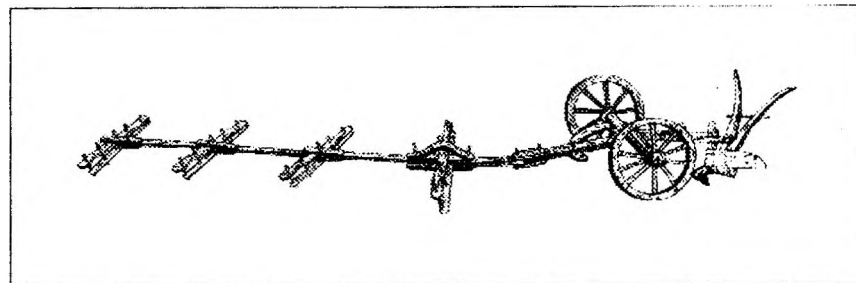
² Продолжение Известия о втором путешествии доктора и коллежского советника Лерха в Персию от 1746 до 1747 г. – Ежемесячные сочинения. Ч.43. Июль 1790 г. СПб.

³ Шамхалы Тарковские... С. 62.

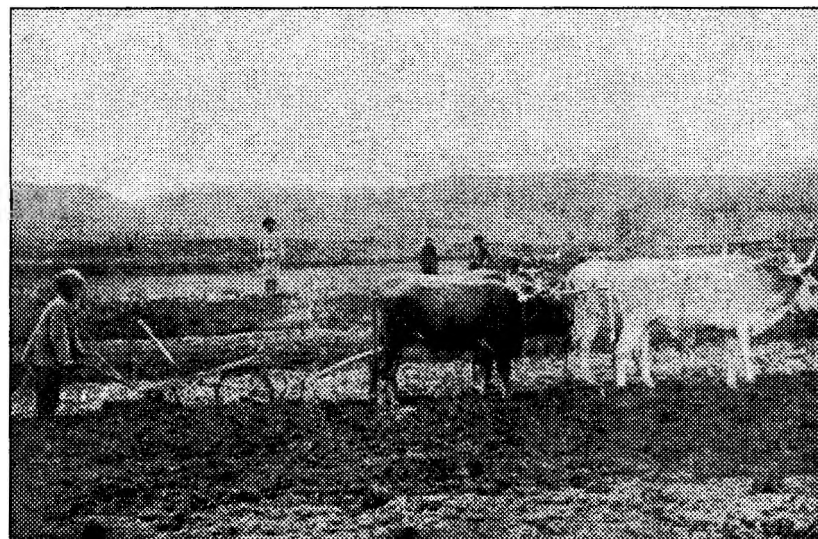
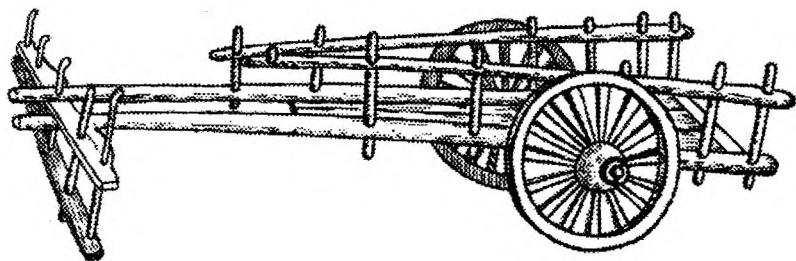

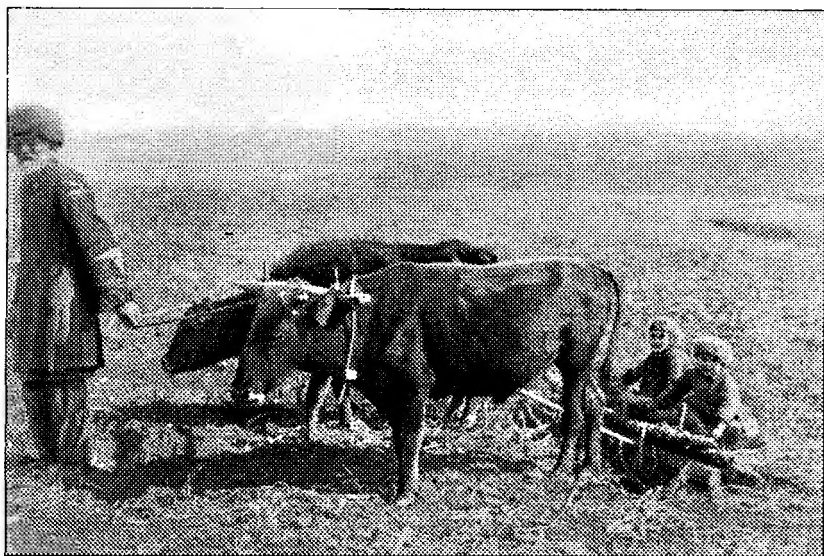
Кумыкские арбы

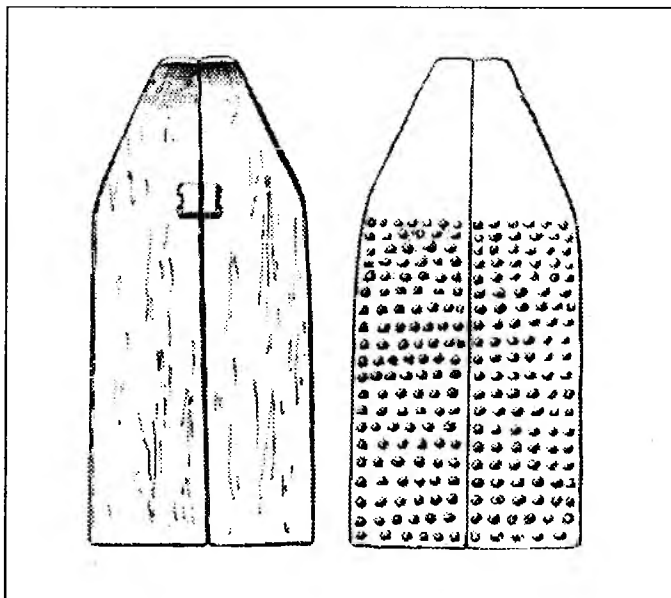
Пахотные орудия

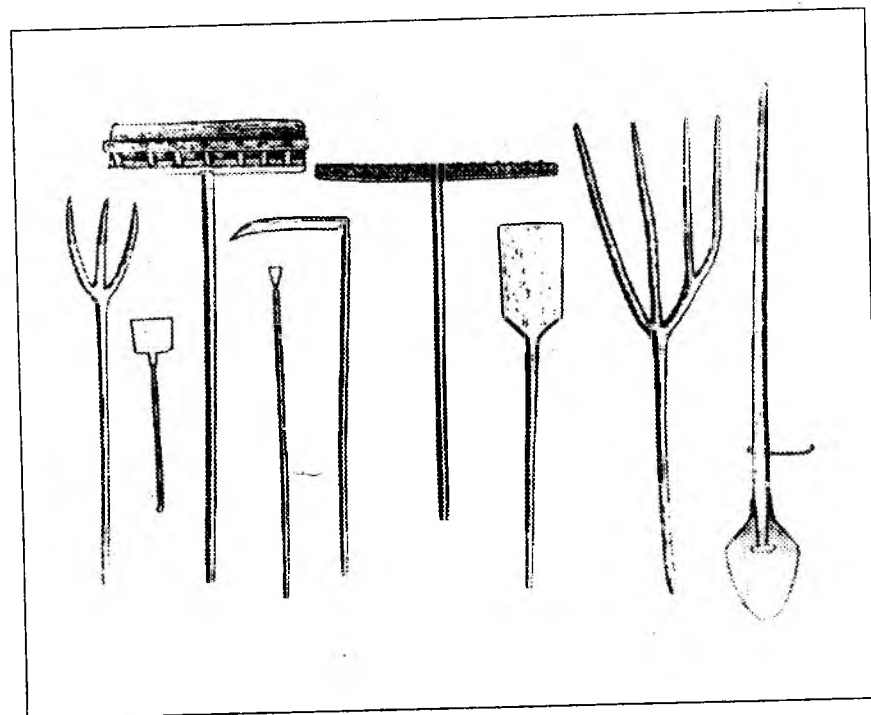
Пахота

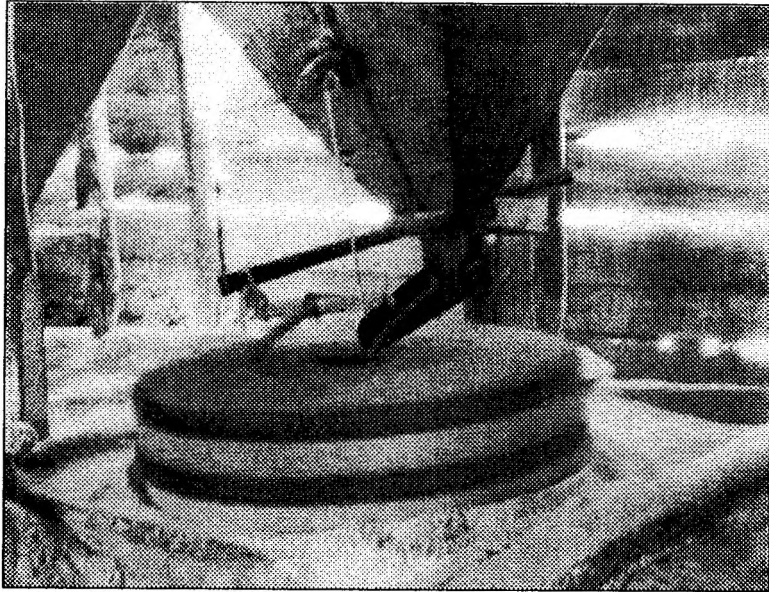
Боронование

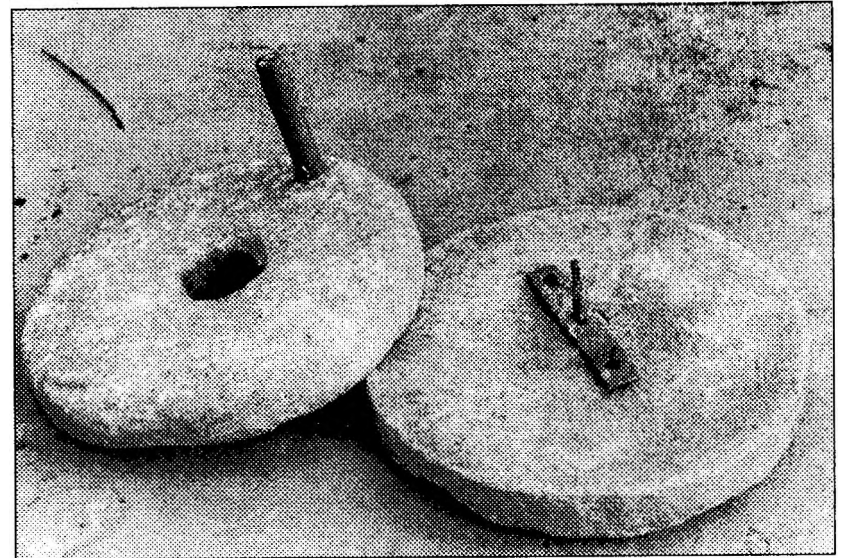
Молотильные доски

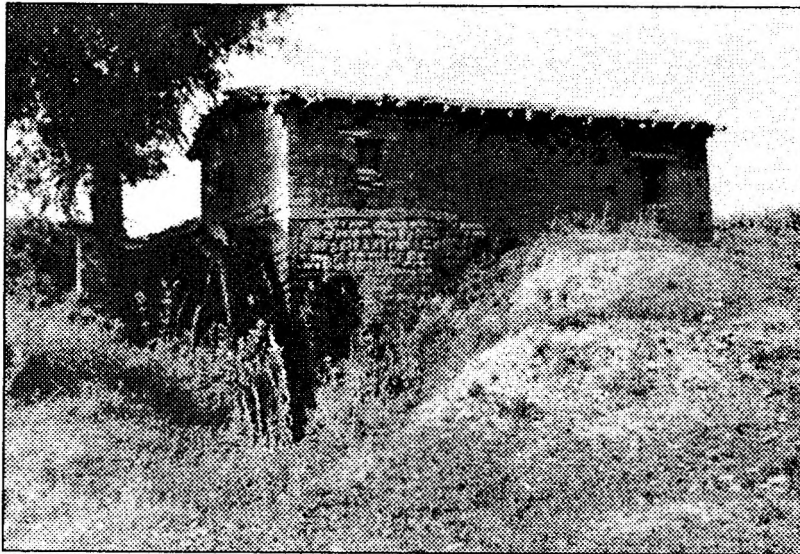
Сельхозинвентарь

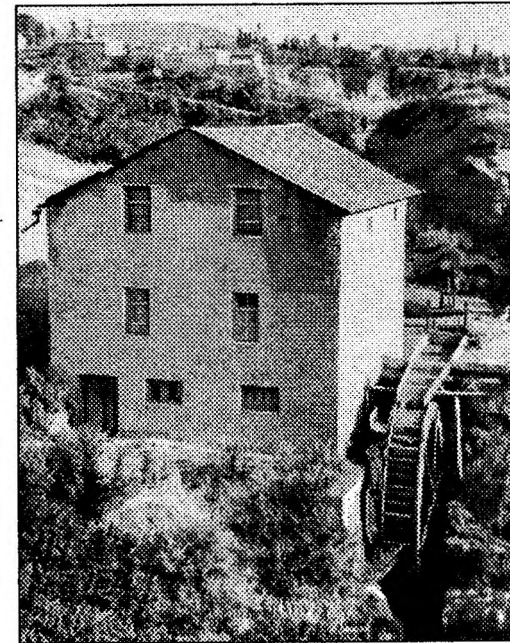
Водяная мельница. Внутренний вид

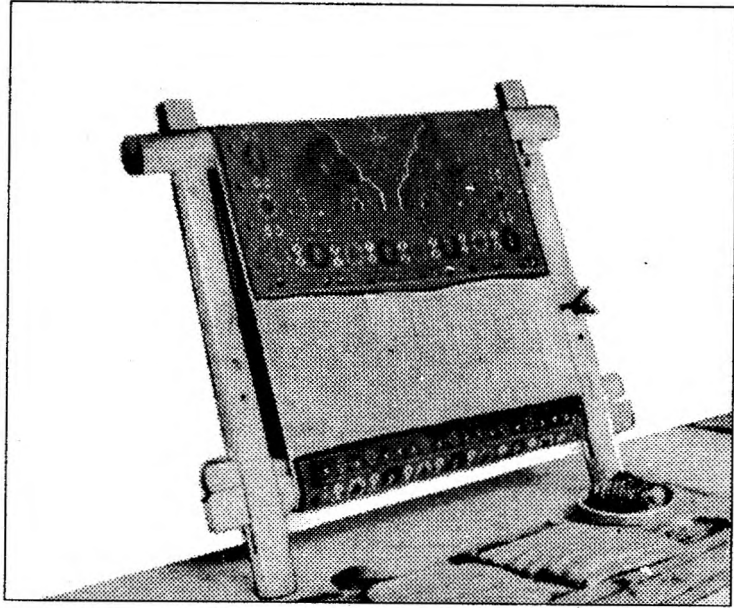
Жернова

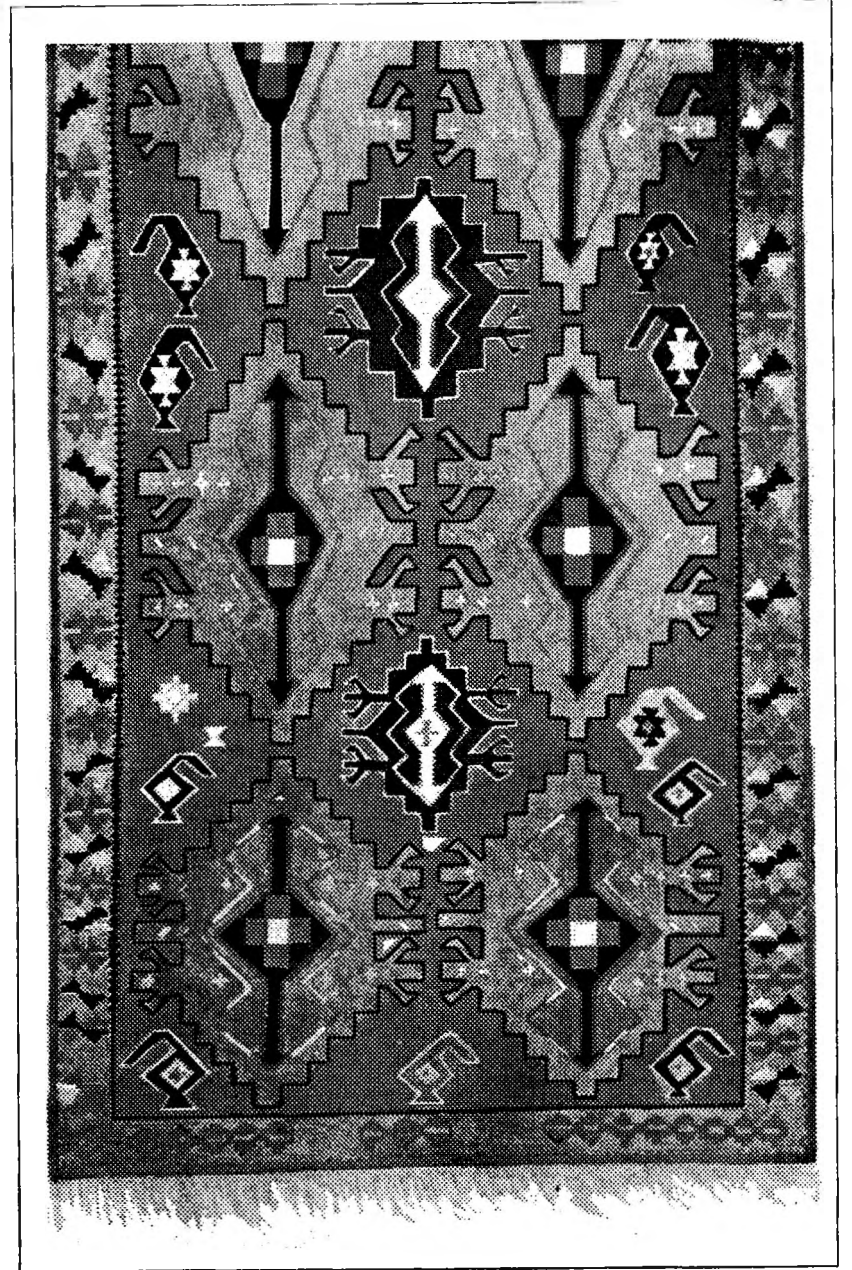
Водяная мельница. Общий вид

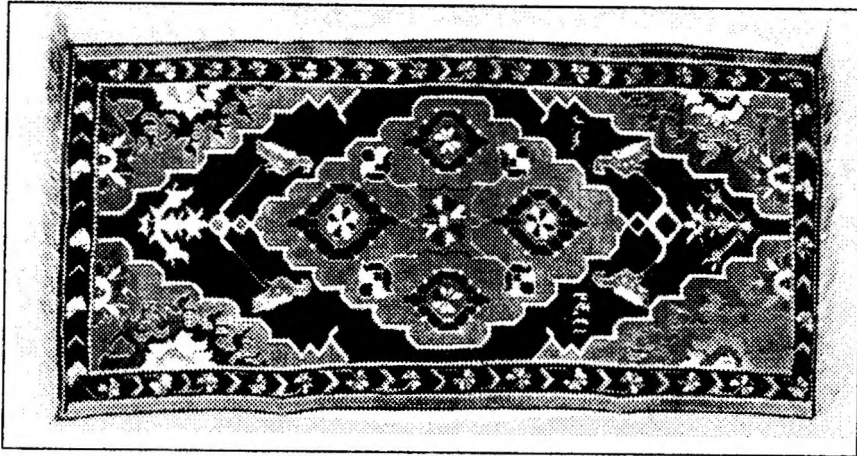
Водяная мельница нового типа

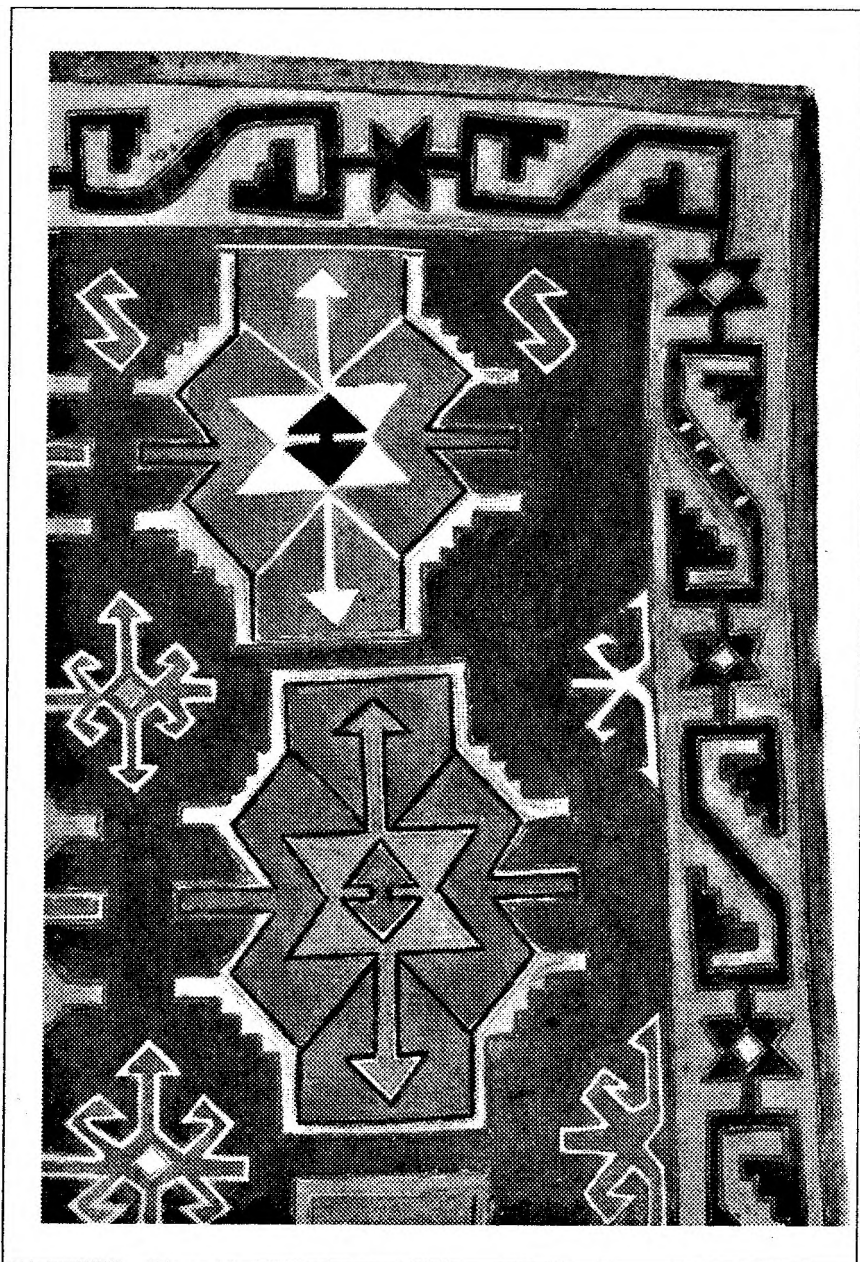
Ковровый станок

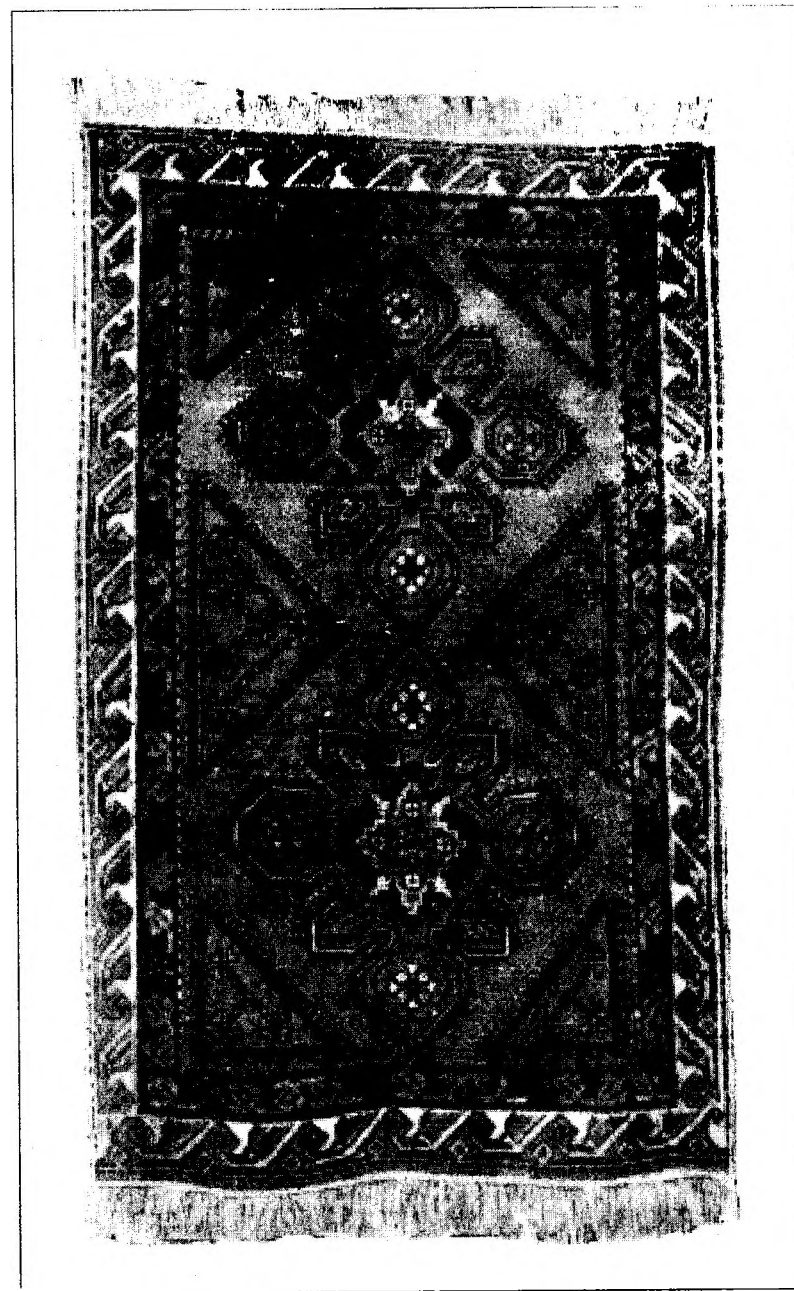
Ворсовый ковер

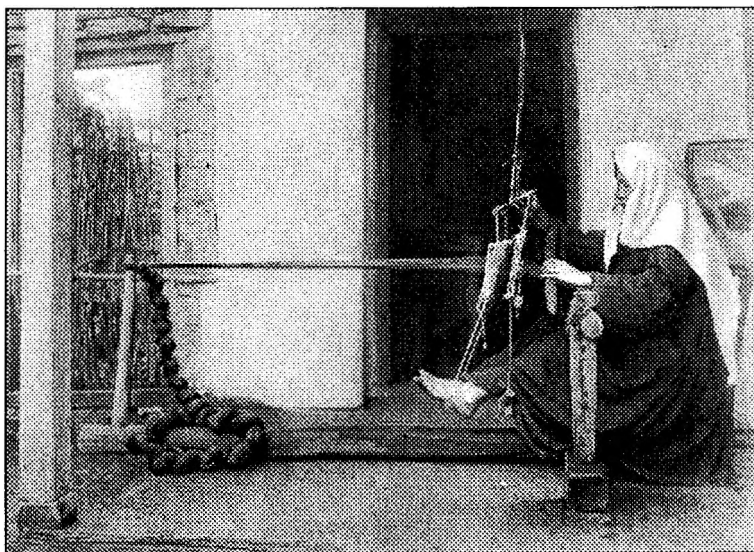
Безворсовый ковер

Деталь безворсового ковра

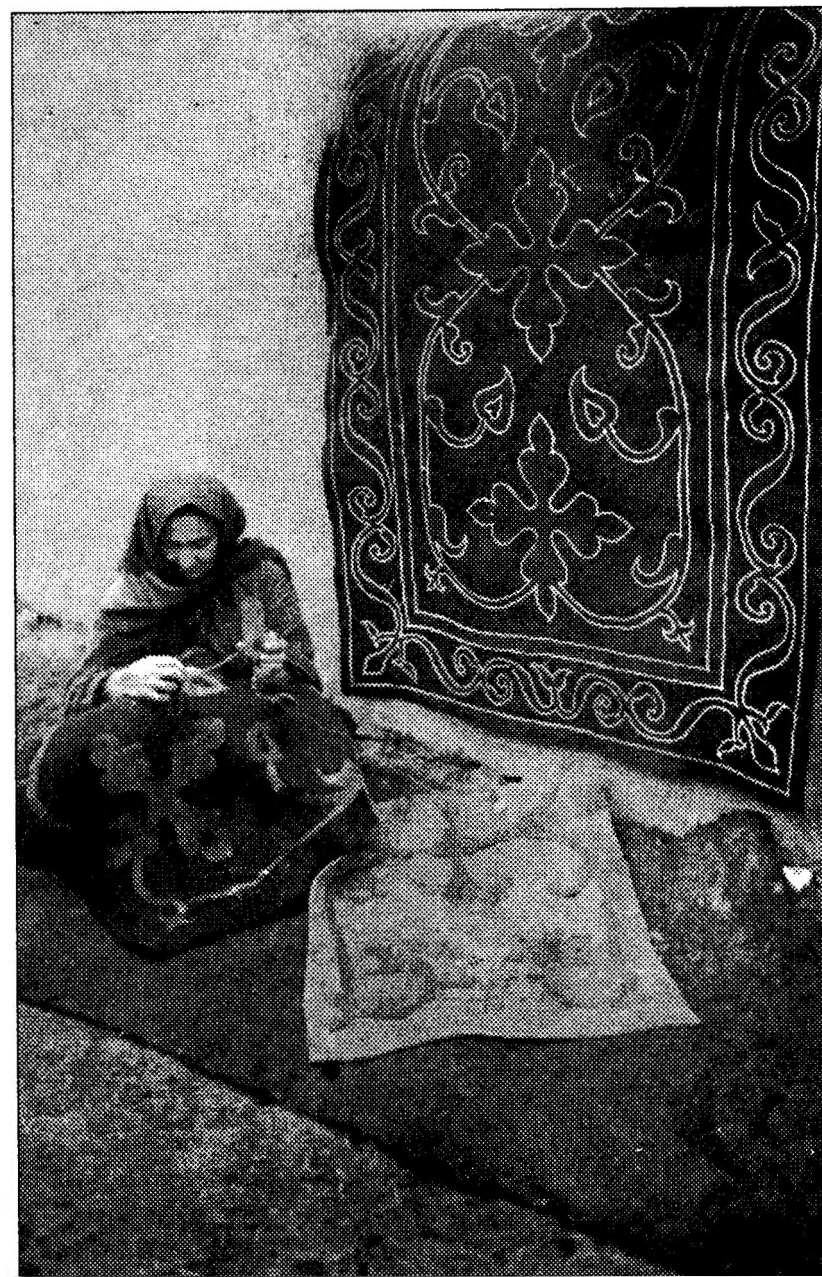
Ворсовый ковер

Ткацкий станок

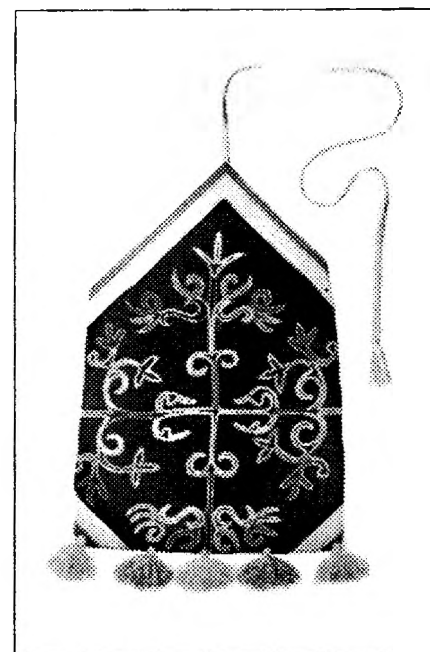
Обработка кожи

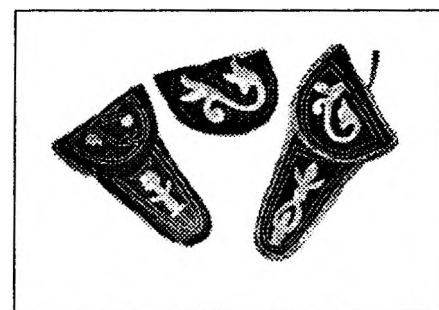
Изготовление войлочного ковра

Изготовление войлочного ковра

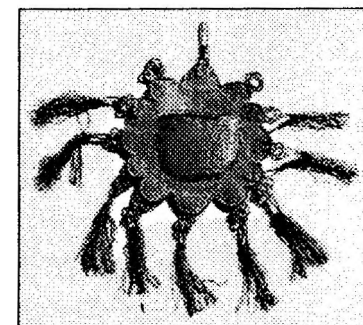
Сумка

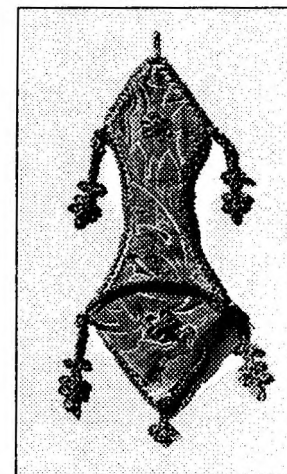
Вышитые кобуры для револьверов

1

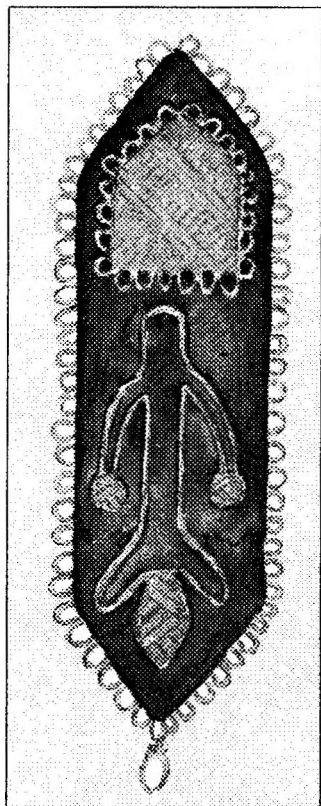

2

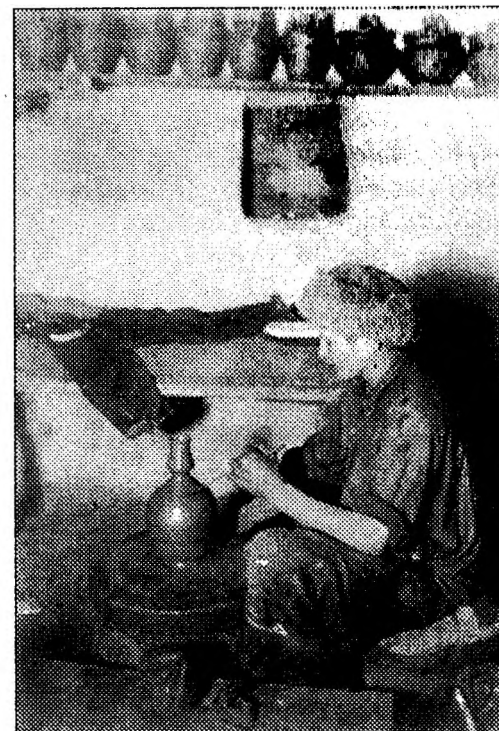
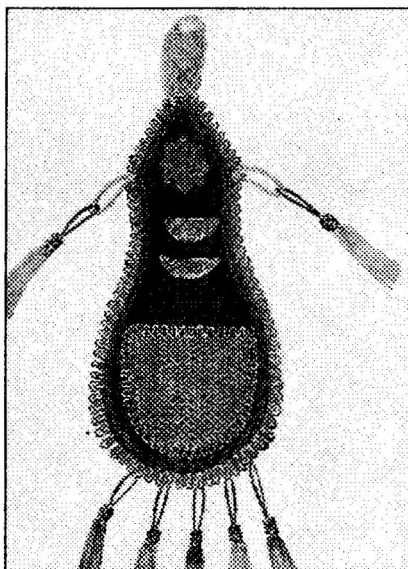

3

1, 2, 3 - виды вышитых золотом кошельков

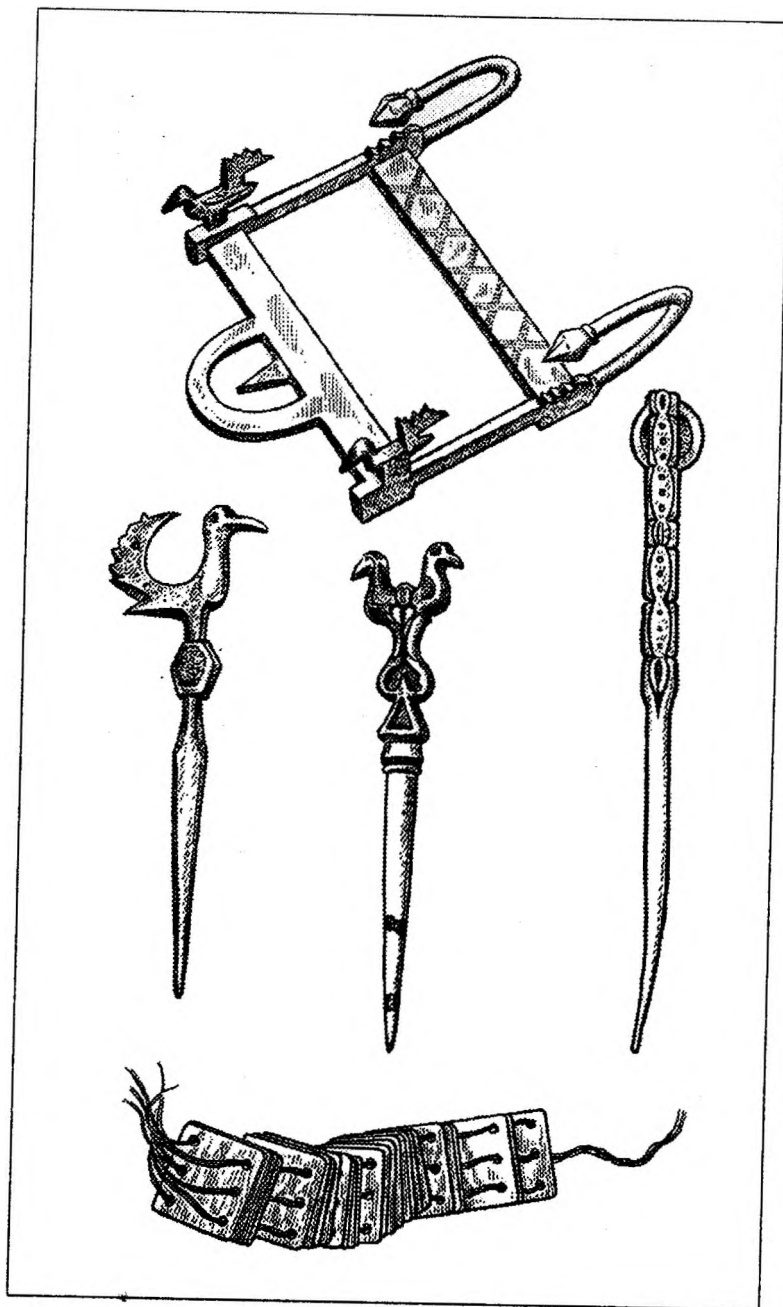
Кармашки
для мелочи

Изготовление гончарного
изделия
(с. Эндирей)

Гончарные изделия

Инструменты для изготовления вышивок

с отпуском ему из казны 6000 рублей жалованья ежегодно¹. За особые заслуги перед русским командованием высочайшей грамотой Александра I от сентября 1806 года тому же Мехти-шамхалу, имевшему уже чин генерал-лейтенанта, было пожаловано и достоинство изменившего России дербентского Ших-Али-хана с правом пользования всеми доходами, идущими из Уллуского магала².

«Мы ... признали за нужное ... вас в вознаграждение усердия к службе и верности к императорскому престолу нашему, – говорится в ней, – пожаловать в достоинство хана Дербентского, в которое возводя вас сею нашей императорской грамотою, всемилостивейше утверждаем и обещаем содержать как вас, так преемников ваших, которые будут удостоены и признаны от нас в звании шамхала Тарковского и хана Дербентского под нашим Верховным покровительством, державою и защитою Российской Империи»³.

Как было отмечено, по этому случаю главнокомандующий на Кавказе генерал И.В. Гудович писал шамхалу, что ему пожаловано в «непосредственное владение со всеми доходами Дербентское ханство, не менее обширное, как и ваше Тарковское владение, всемилостивейше при этом утвердив вас и ханом Дербентским, столь знатное присоединение к вам селений дербентских умножило вместе с тем в большом количестве и доходы ваши»⁴.

Что касается Абу-Муслима-шамхала тарковского, он первым из дагестанских феодальных владельцев (если не считать князей Засулакской Кумыкии) получил титул князя «за личные его заслуги, как равно заслуги еще его отца и брата» перед правительством⁵. «В награду особых заслуг и постоянной преданности нам и престолу нашему, – отмечалось в Указе Николая I правительствующему Сенату, – шамхала Тарковского ген.-лейт. Абу-Муслим-хана всемилостивейше возводим его в княжеское Российской Империи достоинство, с тем, чтобы он именовался впредь князем Тарковским, и чтобы сие достоинство и титул переходили наследственно всегда к старшему из потомков его мужского пола, по прямой линии и праву первородства...»⁶.

«Нынешний шамхал Абу-Муслим... официальным титулом:

¹ АКАК. Т. III. Тифлис, 1869. С. 385, 440.

² Там же.

³ Там же. С. 385.

⁴ Там же. С. 440.

⁵ АКАК. Т. X. Тифлис, 1885. С. 493.

⁶ Там же. С. 496.

высококостепенный, высокопочтенный, превосходительный шамхал, а в турецких актах он величался по прежнему обычаю наместником Дагестанским (Вели Дагестан, Дагестан Велиси). Спустя долгое время после посещения Тарху, мне попало в руки письмо одного из горских князей, писанное на арабском языке – в горах вся переписка производится на этом языке, а не туземных диалектах – Абу-Муслима в этом письме величали «Шамхалом Тарковским, наместником Дагестанским, а рядом с ним стояло имя новой его супруги, но о Сьюльтанете – увы – не было ни полслова. – Абу-Муслиму около 33 лет; с недавнего времени он покинул Тарху, переселился в селение Казанище... и устраивается там в европейском вкусе»¹

Чины и награды кумыкские владетели получали и в более ранний период. Ими чаще всего награждали засулакских феодальных владельцев. Еще в 1746 году старший костековский владетель Алиш Хамзин (Хамзаев) получил чин воеводы, а в 1759 году он же был пожалован в бригадиры². Автор начала XIX в. (1804 г.) А.И. Ахвердов, как было отмечено раньше, писал о владельцах Эндирея: «Из сих владельцев есть имеющие чины наши, как-то майоры Муртазали и Устархан Алишевы, из коих первый имеет медаль, данную при коронации, золотую с бриллиантами, капитаны Арсланбек Айдемиров, Ибрагим Альбор Аджиев и Шефи Темиров, который имеет за Персидский поход медаль большую золотую на голубой ленте с портретом Екатерины вторья и с надписью «За храбрость и усердие»³. Далее он отмечает, что владельцы Аксая «имеют нашей службы чины, подполковничий – Муртазали Капланов, имеющий золотую медаль с бриллиантами, майорский – Биарслан Эльдаров»⁴. Известно также, что князь Муса Хасаев имел чин подполковника (в числе других) как депутат, избранный от засулакских князей, – участвовал при коронации императора Николая I в 1825 году⁵.

По случаю вступления на престол, шамхалы тарковские, как и другие дагестанские правители, принимали присягу на верность русскому государю – императору, причем в торжественной обста-

новке, при стечении большого числа людей. Судя по рапорту А.И. Ахвердова (12 июля, 1797 г.), церемония вступления Мехти Тарковского на шамхальский престол состояла из двух частей, как и было обычно принято. Сперва оглашали указ и грамоту «на утверждение одного владетеля в новом чине и достоинстве», потом владетель принимал присягу верности императору России на Коране. Все это происходило, как пишет А.И. Ахвердов, «в присутствии собранных на сей случай окружных тарковских владельцев, от него зависящих, так же подвластных отличных людей... Потом шамхал Мехти торжественно перед ал-Кораном по магометанскому закону подтвердил свои клятвы быть верным и усердным к выс.Е.И.В. к нему изъявленными милостями... и приложил свою печать»¹.

Следует отметить, что в XVII веке велась довольно оживленная переписка тарковских шамхалов, эндиреевских князей и других кумыкских владетелей с русскими царями, с астраханским губернатором и прочими адресатами. Язык, на котором велась эта переписка, был старокумыкский (или, как его называют в тюркологической литературе, «северокавказским вариантом книжно-письменного языка тюрки»²). В XVIII–XIX веках география употребления «северокавказского тюрки», видимо, значительно расширяется. Об этом свидетельствуют сохранившиеся в архивах корреспонденции, адресованные на имя кизлярских комендантов от отдельных владетелей и обществ Северо-Восточного Кавказа – из Тарков, Эндирея, Аксая, Костека, Анди, Кайтага, Чечни, Казаныша, Дженгутая, Кумторкалы, Борагана (Брагунов) и других³.

Иными словами, через всевозможные знаки внимания царская администрация, разумеется не бескорыстно, старалась укрепить власть феодалов, их экономические и политические позиции на местах. «Покровительствовать туземной аристократии, конечно, мы вынуждены для того, чтобы через влиятельных в народе лиц держать и самый народ в повиновении. Главкомандующий раз-

¹ Русско-дагестанские отношения XVIII – начале XIX вв. Сборник документов. М., 1988. С. 243.

² О р а з а е в Г.М.-Р. Северокавказские «тюрки» в системе тюркских региональных письменных языков XVI–XIX вв. – Сов. тюркология. Баку, 1987. № 3. С. 47–52.

³ О р а з а е в Г.М.-Р. Архитектоника тюркоязычных писем XVIII века, адресованных кизлярскому коменданту. Тюркско-дагестанские языковые взаимоотношения. Махачкала, 1985. С. 156–179; Письменные памятники Дагестана XVIII–XIX вв. Махачкала. 1989. С. 145–166.

¹ Березин И. Путешествие по Дагестану и Закавказью. СПб. 1849. С. 78–79.

² Б у т к о в П.Г. Указ. соч.

³ А х в е р д о в А.И. Описание Дагестана. 1804. – ИГЭД. М., 1958. С. 213.

⁴ Там же.

⁵ Родожецкий И. Письмо из Ставрополя от 25 марта 1827 г. – Отечественные записки. № 86. май. 1827. С. 493 (сноска).

деляет мнение Вашего превосходительства и находит весьма основательным ваше предположение, чтобы некоторых из достойнейших князей... употребить ближайшими орудиями в управлении краем», – писал граф Д.А. Милютин графу Н.И. Евдокимову в 1857 г.¹

Вместе с тем, по инициативе русской власти на Кавказе, в административно-политическом устройстве феодальных владений постоянно происходили определенные изменения, которые, как мы увидим ниже, в конечном итоге привели к полной ликвидации политической власти крупных феодалов правителей (шамхала, ханов, уцмий и др.) на местах. Это ясно изложил в том же письме, адресованном графу Н.И. Евдокимову, граф Д.А. Милютин: «Но с другой стороны, – пишет он далее, – на совершенное представление им всего управления никак согласиться не может (речь идет о мнении главнокомандующего – С.Г.) и опасается, что подобная мера отдала бы надолго всякую надежду на будущее преуспевания края в гражданственности и просвещении»². Он допускал, что «отдельными частями могут управлять офицеры из туземцев, но главное управление кумыкскими округами во всяком случае должно быть в руках русского штабс-офицера»³.

Одновременно царская администрация в Дагестане целенаправленно проводила политику переориентации на несколько иную политическую силу – сословие беков, выдвигая последних на авансцену местного управления и рассматривая как основную для себя опору. Это противопоставление правителей и беков, то есть представителей одного и того же сословия, проводилось неотступно и дало свои результаты. Только с образованием округов в Дагестане (1861–1867 гг.) беки были лишены, причем лишь частично, административно-политической власти над крестьянством, но, как мы увидим ниже, в полной мере сохранили свои бывшие права пользоваться феодальной рентой. Несколько иначе обстояло дело с крупными феодальными правителями, лишенными многих административно-политических прав.

Как мы уже отмечали, в XVIII веке тарковские шамхалы возвышаются среди других феодальных правителей; как бы идет про-

цесс территориального укрепления шамхальства и восстанавливается титул «валия», или «дагестанского шамхала».

Однако и в течение всего XVIII века Кумыкия остается раздробленной на части феодальной страной. Каждая из этих частей по-разному управляется самостоятельно.

Царское правительство оставляет за князьями все права по отношению к подвластному населению. Укрепляется феодальная собственность на землю, юридически оформляемая царским правительством в виде грамоты, охранных листов и т.д. Об обязанностях населения присоединенного края свидетельствуют официальные данные:

«Кумыки никакой определенной повинности ни натурою, ни деньгами не несут, но на них лежит обязанность охранять тишину внутри поселения, снаряжая для того князей по очереди на службу; конвоирование курьеров и других лиц в экстренных случаях и перевозка бумаг. Кроме того, они обязаны перевозить провианта... и леса для войск... Больных в лазарет возят бесплатно»¹, – писал Н.Н. Забудский.

Об обязанностях местных владельцев в управлении уделами тот же Н.Н. Забудский писал: «Кумыкские деревни управляются князьями, утвержденными правительством. Князь назначает судей для разбирательства по адату, на нем лежит раскладка общественных повинностей, которые он взимает посредством выборных десятников; к каждому суду в этих деревнях передается по одному кадию, председателями этих судов назначаются частные приставы; недовольные решениями оных могут жаловаться главному приставу и высшему начальству. В аулах, где нет князей для управления, избираются старшины»².

В начале XVIII века внешнеполитическое положение Дагестана осложнялось тем, что Турция и Персия продолжали свою агрессию против Кавказа, в частности Дагестана³. Как было отмечено выше, в первой половине XVIII века особенно усиливается агрессия со стороны Ирана. Надир-шах организует опустошительные

¹ Забудский Н.Н. По материалам генерального штаба... – Военно-статистические обозрения Российской Империи. Т. XVI. Ч. 1. СПб., 1851. С. 151.

² Забудский Н.Н. Ставропольская губерния. – Военно-статистическое обозрение Российской Империи. Т. XVI. Ч. 1. СПб., 1851. С. 151.

³ См.: История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. М., 1988. С. 407–435.

¹ Письмо графа Д.А. Милютина графу Н.И. Евдокимову. – ЦГВИА России. Ф. ВУА. 6696. Ч. 1. Л. 98.

² Там же. Л. 99.

³ Там же. Л. 977.

походы в Дагестан, в результате которых отдельные районы, в том числе и некоторые кумыкские, временно попадают под власть Персии. Однако народы Дагестана оказывали Надир-шаху упорное сопротивление. Шли ожесточенные бои, как на равнине, так и в горах. В результате завоеватель потерпел тяжелое поражение и вынужден был отступить.

В начале XIX века в политической жизни народов Дагестана происходит событие огромного значения. В октябре 1813 года между Россией и Персией был заключен Гюлистанский трактат, по которому вся территория Дагестана закреплялась за Россией¹.

Присоединение Дагестана к России несомненно имело для его народов, в том числе и кумыков, прогрессивное значение. Россия была сильным централизованным государством, стоявшим по уровню своего социально-экономического, политического и культурного развития значительно выше многих других стран, в том числе султанской Турции и шахского Ирана, не прекращавших своего посягательства на самостоятельность народов Кавказа. Ф. Энгельс писал: «...Россия действительно играет прогрессивную роль по отношению к Востоку... Господство России играет цивилизующую роль для Черного и Каспийского морей...»².

Включение Дагестана в сферу политической и экономической системы России повлекло за собой, вопреки царской реакционной политике национально-колониального угнетения, более быстрое развитие производительных сил края. В результате присоединения к России в Дагестане были ликвидированы феодальная раздробленность и политическая разобщенность отдельных его частей, образованы единые для всего Дагестана органы управления в составе Российского государства, распространены на всей территории края единые законы. Все это положительно сказалось на экономической и культурной жизни народов Дагестан.

Как отмечается в «Истории народов Северного Кавказа», процесс вхождения в состав России «был закреплен многочисленными актами и присягами о подданстве»³. Действительно это был длительный и противоречивый акт. Вначале он проходил, в основном, мирным путем с учетом взаимных интересов обеих сторон, однако

в дальнейшем в связи с усилением и ужесточением военно-административных мер, проявлением колониальной политики России, он нередко сопровождался активным сопротивлением как отдельных феодалов, так и широких слоев населения.

¹ См.: История Северного Кавказа (конец XVIII в. – 1917 г.). М., 1988. С. 22–49.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.27. С. 241.

³ История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. – 1917 г.). М., 1988. С. 49.

Глава V

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКОВ

1. СОЦИАЛЬНЫЕ РЕФОРМЫ

§ 1. Упразднение ханской власти и организация новой формы управления

Мы отмечали выше, что в политике царского правительства с начала XIX века наблюдалась тенденция к ограничению политической власти феодальных владетелей Дагестана. Эта политика особенно остро проявлялась в действиях генерала Ермолова и была временно ослаблена последующими главнокомандующими.

1 апреля 1858 года было утверждено и вскоре издано «Положение об управлении Кавказской армией». В нем был особый раздел «По управлению горскими народами, не вошедшими в состав гражданского управления»¹. Это был первый официальный документ о так называемом военно-народном управлении, составленный по предложению князя Барятинского и получивший, начиная со времени его правления на Кавказе, широкое применение.

19 июня 1860 года при главном штабе Кавказской армии создается Канцелярия по управлению кавказскими горцами. В том же 1860 году образуется Дагестанская область, в которой действует особое «Положение об управлении Дагестанской областью и Закаспийским округом». В состав области входил созданный ранее Прикаспийский край, за исключением Кубинского уезда, присоединенного к Бакинской губернии, и весь нагорный Дагестан.

Дагестанская область была разделена на четыре военных отдела: Северный Дагестан, Средний Дагестан, Верхний Дагестан и Южный Дагестан. Кроме этих военных отделов, в область включались два гражданских управления: Дербентское градоначальство (вместе с Улусским магалом) и управление портовым городом Пет-

ровском. Военные отделы объединяли шесть округов: Даргинский, Кайтаго-Табасаранский, Казикумухский, Гунибский, Самурский, Бежтинский, а также четыре ханства: Тарковское шамхальство, Мехтулинское, Кюринское, Аварское ханства и отдельное Присулакское наибство. Основная часть кумыкских феодальных образований – Тарковское шамхальство, ханство Мехтулинское, наибство Присулакское – вошли в Северный Дагестан. Засулакская Кумыкия (Эндиреевское, Аксаевское, Костекоское владения), известная с 1827 года под названием «Кумыкского владения», а с 1858 года – «Кумыкского округа», в 1860 году вошла в состав организованной в том же году Терской области.

Начиная с 1860 года, фактически ликвидировалась ханская власть в Дагестане и образовались округа вместо прежних отдельных владений. В конце 1860 года было создано окружное управление в Кайтаге. Из бывшего Кайтагского уцмийства и обеих частей Табасарана (бывших владений майсума и кадия) был образован Кайтаго-Табасаранский округ. В 1862 году прекратило свое существование ханство Кюринское. В 1863 г. был отстранен от власти аварский хан Ибрагим, а в 1864 году образован Аварский округ¹. В 1867 году лишается политической власти тарковский шамхал Шамсудин, а еще ранее в июне 1866 года сложил свои полномочия мехтулинский Рашит-хан, получив соответствующее предложение свыше. Заслуживает внимания тот факт, что шамхал тарковский князь Шамсудин перед открытием Темир-Хан-Шурина округа сам обратился к областному начальству с письменной просьбой (разумеется, не без давления царской администрации) об освобождении его от обязанностей по управлению владением. Вместе с тем он просил сохранить за ним и наследниками его по прямой линии титул – шамхал Тарковский «с теми правами и преимуществами, какие присвоены шамхалам по владению недвижимыми имуществами без дробления по боковым линиям, а равно с оставлением за ним и наследника его права пользования теми повинностями и доходами от шамхальцев, кои они отбывают ему по званию шамхала»².

«...Руководимый мыслию, что в шамхальстве Тарковском, по

¹ Эсадзе С. Историческая записка об управлении Кавказом. Т.1. Тифлис, 1907. С. 242; Козубский Е.И. Памятная книжка Дагестанской области, 1895 г. Темир-Хан-Шура, 1895. С. 30–31.

² См.: Шамхалы Тарковские. – ССКГ. Вып.1. Тифлис. 1868. С. 67.

¹ Записка о преобразовании военно-народных управлений Кавказского края. Рук. фонд ИИЯЛ. Д.2508. Л.4.

долгу звания и сана моего, на мне лежит обязанность, – писал шамхал, – дать пример всемерного стремления к ускорению и облегчению проведения в исполнение видов правительства – установить свободные отношения между всеми туземцами Дагестана, я решился освободить деревни Тарки, Большие Казанищи, Халимбек-аул, Буглен, Урму, принадлежащую мне четвертую часть селения Гелли, с жившими в Тарках моими чагарами, а равно и шамхальских ногойцев, от всех повинностей и налогов (прямых и косвенных), которые они несли мне до сего времени по званию шамхала и землевладельца и по которому оставлены за мною по ныне объявленному мне высочайшему повелению»¹. Далее шамхал просил объявить «народу завтра же о его таком решении», что было сделано. Письмо шамхала было объявлено начальником области, при торжественном открытии Темир-Хан-Шуринского округа.

Шамхалу Тарковскому князю Шамсудину царской администрацией были сохранены титул шамхала, а также все права «его по владению и пользованию наследованными им от отца недвижимыми имениями и по отправлению ему шамхальцами всех повинностей, какие они отбывают ему ныне по званию шамхала и по праву землевладельца, впредь до определения поземельных прав его особую временную комиссию»².

Шамхал Тарковский, потеряв обязанности по управлению владением, по существу сохранил все бывшие свои права и выгоды. В том же 1867 году из Мехтулинского ханства, Тарковского шамхальства и Присулакского наибства образуется Темир-Хан-Шуринский округ.

Так завершился процесс упразднения политической самостоятельности феодальных владений в Дагестане и образования централизованной системы управления. Лишив политической власти местных владетелей, царское правительство не забыло, однако, проявить заботу о них, т.к. именно в феодальной знати оно продолжало видеть твердую опору в осуществлении национально-колониального подчинения народов Дагестана. Утрата управленческих функций компенсировалась феодальной верхушке крупным единовременным денежным вознаграждением, увеличением пожизненных пенсий, признанием за ней права собственности на землю и другое недвижимое имущество, присвоением военных чинов и т.д. Так,

например, князь Шамсудин Тарковский, кроме признания за ним всех имущественных прав, получил единовременное пособие в размере 7 тысяч рублей. Помимо того, за ним сохранилась потомственная пенсия в сумме 5 тысяч рублей, установленная еще в 1838 году шамхалу Абу-Муслиму-хану взамен рахтарного сбора, известного под названием «тамга»¹.

В связи с отменой крестьянской зависимости эта пенсия была увеличена до 7 тыс. рублей. Доходы шамхала (с недвижимых имений и с Улусского магала, рыбных и соляных промыслов) вместе с новой пожалованной пенсией теперь составляли 40 250 рублей в год², а по данным 1883 г. – 36 5427 руб.³ Князь Шамсудин был произведен в генерал-майоры и зачислен в «свиту его императорского величества».

Так же был вознагражден и мехтулинский ханский дом. Сам Рашит-хан Мехтулинский получил 10 тыс. рублей единовременно, 400 рублей пенсии и жалования по чину. Признав над собой власть царского правительства и частично потеряв бывшие политические права, кумыкские князья, ханы и шамхалы сохранили свое экономическое положение и стали занимать разного рода должности по «военно-народному» управлению.

Административные преобразования на Кавказе, несмотря на их колонизаторский характер, сыграли важную роль, так как завершили ликвидацию ханской власти и феодальной раздробленности отдельных территорий. Образование Дагестанской области объединяло все эти части в одно целое, создавало единый центр управления.

Наличие единого органа управления диктовало необходимость введения единых законов на всей территории Дагестана. Наряду с адатами, шариатом и военными законами, на которых основывалась вся общественная жизнь, в дагестанскую деревню стали постепенно проникать и более демократические законы. Однако проводя отдельные административные преобразования в Дагестане, царское правительство вряд ли заботилось о благе местного населения. Оно создавало здесь такой режим, который как можно полнее осуществлял бы на практике колониальную политику царизма.

С образованием Дагестанской области и упразднением ханской власти вступает в силу система «военно-народного» управле-

¹ См.: Шамхалы Тарковские. – ССКГ. Вып.1. Тифлис, 1868. С. 68.

² Там же. С. 67.

¹ Эсадзе С. Указ. соч. С. 248.

² ЦГИА Грузии. Ф.545. Д.2617. Л.3.

³ Там же. Л.36–53.

ния, отвечающая всем требованиям колониального режима и национального угнетения. Она сосредотачивала всю полноту власти в руках военной администрации, которая, в свою очередь, опиралась на местную феодальную знать.

В том же 1860 году была учреждена Канцелярия начальника Дагестанской области в Темир-Хан-Шуре, который подчинялся непосредственно главнокомандующему на Кавказе и сосредотачивал в своих руках не только административно-политическую власть (гражданскую с правами генерал-губернатора, а по управлению «туземными племенами» – с правами, определенными особым положением), но и военную по званию командующего войсками области¹ на правах командира корпуса. При начальнике области состояли: штаб командующего войсками области и канцелярия начальника области. Штабом управлял начальник штаба, а канцелярией – правитель. Канцелярия, в свою очередь, состояла из двух отделений: в первом сосредотачивались дела по гражданскому управлению краем, во втором – по управлению «туземными племенами».

В пределах военно-административной власти начальнику области было, в частности, предоставлено право: 1) употреблять «оружие против возмущившихся и упорствующих в повиновении жителей»²; 2) предавать военному суду за измену, возмущение против правительства и поставленных властей, за неповиновение начальству и похищение казенного имущества; 3) высылать из области в административном порядке «вредных и преступных жителей»; 4) право утверждать приговоры суда³ и т.д.

Общим законам империи были подчинены лица, не принадлежащие к коренному населению, но проживающие в области. Это были горожане, поселившиеся в районах, военных округах, в штаб-квартирах, т.е. главным образом русское население. Что касается местных жителей, то они управлялись по особым военно-уголовным законам. Для первой категории населения судопроизводство осуществлялось через Дагестанский областной суд (гражданский и уголовный)⁴, а для второй, т.е. для «туземцев» – через

Дагестанский «народный суд»¹. Состав последнего (председатель, семь депутатов – по одному от каждого округа, два кадия и письмоводитель) назначался командующим войсками области. Председатель суда утверждался еще и наместником Кавказа. Решения суда, хотя и принимались большинством голосов, но непременно передавались на утверждение командующему войсками, т.е. начальнику области, от воли которого зависело утверждение, отклонение или передача «на благоусмотрение» главнокомандующего Кавказской армией. Таким образом, начальник Дагестанской области являлся высшим представителем самодержавной власти, осуществляющим здесь как общую колониальную политику царизма, так и военную и административно-политическую власть.

В 1883 году упраздняются должности командующего войсками области, военных начальников отделов, а также штаб войск области. Управление областью передается военному губернатору, должность которого просуществовала до свержения царизма. В Дагестанском «народном суде» председательствовал теперь помощник военного губернатора. Решения суда по новому порядку утверждались военным губернатором.

Что касается округов, то позднее они были разделены на наибства, а с 1900 года на участки. Темир-Хан-Шурицкий округ, например, находился в ведении начальника Северного Дагестана (до 1883 года) и был разделен на наибства: Темир-Хан-Шурицкое, Таркинское, Чирюртовское, Карабудахкентское, Дженгутайское и Оглинское. Округ управлялся окружным начальником, который имел помощников из числа штаб-офицеров. В ведении окружного начальника находились военное управление и окружной суд, состоявший из депутатов, кадия и письмоводителя.

На начальников отделов и округов возлагалось: строгий надзор «за расположением умов населения» в отделе и округе, наблюдение за деятельностью суда, раскладка натуральных повинностей, устройство и исправное содержание дорог и т.д. Этими же начальниками разрешались гражданские иски и тяжбы, возникающие между жителями отделов или округов, первым – на сумму до 200 рублей, а вторым – на сумму до 100 рублей. Они разбирали и решали также все дела о мелких преступлениях и проступках жителей (воровство,

¹ Козубский Е.И. Указ. соч. С. 20; ЦГИА Грузии. Ф.231. Оп.1. Д.8. Л.8.

² Козубский Е.И. Там же. С. 20.

³ ЦГИА Грузии. Ф.231. Оп.1. Д.8. Л.8.

* Ведению этого суда подлежали уголовные и гражданские дела, решение которых не входило в компетенцию дербентской городской полиции и начальника порта г. Петровска.

¹ О судопроизводстве в Дагестане в этот период см.: Омаров А.С. Изменения в праве и суде после присоединения Дагестана к России. – Уч. зап. ИИЯЛ Дагфан АН СССР. Т. XX. Махачкала, 1970. С. 176–204.

ссоры и т.д.). Как начальник отдела, так и начальник округа имели право наказывать лиц «простого звания» розгами (от 10 до 100 ударов) и арестом (от 1 дня до 3 месяцев), а лиц привилегированного сословия и имеющих военные или гражданские чины – арестом до 7 дней.

Начальники наибств или участков также назначались из числа штаб- или обер-офицеров. Наибам, кроме обязанностей по наблюдению над настроением населения, предоставлялось право разрешать мелкие споры между жителями¹. Окружной суд, на котором председательствовал окружной начальник, разбирал дела по гражданским спорам, воровству, дракам, увозу женщин, разводам, разделу имущества и т.д. Разбор дела происходил гласно и словесно, с ведением только книги, в которой записывались жалобы и решения по ним. Решения выносились большинством голосов. Судья производил разбирательство по адатам и шариату. По адатам в качестве судьи выступали знающие адаты депутаты суда, а по шариату – кадий. Кадий и другие депутаты утверждались командующими войсками области. Недовольные решением окружного суда приносили жалобы военным начальникам или командующему войсками области, т.е. начальнику области, который выносил окончательное решение или передавал дело в Дагестанский «народный суд».

Более важные дела (измена правительству, восстание и т.д.) не подлежали разбирательству в окружных судах. Вопросы такого характера разбирались военно-полевыми судами. Представители местного населения судились по общим законам империи в том случае, если преступление совершено ими на территории, не подчиненной военно-народному управлению, кроме того, если в судебном процессе в качестве одной из сторон фигурировали не местные люди (русские, грузины, армяне и т.д.), не подчиненные военно-народному управлению.

В 1875 году был упразднен Дагестанский областной суд. Вместо него в Дербенте, Порт-Петровске, Темир-Хан-Шуре в 1876 году были открыты мировые отделы, которые руководствовались судебными уставами 1864 года, но с теми изменениями, которые предусматривались «Положением» от 22 ноября 1866 года «О применении судебных уставов 1864 года в Закавказье». Мировые отделы находились в ведении Тифлисской судебной палаты и Бакинского

окружного суда¹. Мировые судьи назначались наместником Кавказа. Суд разбирал мелкие гражданские и уголовные дела. При мировых судах состояли следователи, которые вели следствие по уголовным делам.

Большая роль в судебной практике принадлежала присяжным поверенным. Им доверялось ведение всех видов судебного разбирательства и в любых судебных инстанциях.

§ 2. Сельское управление

Сельское общество составляли жители одного селения, проживающие в нем постоянно. Если при селении были хутора, к данному обществу приписывались и хуторяне.

Для решения важных общественных дел (вопросы землепользования, водопользования, выборы должностных лиц, распределение повинностей, взыскание штрафов и т.д.) общество созывало сход. Сельский сход состоял из совершеннолетнего мужского населения. К участию в работе схода допускался только один человек от дыма, причем самый старший в семье. Лишь по уважительным причинам глава семьи мог уступить свое представительство другому члену семьи (старшему после себя). Женщины к участию в сходе не допускались так же, как фактически не допускалась и молодежь.

Всеми делами общества управлял старшина. Только он мог созвать джамаат, и ему принадлежало первое место на сходе. Лица, созвавшие собрание без ведома начальства, подвергались строгой ответственности. Решения сельского схода признавались законными лишь в том случае, если сход проводил старшина или его помощник. Жалобы на решение сельского схода приносились через наиба окружному начальнику. Начальник округа, если он самостоятельно не мог решить вопрос, передавал жалобу в высшую инстанцию.

Согласно «Положению о сельских обществах», утвержденному главнокомандующим армией в 1868 году, сельский старшина должен был исполнять беспрекословно требования начальства и объявлять его указания и распоряжения народу, докладывать начальнику о «преступлениях и беспорядках», случившихся в селении, а также о «распространителях между жителями вредных для общест-

¹ ЦГИА Грузии. Ф.231. Оп.1. Д.8. ЛЛ.8–10.

¹ Записка о преобразовании военно-народных управлений Кавказского края. С. 25.

венного спокойствия слухов»¹, наблюдать за исправным отбыванием жителями казенных натуральных и денежных повинностей, за исполнением всеми сельскими должностными лицами своих обязанностей. Старшина должен был всячески содействовать «безопасному и безотлагательному следованию» через территорию села воинских частей и других лиц и т.д. Старшина имел право наказывать виновных членов общества отправкой на работу сроком до двух дней, подвергать денежному штрафу до 1 рубля или аресту сроком до двух дней.

Сбор казенных повинностей производился обычно специальным сборщиком под непосредственным наблюдением старшины селения. Положением о сельском управлении предусматривалась отдача «самого недоимщика или какого-либо из членов его семейства в посторонние заработки в том же округе или соседственном» с условием обратить заработанные деньги для погашения задолженности².

В отдельных случаях сельская администрация определяла к недоимщику специального опекуна, без разрешения которого не позволялось «неисправному хозяину отчуждать что-либо из его имущества и из его дохода до пополнения недоимки»³. Если у крестьянина нечего было отбирать и другие меры не приносили ожидаемых результатов, то администрация заставляла общество вносить налоги за него с тем расчетом, чтобы к 15 января следующего года погасить все недоимки⁴.

За свою службу старшина получал от царской администрации определенную плату. Кроме того, он пользовался большими льготами в землепользовании, водопользовании и т.д.

За счет сельского общества нанимался кадий. Кроме контроля за деятельностью религиозных учреждений и школ, он должен был вести судопроизводство по шариату по делам, касающимся наследства, завещаний и опеки, оформлять переписку по управлению сельским обществом и т.д.

Маловажные дела решались сельским судом. Так же как дагестанский народный и окружной суды, сельский суд разбирает дела, руководствуясь адатами и шариатом. Как и раньше, при решении

дел по адатам в качестве судей выступали влиятельные старики-карты, а по шариату – кадий. Судьи заслушивали истца, ответчика, свидетелей, а затем большинством голосов выносили решение. Нередко решения суда по тем или иным причинам отменялись военной администрацией, выносившей окончательный приговор.

Кроме свидетелей, значительную роль в судебной практике кумыков во второй половине XIX века продолжали играть тусевы (соприсяжники) и айгаки (доказчики)¹.

Кроме суда по шариату и адатам, у кумыков в это время существовал и суд по маслаату, когда дела решались с помощью посредников, избранных тяжущимися.

В сельском управлении по-прежнему определенную роль играли чауши (бегаулы, мангуши) – исполнители распоряжений и старшины и тургаки (стража). «Тургъакъы» (букв. тур – вставай и къакъ – бей), назначавшиеся по наряду, выполняли полицейские обязанности. Они наблюдали за порядком на общественных землях, за потравой посевов, сенокосов и т.д.

Сельскими старшинами, их помощниками, кадиями, судьями, муллами назначались «политически благонадежные» люди, заслуживающие доверия военного начальства, независимо от возражений населения. Поэтому должностные лица утверждались начальником округа и начальником отдела области. Все они должны были «верой и правдой» служить царскому правительству и зорко следить «за умами и настроениями обществ».

«Выборы» в сельские и окружные управления составляли только формальную сторону дела, за которой скрывался особый подход к подбору должностных лиц, продиктованный интересами существующего колониального режима. Войдя в доверие к начальству, многие из должностных лиц жили за счет сельского общества, творили насилие, бесконтрольно распоряжались общественным богатством, занимались взяточничеством и т.д. Для их характеристики достаточно обратить внимание на жалобы жителей с. Султан-Янги-юрт Темир-Хан-Шуринокого округа, относящиеся к 1906 году. Перечисляя «насилия, причиняемые старшиной», они указывают, что тот без разрешения общества сдал их участок в аренду «под охоту начальнику округа за 80 рублей» и деньги присвоил, прода-

¹ ЦГА РД. Ф.2. Оп.5. Д.1. Л.35.

² ЦГА СО. Ф.11. Оп.5. Д.4288. Л.87.

³ Там же.

⁴ Там же. Л.88.

¹ Семенов Н. Туземцы Северо-Восточного Кавказа. СПб., 1895. С. 319–327; Леонтович Ф.И. Алаты кавказских горцев. Ч.П. Одесса, 1882–1883. С. 208–210.

вал таким же образом и другие лесные участки, без разрешения общества пахал общественные земли для себя, без всякой нормы возил лес для себя и для родственников, тратил общественные деньги неизвестно куда, не обращая внимания на претензии общества: брал взятки, «не брезгая даже 10 копейками». Старшина вел «дружбу с ворами» и получал «от них пай: например, когда у еврея Хапата украли корову, то при обыске у старшины нашли шкуру и мясо»¹.

Но жалобы обществ не проверялись, а если даже и проверялись, то, как правило, это не приводило к желаемым результатам. Царская администрация строго требовала от должностных лиц, в том числе от старшины, только точного исполнения ее распоряжений.

Таким образом, вторая половина XIX века характеризуется рядом прогрессивных преобразований общественно-политического управления Кумыкии: ликвидацией феодальной раздробленности и разобщенности, упразднением ханства и созданием единой системы административно-политического управления, включающей край в состав России.

§ 3. Крестьянская реформа 1865–1867 гг.²

Как известно, в 60-х гг. XIX века в России был проведен ряд важнейших реформ, в частности крестьянская реформа. Эта реформа оказала значительное влияние на развитие аграрных отношений национальных окраин. Крестьянская реформа у кумыков проводилась в 1865–1867 гг.

Как уже отмечалось выше, Кумыкская равнина в рассматриваемое время была краем сравнительно развитых феодальных отношений. Доминирующее положение занимало крупное землевладение, выросшее на основе экспроприации земель рядовых общинников. Несмотря на преобладание натурального хозяйства, с середины XIX в. в экономику кумыков все больше и больше проникали капиталистические отношения. С развитием капитализма в России

Дагестан, особенно его равнинная часть, все более и более втягивался в русло общероссийского рынка. Ускоренно идет процесс общественного разделения труда. Под влиянием складывавшихся товарно-денежных отношений среди кумыкских помещиков развивается предпринимательство. Характерно, что часть помещиков постепенно начинает улучшать оросительную систему, применять более совершенные сельскохозяйственные орудия. Увеличивается производство хлеба на рынок.

Большое распространение получают посевы трудоемких технических культур, в первую очередь марены. В 1859 г. на присулакских землях одного только князя Али-Султана Казаналипова было занято под мареной 1000 десятин земли¹. Особенно интенсивно развивалось земледелие в Хасавюртовском округе, который считался «житницей Терской и Дагестанской областей»².

Главной общественной силой, активно борющейся за ликвидацию феодально-зависимых отношений, было трудовое крестьянство, которое вынудило кавказскую администрацию вплотную заняться этим вопросом. «Народ, не предвидя последствий, первоначально не противодействовал владельцам и таким образом терял поземельные права, но испытал всю тяжесть нового положения, — писал С. Эсадзе о Кумыкской плоскости, — настойчиво начал домогаться у владельцев разграничения прав на земли. Такая настойчивость привела, наконец, к положительным результатам. Кумыкские землевладельцы в особо выраженном акте от 5 февраля 1865 года уступили половину всего количества земли, что составило более 200 тысяч десятин»³.

Антифеодальное движение в Кумыкии росло с каждым годом, особенно после отмены крепостного права в России.

Тяжелое положение, сложившееся в крестьянском вопросе в Дагестане, как и во всем Кавказском регионе, хорошо иллюстрирует, например, «Всеподданнейший отчет главнокомандующего Кавказской армией по военно-народному управлению за 1863–1869 гг. на имя царя Александра II». В нем говорилось: «Вопрос об освобождении зависимых сословий стал в такое положение, что было бы неблагоприятно и неосторожно откладывать его решение»⁴.

¹ ЦГА РД. Ф.2. Оп.2. Д.10. Л.1.

² О земельной реформе у кумыков см.: Гаджиева С.Ш. К вопросу о крестьянской реформе у кумыков. — Ученые записки Даг. гос. жен. пед. института. Махачкала, 1957; Рамзаноу Х.Х. Крестьянская реформа в Дагестане. — Ученые записки ИИАЭ. Махачкала, 1957; История Дагестана. Т.2. М., 1968. С. 126–136.

¹ ЦГА РД. Ф.147 Оп.3. Д.43. ЛЛ.4–5.

² ЦГА СО. Ф.52. Оп.1. Л.89 Л.25.

³ Эсадзе С. Указ. соч. С. 458.

⁴ Всеподданнейший отчет главнокомандующего Кавказской армией по военно-народному управлению за 1863–1869 гг. СПб., 1870, С.16.

После Кавказской войны царская администрация все же вынуждена была приступить к рассмотрению вопроса о личных и поземельных правах местного населения Северного Кавказа, в том числе Дагестана. Несомненно, что отмена крепостного права в 1861 г. в России ускорила разрешение крестьянского вопроса в Дагестане.

Одним из первых мероприятий правительства в этом направлении было учреждение еще в 1860 г. в Терской области «Кумыкского комитета по правам личным и поземельным...» В 1863 году этот комитет был переименован в «Кумыкский окружной отдел комиссии по разбору сословно-поземельных прав туземного населения Терской области».

Перед комиссией стояла задача «привести в известность численность туземного населения..., установить его сословные права и количество находившейся у каждой народности земли, распределив земли по племенам, обществам и отдельным фамилиям, с ограничением владений и составлениями на них надлежащих документов...»¹. Комиссия должна была заняться разрешением спорных земельных вопросов и между отдельными владельцами.

В 1864 году, спустя три года после образования «Комиссии по разбору сословно-поземельных прав туземного населения Терской области» и его «Кумыкского отдела», в Дагестане под председательством статского советника князя Джорджадзе была создана «Временная комиссия для приведения в известность личных и поземельных прав высших сословий во владении Тарковском, ханстве Мехтулинском и Присулакском наибстве и размежевании земель их, так и относительно тех правил, кои должны лежать в основании действий комиссии при ее занятиях»².

Комиссия должна была потребовать от указанных владельцев «поколенную роспись своего дома, копии документов (актов, грамот, свидетельств и т.д.), которые давались им как старшими в роде, так и русскими государями, представителями царской администрации на предмет подтверждения владельческих прав; потребовать подробные сведения о недвижимых имениях, принадлежащих как владельцам лично, так и родственникам». Комиссия должна была собрать подробные данные «об отношениях к поселянам, жи-

вущим на землях, принадлежащих лично владельцам», а также «членам их дома»¹. Требовалось, чтобы были установлены их отношения, имевшие место до присоединения Дагестана к России, требовались также именные посемейные списки чагаров, кулов, принадлежавших владельцам, с объяснением их местонахождения, прав и обязанностей. Кроме сведений по этим вопросам, которые следовало получить непосредственно от владельцев, комиссия должна была заняться извлечением из архивов имеющихся документов о правах владельческих сословий.

Комиссия, таким образом, не ставила вопроса о прекращении зависимых отношений и об окончательном разрешении земельных споров. Она занялась лишь изучением существовавших в то время, а также уже отживших земельно-правовых отношений. При этом комиссия редко ограничивалась показаниями самих владельцев, которые всеми правдами и неправдами пытались доказать исконность своих «прав». Комиссия работала много лет, собрала огромный материал по всем владениям. Кроме лиц, занятых определением сословных отношений, в комиссии было немало топографов для проведения съемочных и межевых работ. На один только год на содержание членов комиссии, без штата топографов, было выделено 3690 руб.² Однако конкретных мероприятий по решению крестьянского вопроса комиссия не предложила.

Несколько более производительно работала сословно-поземельная комиссия в Терской области, в частности, ее Кумыкский отдел. В комиссии высказывались разные мнения относительно прав кумыкских князей и сала-узденей на земли, объявленные их собственностью. Одни считали, что большая часть занимаемых кумыкскими князьями земель в первой половине XVIII века не составляла «чьей-либо собственности, иначе правительство не дало бы себе право жаловать земельными угодьями поселявшихся на р. Сулаке и назначать им в правители князей»³. Это означало, что при Петре I эти земли были обращены в государственное достояние. Существовало мнение и о том, что права кумыкских владельцев в прошлом не были определены юридически и что «по мере того как кумыкские владельцы вследствие занятия русскими Ку-

¹ См.: Линден В. Высшие классы коренного населения Кавказского края и правительственные мероприятия по определению их сословных прав. Тифлис. 1917. С. 77.

² ЦГИА Грузии. Ф.146. Оп.3. Д.1037. Л.17; См. также: ЦГА РД. Ф.126. Оп.2. Д.72-а. Л.20.

¹ ЦГА РД. Ф.126. Оп.3. Д.72-а. Л.9.

² ЦГА РД. Ф.126. Оп.2. Д.72-а. Л.20.

³ Тульчинский Н.П. Поземельная собственность и общественное землепользование на Кумыкской плоскости. Терский сборник. Вып.6. 1903. С. 80.

мыкской плоскости теряли свое политическое значение, они старались взамен того укрепить за собою права поземельной собственности, и в итоге несравненно больше причин признать это право за ними, чем за каким-нибудь другим сословием или ногайцами»¹.

Командующий войсками в Терской области князь Святополк-Мирский не был согласен со многими выводами сословно-поземельной комиссии. В частности, он был не согласен с мнением члена комиссии топографа Н.П. Тульчинского, производившего межевые работы в Кумыкском (Хасавюртовском) округе Терской области, о том, что в течение первой половины XIX века кумыкские князья, «состоя на русской военной службе в разных офицерских чинах, вплоть до генералов, получили административные должности и у себя же дома, и эти обстоятельства упрощали и расчищали пути к беспрепятственному завладению общественными землями»².

По мнению Святополк-Мирского, разного рода распоряжения русского правительства, касающиеся Засулакской Кумыкии, не могли создать земельные права кумыкских князей, они могли лишь подтвердить имеющиеся здесь земельно-правовые отношения. Существование у кумыкских князей родовых владельческих прав на землю, как он мыслил, не подлежало «ни малейшему сомнению»³.

В комиссию поступали многочисленные прошения также самих владельцев о разрешении земельных споров между ними, даже тех, которые уже были разрешены судом и кавказской администрацией в предыдущие годы. На рассмотрение комиссии поступали многочисленные прошения и от феодально-зависимого населения.

Под давлением высшей кавказской администрации комиссия решала все вопросы в пользу владельцев. Н.П. Тульчинский справедливо писал, что «по окончании споров оказалось, что вся территория плоскости очутилась в руках князей и узденей, а у народа нет и пяди земли»⁴.

Решив таким образом вопрос о правах кумыкских владельцев, «доказав» принадлежность им всей земли на Кумыкской плоскости, кавказская администрация в дальнейшем встретила с большими затруднениями.

Нужно было во что бы то ни стало провести земельную реформу, ибо нельзя было совсем лишить земли народ, на глазах у которого феодалы расхищали остатки общинной собственности. В этом у представителей власти не было разногласий. Но большие споры возникли по вопросу о том, как произвести наделение крестьян землей. Кавказская администрация не могла полностью руководствоваться положением реформы 1861 года в России. Своеобразие земельно-правовых отношений у кумыков диктовало необходимость применения иных способов решения этого вопроса с учетом местных условий. Администрация не хотела изымать у владельцев принудительным порядком даже небольшую часть земли.

По определению сословно-поземельной комиссии по Кумыкскому округу, вся земля находилась во владении князей и узденей, а подвластный народ «за пользование отдельными угодиями несет перед владельцами определенную обычаем повинность»¹.

В 1863 году в течение 5 дней заседала в слободе Хасавюрт сословно-поземельная комиссия, куда были приглашены князья, по 2 человека доверенных крестьян от каждого селения округа и по одному человеку от кварталов главных кумыкских селений (Андрей-аул, Аксай и Костек) для обсуждения вопроса о выделении крестьянам части земли феодалов².

Вокруг вопроса о земельной реформе и «всевозможных проектах наделения крестьян землей разгорелась ожесточенная борьба»³. Вначале разбора вопроса землевладельцы выражали желание продолжать пользоваться землей с крестьянами совместно, что означало их выступление против реформы и наделения крестьян землей. Потом они согласились уступить крестьянам 1/3 часть⁴. Крестьяне же настоятельно требовали выделения для них 2/3 всей владельческой земли⁵. 20 июля 1864 года жители с. Аксай писали: «Мы слышали, что правительство, с согласия всех кумыкских землевладельцев, разделяют земли на пять частей, из которых две части отдадут народу и три части – владельцам. На такой раздел мы не согласны по той причине, что две части слишком недостаточны для нас»⁶.

Под давлением протеста крестьян и по настоянию царской ад-

¹ Рук. фонд ИИЯЛ. Д.1339. Л.122.

² Подробно см.: Р а м а з а н о в а Х.Х. Указ. соч. С. 85–86.

³ История Дагестана. Т.II. М., 1968. С. 130.

⁴ ЦГА РД. Ф.105. Оп.1. Д.12. Л.21–22.

⁵ История Дагестана Т.II/ М., 1968. С. 130.

⁶ ЦГА РД. Ф.105. Оп.1. Д.12. Л.47.

¹ Тульчинский Н.П. Поземельная собственность и общественное землепользование на Кумыкской плоскости. – Терский сборник. Вып.6. 1903. С. 83.

² Там же. С. 84.

³ Там же. С. 82.

⁴ Там же. С. 85.

министрации на Кавказе феодалы вынуждены были пойти на уступки. По новому проекту крестьянам выделялась половина земли¹. В Кумыкском округе около 8884 дворов безвыкупно получили 203123 дес. земли, за 166 феодалами осталось 184396 дес.²

Итак, актом от 5 февраля 1865 года, составленным в присутствии начальника области Лорис-Меликова в Хасавюрте, владельцы Кумыкского округа безвыкупно уступили крестьянам половину всех занятых ими земель³. Что касается второй половины земель, то правительство должно было утвердить ее за владельцами на правах полной собственности с выдачей соответствующих документов. Проект распределения земель между владельцами и сельскими обществами был утвержден правительством⁴ 12 ноября 1867 года, после чего комиссия приступила к размежеванию земель между владельцами и населением. Из общего числа зависимых крестьян 1547 дворов составляли кочующие ногайцы, объединенные в три куба (общества)⁵. В среднем на двор кумыкской семье приходилось по 28 десятин, кочующим ногайцам – 36 десятин. Земля, отведенная ногайцам, была худшей. При этом совершенно не были наделены землей 299 семейств чеченцев, ауховцев, салатавцев, аварцев и других горцев, переселившихся на Кумыкскую плоскость после 1860 года. Лишены были права получения надельной земли и 142 семейства горских евреев, хотя они и имели давнюю оседлость на этой территории⁶.

В то же время, по предписанию главнокомандующего Кавказской армией около 2000 десятин лучшей земли отводилось «до особого назначения» в распоряжение кавказской администрации⁷ в дополнение к имеющимся 17411 десятинам казенной земли. С целью создания для себя фонда бесконтрольных расходов кавказская администрация отдала рыбные промыслы, «в водах, берега которых отошли к народу», на откупное содержание, якобы для обращения доходов «с них в общественные суммы», в то время как такие же

промыслы, доставшиеся владельцам, оставались в их исключительном владении¹. При разделе земли царская администрация старалась во всем угодить частным землевладельцам, хотя акт гласил: «Передел земли, подлежащей народу, сделать безобидно для обеих сторон». В акт был включен также специальный пункт, гласящий: «Если раздел сделает народ, то выбор половины предоставляется князьям и узденям-землевладельцам, если же раздел сделают князь и уздени-землевладельцы, то выбор половины предоставляется народу»². Однако частные землевладельцы сумели при поддержке администрации оставить за собой лучшие земли, с хорошо налаженной оросительной системой. «Порядок пользования существующими водопроводными канавами и устройство новых оставить на тех же основаниях, кои существовали и до настоящего времени», – гласила инструкция о распределении земель. Понятно, что лучшие водоотводные каналы принадлежали здесь одним только феодалам. То же самое следует сказать о садах, мельницах, маренных плантациях³.

Выступая ярой защитницей интересов местной феодальной знати, царская администрация шла даже на разрушение некоторых селений, на переселение жителей из родных мест по разным аулам. Так, в угоду князьям Каплановым, крестьяне с Джабаюрт, жившие на выделенной этим владельцам земле, были расселены по разным аулам⁴. Несмотря на законный протест обществ против неправильного раздела участков в пользу владельцев, им, однако, безотлагательно, без разбора жалоб пострадавшей стороны, выдавались соответствующие документы (планы, межевые книги и т.д.), удостоверяющие их полную собственность на отведенные им участки. Что касается другой части земли, отводимой обществам, то она мало тревожила администрацию.

Земля, отведенная крестьянам, была обозначена лишь временными границами. По предписанию главнокомандующего Кавказской армией было начато составление подробной проектной карты окончательного распределения между обществами земли, но в 1870 году приостановлено. Для составления такой карты считалось «не-

¹ ЦГА РД. Ф.105. Оп.3. Д.23. ЛЛ.14–15

² История народов Северного Кавказа. Конец ХУШ в. 1917. М., 1988. С. 266.

³ ЦГА РД. Ф.147. Оп.1. Д.3. Л.202; Тульчинский Н.П. Указ. соч. С. 86.

⁴ ЦГА РД. Ф.147. Оп.1. Д.3. Л.119.

⁵ ЦГА РД. Ф.147. Оп.1. Д.3. Л.207; Тульчинский Н.П. Указ. соч. С. 88.

⁶ Гаврилов П.А. Устройство поземельного быта горских племен Северного Кавказа. – ССКГ. Вып. II. 1869. С. 45.

⁷ ЦГА РД. Ф.147. Оп.1. Д.7. Л.59.

¹ Гаврилов П.А. Устройство поземельного быта горских племен Северного Кавказа. – ССКГ. Вып. II. Тифлис, 1869. С. 46.

² Тульчинский Н.П. Указ. соч. С. 86.

³ ЦГА РД. Ф.147. Оп.1. Д.7. Л.60.

⁴ Там же. Л.59.

обходимым... предварительное производство точно-хозяйственной съемки, для успешного выполнения коей требовались все наличные технические силы»¹.

Начальник Терской области только 24 декабря 1901 года представил на утверждение командующему войсками Кавказского военного округа проектный план окончательного распределения земли между селениями².

Отвечая на вопрос о том, как кумыкские владельцы согласились безвозмездно уступить часть земли крестьянам, Н.П. Тульчинский, на наш взгляд, справедливо указывал, что здесь нельзя «взять в образец реформу 1861 года», так как народ сохранил свежую память о завершении захвата феодалами общинных земель в XVIII и начале XIX веков³.

И после крестьянской реформы часть бывших феодально-зависимых крестьян продолжала находиться в «обязанных отношениях к владельцам». Вместе с тем с 1 января 1866 года все бывшее зависимое население, в том числе и временно обязанное, было обложено подымной податью в размере 3 рубля со двора⁴. Причем указывалось, что «увеличение потребностей местного управления повлечет за собою и увеличение источников для их удовлетворения»⁵, т.е. увеличение налогов. Оставались и другие повинности, отправляемые в пользу царской администрации, в частности тяжелая аробная повинность. Царская администрация, в целях всемерного увеличения податей, облагала общества по числу отведенных аулам подымных наделов, а не по числу фактически пользующихся землей дымов. Общества должны были вносить подать и за семейства, которые фактически не пользовались землей по бедности или по другим причинам⁶.

§ 4. Освобождение рабов и чагаров

Почти одновременно с крестьянской реформой, т.е. в 1867 году, кавказская администрация добилась согласия рабовладельцев на освобождение рабов. С. Эсадзе отмечал, что как только слухи о

крестьянской реформе в России дошли до Дагестана, «жители с большим любопытством выражали желание узнать, насколько новый порядок, введенный в России, может быть впоследствии применен к Дагестану. Особенно интересовались этим рабовладельцы и рабопромышленники»¹.

Вопрос об освобождении зависимых сословий, как в Дагестане, так и Терской области (Кумыкский округ) возник еще в 1866 году. Как отмечалось, были уточнены списки рабовладельцев и принадлежавших им рабов с указанием их пола и возраста. В 1866 г. начальник Хасавюртовского округа полковник Ф.П. Войковский поставил перед владельцами вопрос о необходимости освобождения рабов и потребовал представить соображения, на каких началах и когда можно будет осуществить это мероприятие.

В ответном письме от 9 ноября 1866 г. рабовладельцы округа писали: «Мы, князья и уздени, по своим неспособностям к физическому труду и общественному положению в народе, положительно не можем быть годны ни для какой черной работы, а поскольку с отходом от нас дворовых людей принуждены будем заменить их вольнонаемными людьми. Мы льстим себя надеждой, что высшие власти не откажут нам своим сочувствием... просим во всем этом оказать нам ходатайство»². Рабовладельцы не отказывались совершенно от освобождения рабов, но предлагали свои условия. Они требовали: а) предоставить им годичный срок для освобождения своих рабов; б) срок уплаты выкупа установить от 4 до 6 лет; в) установить выкупную цену для рабов до 10-летнего возраста – 100 руб., до 15-летнего – 150, от 15 до 50 – 400, от 50 до 70 лет – 100 руб. серебром (старикам старше 70 лет освобождались бесплатно); г) разрешить рабам выкуп личным трудом, если они «найдут для себя отяготительным денежный выкуп»³. В 1867 г. под давлением царской администрации освобождение рабов повсеместно было не только проведено, но и в основном завершено. В Тарковском шамхальстве, Мехтулинском ханстве и в Присулакском наибстве (у князя Казаналипова) в 60-х гг. насчитывалось 460 рабов обоего пола⁴. По имеющимся данным, в Засулакской Кумыкии, т.е. отдельно в бывшем Кумыкском (Хасавюртовском) округе, входившем тогда

¹ ЦГА РД. Ф.147. Оп.1. Д.3. ЛЛ.119, 207.

² Там же. Л.224.

³ Тульчинский Н.П. Указ. соч. С. 59, 85.

⁴ ЦГА РД. Ф.147. Оп.1. Д.7. Л.65.

⁵ Там же.

⁶ Там же. Л.59.

¹ Эсадзе С. Указ. соч. С. 471.

² ЦГА РД. Ф.105. Оп.1. Д.44-а. Л.3.

³ Там же.

⁴ ЦГА РД. Ф.126. Оп.2. Д.71-а. Л.1.

в Терскую область, рабов обоего пола накануне реформы было всего 276 семейств или 944 души¹. Для осуществления процедуры освобождения рабов здесь был учрежден «Мировой посреднический суд». Была установлена выкупная плата, которая не должна была превышать 200 рублей². Часть рабов (дети, старики, инвалиды и т.д.) освобождались безвозмездно³.

Кроме выкупной суммы, которую вносили освобожденные рабы в пользу бывших своих хозяев, нередко царская администрация, правда, без широкой огласки, шла на вознаграждение рабовладельцев.

Так, например, Али-Султану Казаналипову было обещано за освобождение 31 души 3500 рублей⁴. Кавказское городское управление в своем письме от 5 июня 1867 года предложило начальнику Дагестанской области князю Меликову сделать это «в виде негласной меры, не в пример другим»⁵. Однако многие рабовладельцы по Хасавюртовскому округу, особенно освободившие малолетних рабов бесплатно, стали получать в виде выкупа «единовременные пособия» от казны, ссылаясь, что они лишились «единственного средства к безбедному существованию»⁶. Такой помощью от государства воспользовались эндириевские рабовладельцы, подпоручик Муса Эльмурзаев, Кандауровы, Муртузали-Аджиёвы, аксаевские владельцы Асав Алибеков, Абдулмеджид Капланов, Биярслан Эльдаров и др.

Княгиня, вдова Баба Хамзаева из с. Эндирей, которая якобы лишилась в преклонном возрасте «единственной прислуги», получила за освобождение «своей холопки вдовы Айват Акаевой 50 лет в виде единовременного пособия 100 рублей»⁷. Таких примеров по Хасавюртовскому округу было немало. За бесплатное освобождение малолетних детей всего получили пособие от казны 88 рабо-

владельцев¹. В качестве вознаграждения казна выдала им в 1867 г. «двенадцать тысяч рублей серебром»², а некоторым «бедным» рабовладельцам из этой суммы было выделено по 170–130, по 100 рублей³. Это были по тем временам немалые деньги.

Рабы, не имевшие возможности сразу внести выкупную сумму, вступали во временно-обязанные отношения на срок от 4 до 6 лет с их бывшими владельцами. Причем, такие отношения закреплялись решением мирового посреднического суда⁴, а нередко и минуя его, заключением между сторонами официального договора об освобождении рабов в рассрочку.

Так, 22 апреля 1867 г. уздень Клычев Даит из с. Хаджи-юрт Хасавюртовского округа освободил при поручительстве Казакмурзаева 2-х своих рабов – Терекбея Шахманова (24 года) за 200 рублей и брата его Курманая (20 лет) за 200 рублей серебром, с рассрочкой уплаты на 4 года, т.е. до 1871 г., с выплатой по 100 руб. в год. Вольноотпущенные, как отмечалось в Акте, изъявили желание приписаться к обществу Казакмурза-юрта. Иногда такие семейства, освобожденные с условием вносить плату в рассрочку, отдавались на услужение определенным состоятельным семействам.

«Сделан был опыт, – пишет начальник Кумыкского округа Петухов начальнику Терской области 29 октября 1870 г., – отдавать такие семейства в услужение, но никто не решается принимать их, затрудняясь содержать голодную семью. По мере того, как истекает шестилетний срок освобожденные становятся в более и более безвыходном положении, не имея сил на уплату за накопившуюся недоимку, ни отработать ее»⁵.

Между тем бывшие их владельцы, хотя и сознавали «жалкое и безвыходное положение освобожденных», но тем не менее беспрестанно обращались к администрации, требуя взыскать с рабов долг. Ни администрация Кумыкского округа, ни бывшие рабовладельцы при этом не считались с обязательными условиями, принятыми при

¹ ЦГА РД. Ф.147. Оп.1 Д.3. Л.1; ЦГА СО, Ф.12. Оп.4. Д.108. Л.42; Освобождение зависимых сословий во всех горских округах Терской области. – ССКГ. Вып.1. Тифлис, 1868. С. 40.

² Освобождение зависимых сословий во всех горских округах Терской области. – ССКГ. Вып.1. С. 40.

³ ЦГА СО. Ф.12. Оп.6. Д.186. Л.71–77; Освобождение зависимых сословий во всех горских округах..., С. 40; Освобождение бесправных рабов в Дагестане... С. 52.

⁴ ЦГА РД. Ф.2 Оп.3. Д.14-б. Л.2.

⁵ Там же.

⁶ ЦГА СО. Ф.12. Оп.6. Д.186. Л.72, 74.

⁷ Там же. Л.142.

¹ Там же Л.43.

² Там же. Л.72, 77 и 142 и др.

³ Там же. Л.153.

⁴ Мировой посреднический суд (по освобождению зависимых рабов в Кумыкском округе) был создан в 1866 г., прекратил работу 1 марта 1868 г. В состав этого суда входили майор Григорович (председатель), князь Аджиев (помощник), депутаты от рабовладельцев: поручик Ильяс Алиев, отставной штабс-капитан князь Капланов, депутаты от рабов: Икав Гаджи Дукаев, молла Акай Велиев.

⁵ ЦГА СО. Ф.12. Оп.6. Д.187. Л.88–89.

освобождении рабов. В условиях заключения между прочим отмечалось, что «уплата выкупной суммы делается по соглашению, или единовременно, или с рассрочкой (не более 6-ти лет), или же отбыванием обязательных работ в течение того же срока, с назначением за каждый год рабочей платы в количестве от 25 до 70 руб., которая и поступает в счет выкупа»¹. Одновременно в условиях освобождения указывалось: «Владелец, во все время нахождения освобожденных во временно-обязательных работах, сверх рабочей платы должен кормить и одевать их, предоставлять им один рабочий день в неделю и 15 дней во время покоса»².

В 1867 году правительство выделило 8 тыс. рублей серебром «на вспомоществование беднейшим из освобожденных рабов», на создание основы их «будущего хозяйства». Однако эти деньги до 1872 г. не были распределены между рабами, а были помещены во Владикавказский банк «для приращения процентами впредь до окончательного расчета временно-обязанных с их бывшими владельцами»³. Начальник Кумыкского округа Петухов полагал, что «если раздать раньше того, как рабы рассчитаются с бывшими хозяевами», рабы могут истратить их «непроизводительно, тогда как таковые должны служить основанием их будущего хозяйства освобожденных холопов»⁴. Главнокомандующий армией также разрешил начальнику Дагестанской области «произвести на этот предмет единовременный расход до 2300 руб. с отнесением этого расхода на податные сборы с горского же населения и предложил даровать освободившимся льготу от податей»⁵.

Как видно из архивных документов, не все освобожденные рабы могли внести выкупные суммы из-за бедности, болезни и т.д. Следует также иметь в виду, что нередко платить приходилось не одному человеку, а всем взрослым членам семьи. Отдельные рабовладельцы не раз обращались в административно-судебные органы с просьбой принудительно взыскать с отпущенных выкупные деньги, установленные мировым посредническим судом.

Длительная тяжба, например, шла между вольноотпущенной Насипли Джумакуловой и ее бывшей хозяйкой Ажав Клычевой.

Насипли была освобождена от рабства с обязательством внести в течение шести лет 170 руб. Но в скором времени она оказалась нетрудоспособной. «...В скором времени по освобождении, – писала она на имя пристава 2 участка Хасавюртовского округа 12 октября 1872 г., – я заболела костоедом ноги, таковою болезнью я страдаю до сих пор. По случаю этой болезни я не могла заработать ничего и не была в состоянии прокормить себя, если не брат мой, которому я стала обузой»¹. Этим вопросом занимались не только участковый пристав, но и начальники Хасавюртовского округа и Терской области: по их требованию ее болезнь была освидетельствована врачом, который подтвердил, что Насипли не только нетрудоспособна, но что болезнь ее принадлежит к разряду болезней очень трудно излечимых².

Однако нигде ее болезнь при рассмотрении жалоб во внимание не принималась. Даже чиновники канцелярии начальника Терской области приняли такое решение: «Так как на основании 4 пункта инструкции бесплатно могли быть освобождаемы те холопы, которые оказались увечными и одержимыми неизлечимыми болезнями при самом совершении выкупных сделок, а просительница заболела после этого, то, следовательно, право бесплатного выкупа на нее распространено быть не может»³.

Только после долгой волокиты начальник Терской области своим письмом от 19 марта 1873 г. на имя начальника Хасавюртовского округа распорядился временно-обязанную Насипли Джумакулову «освободить впредь до окончательного ее выздоровления от уплаты выкупной за себя суммы, причитающейся бывшей ее владелице вдове Ажав Клычевой»⁴.

Имели место и такие случаи, когда бывшие рабовладельцы судились с вольноотпущенными рабынями, имея от последних даже общих детей. Так, владелец из с. Эндирей Шабаз-Гаджи Исмаилов отпустил свою рабыню Арба-кыз Дебирову, которая в течение 6 лет должна была внести бывшему хозяину выкупную сумму в размере 120 руб. серебром. Однако Арба-кыз в течение 5 лет не внесла даже

¹ Освобождение зависимых сословий во всех горских округах Терской области... С. 41.

² Там же.

³ ЦГА СО. Ф.12. Оп.6. Д.187. Л. 84.

⁴ Там же. Л.79

⁵ Освобождение бесправных рабов в Дагестане... С. 53.

¹ ЦГА СО. Ф.12. Оп.3. Д.56. Л.2.

² Там же. Л.5.

³ ЦГА СО. Ф.12. Оп.4. Д.46. Л.2.

⁴ Там же. Л.10. Отметим здесь же, что, по словам начальника округа, должником Клычевой оставался и отец Насипли, который должен был внести за свое освобождение 120 рублей; из ее трех братьев Арслан-Али был освобожден Клычевыми при рождении, а двое Тогъузбай и Эгизбай своевременно сумели откупиться.

часть этой суммы, и на горском словесном суде в Хасавюрте, куда она была вызвана по прошению Исмаилова, ответила: «Я не считаю себя обязанной платить выкупную сумму Исмаилову, так как прижила с ним сына, а что написано в акте, не знаю». Однако Арба-кыз соглашалась платить выкупную сумму 120 рублей в том случае, если Исмаилов примет на суде присягу, что сын, которого она представляет, не им прижит с нею, что он его считает совершенно не своим и даже не признает его за своего кровного»¹. Дело, однако, было решено в пользу бывшего владельца. Своим постановлением 23 марта 1872 года суд обязал: «Взыскать с Арба-кыз восемьдесят рублей единовременно в месячный срок и остальные сорок рублей к 13-му июня будущего 1873 года и передать их Шахбан-Гаджи Исмаилову»².

Как мы уже отмечали выше, вопросы освобождения рабов в Хасавюртовском округе решались и в мировом посредническом суде. После его упразднения все споры, возникшие между бывшими рабами и владельцами, должны были разбираться в окружном «народном суде»³.

Отметим здесь же, что все движимое имущество, находившееся в пользовании раба при его освобождении, делилось пополам между ним и владельцем. Освобожденные семьи рабов приписывались к разным сельским обществам, наделялись наравне с крестьянами земельными наделами и облагались подымной податью после восьмилетнего срока со дня освобождения. В Хасавюртовском округе, например, было освобождено 276 семейств рабов, которые получили 7728 десятин земли, из них 1927 десятин из общинной земли, остальное из казенной»⁴.

Одновременно с рабами в Дагестане и Хасавюртовском округе Терской области были освобождены и чагары. Точное число чагаров у кумыков ко времени освобождения нам неизвестно. Накануне реформы у Тарковского шамхала их насчитывалось 45 дворов⁵, населявших Чагар-аул, в Кумыкском округе – 1057 душ, в том числе в селении Аксай (по данным 1837 г.) – более 50 дворов⁶, они в ос-

новном принадлежали князьям Каплановым, Алибсковым и др., 6 чагаров – Мехутлинскому хану в Дженгутае¹.

По некоторым данным, накануне освобождения зависимых сословий Терской области их насчитывалось в Кумыкском обществе 1056 душ². Совершенно отсутствуют данные по Кайтагскому уцмийству, по ряду крупных селений (Башлы, Утамыш и др.), где были целые кварталы, населенные чагарами. По сведениям известного историка Х.Х. Рамазанова, число чагаров во всем Дагестане накануне реформы «составляло более 22 000 душ»³. Надо полагать, что эти данные автор приводит только по Дагестану, без учета сведений по Хасавюртовскому округу, входящему тогда в Терскую область.

Акт по освобождению лично зависимых сословий, в частности рабов и чагаров, имел большое значение для социально-экономического развития кумыкского народа.

Решение сословно-поземельного вопроса в других частях Кумыкии, т.е. в Тарковском шамхальстве, Мехтулинском ханстве и Присулакском наибстве, затянулось на еще более длительный срок. Как было указано выше, в 1864 году была создана «Временная комиссия для приведения в известность личных и поземельных прав высших сословий во владении Тарковском, ханстве Мехтулинском и Присулакском наибстве». К 1867 г. в результате четырехлетней работы комиссией был выявлен огромный материал по сословно-правовым отношениям в этих владениях. Были, в частности, собраны материалы по численности населения в данных владениях, о видах и размерах повинностей и податей с зависимого населения, о доходах по всем статьям. Производя подсчет, сколько тарковский шамхал и мехтулинский хан имеют дохода с личного зависимого населения, комиссия установила, в частности, что из 5440 дворов шамхальства в зависимых отношениях к князю Шамсудину Тарковскому находилось 2754 двора⁴. Годовой доход с недвижимых имений шамхалов тарковских (вместе с доходом с Улусского магала) составлял примерно 34 000 руб. Подати, вносимые 2754 дворами, находившимися в зависимых отношениях к нему, в переводе на

¹ ЦГА СО. Ф.12. Оп.4. Д.46. Л.1-4.

² Там же.

³ Там же Д.56. Л.8

⁴ ЦГА РД. Ф.147. Оп.1. Д.3. Л.2.

⁵ См.: Эсадзе С. Указ. соч. С. 248.

⁶ ЦГА РД. Ф.12. Оп.6. Д.64. Л.3; Там же. Оп.4. Д.89. Л.42

¹ Мехтулинские ханы. – ССКГ. Вып. II. Тифлис, 1869. С. 13.

² Освобождение зависимых сословий во всех горских округах Терской области... С.40

³ Рамазанов Х.Х. Крестьянская реформа в Дагестане. – Уч. зап. ИИЯЛ, Т. II. Махачкала, 1957. С. 74.

⁴ Шамхалы Тарковские. – ССКГ. Вып. I, 1868. С. 69.

деньги составляли ежегодно 7193 руб. серебром¹. Комиссией был внесен ряд предложений, «долженствующих определить на будущее время отношение к землевладельцам»² зависимого населения по этим владениям. Ставя вопрос перед этими владельцами о проведении крестьянской реформы, кавказская администрация обещала вознаградить их должным образом.

Нужно отметить, что крестьянская реформа только частично затронула Тарковское шамхальство и Мехтулинское ханство, основная часть населения которых по-прежнему оставалась в зависимых отношениях к владельцам, уплачивая в то же время налоги в царскую казну. Реформой здесь было охвачено только 4302 двора крестьян, находившихся ранее в зависимых отношениях от шамхала и мехтулинского хана с его чанками³.

Несколько позднее, в 1900 году прекратило свою зависимость от беков общество с. Ишкарты, выкупив все повинности по взаимному соглашению. В 1906 году прекратили зависимые отношения к тарковскому беку и жители с. Кафыр-Кумух⁴. Но даже к 1908 году в Темир-Хан-Шурином округе в 20 селениях быв. Тарковского шамхальства и Мехтулинского ханства насчитывалось 6530 дымов, зависимых от владельцев⁵.

Таким образом, реформа 60-х годов не разрешила земельного вопроса у кумыков, не ликвидировала противоречий между крестьянином и помещиком. Она явилась новым ограблением крестьян, новым их закабалением. Даже часть тех крестьян, которых она непосредственно коснулась, по разным причинам, в том числе по причине задержки фактического раздела земли⁶, продолжала находиться до определенного срока в обязанных отношениях к феодалам и получила название «временно-обязанных». Реформой совершенно не были затронуты южные кумыки (бывшего Кайтагского уцмийства).

Так как около 170 феодальных хозяйств в Хасавюртовском округе продолжало владеть значительной и лучшей частью земельно-

го фонда, с хорошо поставленной оросительной системой, крестьяне снова оказались во власти помещиков, арендуя у них земли на кабальных условиях. То же самое можно сказать и о других владениях. Крестьянина теперь угнетали и местные помещики, требуя высокую арендную плату на землю, и царские чиновники, постоянно усиливавшие пресс национально-колониального угнетения.

Сословно-поземельная комиссия в Северном Дагестане в 1868 году прекратила свою работу, так и не выполнив до конца своей задачи. 21 июля 1869 года была создана комиссия для разбора сословных и поземельных прав жителей южного Дагестана, а равно и для «определения повинностей, кои поселяне должны отбывать бекам и другим землевладельцам»¹. Комиссия должна была охватить округа: Кайтаго-Табасаранский, куда входили и южные кумыки, Самурский и Кюринский. Ею был составлен «Проект поземельного устройства жителей южного Дагестана». Эта комиссия в 1883 году также прекратила свою деятельность.

Взамен упраздненных сословно-поземельных комиссий была учреждена новая «Сословно-поземельная комиссия при канцелярии наместника на Кавказе по военно-народному управлению». В приказе от 28 июля 1898 года об учреждении, правах, обязанностях этой комиссии главноначальствующий гражданской частью на Кавказе и командующий войсками Кавказского военного округа ген.-адъютант князь Голицын писал: «Комиссия включается в состав канцелярии моей по военно-народному управлению, с возложением на нее обязанностей как окончания сословно-поземельных дел в местностях, состоящих в ведении военно-народного управления, так и предварительного рассмотрения и обсуждения всех поземельных вопросов, возникающих в этих местностях, по представлениям начальников областей и Закатальского округа, а также по просьбам и жалобам местного населения, с предоставлением ей права требовать по производящимся к ней делам сведения и заключения от местных начальств»².

6, 13 и 17 марта 1899 года на заседаниях совета при главноначальствующем гражданской частью на Кавказе обсуждался проект «Положения о поземельном устройстве поселян Дагестанской области, водворенных на землях лиц высшего мусульманского сословия, а также находящихся в зависимости от беков и обществ». Про-

¹ ЦГИА Грузии Ф.545. Д.2617. Л.2–3.

² ЦГИА Ленинграда (далее ЦГИАЛ) Ф.1268. Оп.15. Д.66. Л.26.

³ Освобождение бесправных рабов в Дагестане. С. 52.

⁴ ЦГИА Грузии. Ф. 231. Оп.1. Д.370. Л.2.

⁵ Там же.

⁶ Раздел земли между присулакским владельцем Казаналиповым и общинами сел Чонт-аул, Султан-Янги-юрт не был завершен даже к 1901 г. — ЦГИА Грузии. Ф.231. Оп.1. Д.298. Л.1–3.

¹ Линден В. Указ. соч. С. 111.

² ЦГИА Грузии. Ф.231. Оп.1. Д.219. Л.1.

ект вызвал много споров и возражений со стороны членов совета. Члены совета высказывались против пункта проекта «Положения», который предоставлял поселянам право собственности на приусадебную землю, сады и мюльки, а также право выкупа полевых угодий. Исходя из опыта внутренних губерний России, члены совета считали, что «пользование крестьян землей на праве собственности представляет весьма опасное условие», что крестьяне, пользуясь этим правом, могут отчуждать свои участки, «образовав, таким образом, из себя безземельный пролетариат». Члены совета предлагали провести реформу по образцу Сибири и Туркестана, где по новому законодательству правительством предоставлено «крестьянам не право собственности на условиях выкупа, а лишь право потомственного пользования»¹. Много возражений и толков вызвали и другие статьи «Положения». Проект не был принят. Его решили переделать в соответствии с замечаниями членов совета. В дальнейших проектах уже указывалось, в частности, что мюльки, сады и т.д. «оставляются за теми же дымами на праве потомственного пользования»².

Для переработки проекта «Положения» в 1901 году в Дагестанскую область была командирована особая временная комиссия, которая должна была проверить по планам хозяйственной съемки земель Дагестанской области границы фактического землевладения беков и зависимых крестьян и собрать в Дербентском архиве сведения по вопросу о применении в Дагестанской области рескрипта 6 декабря 1846 года»³.

После долгого обсуждения и внесения в проект многочисленных изменений и дополнений 7 июля 1913 года Государственный совет и Государственная дума утвердили закон «О прекращении зависимых отношений поселян Дагестанской области и Закатальского округа к бекам и кешкелевладельцам и об учреждении в сих местностях установлений по крестьянским делам»⁴. Несомненно, что этот акт правительства был ускорен упорной борьбой крестьян Дагестана в период первой русской революции 1905-1907 годов, в

том числе и выступлениями крестьян селений Атлы-Боюн, Тарки, Альбурикент, Кяхулай, Агач-аул, Кумтор-кала, Шамхал-Янги-юрт, Эрпели, Нижнее и Верхнее Казанище, Башлы и др. По указанному выше закону в возмещение утрачиваемых прав беков на повинности и для единовременного вознаграждения беков и кешкелевладельцев в 1913 году отпускалось из государственного казначейства 587273 руб.¹ Из этой суммы беки Темир-Хан-Шуринского округа получили 61148 и Кайтаго-Табасаранского округа – 186121 руб.² Освобождаемое население обязано было уплатить в Государственное казначейство 302309 руб.³ Сумма эта должна была погашаться освобожденным от повинностей населением «путем ежегодных равных взносов в государственное казначейство» в течение двадцати лет, начиная с 1 января 1913 года⁴. Для осуществления этого закона был создан целый аппарат штатных работников. Учреждались, в частности, должности 23 мировых посредников, 23 переводчиков при мировых посредниках, 3 членов Дагестанского областного присутствия по поселянским делам и т.д. На содержание этих работников ежегодно расходовалось 24467 руб.

Так выглядела крестьянская реформа в Дагестане вообще, а у кумыков в частности. Приведенный материал показывает, что крестьянские реформы коснулись кумыков раньше других народностей. Здесь они проводились, в основном, в 1865-1867 годах, хотя и охватили только часть зависимого населения. Несмотря на свой половинчатый характер, крестьянская реформа в Кумыкии имела большое значение. Она способствовала экономическому и культурному росту населения, дала толчок развитию капиталистических отношений в деревне, хотя этот процесс в отдельных районах происходил очень медленно и неполно.

На экономику Дагестана огромное влияние оказало утверждение капиталистических отношений в России. Пореформенная Россия все более и более втягивала Дагестан в общее русло капиталистического развития.

¹ ЦГА РД. Ф.40. Оп.2. Д.30. ЛЛ.33–33.

² Там же.

³ Земельные отношения в дореволюционном Дагестане. – «Красный архив», 1936. № 6. С. 125.

⁴ Полное собрание законов Российской Империи. Т.XXXIII, СПб., 1913. С. 733; См. также: Феодальные отношения в Дагестане XIX – начало XX в., М., 1969. С. 301–344.

¹ Полное собрание законов... С. 744.

² Феодальные отношения в Дагестане... С. 342.

³ Земельные отношения в дореволюционном Дагестане... С. 105, 148.

⁴ Полное собрание законов... С. 735.

2. РАЗВИТИЕ ЭКОНОМИКИ В ПОРЕФОРМЕННЫЙ ПЕРИОД

§ 1. Изменения в хозяйственной деятельности населения

Основной отраслью сельского хозяйства кумыков по-прежнему оставалось полеводство, которое в пореформенный период получило значительное развитие. Большое значение имело дальнейшее развитие культуры земледелия, в частности, применение в полеводческом хозяйстве кумыков более совершенных орудий и улучшение системы искусственного орошения. Быстрыми темпами шло промышленное развитие, особенно в Хасавюртовском округе.

«Почва обрабатывается в горах исключительно сохой; на плоскости же это первобытное орудие стало заменяться железным плугом. Заметна также потребность в других усовершенствованных орудиях, из коих особенно распространены молотилки как конные, так и паровые», – читаем мы в «Военно-статистическом описании Терской области»¹. Широкой известностью пользовалась, например, продукция промышленника Петрова, проживавшего во Владикавказе (по-кумыкски – «Буравкала» – Железная крепость). Он имел чугунолитейный завод, поставляющий различные усовершенствованные сельскохозяйственные орудия. Кроме реализации продукции своего предприятия, заводчик выписывал из других мест сеялки, усовершенствованные плуги, в том числе «венгерские плуги» и т.д. На заводе Петрова, в частности, производились кукурузные сеялки по образцу выписанной им сеялки, стоившие от 9 до 10 рублей. Усовершенствованные плуги завода Петрова, в которые впрягалась пара лошадей, имели ту же силу, что трех- четырехпарные плуги местного изготовления; стоимость усовершенствованных плугов равнялась «32 руб., а местных самодельных – 21-25 руб.»².

Распространение усовершенствованных сельскохозяйственных орудий особенно усиливается со времени строительства Петровской ветки Владикавказской железной дороги – «от ёл» (буквально – огненная дорога). «... С проведением Петровской ветки Владикавказской железной дороги в селениях, земли которых прилегают к ней, Шамхал-Янги-юрт, Чонт-аул, Кафыр-Кумух, Муселим-аул,

¹ Казбек Г.Н. Военно-статистическое описание Терской области. Ч. I. Тифлис, 1888. С. 146.

² Сильвестрович. Кукурузная сеялка. – Терские ведомости. 1883, № 48.

Казанище и других постепенно вводятся в употребление усовершенствованные железные плуги. Они встречаются даже у кочевников «тарки-ногайцев», – читаем мы в «Обзоре Дагестанской области за 1899 год»¹.

Развитие земледелия находилось в прямой зависимости от усовершенствования оросительной системы и создания новых ее сетей. В этом отношении здесь, на территории Кумыкской плоскости (Хасавюртовский округ), в пореформенный период произошли значительные изменения. Так как этот вопрос представляет большой интерес, мы дадим краткую характеристику развития оросительной системы на Кумыкской плоскости, т.е. у кумыков Терско-Сулакской низменности.

Как отмечалось ранее, на Кумыкской равнине все посевы должны были быть орошаемы, иначе они не могли дать урожай: неполивные поля были заняты покосами, пастбищами и т.д. Воды рек Аксай, Яман-су и Ярык-су разбирались на поля без остатка: только р. Акташ в период сильных дождей в горах доносила свои воды до Аграханского залива.

Самыми значительными водными системами округа являлись системы рек Терека и Сулака, но их воды использовались далеко не достаточно (первая проходила по границе Хасавюртовского округа на расстоянии примерно 120-130 верст, а вторая – 100 верст). Во время половодий эти реки выходили из берегов и приносили населению большой ущерб, затапливая поля, образуя болота – очаги комаров, саранчи и т.д. По традиционному сложившимся обычаям дагестанцев вода в реках никому лично не принадлежала и считалась общим достоянием. Однако вода, выведенная из рек в отдельные водоотводные каналы, чаще становилась собственностью строителя канала. При недостатке воды в небольших реках не полагалось строить новые каналы. Использовать же многоводные рр. Терек и Сулак мешали многочисленные причины, среди которых главными были – частная собственность на землю и общая техническая отсталость. Значительный толчок улучшению ирригационной системы дали аграрная реформа 1865-1867 гг. и последующее развитие земледелия у кумыков. В 1874-1875 гг. в Засулакской Кумыкии сельскими обществами проводится огромная работа по созданию оросительных систем. В этот период были проведены самые значительные водные каналы во всей области: из Сулака –

¹ Обзор Дагестанской области за 1899 г. Темир-Хан-Шура, 1900. С. 50.

Юзбаш, Шабур с его разветвлениями, из Терека – Юзбаш, канал Вояковского¹.

Канал Юзбаш-Сулак-татавул, как его называли кумыки, был построен в 1873-1874 годах. Название его (Юзбаш-татавул) было связано с именем начальника округа С.Д. Юзбашева, выступившего инициатором строительства этого канала. Он брал свое начало в двух верстах ниже с. Бавтугай, расположенного на левом берегу р. Сулак, и доходил до самого центра Кумыкской плоскости². На строительные работы выходили все общества, поля которых должен был орошать этот канал. Землевладельцы не выполняли земляных работ, а делали «денежные приношения» для покрытия расходов на строительство искусственных сооружений³. Значение этого канала было столь ощутимо, что в его районе быстро возросли площади посевов. «Жители Байрам аула, – читаем мы в «Очерке состояния орошения в Терской области», – в первый же год устройства канала обработали около 800 десятин вместо 350, как это было прежде, и полагают заняться хлебопашеством на 4500 десятинах..., оставшихся до сих пор по недостатку воды исключительно лишь под пастбищными покосами»⁴.

Другим крупным каналом был Шабуровский канал. Он являлся одной из старых водных систем, но подвергавшейся значительной реконструкции в 70-е годы. Шабуровский канал брал свое начало из Сулака и проходил по юго-восточной части Кумыкской равнины. Эта система со всеми разветвлениями давала 175 $\frac{1}{4}$ баша воды, т.е. орошала свыше 21000 десятин земли⁵. Вся тяжесть реконструкции и других ремонтных работ лежала здесь на плечах трудового

крестьянства. «Землевладельцы, – читаем мы в том же «Очерке» С.А. Вейсенгофа, – должны были участвовать в ремонте денежными взносами пропорционально получаемой воде. Но до сих пор ... взносы эти производились крайне неаккуратно, и вся тяжесть содержания канала падает всецело на сельские общества, отбывающие работы натурой»¹.

Третьей искусственной водной системой был канал Юзбаш-Терек-татавул, построенный в 1873-1874 гг. Он брал начало из р. Терек, имел длину 32-40 верст и впадал в Аграханский залив². Юзбаш-Терек-татавул орошал примерно 3800 десятин земли³.

Последним значительным каналом Кумыкской плоскости был канал Вояковского, выведенный из Терека у с. Джабаюрт. Канал Вояковского имел длину около 35 верст и разделялся на Тотатавул, который имел 40 верст длины, и Муса-татавул – 20 верст в длину. В общей сложности эта водная система могла орошать свыше 8000 десятин⁴.

Кроме названных искусственных водных систем, на Кумыкской плоскости сооружались и мелкие каналы.

Система орошения (как традиционная, так и новая) постепенно улучшалась не только на Кумыкской плоскости, но и в Темир-Хан-Шурином округе, в бывших владениях тарковского шамхала, мехтулинского хана и в Присулакском наибстве. По данным 1898 года, в Темир-Хан-Шурином округе имелось уже 66 больших и малых оросительных каналов общей протяженностью до 285 верст. Ими орошались до 3500 десятин земли⁵. В этом отношении самое выгодное положение занимало Присулакское наибство, в частности, владения князей Казаналиповых, которым близость к многоводной р. Сулак позволяла в избытке орошать свои поля.

Вместе с развитием новой водной системы возникали новые населенные пункты, развивалось виноградарство и садоводство.

Эти естественные и искусственные водные системы все же далеко не могли удовлетворить потребности трудового народа, вода была в достатке только у помещиков и нарождающейся сельской буржуазии, которые всегда находили «основание» в лучшие сроки

¹ См. подробно: Вейсенгоф С.А. Очерк орошения в Терской области. – Записки Кавказского отдела Русского технического общества. Т. VIII. 1876. Автор этой ценной работы Вейс фон-Вейсенгоф, он же Станислав Альфонс Вейс фон-Вейсенгоф, полковник, военный инженер, член совета Кавказского отдела императорского русского технического общества, член русского географического общества, член Тифлисской городской Думы, член Кавказского общества истории и археологии, инспектор работ строительного-дорожного комитета при главном управлении наместника Кавказского. Еще в 1893 г. он являлся инспектором водных учреждений на Кавказе, был награжден «за отлично-усердную работу» орденом Св. Владимира 4-й степени (См. о нем: ЦГА СО. Ф.12. Д.1078. Л.117; Кавказский календарь на 1893 г. С. 51, 315 и др.).

² Кавказский календарь на 1893 г. С. 45.

³ Вейсенгоф С.А. Указ.соч. С. 48.

⁴ Там же.

⁵ Экономическое состояние Хасавюртовского округа в довоенное и настоящее время. – Рук.фонд ИИАЭ. Д.973. Л.8.

¹ Вейсенгоф С.А. Указ.соч. С. 57.

² Там же. С. 56.

³ Экономическое состояние Хасавюртовского округа в довоенное и настоящее время. Л.8.

⁴ Там же.

⁵ Обзор Дагестанской области за 1898 год. Темир-Хан-Шура, 1899. С. 46.

и в нужном им количестве пользоваться общественной водой. Рядовые же крестьяне продолжали ощущать острый недостаток в воде и после строительства новых каналов. В своем прошении жители селений Кумторкала и Кяхулай Темир-Хан-Шуринского округа в 1897 году писали, что их беки в строительстве Сулакского канала не принимали никакого участия, а воду для орошения своих земель берут, сколько им угодно. В Кяхулае Исмаил-бек имел право пользоваться оросительным каналом в течение целого месяца и оставлял жителей без воды в самое засушливое время года¹, хотя здесь на дым в среднем приходилось только два капа земли.

Сама система орошения заставила кумыков совершенствовать систему распределения воды. В 1848 году известный историк и этнограф Д.-М.М. Шихалиев отмечал, что «у кумыков так уточнен расчет в определении меры воды, в какой бы то ни было речке или канале, что они могут утвердительно сказать, сколько таковою водою и во сколько времени можно напоить данное число пашен, полагая каждую из них в 15 мешков посева. Обстоятельство это доказывает, что земля кумыков, без поливки, плохо дает хлеб»².

В области ирригации широко использовалась и система временных канав, позволяющая при орошении участка сохранять неделимость его площади.

Для каждого канала или канавы выбирался особый смотритель и измеритель – «кьюрух-баш» (кьюрух – инструмент или даже шест для измерения длины, баш – голова). Он следил за состоянием, привлекал от каждого дыма к ремонтным работам по одному человеку в течение пяти-шести дней в году. Не вышедшие на работу по очистке и ремонту каналов лишались надела земли и пая воды³. В начале большинства каналов устраивались деревянные шлюзы, из которых вода распределялась по башам. Водным башем кумыки называли обычно такое количество воды, которым четыре человека поливают один сабан или плуг в течение четырех-пяти дней (12–15 десятин земли).

При нормальном «баше» постоянный приток воды составлял примерно 100 л/сек⁴.

«Баш» воды нередко внутри плуга делили на четыре части. Каждая из них называлась «карамух». Четвертая часть «баша» (карамух) давала постоянный приток воды от 25 до 30 л/сек. Таким образом, один человек мог полить лишь одну десятину в день.

При недостатке воды в каналах ее распределяли по дням и часам. Делили воду, как отмечалось, по жребию. Кумыкские феодалы имели и свои каналы, к которым не имели доступа рядовые общинники. Без жребия получали воду и представители сельского управления, кьюрух-баши и др.

Мы уже упоминали о том, что очень много воды поглощали чалтычные (рисовые) поля у северных кумыков, и под эти поля отводились громадные пространства земли¹.

Земля Кумыкской плоскости и Присулакского наибства нередко подвергалась разрушительным действиям рек Сулака и Терека, которые порою затапливали поля, образуя камышовые болота. «...В 1847 году, – как отмечал тот же С.А. Вейсенгоф, – у деревни Янгюрт образовался прорыв (имеется в виду р. Сулак – С.Г.) настолько значительный, что несмотря на причиняемые убытки и затопления, нельзя было его запрудить раньше наступления малых вод. В 1849 году заграждающие плотины были прорваны вновь и не только повторялись затопления, но сообщение на плоскости прекратилось»². Отдельные старожилы Хамаматюрта Хасавюртовского округа еще в наше время помнили рассказы дедов о том, как страдало их селение от разливов р. Терек.

После очередного наводнения жители покинули селение и обосновались на новом месте³. В целях предупреждения такого рода прорывов население Кумыкской плоскости постоянно возобновляло работу по укреплению береговых плотин.

Порою и администрация области принимала участие в этом деле.

В 1894 году начальник Терской области Каханов докладывал в штаб военного округа: «Наводнением Сулака истребляются сады. Прошу... согласно ходатайству начальника Хасавюртовского округа, распоряжения об отпуске из казенного леса 3000 возов хворосту,

¹ ЦГА РД. Ф.2. Оп.1. Д.59. Л.9.

² Шихалиев Д.-М.М. Рассказ кумыка о кумыках. – Кавказ. №42.

³ Вейсенгоф С.А. Указ. соч. С. 42.

⁴ Там же.

¹ Вейсенгоф С.А. Указ. соч. С. 57.

² Там же. С. 24.

³ Эти данные сообщил нам житель с. Хамаматюрт Махмуд Бекболатов. 99 лет, запись 1953 года.

3000 кольев для укрепления берега Сулака»¹. Разумеется, в таких случаях помощь оказывалась немедленно.

Говоря о землепользовании у кумыков в пореформенный период, следует отметить, что земли, закрепленные за обществами и обработанные ими, как прежде, в одних местах находились в общественном пользовании с ежегодными переделами, а в других местах – в подворном пользовании с правом передачи по наследству. Общинное землепользование сохранялось главным образом в Хасавюртовском округе и частично в Темир-Хан-Шуринском и Кайтаго-Табасаранском.

В пореформенный период под влиянием соседей, русского населения, значительно улучшилась сельскохозяйственная техника кумыков. Появляются железные плуги, усовершенствованные молотилки, сеялки и т.д. Однако основная часть кумыкского крестьянства до 30-х гг. XX в. не имела возможности приобретать заводские сельскохозяйственные орудия. Только помещики и богатая прослойка крестьян были в состоянии применять железные плуги, молотилки, сеялки и другие заводские орудия. Большинству же крестьян по-прежнему были доступны только самодельные тяжелые деревянные плуги, требовавшие до четырех пар волов. В предгорной зоне повсеместно употреблялись и сохи, деревянные бороны; молотильные доски, серпы и т.д. Поэтому неудивительно, что средний урожай у трудового народа часто не превышал сам 4–5, в то время как в хозяйствах, применявших усовершенствованную технику, на орошаемых землях урожай озимых доходил сам 9–10², а кукурузы – до сам 14 и даже сам 30–40³.

Недостаток удобных орошаемых площадей заставлял трудовое население прибегать к аренде удобной помещичьей земли. При этом крестьянин-арендатор должен был платить землевладельцу примерно четвертую часть урожая. Если вместе с участком владелец земли давал и семенное зерно, то получал половину урожая⁴. Во второй половине XIX в. с развитием капиталистических отношений значительно увеличивается число случаев покупки и продажи земли. С расслоением деревни выкристаллизовывается богатая

прослойка крестьян, которая постепенно сосредотачивает в своих руках не только большое движимое имущество, но и земли.

По данным Н.П. Тульчинского, к концу XIX века 58,6% всей земли феодальной знати Кумыкской плоскости было распродано в разные руки¹ (казне, переселенцам, местным богачам). В Темир-Хан-Шуринском округе имения многих владельцев были заложены в казну за долги.

Общинную землю делили прежним способом с применением жеребьевки. В Темир-Хан-Шуринском округе, где и в пореформенный период, вплоть до 1913 года, сохранялись зависимые отношения крестьян, крупные землевладельцы получали лучшие участки без жребия, в размере 7–8 наделов рядовых общинников². «При разделе земли на местности Гирей-туз, – читаем в материалах о с. Карабудахкент, – сначала выбирают для себя участки, без жребия, местные беки, каждый по 8 кап посева и воду в надлежащем количестве, затем таким же порядком выбирают для себя чанки по 4 капа посева, а оставшееся затем пространство распределяется по жребию между узденями по расчету на каждого по 2 капа»³.

Без жребия получали участки старшины, кьурух-баши и другие представители сельской администрации. Кьурух-баш, например, в Хасавюртовском округе имел право сперва на 4 пая, а потом на 8 паев⁴. Часто кьурух-баш получал от общества плату деньгами-5 руб. с баша⁴. Лучшие земли переделу по жребию по существу не подлежали.

В полеводческом хозяйстве кумыков по-прежнему ведущее место занимали зерновые культуры (пшеница, ячмень, кукуруза, рис, просо), причем главную роль среди зерновых играла пшеница. Ее роль еще более возросла с развитием торговли. С.А. Вейсенгоф писал, что жители Кумыкской плоскости «2/3 всех сабанов засевают пшеницей»⁵. «На плоскости культура пшеницы... сделала большой успех в массе туземного населения... Кумыкской и

¹ Тульчинский Н.П. Поземельная собственность и общественное землепользование на Кумыкской плоскости. – Терский сборник. Вып.6. Владикавказ. 1909. С. 88.

² ЦГА РД. Ф.2. Оп.5. Д.28. ЛЛ.33-34; ЦГИА Грузии. Ф.231. Оп.1. Д.370. Л.34.

³ ЦГИА Грузии. Ф.416. Оп.4. Д.35. Л.1.

⁴ Это записано 25 августа 1953 года у ныне покойного жителя с. Аксай Хасавюртовского района Исмаила Омарова (1863 г.р.).

⁵ Вейсенгоф С.А. Указ. соч. С. 18.

⁶ Там же. С. 49.

¹ ЦГА СО. Ф.52. Оп.1. Д.89. Л.10.

² Вейсенгоф С.А. Указ.соч. С. 44.

³ Терский календарь и сборник на 1891 год. Владикавказ. 1889. Вып.1. С. 226; статьи «Терских ведомостей» за вторую половину 1881 г. С. 407.

⁴ Вейсенгоф С.А. Указ.соч. С. 57.

Владикавказской плоскостей...», – писал Г.Н. Казбек в «Военно-статистическом описании Терской области» в 1888 году¹. В Хасавюртовском округе, например, в 1884 году было собрано урожая в четвертях: пшеницы – 123033, ячменя – 18670, кукурузы – 21530, проса – 3681, риса – 7669, картофеля – 562².

Во второй половине XIX века, с развитием оросительной системы, значительные сдвиги наметились в виноградарстве и виноделии. В 1889 году в одном только Хасавюртовском районе числилось 1859 владельцев садов и виноградников, включая хозяев и маленьких участков³.

Автор (под псевдонимом «Н») статьи «Несколько дней на Кумыкской плоскости» (1878 г.) отмечал большие для того времени успехи виноградарей Хасавюртовского округа. «Виноградарство, – писал он, – достигло на Кумыкской плоскости весьма значительных размеров и имеет двоякую цель: получение доходов прямо продаже винограда целым садом огульно или с ведра получаемого суслы – купцам..., которые приезжают ко времени уборки и из срезанного винограда дают суслу..., и другая – получение напитка для себя, для собственного расхода или частью на продажу своим сельчанам-кумыкам»⁴. Тот же автор указывает на большое распространение среди кумыков местного вина – джаба и муселлес, на сходство муселлеса с венгерским вином. О развитии виноградарства и виноделия говорят возраставшие из года в год показатели. Если в 1874 году в Хасавюртовском округе было выделено 46 000 ведер вина⁵, то в 1899 году количество его достигает 51395 ведер, а сбор винограда определяется в 83254 пуда⁶.

Значительное развитие виноградарство получило также в Темир-Хан-Шуринском округе. В 1892 году здесь было собрано 32120 пудов винограда и 21715 пудов фруктов. Из них было продано 23580 пудов винограда за 17250 руб. и 18035 пудов фруктов за

11501 руб.¹ В 1898 году по тому же округу было изготовлено 68800 ведер вина².

В развитие виноградарства и виноделия особенно большой вклад внесли жители с. Кумторкала Темир-Хан-Шуринского округа, славившиеся как лучшие виноградари и виноделы. Однако развитию виноградарства, а затем и виноделия препятствовало отсутствие у населения необходимых агрономических и технических знаний, хотя и были богатые практические навыки.

Очень медленно шло улучшение сортов винограда. Опыт образцово для того времени поставленного виноградарства и виноделия в соседнем для южных кумыков имении Воронцова-Дашкова в местности Геджух Кайтаго-Табасаранского округа не был доступен трудовому крестьянству. Только в г. Дербенте существовала единственная школа виноделия.

Техника приготовления вин, как правило, была примитивная. Не имея необходимого оборудования для того, чтобы выдержать вино, виноделы старались как можно раньше, в ущерб своим экономическим интересам, реализовать его по дешевой цене.

В начале XX века виноделие стало развиваться в г. Порт-Петровске, где крупная московская фирма занималась переработкой местных вин³.

В пореформенный период получает дальнейшее развитие садоводство и огородничество. Одним из главных стимулов, способствовавших развитию этих отраслей земледелия, являлась постройка Владикавказской железной дороги, а также улучшение колесных дорог в Дагестане. Из огородно-бахчевых культур по-прежнему первое место занимали лук, чеснок, фасоль, дыни, арбузы, тыква, хотя значительно увеличиваются и посевы помидоров, капусты и т.д.

С 70-х годов XIX века у кумыков начинается заметное падение мареноводства, имевшее раньше в Дагестане большое распространение. Если до 1874 года Хасавюртовский, Кизлярский и Грозненский округа давали российскому рынку до 80 тыс. и более пудов марены в год⁴, то в 1874 году, в результате отсутствия спроса, здесь было реализовано только 57580 пудов марены, в том числе 57 тыс.

¹ Казбек Г.Н. Указ. соч. С. 150.

² Там же. С. 146–152.

³ Всеподданнейший отчет начальника Терской области о состоянии области за 1889 год. Владикавказ. 1891. С. 86.

⁴ Терские ведомости. 1878. №44.

⁵ Вейсенгоф С.А. Указ. соч. С. 44.

⁶ Всеподданнейший отчет начальника Терской области о состоянии области за 1889 год. С. 86.

¹ Обзор Дагестанской области за 1892 год. Темир-Хан-Шура. 1893. С. 39.

² Обзор Дагестанской области за 1898 год. Темир-Хан-Шура. 1899. С. 68.

³ Обзор Дагестанской области за 1904 год. Темир-Хан-Шура. 1905. С. 37–38.

⁴ Статьи и заметки «Терских ведомостей» за 1875. С. 2.

по Хасавюртовскому округу¹. Причина падения кавказского мареноводства вообще, и кумыкского в частности, заключалась во ввозе из-за границы более дешевого красителя – синтетического ализарина.

Газета «Терские ведомости» в 1876 году очень ярко и полно характеризует тяжелое положение кумыкских мареноводоов. Она указывает, что кумыкские мареноводоы «по случаю кризиса ... понесли громадные убытки, так как на разведение маренных плантаций убили последние свои капиталы, и большинство небогатых людей брали даже в долг деньги для этой цели...за громадные проценты... например, 20-25% на 100»². В 1873 году цена пуда марены сразу упала с 11 руб. до 5 руб.³

Дело дошло до того, что московские и другие купцы, которые щедро субсидировали долг мареноводоов, после появления на рынках искусственного красителя, особенно его изобретения в подмосковном селе Лобановка, и падения цен на марену решительно отказывались взять на погашение долгов марену и требовали назад деньги, предъявляя векселя к взысканию⁴.

Таким образом, наибольший расцвет мареноводства в Дагестане приходился на 50-60-е годы. К началу 80-х годов мареноводство, как особая торгово-промышленная отрасль земледелия в Дагестане, прекращает свое существование. Занятые ранее под марену земли перепахиваются под другие культуры, в основном зерновые. Падение мареноводства способствовало разорению многих мелких плантаторов⁵.

Тяжелое положение кавказских мареноводоов вынудило кавказскую администрацию еще в 1868 году обратиться к министру финансов с ходатайством отпустить 50 тыс. руб. для улучшения дела мареноводства⁶. Это, однако, не привело к желаемым результатам.

Некоторые сдвиги сделало животноводство, составлявшее вторую по значению после земледелия отрасль хозяйства кумыков⁷.

Для характеристики состояния животноводства обратимся к данным по Хасавюртовскому округу за 1884, 1885, 1889 гг., приведенным Г.Н. Казбеком:

Виды скота	Количество голов		
	1884	1885	1889 гг.
1	2	3	4
Крупный рогатый скот	47745	49716	76360
Овцы и козы	162170	233232	158367
Лошади	6824	6139	8038

Как видно из таблицы, постепенно увеличивается поголовье крупного рогатого скота и лошадей. На наш взгляд, это объясняется полеводческим характером хозяйства населения, необходимостью увеличивать поголовье крупного рогатого скота (буйволов, быков), а также лошадей – основной тягловой силы, без которой немыслимо было земледелие.

В табунах лошадей преобладали кабардинские и ногайские породы¹. Отдельные помещики имели большие табуны. Так, например, в Хасавюртовском округе князь Батыр-Гирей Мехтиев, семья которого состояла лишь из трех человек, имел 350 лошадей, князь Будахан Капланов – 232 лошади, князя Алибековы – 227 лошадей, Алиш Хамзаев – 200 лошадей². Периодически, во время больших праздников, свадеб и т.д. устраивались скачки. В 1884 году великий князь Николай Николаевич специально учредил императорские призы для организованных во Владикавказе, Пятигорске, Нальчике и Хасавюрте конных скачек³.

Значительно большее развитие, чем любая другая отрасль хозяйства, получает в этот период рыбная промышленность.

Как известно, после реформы 1865–1867 гг. на Кумыкской плоскости в результате раздела земли между владельцами и сельскими обществами рыболовные воды перешли в ведение казны Астраханского управления Каспийских рыболовных и тюленьих промыслов, а на частновладельческих землях остались за их прежними

¹ Там же.

² Из сел. Аксай о мареноводах и кризисе. – Терские ведомости. 1876. № 34.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ История Дагестана. Т. II. М. 1968. С. 171–172.

⁶ ЦГИА. Грузии. Ф. 5. Д. 7820. Л. 7–8.

⁷ Казбек Г.Н. Указ. соч. С. 170–175; Всеподданнейший отчет начальника Терской области за 1889 год. С. 109.

¹ Казбек Г.Н. Указ. соч. С. 167–168.

² ЦГА РД. Ф. 258. Оп. 1. Д. 1; Там же. Ф. 250. Оп. 1. Д. 1; Там же. Ф. 348. Оп. 1. Д. 1.

³ Казбек Г.Н. Указ. соч. С. 169.

хозяевами. Казной было образовано четыре промысла в пределах Хасавюртовского округа (на Сулаке и у Аграханского залива)¹. В открытом море лов считался свободным, но с каждой рыбацкой лодки взималась определенная плата. В пределах Дагестанской области значительная часть рыболовных вод перешла в ведение казны – Управления государственными имуществами Бакинской губернии и Дагестанской области². Право частной собственности на рыболовные воды в пределах Дагестана сохранялось главным образом у землевладельцев из фамилий Тарковских и Казаналиповых (в Темир-Хан-Шуринском округе). Почти все рыбные промыслы, в том числе и частновладельческие, находились на откупе у предпринимателей³.

Роль рыболовства и рыбных промыслов особенно возросла со времени присоединения Петровска, Дербента и вообще прибрежного Дагестана к общей сети железных дорог России. С развитием железнодорожной сети постепенно увеличиваются лов и отгрузка рыбы в промышленные города России, растет приток рыбопромышленников и повышается арендная плата за эксплуатацию промыслов⁴. В 1898 году на промыслах одного только Темир-Хан-Шуринского округа было добыто рыбы на 128391 руб.⁵

На промыслах округа работало около 500 человек. Одним из крупных рыбопромышленников конца XIX и начала XX века был арендатор тарковских рыбных промыслов астраханский купец К.П. Воробьев, который имел около станции «Петровск I» свою фабрику и холодильник. Воробьев отправлял в разные города мороженую рыбу, а также консервы, судя по отзывам, «не уступающие Одесским фабрикам» по своему качеству⁶.

Рыбные богатства края эксплуатировались хищнически. Рыба вылавливалась без разбора, мелкая рыба просто выбрасывалась на берег. Повсеместно на реках устраивались всевозможные заграждения, лишавшие население рыбы.

Нельзя не указать на обнищание жителей, ранее занимавшихся рыболовством, в связи с переходом рыбного дела в руки крупных

предпринимателей, вроде Воробьева. Последний безжалостно эксплуатировал местных рыбаков, всеми средствами принуждал их продавать за бесценок добытую ими рыбу. То же самое делали купец Кривошеев и другие рыбопромышленники, в том числе азербайджанский миллионер Тагиев, в руки которого с 1913 года переходят почти все рыболовные воды Кумыкской равнины.

Особенно сильно пострадало ногайское население Кумыкской плоскости, для которого рыболовство было одним из главных источников существования. Живя вблизи рыболовных вод, ногайцы издавна слыли неутомимыми рыбаками. С переходом рыболовных районов в руки арендаторов рыбаки-ногайцы стали самой дешевой рабочей силой для эксплуататоров. Даже официальная газета «Терские ведомости» не могла умолчать о грабеже этого народа рыбопромышленниками. «Всегда готовая к делу целая рать безответных тружеников, – писала эта газета о ногайцах, – за свое жалкое существование, периодически как бы по наследству переходит из властных и бессердечных рук одного арендатора в руки другого, рабски повинуюсь всякому его произволу,... арендатор,... пользуясь своим господствующим положением над беспомощным положением ногайцев-рыбаков, связывает их договором, в силу которого половина всего улова рыбы, без различия пород, безусловно идет в его пользу за одно лишь пользование его сетями для улова этой рыбы, другая же половина поступает к нему же по цене, которую, впрочем, он сообразовывает назначить, уплачивая за таковую не наличными деньгами, а продуктами и товарами и по таким ценам и с такими приписками к забору по записям, что расчет обыкновенно сводит к тому, что у бедных ногайцев остается одно лишь грустное воспоминание о понесенных ими трудах и лишнее сознание о безвыходной их кабале. Случается, правда, и так, что смирение и долготерпение даже и у ногайцев исчезает и тогда спор заканчивается недоумением»¹.

Правительство, отдав рыболовные воды на откуп, довольствуясь арендной платой, не интересовалось постановкой работы на этих промыслах и давало полное право промышленникам безжалостно истреблять рыбу.

Развитие рыбной промышленности способствовало увеличению спроса на соль и добычи ее в соляных озерах Темир-Хан-Шуринского округа (Туралинские озера), принадлежащих тарков-

¹ К а з б е к Г.Н. Указ. соч. С. 178.

² Обзор Дагестанской области за 1898 год. С. 83.

³ Отчет губернатора о состоянии Дагестанской области за 1901 год. ЦГА РД. Ф.2. Оп.2. Д.63. Л.6.

⁴ Обзор Дагестанской области за 1892 год. С. 8.

⁵ Обзор Дагестанской области за 1898 год. С. 84.

⁶ Терские ведомости. 1896. № 102.

¹ Хасавюрт. – Терские ведомости. 1896. № 109.

скому шамхалу. По отчетным данным 1898 года, из Туралинских озер было добыто 200 тыс. пудов соли. Увеличение спроса на соль приводило к росту цены на нее. Как известно, начиная с 50-х годов XIX века тарковские шамхалы стали также отдавать соляные озера на откуп русским промышленникам. Для иллюстрации динамики цен на соль приведем следующие данные.

В 1853 году, когда соль из озера Турали пользовалась значительно меньшим спросом, тарковский шамхал Абу-Муслим установил на нее цены: за ишачий выюк – 15 коп., за лошадиный – 20 коп., за горскую арбу – 50 коп., за кумыкскую арбу – 80 коп. В 1869 году Абу-Муслим Тарковский отдает Туралинские озера на откуп сроком на 12 лет «3-ей гильдии купеческому сыну Михаилу Будылкину». Откупщик в связи с увеличением спроса на соль уже взимает плату: с арбы соли по 1 руб., за лошадиный выюк – 30 коп., ишачий – 20 коп. В 1871 году князь Шамсудин Тарковский отдает, как и рыбные промыслы, Туралинские озера упомятому выше 2-й гильдии купцу Кривошееву, который, ссылаясь на отсутствие в конторе условий отпуска соли, считал себя вправе совершенно произвольно устанавливать на нее цены. Даже с местных жителей вместо 1 руб. за арбу он стал брать по 2 руб. Резкое повышение цен на соль вызвало протест жителей Темир-Хан-Шурина округа, которые начали жаловаться начальнику Дагестанской области и просить «оградить их от произвола откупщика»¹. Бесконечные жалобы населения вынудили кавказскую администрацию заняться этим вопросом. В 90-х годах XIX века Туралинские озера арендует тот же астраханский купец К.А. Воробьев, который добывал в год примерно 75 000 пудов соли, на сумму 3730 рублей².

В это время из года в год увеличивается добыча нефти в Дагестане, особенно в связи со строительством Петровского участка Владикавказской железной дороги. Спрос на нефть приводит не только к увеличению ее добычи в таких издавна эксплуатируемых районах, как Каякентское, Башлинское, Берикейское месторождения нефти, но и вызывает необходимость организовать разведывательные работы в новых районах, в частности в Темир-Хан-Шурина округе.

Как видно из рапорта начальника Темир-Хан-Шурина округа на имя военного губернатора области, в 1897 году началось

бурение скважин в местности Орта-уй-таш¹. В 1899 году житель с. Агач-аул Темир-Хан-Шурина округа Шалух-бек Алыпкачев обратился в горное управление «с прошением о разрешении ему открыть нефтяной промысел на принадлежащей ему земле»².

В конце XIX и начале XX вв. увеличивается число русских промышленников, желающих заняться разведкой и разработкой полезных ископаемых, главным образом нефти, в Дагестане, в том числе на территории северных и южных кумыков, создается ряд обществ и компаний по разработке нефти: «Англо-русское нефтяное общество», «Англо-Петровское нефтяное общество», «Челекено-Дагестанское общество», из Баку проникает сюда известная фирма «Бр. Нобель» и др. Заявки на выдачу разрешений на право разведки нефти делают доверенные князей С.Н. Трубецкого и Оболенского, княгини П.К. Трубецкой и др.³ Однако добыча нефти продолжала носить кустарный характер. Уровень технического оснащения разработок был крайне низким. Нефтепромышленники в погоне за легкой наживой совершенно не заботились о замене ручного труда машинным, добываясь прибыли за счет жесткой эксплуатации рабочих. Правительство не производило сколько-нибудь серьезных исследований полезных ископаемых Дагестана и не делало даже попыток нормализовать проводимую разными предпринимателями работу по изысканию ископаемых, прежде всего нефти.

В 1871 году по ходатайству начальника Дагестанской области и по предписанию наместника Кавказа в Дагестан прибыл для проведения геологических исследований в области горный инженер князь Цулукидзе, которому было предложено «все известные уже... месторождения каменного угля, горючего сланца и торфа геогностически исследовать с тем, чтобы определить, которые из них окажутся более благонадежными и выгодными для постоянной разработки, и потом избрав из них такие, кои по условиям залегания подадут надежду на выгодную разработку, составить соображение о детальной разведке их...»⁴.

Инженер Цулукидзе в своем рапорте командующему войсками в Дагестанской области сообщил, что геологические исследования

¹ ЦГИА Грузии. Ф.545. Оп.1. Д.825. ЛЛ.4–13.

² ЦГА РД. Ф.2. Оп. 3. Д.67. Л.29.

¹ ЦГА РД. Ф.2. Оп.1. Д.36-а. Л.97.

² Там же. Оп.21. Д.176. Л.1.

³ Там же. Оп. 3. Д.22-б. Л.7.

⁴ ЦГА РД. Ф.126. Оп.1. Д.28. Л.1–6.

привели к весьма благоприятным результатам. Однако царская администрация, не заботясь о создании очагов промышленности на колониальных окраинах империи, отдала на откуп богатство народа разным предпринимателям, заинтересованным только в максимальной прибыли за счет грабежа богатейших источников.

Развитию нефтяной промышленности и добычи других полезных ископаемых мешали отсутствие нормативных актов в сфере землепользования. Например, ходатайство упомянутого выше Алыпкачева о разрешении ему открыть нефтяной промысел в районе Агач-аула было отклонено Кавказским управлением Министерства земледелия и государственных имуществ до «определения поземельных прав поселян Дагестанской области»¹.

В экономике кумыкского населения этого периода, наряду с сельским хозяйством и некоторыми другими указанными выше отраслями народного хозяйства, продолжали играть большую роль и разнообразные кустарные промыслы, а также всевозможные ремесленные производства. Все же развитие капитализма и приток фабричных товаров сократили переработку сельскохозяйственного сырья (шерсти, овчины, шелка и т.д.) в домашнем хозяйстве крестьянина. Почти прекратилось у кумыков, например, изготовление сукна, ткани из хлопка, платков из шелковой пряжи. Значительно сократились обработка кожи для обуви и изготовление многих кожаных изделий, которые постепенно вытеснялись фабрично-заводскими изделиями, с одной стороны, и притоком высококачественных ремесленных изделий из горных районов, с другой. Например, ввоз оружия усовершенствованных систем привел к упадку производства кремневых ружей и пистолетов, что в свою очередь привело к сокращению поля деятельности местных мастеров². Однако все это не означало полную ликвидацию кустарных промыслов народов Дагестана. Вытеснение изделий местной кустарной промышленности изделиями фабрик и заводов было постепенным процессом. В хозяйстве народов Кавказа, в частности и Дагестана, местная кустарная промышленность и в пореформенный период продолжала играть весьма значительную роль. Городские изделия прежде всего попадали в хозяйства помещиков. Кумыкская знать, как отмечал Хамзаев, пользовалась дорогой русской мебелью, пе-

чами, самоварами и т.д.¹, беднота же довольствовалась большей частью тем, что производилось в собственном хозяйстве.

Отдельные виды изделий кустарей-дагестанцев и в пореформенный период пользовались большой славой. «Промысел этот, обрабатывающий все виды местных сырых материалов, распространен в области повсюду, причем каждый округ отличается каким-нибудь особым родом производства. Во многих из отраслей этого промысла дагестанские горцы достигли совершенства и приобрели вполне заслуженную известность: их изделия расходятся по всему Кавказскому краю и охотно покупаются в России», – читаем мы в «Обзоре Дагестанской области за 1892 год»².

В промысловой деятельности кумыков и в этот период большое место занимает изготовление сельскохозяйственного инвентаря из дерева и железа (арбы, плуги, колеса, молотильные доски, серпы, косы и т.д.).

Развитие капиталистических отношений в сельском хозяйстве способствовало не только увеличению ввоза усовершенствованных сельскохозяйственных орудий, но и росту их изготовления на месте как для собственных нужд, так и на рынок.

Большое значение продолжало иметь изготовление кинжалов и шашек (Тарки, Казанище, Эндирей), а также ювелирное искусство (Карабудахкент, Эндирей). Дальнейшее развитие в пореформенный период получило ковроделие. Этому способствовала растущая роль товарно-денежных отношений, расширение спроса на ковры.

Заметные сдвиги делает в пореформенный период торговля, особенно со времени строительства Петровского участка Владикавказской железной дороги. На Кумыкской равнине прежде всего наблюдается рост производства товарного хлеба. Об этом свидетельствуют данные об отправлении хлебных грузов со ст. Хасавюрт. Если в 1897 году отсюда было отправлено 129 тыс. пудов, то в 1913 году – уже более миллиона пудов³.

¹ Хамзаев. К вопросу о хозяйственных успехах туземцев. – Терские ведомости. 1891. №95.

² Обзор Дагестанской области за 1892 год. С. 43.

³ Свободная статистика перевозок по русским железным дорогам. Хлебные грузы. СПб., 1898. 1914. Данные приводятся по кандидатской диссертации А.Г. Медешко. Развитие капиталистических отношений в сельском хозяйстве Дагестана конца XIX-начала XX веков (Рукопись). Махачкала. 1957, приложение IX; Османов Г.Г. Генезис капитализма в сельском хозяйстве Дагестана. М., 1984.

¹ ЦГА РД. Ф.2. Оп.1. Д.176. Л.1.

² Вертепов Г.А. Очерки кустарных промыслов Терской области. – Терский сборник. Вып. IV. Владикавказ. 1897. С. 24–25.

Улучшение земледельческой техники и оросительной системы, применение в помещичьем хозяйстве, а также в хозяйстве нарождающейся сельской буржуазии более совершенных заводских сельскохозяйственных орудий и машин (молотилок, сеялок и т.д.) приводили к увеличению урожая, о чем говорилось выше. На Кумыкскую равнину, которая издавна служила житницей для многих районов Дагестана, все еще поступали изделия ремесел горных народов (сукна, бурки, холодное оружие, гончарная, деревянная утварь, ювелирные изделия кубачинских мастеров и т.д.). Горцы обменивали свои изделия на кумыкский хлеб или покупали его за деньги.

Оживилась внутренняя и внешняя торговля. В торговле кумыков первое место по-прежнему занимали продукты земледелия: зерно, виноград, вино, фрукты, огородно-бахчевые культуры и т.д. Большое место в торговле отводилось рыбе, соли. Кумыки продавали также нефтепродукты, строевой лес, дрова, кольца для виноградников, мед, воск, ковры, паласы. В 1895 году через одну только Петровскую портовую таможенную было вывезено в русские порты указанных выше товаров на сумму 11302666 руб.¹ На кумыкский рынок из других областей России поступали хлопчатобумажные и шелковые ткани, сахар и другие бакалейные товары, металл и металлические изделия, различная посуда и другие хозяйственные предметы.

С развитием капиталистических отношений все более и более увеличивается роль денег. Деньги приобретают первостепенную роль не только в городах, в городской торговле и в торговле за пределами области – роль денег постепенно растет также в торговле в сельской местности, где ранее торговля носила главным образом меновой характер. Кумыкам были известны русская монета (рубли), турецкая (манат) и персидская (аштрафи) денежные единицы. В кумыкском языке всякая денежная единица называлась акча.

Основными торговыми центрами являлись Темир-Хан-Шура, Петровск, Хасавюрт. Вместе с городской торговлей растет торговля и в сельской местности. К старым торговым центрам в округах прибавляются новые торговые центры (селения Дженгутай, Костек, Аксай, Эндирей, Карабудахкент и др.), где торговля проходит на еженедельных базарах.

«Деревня, – читаем мы о Костеке в «Очерке состояния орошения в Терской области», – одна из самых больших деревень Кумык-

ской плоскости, насчитывающая 715 дворов. Деревня имеет целую улицу лавок, базар, ватаг и мельниц по Сулаку. Это промышленный центр всей местности»¹.

Состояние торговли и развитие капиталистических отношений на селе хорошо отражаются о статье П. Малоновского «Из деревни Аксай» (1871 год). «К добру или к худу, – пишет автор, – в нашем многолюдном Аксае страсть к торговле доходит почти до мании. Число торговцев растет с каждым днем, постройка новых лавок и переделка старых на новый лад идет безостановочно... Капиталисты наши проснулись от долгой спячки и стараются захватить во что бы то ни стало прилегающие к центру торговли места и застроить их лавками... Одним словом, быстро идет у нас развитие торговли. Много убито денег на постройку лавок и по другим торговым предприятиям: немало крупными торговцами роздано товару в кредит меньшей своей братьи...»². Имея в виду Хасавюртовский округ, Хамзаев писал, что здесь нередко приходится видеть среди «..туземцев коммерсантов, имеющих торговые обороты на десятки тысяч»³.

Гнет лавочников, духанщиков и других торговцев становится настолько тяжелым, что общество с. Кумторкала составило «общественный приговор не иметь в селении ни одного духана»⁴, что вызвало серьезные столкновения между обществом и владельцем беком Абдул-Меджидом Мирзоевым. Вопрос этот был предметом обсуждения не только для окружной администрации, но и начальника области.

В отдельных сельских торговых центрах осенью проводились ярмарки. Так, например, в 1890 году в Хасавюртовском округе такие ярмарки проводились в Хасавюрте и в с. Аксай, в первом с 15 по 22 августа, во втором – с 18 по 25 сентября⁵. С развитием городов и городской торговли особое значение приобретают села, расположенные вблизи городов.

«Жители Темир-Хан-Шурина округа, – читаем мы в официальном документе 1901 года, – являются единственными поставщиками всех продуктов, дров, сена, зерна для жителей г. Те-

¹ Вейсенгоф С.А. Указ. соч. С. 57.

² Терские ведомости. 1871. №7.

³ Хамзаев. К вопросу о хозяйственных успехах туземцев. – Терские ведомости. 1891. № 95.

⁴ ЦГА РД, Ф.126. Оп.3. Д.110. Л.4.

⁵ Терский календарь и сборник на 1891 г. С. 117.

¹ ЦГА РД, Ф.2. Оп.1. Д.9-а. Л.29.

мир-Хан-Шуры, а жители Гаркинского участка – г. Петровска»¹. Из селений Темир-Хан-Шурина участка особое место в торговле занимало с. Халимбек-аул, где выращивались разные овощи² в торговых целях, а жители селений Тарки и Карабудахкент для тех же целей занимались разведением лука и чеснока³.

В города Темир-Хан-Шура, Петровск, слободу Хасавюрт фрукты из сельских мест транспортировались мелкими партиями с середины мая (черешня) до середины февраля-марта (яблоки, груши, виноград и т.д.). Из городов фрукты, консервы, пюре и т.д. отправлялись уже большими партиями во внутренние губернии империи через местные транспортные конторы обществ «Надежда», «Кавказ и Меркурий»⁴. Интересно, что для приготовления консервов, пюре и вообще заготовки фруктов по дешевой цене промышленники и другие предприниматели нередко выезжали в садоводческие районы еще до полного вызревания фруктов, заключали выгодные для себя сделки с садоводами, постоянно нуждавшимися в деньгах, товарах и т.д. Часто садовод становился должником предпринимателя, а поэтому не имел права искать более выгодных условий продажи фруктов.

На рынке шла реализация не только продуктов земледелия. В торговле населения большую роль играли и продукты животноводства, особенно в Темир-Хан-Шурина округе. В этом округе, например, в 1892 году продано было кожи на сумму 5866 руб., шерсти – 2410 пудов на 9855 руб., масла – 1091 пуд на 10910 руб., сыру – 281 пуд на 1464 руб., курдючного сала – 2650 пудов на 13250 руб., мясных продуктов – 5375 пудов на 14840 руб., крупного рогатого скота – 1515 голов на 21629 руб., лошадей – 229 голов на 6373 руб. и мелкого рогатого скота – 1925 голов на 5600 руб., всего по округу на 89788 руб.⁵

Вместе с развитием капитализма в Дагестане ширится и распространяется русская мера весов: четверть, фунт, аршин, сажень, десятина, верста и т.д. Если раньше пахотная земля измерялась шагами, зерном, которое шло на то, чтобы засеять участок (кап зем-

ли), дорога измерялась днями, то теперь повсеместно все более и более применяются сажени, десятины и версты. Однако, в связи с тем, что во многих случаях сохранялась меновая торговля, да и вообще по традиции, сохранялись и местные меры. Для измерения емкости у кумыков по-прежнему существовало сабу¹.

Кумыкские торговцы и предприниматели были тесно связаны с русской буржуазией, со многими русскими торговыми фирмами. Кумыки-купцы разъезжали по промышленным и торговым городам России, делая свои заказы и выбирая нужные товары. Ряды буржуазии нередко пополнялись выходцами из крестьян. Промышленниками и торговцами становились иногда помещики, дворяне. Чем больше капитализм проникал в разные отрасли экономики (земледелие, промыслы, дорожное строительство и т.д.), тем значительнее становилась роль местной торговой и промышленной прослойки. Однако ведущая роль в торговле и промышленности принадлежала русской буржуазии, от которой в значительной мере была зависима местная национальная буржуазия.

Пореформенный период характеризуется и развитием городов Дагестана: Дербента, Темир-Хан-Шуры, Петровска, слободы Хасавюрт, из которых три последних были расположены на Кумыкской равнине. Города были средоточием торговли (главным образом) и промышленности. С развитием капитализма росло и городское население. Приведем данные о росте городов, городского населения и промышленности.

Город Петровск имеет совсем небольшую историю. Еще в 1856 году он назывался Петровским укреплением, а в 1857 году, как отмечалось выше, город был переименован в портовый город Петровск². Город рос сравнительно быстро. Если в 1871 году в нем проживало 3665 человек³ и в 1874 году – 3890 человек⁴, то в 1898 году здесь насчитывалось уже 11594 жителя, из них дворян и беков 323 человека, духовенства – 47, торговцев, купцов, промышленников и других представителей городских сословий – 4759, сельских сословий – 3321, военных – 2012, иностранных подданных – 1132

¹ Дагестанский сборник / Сост. Е.И. Козубский и др. Вып.1. Темир-Хан-Шура. 1902. С. 115.

² Обзор состояния Дагестанской области за 1898 г. Темир-Хан-Шура. 1899. С. 68.

³ Там же.

⁴ Обзор Дагестанской области за 1898 год. С. 64.

⁵ Обзор Дагестанской области за 1892 год. С. 42.

¹ О единицах измерения у кумыков см.: Гаджиева С.Ш. Традиционный земледельческий календарь и календарные обряды кумыков. Махачкала. 1989. С. 50–57.

² ЦГИАЛ. Ф.1268. Оп.9. Д.84. ЛЛ.50–52.

³ ЦГА РД. Ф.126. Оп.2. Д. 79. Л.12.

⁴ Там же. Оп.2. Д. 87. Л.6.

чел.¹ В городе проживало 674 ремесленника². Вместе с ростом населения росло и экономическое значение города. С 1858 по 1870 годы строится Петровский порт, который приобрел большое торговое и особенно транзитное значение³.

В 1898 году через г. Петровск уже было привезено в область 14047 000 пудов грузов и вывезено из области 8306000 пудов⁴.

Как видно из приведенных цифр, из года в год растет портовая и экономическая роль города: вместе с тем бросается в глаза перевес ввоза товаров в область над вывозом. Это объясняется слабым развитием обрабатывающей и добывающей промышленности на месте.

Вся промышленность Петровска в 1874 году состояла только из следующих предприятий: две табачные фабрики с производством продукции на 7 тыс. руб. в год, на которых работало 10 рабочих, два фотогенных завода, вырабатывающих продукции на сумму 12 тыс. руб. (с 8 рабочими), кирпичный завод, вырабатывающий продукции на сумму 8 тыс. руб. (с 5 рабочими), известковый завод – на сумму 5200 руб. (с 5 рабочими), спичечная фабрика – на сумму 1 000 руб. (с 2 рабочими), водочный завод – на сумму 1100 руб. (с 3 рабочими)⁵. К концу XIX века город имел рыбохолодильник, несколько предприятий рыбной промышленности, винные заводы и т.д. В 1898 году в городе возникает крупная бумагопрядильная фабрика «Каспийская мануфактура», на которой в 1905 году уже работает 1021 чел.⁶ В том же 1898 году была построена табачная фабрика. Постепенно увеличивалось число рыбных промыслов и бондарно-механических предприятий.

Еще при организации Петровского укрепления был поднят вопрос о морской гавани в Петровске. Первый проект гавани был составлен в 1856 г., а утвержден в 1859 г. В 1861 г. уже был построен северный мол. В статье «Торговый город Петровский», подписанной М.С., описываются большие торжества, посвященные сооружению Петровской гавани 6 января 1861 года. На открытии работ присутствовали начальник Дагестанской области ген.-лейт., князь Л.И. Меликов, ген.-майор князь Л.К. Тарханов, многие другие офи-

церы Петровского гарнизона и приехавшие гости из Темир-Хан-Шуры. Торжественное открытие порта для всех видов судов состоялось позже в 1870 году¹. В 1881 г. строительные работы были полностью завершены, и между Петровском и Астраханью было установлено регулярное движение судов². Постепенно эта гавань превращается в специально оборудованный для судов порт и приобретает роль южных ворот России. В 2000 году Махачкалинский порт получил статус международного торгового порта.

Постепенно рос и город Темир-Хан-Шура. Если в нем в 1871 году насчитывалось 3574 чел.³, в 1874 году – 4150 чел.⁴, то в 1899 году население его выросло до 9011 чел.⁵ По данным 1898 года, в Темир-Хан-Шуре проживало представителей городских сословий 3176 чел.⁶ и ремесленников – 607⁷.

В 1892 году в Темир-Хан-Шуре насчитывалось семь промышленных предприятий. Все эти предприятия вместе взятые выпускали продукцию на сумму 13760 руб., а число рабочих на них составляло 28 чел.⁸

Рос, хотя и не быстрыми темпами, и Хасавюрт. В промышленном отношении он не имел, однако, большого значения. Здесь, как повсеместно, были только мелкие кустарные предприятия, кожевенные, винокуренные, водочные, известковые, мельницы и т.д. Торговля была поставлена несколько лучше. В 1881 году, например, в Хасавюрте на Успенскую ярмарку (осенью) было привезено товаров на сумму 60 тыс. руб.⁹ Если в 1904 году торговый оборот слободы составлял примерно 270 тыс. руб., то к 1909 году он достигает 1 млн. руб. в год¹⁰.

Следует отметить, что обществом Хасавюрта несколько раз (в 1879, 1881, 1904 и 1908 годах) возбуждалось ходатайство о преобразовании слободы в город¹¹. Этот вопрос неоднократно рас-

¹ Кавказ. 1861, №14.

² Викторов А.Ф., Кажлаев Д.Г. Махачкала. Экономико-географический очерк. Махачкала. 1958. С. 20.

³ ЦГА РД. Ф.126. Оп.2. Д.79. Л.20.

⁴ Там же. Д. 87. Л.35.

⁵ Обзор Дагестанской области за 1898 год. С. 43.

⁶ Там же.

⁷ Там же. С. 82–83.

⁸ Обзор Дагестанской области за 1893 год. С. 9.

⁹ Терские ведомости. 1881. №3.

¹⁰ ЦГА РД. Ф.148. Оп.1. Д.6. Л.13.

¹¹ Там же. Л.3.

¹ Обзор Дагестанской области за 1898 год. С. 43.

² Там же. С. 82–83.

³ ЦГИА Грузии. Ф.416. Оп.3. Д.807. Л.12.

⁴ Обзор Дагестанской области за 1898 год. С. 93.

⁵ ЦГА РД. Ф.126. Оп.2. Д.87. Л.11.

⁶ Очерки истории Дагестана. Т.2. С. 289.

считался высшей администрацией и позже, в частности, в сентябре 1912 года, на совете наместника на Кавказе¹.

Надо сказать, что деловые круги Хасавюрта, ради изменения статуса слободы, дважды возбуждали перед высшей администрацией и вопрос об изменении его названия: в 1881 году о переименовании его на «Внезапный», как при генерале Ермолове называлось укрепление «Внезапное», а потом в 1904 году на «Алексеевку» в честь рождения «его императорского величества наследника цесаревича и великого князя Алексея Николаевича I»².

Однако под разными предложениями вопрос этот не был разрешен, и Хасавюрт стал городом лишь в советское время (1931 г.).

Жители городов, кроме торговли и промышленности, занимались ремеслом, извозом, сельским хозяйством и т.д. Извозный промысел был развит главным образом в Темир-Хан-Шурином округе, жители которого возили во внутренние районы разные товары, получаемые морем из Астрахани и Баку, а также провиант, доставляемый в воинские части. Главными были дороги от Петровска до Темир-Хан-Шуры и оттуда в горы, от Темир-Хан-Шуры на Дешлагар и Дербент. Из Темир-Хан-Шуры шла также дорога через Хасавюртовский округ на Владикавказ. На строительстве дорог по тракту от Петровска до Гуниба и оттуда на Хунзах и Ботлих до границ Терской области по Темир-Хан-Шуриному округу участвовало в 1870 году 51260 человек. На эти работы как вознаграждение правительством было отпущено 13500 руб.³

Большое значение для развития экономики, товарно-денежных отношений в Дагестане, как отмечалось, имело строительство в 90-х годах XIX века Владикавказской железной дороги («От ел»), особенно Петровского участка. Эта дорога, строительство которой преследовало прежде всего стратегические цели, призвана была вместе с тем соединить множество местных рынков с общероссийским рынком. Она должна была способствовать и улучшению разработки полезных ископаемых края.

На вопрос командированного в 1883 году чиновника Министерства финансов Михайловского о том, «какое влияние может произвести Владикавказско-Петровская железная дорога на бакинскую нефтяную промышленность», комиссия по изысканию Влади-

кавказско-Петровской железной дороги ответила, что «...несмотря на существующий водный путь (на Астрахань) и железную дорогу, следует ожидать, что Петровской дорогой пройдет от 10 до 20 миллионов пудов, т.е. от 1/3 до 1/2 того нефтяного груза, который идет теперь на Астрахань»¹, ибо с наступлением зимы доступ в Астрахань делался невозможным, а это лишало Россию нефти и другого осветительного материала в это время года. Железная дорога в пределах Дагестанской области проходила от самой границы Хасавюртовского округа до р. Самур. С открытием движения по Петровской линии Владикавказской железной дороги вырос вывоз продуктов земледелия и других отраслей народного хозяйства Кумыкской равнины во внутренние губернии России. Открылись новые рынки с большим спросом на свежие и консервированные фрукты. «Благодаря прекрасным качествам дагестанских фруктов, в особенности персиков, – сообщалось в «Обзоре Дагестанской области» за 1898 год, – заказы на консервы из них поступают из таких отдаленных окраин империи, как Финляндия (из г. Николайштадта), Прибалтийского края (из г. Риги), из Привислинского (из Варшавы)»². Кроме из разных фруктов поступало на консервные заводы и кондитерские фабрики, а консервы – в торговые фирмы промышленных городов России.

В 1900 году начинаются изыскательские работы по строительству железнодорожной ветки, соединяющей областной центр Темир-Хан-Шуру с Владикавказской железной дорогой³. В 1915 году строительство было завершено, Темир-Хан-Шура и Петровок были соединены железнодорожной линией. В 1894 году в Петровске открывается депо для ремонта паровозов.

Достаточно сказать, что в начале XX века по всему Дагестану насчитывалось лишь 134 в основном мелких и средних предприятий⁴, но большая часть их не могла быть отнесена к числу фабрично-заводских. В области существовало лишь несколько более-менее крупных фабрично-заводских предприятий, в том числе бумагопрядильная фабрика «Каспийская мануфактура», бондарный завод, рыбохолодильник, табачная фабрика в Петровске, коже-

¹ Терские ведомости. 1883, №38.

² Обзор Дагестанской области за 1898 г. С. 64.

³ ЦГА РД. Ф.2. Оп.3. Д.17. Л.4.

⁴ На х ш у н о в И.Р. Экономические последствия присоединения Дагестана к России. Махачкала. 1956. С. 118.

¹ Там же. С. 89.

² См.: ЦГА РД. Ф.157. Оп.1. Д.6. Л. 6. 10. 55. 89.

³ ЦГИА Грузии. Ф.545. Оп.1. Д.840.

венный и консервный заводы в Темир-Хан-Шуре и некоторые другие¹.

Из приведенного анализа состояния отдельных отраслей народного хозяйства можно заключить, что в пореформенный период в экономике кумыков произошли серьезные изменения. Развитие экономики шло по линии укрепления капиталистических отношений. И в начале XX века в многоукладном хозяйстве кумыкского народа эти отношения постепенно занимают значительное место. Дагестан в целом втягивался в русло капиталистического развития.

Процесс постепенного развития здесь капиталистических отношений в пореформенный период хорошо иллюстрируют данные по с. Аксай Хасавюртовского округа. Согласно посемейным спискам в 1886 г. в селении насчитывалось 3562 человека мужского пола. Из них купцов – 38, кузнецов – 7, земледельцев – 534, черно-рабочих – 498, плотников – 18, серебряников – 14, оружейников – 11, бондарей – 3, кожевников – 23, мясников – 2, столяров – 2, мельников – 2, колесников – 2, седельников – 1. Кроме того, той же переписью здесь было зарегистрировано 25 хозяйств крупных помещиков и князей².

Вместе с тем следует отметить, что сохранившиеся в ряде мест Темир-Хан-Шуринского и Кайтаго-Табасаранского округов феодальные производственные отношения и другие факторы значительно тормозили капиталистическое развитие экономики кумыков во второй половине XIX и начале XX вв.

§ 2. Положение трудового крестьянства в пореформенный период. Подати и повинности. Обострение социальных противоречий

Характеризуя крестьянскую реформу, мы указывали на ее половинчатость. Большинство крестьян в Темир-Хан-Шуринском округе, так же как и во всех округах Дагестанской области (без Хасавюртовского округа), вплоть до 1913 года продолжали находиться в зависимых отношениях к феодалам – бекам и чанкам. Многие крестьяне, освобожденные по реформе 1864–1867 годов, также находились во временно-обязанных отношениях к своим владельцам. Хозяевами земли по-прежнему оставались помещики не только в

районах, частично охваченных реформой (Темир-Хан-Шуринский округ), но и там, где эта реформа проводилась сравнительно полно (Хасавюртовский округ, Присулакское наибство).

Вместе с тем реформа способствовала развитию капиталистических отношений в сельском хозяйстве. Растущее проникновение капитализма в Дагестан вызвало усиление процесса купли-продажи земли, а также процесса расслоения крестьянства. По мере дифференциации крестьянства из него выделялась, с одной стороны, сельская буржуазия, с другой, беднота – источник формирования рабочего класса.

В пореформенный период земельный голод среди трудового крестьянства не только не был ликвидирован, но и принял более острые формы. Многие помещики, особенно в Хасавюртовском округе, не желавшие перестраивать на капиталистический лад свое хозяйство, после крестьянской реформы предпочитали продавать часть своих земель. С усилением классовой дифференциации помещичья земля все более и более сосредотачивалась в руках зажиточной прослойки крестьян. Можно отметить, что к концу XIX века у бывших крупных землевладельцев на Кумыкской плоскости оставалось на правах собственности только 41,4% земли, а остальная площадь – 57,6% была отчуждена путем продажи¹. К этому времени многие имения находились в залоге у бывших общинников или у казны. Так, например, князь Абдул-Меджид Казаналипов в 1899 году заложил два участка земли в количестве 5800 десятин за взятые у жителя с. Чирюрт Беки-Магома-Али-оглы 49 600 руб.²

Если раньше, т.е. в пореформенный период, феодалы совместно владели целыми фамильными (родовыми) имениями, то в пореформенное время идет усиленный процесс раздела земли между членами каждой фамилии, что обеспечивает право свободного отчуждения каждого участка земли. Теперь владелец уже разделенного имения обязан был соблюдать лишь одно правило: при продаже своей части он должен был предложить купить ее в первую очередь бывшим совладельцам и только при отказе мог продать ее посторонним лицам³.

Кавказская администрация всячески способствовала оформлению разделов земли между землевладельцами, а также реализации

¹ Обзор Дагестанской области за 1915 год. Темир-Хан-Шура, 1916 (приложение 8).

² ЦГА РД. Ф.250. Оп.1. Д.1. Л.307–309.

¹ Тульчинский Н.П. Указ. соч. С. 88.

² ЦГИА Грузии. Ф.12. Оп.3. Д.26. Л.4.

³ ЦГА СО. Ф.254. Оп.1. Д.62. Л.60.

ими права продажи земель. В 1863 году, например, главнокомандующий Кавказской армией писал начальнику Терской области: «Принимая во внимание, что для промышленности населения Кумыкского округа имеет особенную важность, в экономическом отношении, скорейшее предоставление землевладельцам права совершать различные договоры о доставшихся им при общем разделе земель округа участках... я разрешаю Вашему превосходительству: дозволить ныне же кумыкским землевладельцам отчуждение в постороннее владение, посредством продажи и других договоров, назначенных им... в собственность участков земли...»¹.

С развитием капиталистических отношений в деревне росло число богатой прослойки крестьян, выкупавших и арендовавших помещичьи земли, росли цены на земли и арендная плата.

Положение крестьян еще более осложнялось в тех случаях, когда владельцы земли (мы имеем в виду районы, где не проводилась крестьянская реформа) отчуждали участки, на которые общества имели определенные сервитурные права. В частности, отдельные общества имели по обычаю право пасти свой скот на бекских и ханских кутанах в течение известного периода года. Этого права они стали лишаться в пореформенный период. Такое право, например, имело общество с. Халимбек-аул на кутан Каратюбе, принадлежавший Ибрагим-хану Мехтулинскому. Вдова Ибрагим-хана Мехтулинского Рейганат-бике продала в 1881 году названный кутан жителю Кафыр-Кумуха прапорщику милиции Бахтиару-хаджи Ахмедханову, который совершенно лишил существовавших на этот кутан сервитутных прав общество Халимбек-аула. Что же касается Рейганат-бике, то она заявила, что «Бахтиар-хаджи не обязан отвечать на претензии лиц, не имеющих документальных доказательств на земли на проданном кутане»². В 1883 году в Темир-Хан-Шуринский окружной словесный суд обратилось общество с. Халимбек-аул с жалобой на то, что живущая в с. Эрпели Гебеккыз-бике «отдала в аренду принадлежащие ей кутаны, и с тех пор арендатор не допускает общество к обычному праву пользования пастью на этих кутанах»³.

Земля выступала в качестве товара, на который постоянно росла цена. Трудовое крестьянство не в состоянии было не только по-

купать такие земли, но и порою арендовать их. Зажиточные же крестьяне все более и более расширяли свое хозяйство и увеличивали земельную собственность. Нередко встречалась субаренда. Предприниматель брал землю владельца на откупное содержание и, в свою очередь, сдавал в аренду. В таких случаях крестьян эксплуатировали и непосредственные владельцы земли и первые арендаторы.

К удорожанию земли, а следовательно, и к ухудшению экономического положения трудового крестьянства, приводила и все растущая колонизация края.

В Северный Дагестан, как и на другие окраины царской России, переселялись, с одной стороны, трудовые крестьяне, чтобы избавиться от земельной нужды, от сохранившейся еще помещичьей кабалы и от все возрастающего налогового гнета, с другой – кулацкие элементы, чтобы нажиться за счет местного трудового крестьянства. Недаром один наблюдатель писал об этих кулацких элементах на Кумыкской плоскости, завладевших лучшей территорией и получавших огромные доходы от аренды земли: «Глядя на эти обширные земли, невольно думается, что здесь как бы создали нечто вроде нового сословия «общинных помещиков», сообща сдающих в аренду свои имения и охотничьи уголья»¹.

Сама царская администрация на Кавказе не скрывала своих колонизаторских целей, стремления вытеснить горцев с обжитых мест. «Основная мысль общего плана, для покорения Кавказа принятого, – читаем в «Плане общего управления горским племенем» (1841–1842 гг.), – состоит в постоянном стеснении горцев посредством занятий всех низменностей укрепленными линиями и заселения очищенных от горцев земель русским населением, следовательно, исполнение этого плана сопряжено с лишением коренных жителей поземельной собственности»².

Лучшие самые плодородные земельные участки, а также леса отводились под гарнизоны и переселенцам. Прежде всего отбирались общественные земли, часто даже у остро нуждающихся в земле обществ. Так произошло, например, с обществом с. Ишкарты Темир-Хан-Шуринского округа, у которого военная администрация

¹ ЦГА РД. Ф.105. Оп.3. Д.53. Л.7.

² ЦГИА Грузии. Ф.416. Оп.4. Д.35. Л.6.

³ Там же.

¹ Эргарт Н.Ф. Природа, люди и охота на Кумыкской плоскости. – Природа и охота. № 4. 1895. С.12.

² ЦГВИА РФ. Ф.ВУА. Л.6488. 4.1. ЛЛ.23–24.

отобрала под штаб-квартиру воинской части 1300 десятин земли¹, а когда эта часть передислоцировалась, земли эти были присоединены к казенной земле. Общество Ишкарты ощущало острую нужду в земле – на 630 душ населения оно имело всего лишь 198 $\frac{3}{4}$ десятины.

При таком скудном земельном фонде Ишкартинское общество вынуждено было ежегодно арендовать у казны из своих же бывших земель более 600 десятин на сумму 700 руб. в год, а также арендовать земли у частных лиц на еще более тяжелых условиях².

Военный губернатор Дагестанской области князь Чавчавадзе в 1889 году вынужден был писать в канцелярию главноначальствующего, что «население области, особенно нагорной части, находится в безвыходном положении по малоземелью: средним числом на дым не приходится и 1/2 десятины пахотной земли, и при таком условии отвод земли постороннему элементу был бы новым нецелесообразным стеснением местных жителей и ухудшил бы их материальное положение»³.

Такое признание губернатора Чавчавадзе было вызвано новой попыткой администрации захватить участки земли «Озень» в 2800 десятин.

Эти участки орошались Сулакским каналом, который был сооружен исключительно трудами местных жителей, «около 20 лет работавших, – как справедливо писал тот же князь Чавчавадзе, – над проведением этого огромного канала и ожидающих результатов своих долголетних трудов»⁴.

Для размещения переселенцев и своих гарнизонов кавказская администрация нередко покупала земли у местных помещиков. Из земель князей Казаналиповых, например, у Чирюрта под штаб-квартирой воинской части находилось 10109 десятин⁵. Князя Хамзаевы продали казне два участка в Хасавюртовском и Кизлярском округах («Узункол» и «остров Бирюч»), в общей сложности 3685 десятин за 300 тыс. рублей⁶. В 1898 году для переселенческих целей казна купила у князей Каплановых 1818 десятин земли близ с. Хамаматюрт⁷.

¹ ЦГА РД. Ф.2. Оп.3. Д.139-Г. Л.41.

² Там же. Д.142-6. Л.24.

³ ЦГИ Грузии. ф.231. Оп.1. Д.145. Л.2.

⁴ Там же. ЛЛ.2–3.

⁵ Там же. Д.91. Л.289.

⁶ ЦГА СО. Ф.11. Оп.1. Д.145. Л.2.

⁷ Там же. Ф.201. Оп.1. Д.4. Л.1.

В целом фонд казенных земель увеличился, хотя царская администрация щедро раздавала общественные и казенные земли чиновникам и офицерам. По Хасавюртовскому округу, например, в 70-х годах XIX века были пожалованы из казенных земель секретарю Хасавюртовского окружного полицейского управления штабс-капитану Тимошенко 100 десятин, полковнику Алибеку Пензулаеву 550 десятин, исполняющему должность начальника Хасавюртовского округа Юзбашеву 250 десятин, подполковнику Григоровичу 234 десятины, полковнику Патрикию Ницыка 230 десятин, капитану Ладыженскому 230 десятин, штабс-капитану Юсуп-Кадиклычеву 402 десятины, капитану Мусе Нестерову 300 десятин. Кроме того, для разведения сада, огородов и т.д. отдельным лицам отводилось по 4–5 десятин земли¹.

К концу XIX века только в одном Хасавюртовском округе казенных земель насчитывалось 37254 десятины². Здесь постепенно появились новые поселки переселенцев. Населенные пункты возникали не только на казенных или купленных у владельцев землях, но и на арендованных на 10–15 лет участках.

С увеличением притока желающих поселиться на владельческих землях росла арендная плата. Казаналипов, например, постепенно повысил плату за десятину земли с 1 руб.20 коп. до 4 руб. Владелец неумолимо грозил «согнать переселенцев с земли и сдать ее новым арендаторам, если переселенцы поселка не пожелают уплатить ему вновь назначенной платы»³. Это было очень трудно для тех переселенцев, которые бежали от тяжелого помещичьего гнета из внутренних губерний России и были в экономическом отношении слабы.

Многие переселенцы сравнительно быстро сумели создать на новых местах передовое для того времени хозяйство. Они применяли более совершенные методы «в способах возделывания земли и в подборе семян для полей и огородов», пользовались усовершенствованными сельскохозяйственными орудиями и машинами⁴. Кроме зерновых, большое внимание переселенцы обращали на огородные культуры: капусту, огурцы, помидоры, редьку, картофель, арбузы, дыни, лук, редис и т.д. Проживая в 5–6 км от железной до-

¹ ЦГА РД. Ф.147. Оп.1. Д.3. Л.194; ЦГА Грузии. Ф.5. Д.6939. ЛЛ.25–26.

² Отчет начальника Терской области за 1891 год.

³ ЦГА РД. Ф.90. Оп.2. Д.30. Л.186.

⁴ Там же.

роги, переселенцы имели «весьма удобный сбыт своих продуктов». В скотоводческом хозяйстве переселенцы также вводили новшества. Они улучшали скот, скрещивая животных голландской породы с местными¹. Все это также оказывало благоприятное влияние на организацию и культуру земледелия местных жителей.

Пореформенный период характеризуется постоянным ростом не только арендной платы, но и податей и повинностей, ибо, как уже отмечалось, часть крестьян до 1913 года находилась в зависимых отношениях к владельцам. Так же как и в дореформенный период, рента взималась в трех видах: барщиной, продуктами и деньгами. В отдельных случаях преобладала денежная рента. Как правило, поселяне отбывали четырехдневную барщину в самое выгодное для владельца время, от 20 баранов отдавали по одной овце с ягненком. С развитием денежной ренты владельцы стали брать с каждого барана по 40–50 коп. В случае отдачи обществом своей земли в аренду под пастьбу половина арендной платы также поступала в пользу владельцев.

Говоря о натуральных повинностях Темир-Хан-Шуринского округа в пореформенный период, Сословно-поземельная комиссия так суммировала их: «...Поселяне обязаны выставлять для распашки бекских полей плуги со своим скотом и прислужгой, распахивать их, боронить, засеивать зерном бека и выставлять для жатвы и косьбы рабочих» и т.д.² Тут же отмечается, что повинности в Темир-Хан-Шуринском округе отбываются «целым обществом, кроме села Бет-аул, где способ отбывания их подворный»³. Все владельцы, кроме того, поливали свои посеивы без жребия и нужное количество дней⁴. К концу XIX в., по сведениям Сословно-поземельной комиссии, общества селений Кафыр-Кумух, Верхнее Казанище, Параул, Дургели и Кака-Шура платили в основном денежную ренту (первое – по 50 коп. с дыма, а остальные – по 1 рублю)⁵.

Владельцы постепенно лишали поселян пастбищных угодий, права лова рыбы в речках, заставляли платить государственные налоги за те участки, которыми пользовались сами владельцы. всюду происходила ломка традиционных представлений о земельной собственности и землепользовании. «По окраине нашего селения, –

писали в своем прошении поверенные с. Шамхал-Янги-юрт – протекает река, которая в данное время была в нашем общественном распоряжении, и мы ловили из нее рыбу, снабжали беднейшую часть нашего общества..., но в настоящее время этой доходностью пользуется Тарковский, отдавая воды эти в аренду посторонним лицам, за что взимает 1500 руб. в год в свою пользу, а построенный им на этой реке паром сдается также в аренду за 400 руб. в год; имеющийся и нам принадлежащий кутан под названием «Ала-гёз кутан» также сдается Тарковским в аренду в свою пользу на том основании, что якобы кутан этот достался ему от отца...»¹. Аналогичные жалобы направляли в адрес кавказской администрации и другие общества. Однако она всюду защищала интересы феодальной знати. На жалобы крестьян царская администрация нередко отвечала, что вопрос о зависимых отношениях разбирается Сословно-поземельной комиссией, что скоро этот вопрос получит разрешение, а до этого нужно точно выполнять свои обязанности.

Такой ответ, в частности, последовал и на жалобу общества с. Капчугай. В 1906 году Канцелярия наместника на Кавказе просила военного губернатора Дагестанской области объявить этому обществу, что «вопрос о прекращении зависимых отношений между помещиками и крестьянами во всем Кавказском крае и о поземельном устройстве жителей Дагестанской области в настоящее время по приказанию... наместника на Кавказе разрабатывается и будет представлен на рассмотрение в законодательном порядке»².

«Мы, может быть, ошибаемся, – писали поверенные общества с. Кумторкала в 1901 году в прошении на имя главнокомандующего на Кавказе, – но натуральные повинности, которые администрация наша принуждает нас нести в отношении беков и заключающиеся в обязанности всех жителей нашего общества работать на беков... Мирзоевых ежегодно в течение четырех дней..., глубоко оскорбляют наше самолюбие и кажутся нам большой несправедливостью...» В своих жалобах они сравнивали беков с пиявками, сосущими их кровь. «Мы все надеялись, – писали они в заключение, – что придет когда-нибудь конец незаконным претензиям беков. Нас обнадеживали, что вот скоро явится Сословно-поземельная комиссия и разрушит все сгнившее здание прежнего бекского строя и освободит нас от мучительной зависимости от беков. Но время шло, мы ждем

¹ Там же.

² ЦГА РД. Ф.231. Оп.1. Д.370. Л.5.

³ Там же.

⁴ Там же. Ф.2. Оп.1. Д.59. Л.9–10.

⁵ Там же. Ф.231. Оп.1. Д.347. Л.1.

¹ ЦГА РД. Ф.90. Оп.2. Д.30. Л.273–274.

² Там же. Л.266.

40–50 лет, а комиссия спасательная все не является к нам»¹.

Тяжелым бременем ложились на плечи трудового крестьянства также подати и повинности, которые взимало государство: подымная подать, оброчная подать, земский сбор, воинский налог, подводная, квартирная и дорожная повинности. В 1901 году в прошении на имя главнокомандующего на Кавказе поверенные общества с. Кумторкала Темир-Хан-Шурина округа, указывая на двойной гнет, писали, что их «по каждому непонятному недоразумению... заставляют, говоря образно, молиться двум богам – нести повинности царю и беку»². В секретном рапорте от 22 марта 1892 года начальник Кайтаго-Табасаранского округа писал военному губернатору Дагестанской области, что к нему поступают бесконечные жалобы на тяжелое положение населения, которое усугубил неурожай. «...Жители без исключения всех наибств округа, – писал он, – указывают на сравнительно большой против прежних лет оклад казенных взысканий и просят как об отсрочке платежа, так и об уменьшении повинностей до нормы прежних лет. Подобные заявления и просьбы в данное время приняли хронический характер»³.

Из года в год росло число недоимок в уплате казенных налогов. В своем докладе на имя военного губернатора от 7 января 1905 года начальник того же Кайтаго-Табасаранского округа писал о 3 кумыкских селениях этого округа: «...Начиная с 1901 года, – говорилось в нем, – сельские общества трех бывших башлыкентских селений: Александр-кент, Джаван-кент, Капкан-кент под разными предлогами упорно уклоняются от платежа каких бы то ни было казенных налогов... За ними числится недоимок: за обществом селения Александр-кент – 11195 руб., за обществом с. Джаван-кент – 11778 руб. и за обществом с. Капкан-кент – 9354 руб., а всего 32328 руб. Я должен буду войти... с особым ходатайством о принятии против этих 3 селений экстренных мер, т.к. глядя на них, видя полную их безнаказанность при отказе от уплаты казенных налогов, и другие селения не только одного Нижне-Кайтагского участка, но и других так же начинают уклоняться от платежа податей, указывая прямо на Башлыкентские селения»⁴.

¹ Рукопис. фонд. ИИАЭ. Д.1323. ЛЛ.40,41.

² Там же. Л.40.

³ ЦГА РД. Ф.2. Оп.1. Д.15. Л.42.

⁴ ЦГА РД. Ф.2. Оп.3. Д.22-6. Л.2.

По раскладке подымного налога сельское население Дагестанской области было разделено на девять разрядов, в зависимости от экономического состояния. Как отмечал начальник Дагестанской области в своем письме на имя начальника Кавказского горского управления от 20 февраля 1876 г., при обложении населения Темир-Хан-Шурина округа селения были разбиты на три категории. К первой категории относились селения, расположенные на равнине, жители которых имели собственные земли и должны были платить 3 руб. подымной подати с дыма, ко второй и третьей – общества, которые платили по 2 руб. подымной подати. Ко второй и третьей категориям относились общества, которые несли также и феодальные повинности¹. С прекращением зависимых отношений они должны были облагаться дополнительно. На земле, принадлежащей казне, крестьяне платили подымную подать от 1 руб. до 3 руб. в год².

От платежа подымной подати были освобождены должностные лица сельского управления, служащие по «военно-народному управлению», офицеры и их семейства, беки и чанки, всадники Дагестанского конного полка³. Даже военная администрация в Дагестане вынуждена была признать что «все бремя податной повинности лежало на массе крестьянского населения области»⁴.

Только с 1 января 1901 года землевладельцы были обложены поземельным налогом в связи с отменой правительством подымной подати и установлением государственной оброчной подати и поземельного налога⁵, привлекавших к податному обложению всех владельцев земли, без различия сословий. Следует, однако, отметить, что не завершенность решения сословно-поземельного вопроса в Дагестане и сохранение зависимых отношений поселян к бекам во многом препятствовали осуществлению этой налоговой реформы.

Коренное население Дагестана, как и многих других областей Кавказа, было освобождено от отбывания воинской повинности (взамен этой повинности мужское население платило с человека по 35 коп.). Однако неизменным оставались такие чрезвычайно обре-

¹ ЦГИА. Грузия. Ф.231. Оп.1. Д.48. Л.12; ЦГА РД. Ф.2. Оп.2. Д.33. Лл.50–51.

² ЦГА РД. Ф.7. Оп.1. Д.5. ЛЛ.23–24.

³ Обзор Дагестанской области за 1898 год. С. 93.

⁴ Собрание указаний и распоряжений правительства, издаваемое при правительствующем Сенате 3 июня 1900 г. СПб. 1900. С. 216.

⁵ ЦГА РД. Ф.2. Оп.2. Д.63. Л.3–4.

менительные для крестьянства натуральные повинности, как дорожная, подворная, квартирная и др.

Дорожная повинность представляла собой одну из самых обременительных для общества обязанностей – держать в исправности дороги и мосты. Для этой цели ежегодно выставлялось огромное число рабочих и подвод. Так, например, в 1875 году на исправлении дорог от Петровска до Гуниба и оттуда на Хунзах и Ботлих до границ Терской области работало 51260 чел.¹ из Темир-Хан-Шурина округа. Выходить на дорожную работу зачастую приходилось со своим транспортом (арбами), инвентарем, питанием и т.д.

Население несло и подводную повинность, т.е. выставляло подводы с рабочими для этапных команд проходящих войск, доставляло бесплатно дрова для штаба армии и т.д. По данным 1898 года, по одному только Темир-Хан-Шурина округу было выставлено для этой цели 1718 подвод². Более того, почти все общества кумыкских округов должны были представить по требованию военного начальства квартиры для располагаемых в селениях воинских частей.

Таким образом, рядовое крестьянство подвергалось двойной эксплуатации: со стороны местных феодалов и со стороны царской администрации. Тяжелая эксплуатация, острый недостаток скота, поливной земли, отсталая техника земледелия, высокая арендная плата и т.д. ставили крестьян в невыносимо трудные условия.

Надо сказать, что богатая прослойка крестьян была лучше обеспечена землей и сельскохозяйственным инвентарем. Общественная форма землепользования, существовавшая во многих обществах, особенно в Хасавюртовском округе, не дает возможности проанализировать ход расслоения крестьян и концентрации земли в руках зажиточной верхушки. Зато по другим средствам производства, в частности, по рабочему и продуктивному скоту, нетрудно было проследить процесс обнищания крестьянства, т.е. увеличения пролетарских и полупролетарских слоев деревни.

Например, по переписи 1886 года, в с. Тарки 53,5% хозяйств совершенно не имели рабочего скота, а если к этой цифре прибавить 26 хозяйств, имевших только по одной голове рабочего скота, то процент бедноты увеличится до 54,5. Что же касается мелкого

рогатого скота, то 7% (776 хозяйств) населения вовсе не имели его, лошадей не имели 78,2% (618 хозяйств). Таким образом, скот концентрировался в руках определенной зажиточной группы крестьян¹.

Состоятельное крестьянство, расширяя площадь своей земли и увеличивая количество скота, не могло теперь обойтись без наемной силы. Необходимым условием существования зажиточных крестьянских хозяйств, несомненно, было образование прослойки наемных рабочих.

Многие бедные крестьяне не могли фактически использовать надельную землю. Они вынуждены были либо сдавать ее в аренду более состоятельным семьям, либо уступать половину за то, что другой будет пахать, либо же вообще отказаться от надела и стать наемными рабочими.

Трудное экономическое положение вынуждало крестьян заниматься отхожим промыслом. На «отход» крестьяне обычно шли с осени, по окончании уборки урожая. Отправлялись они как в города Дагестана, так и в другие области и края: Баку, Астрахань, Ставрополь, Владикавказ, Кизляр, Грозный и другие города привлекали большое число «отходников» из Дагестана. По статистическим данным, в 1898 году по Темир-Хан-Шурина округу вместе с г. Темир-Хан-Шура на отхожие промыслы выехало 3330 чел.² и в 1913 году 5240 чел.³ Отходники работали на различных промыслах, на виноградниках, в садах и т.д. и всюду влачили жалкое существование, получая мизерную заработную плату за 12 часов труда в сутки. На рыбных промыслах Темир-Хан-Шурина округа, где работало в конце XIX века более 500 рабочих, заработная плата не превышала 4–7 руб. в месяц⁴. Нередко промышленники под разными предлогами уклонялись от выдачи и этой небольшой суммы.

Тяжелое экономическое и правовое положение, постоянно растущие налоги вызывали как жалобы на действия администрации, так и активные формы борьбы против помещичьего и царского гнета. Во многих селениях почти ежегодно повторялись отказы от исполнения повинностей, от уплаты налогов в пользу владельцев и казны. Прежде всего крестьяне отказывались выходить на барщину

¹ ЦГА РД. Ф.21. Оп.5. Д.15. ЛД.522–929.

² Обзор Дагестанской области за 1898 год. С. 81.

³ Обзор Дагестанской области за 1913 год. Темир-Хан-Шура. 1915. С. 20.

⁴ Обзор Дагестанской области за 1898 год. С. 83.

¹ ЦГИА Грузии. Ф.545. Оп.1. Д.840. Л.3–4.

² Обзор Дагестанской области за 1898 год. С. 102.

ну. Выполнение четырехдневной барщины крестьяне считали «глубоким оскорблением» их самолюбия¹. В 1883 году Бикабай-бике подала жалобу в Темир-Хан-Шуринский окружной суд на то, что жители с. Эрпели отказывались от установленной адатами повинности – доставления от каждого дыма по одной подводе дров по случаю смерти ее брата Абдул-Керим-бека². Как видно из приказа начальника Кайтаго-Табасаранского округа от 16 июня 1899 года, «раяты некоторых селений не вышли косить...сено для своих беков» и продолжали «уклоняться от исполнения лежащих на них бекских повинностей».

Наряду с коллективным сопротивлением в классовой борьбе пореформенного периода большое место занимала одиночная борьба. Единолично оказав сопротивление воле феодальной знати и царской администрации или возглавив восставших, отдельные крестьяне становились абреками и вели одиночную борьбу против насилия. В своей борьбе абреки всегда находили горячую поддержку населения.

Активная поддержка абрекам, оказываемая жителями с. Баммат-юрт Хасавюртовского округа, стала в 1899 году предметом специального обсуждения «Общего присутствия Терского правления». Ввиду того, что «общество этого аула постоянно укрывало у себя абреков и вообще оказывало всевозможные противодействия распоряжению местной администрации»³, было возбуждено ходатайство перед штабом Кавказского военного округа о расселении его жителей по разным аулам и передаче их земли русским переселенцам. По докладу военного министра указанное ходатайство было удовлетворено, и общество с. Баммат-юрт расселено по аулам Хасавюртовского и Грозненского округов.

Царское правительство жестоко подавляло народные волнения, где бы и в каких бы формах они ни проявлялись. Так, например, в с. Кака-Шура за организацию беспорядков были наказаны их «главные зачинщики». Полковник Евдокимов «...сначала арестовал 7 человек, но так как упорство в неповиновении продолжалось», то он арестовал еще 22 человека. «Наконец, – писал сам Евдокимов, – после семидневного пребывания войск наших в Кака-Шуре, жители изъявили готовность повиноваться Али-Султану и испол-

нять все те повинности, какие они отбывали ему при покойном Ахмед-хане»¹.

Однако борьба народных масс против социального и колониального гнета росла с каждым годом и особенно усилилась со времени первой русской революции 1905-1907 гг. Вооруженные столкновения между беками и зависимыми крестьянами стали принимать ожесточенный характер. Так, в 1905 г., например, вооруженные таркинцы сожгли кутаны князя Тарковского, вырубил лес и намеревались поджечь его дом, находившийся в Шамхал-Термене. Они же вырубил леса гелинских и агачаульских беков. Из лесоучастка гелинских беков они вывезли 700 арб дров².

Особенно широкий размах приняли выступления крестьян в с. Кумторкала. В 1907 г. за «допущенное сопротивление властям» в с. Кумторкала была поставлена на один месяц сотня Дагестанского полка на полном содержании жителей этого селения³. Отказалось от уплаты денежных податей своим бекам за 1905, 1906 и 1907 гг. в сумме 1026 руб. общество с. Верхнее Казанище⁴ и т.д.

Как уже отмечалось выше, в 1913 г. под напором все возрастающего антифеодального движения были прекращены зависимые отношения крестьян от беков. Однако аграрный вопрос не был решен. Хозяевами земель по-прежнему оставались помещики и царская казна. Положение крестьян еще более ухудшилось в связи со вспыхнувшей в 1914 г. империалистической войной. Снижался уровень промышленного производства, сокращалось число рабочих на фабрично-заводских предприятиях. В упадок приходило и сельское хозяйство. Только за 1914 г. в Темир-Хан-Шуринском округе поголовье овец сократилось на 34%. Вместе с тем увеличились налоги и всякие повинности, связанные с войной. Все это привело к резкому понижению жизненного уровня трудового народа, к его обнищанию.

К 1906 г. многие селения Кумыкии были охвачены крестьянским движением, направленным против империалистической войны, против царизма и помещиков. Самым крупным крестьянским восстанием этого периода, пожалуй, является аксаевское восстание в июле 1916 г. Выступление крестьян началось стихийно. Поводом

¹ Рук. фонд ИИАЭ. Д.1323. Л.40.

² ЦГИА Грузии. Ф.416. Оп.1. Д.35. Л.18–19.

³ Там же. Ф.12. Оп.3. Д. 34. Л.36.

¹ ЦГИА. Ф.ВУА. Д.6499. Л.1–2.

² Джемал-Этдин Атаев. Земельные споры таркинцев с князьями. – Рук. фонд ИИАЭ. Д.1413. Л.22.

³ Там же. Л.255.

⁴ Там же. Л.366.

послужила очередная реквизиция подвод для военных целей. Общество категорически отказалось выполнить требования администрации. Сельскому старшине и выделенным в помощь ему стражникам было приказано отобрать подводы насильно. Однако сделать это не удалось, ибо стражников «встретила большая толпа жителей, вооруженных кинжалами, вилами и палками»¹. Положение в с. Аксай становилось все более напряженным. Администрация направила в Аксай три роты пехоты и сотню казаков, которые вступили в бой с восставшим народом. Бой шел в течение двух часов. Телеграфное сообщение с Хасавюртом было прервано. Командование получило сведения о том, что «со всех окрестных селений спешат на помощь аксаевским большие толпы вооруженных конных и пеших туземцев»². Выступление аксаевцев было жестоко подавлено, имелось много убитых и раненых. Руководители восстания были арестованы вместе с семьями, всем жителям было запрещено носить оружие. До полного «успокоения» аксаевцам были оставлены рота пехоты и сотня казаков «с полным довольствием их за счет жителей»³.

Выступление крестьян с. Аксай было столь значительным, что начальник Терской области Флейшер, опасаясь его распространения, вынужден был сделать «надлежащее распоряжение» начальникам соседних округов, чтобы те «воспрепятствовали жителям окрестных селений и других округов присоединиться к бунтовщикам»⁴. В телеграмме в Тифлис он называет жителей Аксая «дерзкими инициаторами вооруженного сопротивления властям и беспорядков, грозивших нарушить спокойствие и безопасность в области», и отмечает, что их наказание явится средством «предупреждения подобных преступных выступлений в будущем»⁵.

Так обстояли дела в Дагестане, в Кумыкии в частности, накануне утверждения здесь Советской власти.

¹ Рук. фонд ИИАЭ. Д.1409. Л.4.

² Там же. Л.8.

³ Там же. Л.4.

⁴ Там же. Л.1.

⁵ Там же. Л.2.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
ВВЕДЕНИЕ	7
Краткий обзор источников и литературы	11
<i>Глава I. ПРОБЛЕМЫ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ПРИКАСПИЙСКОГО ДАГЕСТАНА С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН ДО XV В.</i>	37
1. Первые государственные образования в Прикаспийском Дагестане ..	39
2. Кумыкская равнина в XI–XV вв.	53
3. Вопросы этногенеза кумыкского народа	63
<i>Глава II. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ СТРОЙ КУМЫКОВ В XVI–XVIII ВВ.</i>	77
<i>Глава III. ЭКОНОМИКА КУМЫКОВ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.</i>	100
1. Сельское хозяйство и промыслы	100
§ 1. Земледелие	100
§ 2. Животноводство	115
§ 3. Рыболовство	117
2. Ремесленное производство	118
§ 1. Добыча соли и нефти	118
§ 2. Домашние промыслы и ремесла	120
§ 3. Изготовление сукна и хлопчатобумажных тканей, обработка кожи	121
§ 4. Ковроткачество	127
§ 5. Деревообработка	131
§ 6. Обработка металлов. Оружейное производство	136
§ 7. Керамическое ремесло и обработка камня	140
3. Торговля	143
4. Земледельческий календарь	151
<i>Глава IV. СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ УСТРОЙСТВО В I ПОЛ. XIX В.</i>	172
1. Классовая структура	172
2. Земельно-правовые отношения	212
3. Подати и повинности	222
4. Административно-политическое устройство	239

5. Внешнеполитическое положение Дагестана в XVIII в. Походы Надиршаха в Дагестан. Развитие русско-дагестанских отношений и присоединение Дагестана к России	263
Глава V. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.	296
1. Социальные реформы	296
§ 1. Упразднение ханской власти и организация новой формы управления	296
§ 2. Сельское управление	303
§ 3. Крестьянская реформа 1865-1867 гг.	306
§ 4. Освобождение рабов и чагаров	314
2. Развитие экономики в пореформенный период	326
§ 1. Изменения в хозяйственной деятельности населения	326
§ 2. Положение трудового крестьянства в пореформенный период. Подати и повинности. Обострение социальных противоречий	352

Сакинат Шихамедовна Гаджиева

**КУМЬКИ:
историческое прошлое,
культура, быт**

Книга первая

Редактор *Н. Раимова*
Художник *А. Малаев*
Художественный редактор *М. Левченко*
Корректор *В. Полюля*
Технический редактор *В. Гаджиева*

ЛР 0004 от 10.04.98 г.

Сдано в набор 06.02.2000. Подписано в печать 21.08.2000.
Формат 60x90 1/16. Бумага офсетная. Гарнитура «Times». Печать офсетная.
Усл. печ. л. 24,25 + вкл. 1,25. Уч.-изд. л. 23,0. Тираж 500. Заказ 18. Цена свободная.

ГУП «Дагестанское книжное издательство» Министерства по национальной политике, информации и внешним связям РД
367025, Махачкала, ул. Пушкина, 6

Типография Дагестанского научного центра РАН
367015, Махачкала, 5-й жилгородок, корпус 10